Мун Чжэин

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СУДЬБА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга 12-го президента Южной Кореи Мун Чжэина – это не только автобиография, но и взгляд на мир большой политики глазами непосредственного участника. Она открывает малоизвестные страницы истории корейского правительства. В значительной степени эта книга – дань памяти бывшему президенту Но Мухёну, товарищеские отношения с которым во многом определили судьбу самого автора. В ней рассказана история тридцатилетней дружбы и жизни двух президентов, история политической борьбы и стремления к созданию справедливого общества; показано изнутри южнокорейское общество в целом. Книга может быть интересна политологам, специалистам по международным отношениям, а также всем, кто интересуется Южной Кореей. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

- Мун Чжэин
  -
  - Я хочу стать речной водой и встретиться снова
  - Встреча
    - Утро того дня
    - Первая встреча
    - Коллеги
    - Как старший товарищ. Как друг
    - По пути адвоката в области защиты прав человека
    - Товарищи
    - Энтузиазм и принципы
    - Июнь 1987 года. Противостоять
    - Великая борьба рабочих и арест адвоката Но Мухёна
    - Выдвигаем адвоката Но Мухёна в национальное собрание
    - Остаюсь один
    - Инцидент в университете Тоный и катастрофа в Ёнсане
    - Дело фальшивого шпиона
    - Борьба с регионализмом
    - Воодушевление 2002 года
  - Жизнь
    - Отец и мать
    - Бедность

- Трудный подросток
- Университет и сопротивление
- Арест и мама
- Встреча с будущей женой
- Жизнь под арестом в следственном изоляторе
- Принудительный призыв на военную службу
- Воздушно-десантные войска
- Подготовка к государственному экзамену
- Снова арест
- О том, что я сдал государственный экзамен по юриспруденции, я узнал, находясь в камере предварительного заключения
- По пути адвоката

○ Одной дорогой
- Одной дорогой в Голубой дом
- Формирование «Правительства участия». Закулисные переговоры
- Жизнь в Сеуле, работа в Голубом доме
- Аудит транша в КНДР
- Реформирование прокуратуры
- Реформа Национальной разведывательной службы
- Реформа контрольно-надзорных органов
- Управление социальными конфликтами
- Трудовые споры
- Позиция по отношению к США
- Мучительное решение: отправка войск в Ирак
- Боль
- Президент, вопрос о повторном доверии
- «Я свободен!»
- Гималаи
- Импичмент, о котором мы узнали в Катманду
- Поверенный в деле об импичменте
- Старший секретарь по вопросам гражданского общества
- «Большая коалиция». Страдания президента
- Введение в силу права на управление расследованием
- Предпосылка к судебной реформе
- Разбор событий прошлого
- Управление по расследованию инцидентов злоупотребления должностными полномочиями со стороны высокопоставленных чиновников и Закон о национальной безопасности

        - Увольнение по собственному желанию
        - Последний глава администрации президента
        - Соглашение о свободной торговле между Республикой Корея и США
        - Межкорейский саммит
        - Пересекая желтую линию
        - Что называется политикой?
        - Проблема импорта американской говядины
        - В тот год, зимой
        - Отставка
        - День, в который я покинул Голубой дом
        - Деревенская жизнь
        - Земледелец Но Мухён
        - Сумрак политического отмщения
        - Начало трагедии
        - День позора
    - Судьба
        - Мун Чжэин, распорядитель на похоронах
        - Отправляя в последний путь
        - Море слез
        - Маленькое надгробие, большая душа
        - Мемориальные мостовые плиты, на которых высечены чувства народа
        - Место, которое он покинул
        - Возвращение к работе адвокатом
        - Оглядываясь на пройденный путь
        - Это судьба
        - Об авторе
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15

- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22

Мун Чжэин
Судьба

Санкт-Петербургский государственный университет

문
재
인
의
운
명

Научные редакторы перевода
И. В. Цой, Г. П. Новоселов

문재인의운명
문재인
Издание на русском языке осуществлено с разрешения Bookpal, Inc., Сеул.

© Мун Чжэин, 2011
© Bookpal, Inc., Сеул, первое издание, 2011
© Санкт-Петербургский государственный университет, издание на русском языке, 2021

Я хочу стать речной водой и встретиться снова

Время подобно стреле. С того момента, как мы простились с бывшим президентом Республики Корея Но Мухёном, незаметно прошло два года. И каждый человек прочувствовал это событие по-своему.

Для одних «день, когда мы проводили его в последний путь» по-прежнему остается потрясением и отзывается печалью, для других – имя Но Мухён вызывает горе и боль. А для кого-то это воспоминания о «временах, проведенных вместе» и тоска по ним.

И какими бы ни были эти чувства, нам ничего не остается, кроме как принять их. И теперь мы должны думать об ответственности перед живыми потомками. Теперь мы должны беспокоиться о том «домашнем задании», которое он оставил нам. Теперь мы должны готовить новую эпоху, которая наступит после завершения эпохи Но Мухёна.

Мы не можем постоянно ограничиваться только прошлым. Бережно храня в глубине души все воспоминания и все чувства – и потрясение, и печаль, и негодование, и горесть, и сострадание, – мы должны начать хладнокровно делать то, что должны.

Это и есть способ избавления Но Мухёна от «груза эпохи». С радостью взять на себя его ношу – это и есть самое прекрасное прощание с ним.

Перед двухлетней годовщиной со дня смерти Но Мухёна мне посоветовали написать книгу. Советы имели вескую причину. Но Мухён не оставил после себя автобиографии или мемуаров. Так как это официальный письменный документ, то он должен быть честным и откровенным, а я не был до конца уверен, что смогу написать все честно. Кроме того, мне говорили, что осилить такой труд в одиночку невозможно. И тогда я пригласил его бывших коллег поучаствовать в создании коллективного труда. Я пригласил их присоединиться к совместному написанию мемуаров. Я попросил их записать события той эпохи, которую мы создали вместе и каждый из нас по отдельности. И они согласились помочь.

Но прежде чем мы успели что-либо сделать, внезапно нам суждено было расстаться: и тому, кто просил о помощи, и тем, кто согласился ее оказать. Несмотря на это, было очевидно, что нам надо выполнить самое важное «домашнее задание» – записать события той эпохи, которую мы создавали вместе. А так как я

провел много времени вместе с президентом Но Мухёном и сейчас мне выпала честь быть председателем правления его фонда, все говорили, что именно я должен начать этот труд.

Но я не решался. До того момента я смотрел только в будущее, поэтому не привык добросовестно записывать события прошлого. Когда тебе выпало пережить так много значимых и порой невыносимых событий, то воспоминания остаются живыми, даже если ты не заглядываешь в официальные документы.

Было очень много моментов, по поводу которых я колебался. Так же, как порой и президент Но Мухён был полон сомнений, я не был уверен, что все же смогу быть честным на сто процентов. Для многих, кто жил в тот период, все выглядело так, будто, не приведи господь, я приносил ему много хлопот или имел основания стать тем, кем стал.

Несмотря на это, решение написать книгу было принято окончательно по одной важной причине. Власть имеет конец. Народ ищет надежду. И не желает повторения эпохи отчаяния. Если президент Ли Мёнбак и его администрация станут для нас плохим уроком истории, то, подумал я, важно сохранить различные доказательства того, что президент Но Мухён и «Правительство участия» могут стать хорошим уроком истории.

Важнейший долг тех, кто жил в одно время с президентом Но Мухёном, тех, кто вместе с ним создавал «Правительство участия», – засвидетельствовать все то, что они видели своими глазами, что испытали и что сделали. Записать и передать потомкам то, что станет для них уроком и ценным историческим материалом.

Настало время, когда мы должны завершить эпоху президента Но Мухёна. Настало время, когда мы должны перелистнуть страницу «Правительства участия». Мы должны оставить в прошлом и моменты успеха, и периоды упадка. По этой причине я и взялся за перо.

Пока я готовил материалы для книги, я вдруг осознал, как долго мы шли с ним по одному пути. Среди всех, кого я встречал в своей жизни, он был самым добрым и самым энергичным человеком. И у него, и у меня было трудное детство. Мы старались смотреть на мир доброжелательно и призывали людей, которые нас окружали, становиться добрыми. Мы хотели вместе изменить этот мир и прилагали все силы, чтобы дать новые надежды.

С таким пылким желанием он создал «Правительство участия». Многого удалось достичь, но и многого не удалось. И хотя он говорил, что работал усердно, чувство досады, что не все из задуманного было исполнено, не покидало его. Были и

моменты сожаления. Были и те, кто отдалился из-за разницы во мнениях. Скорее всего, отдалились и некоторые старые друзья из круга реформаторов и прогрессистов. Мы не исключение. В лагере реформаторов и прогрессистов тоже остались раны и досады. Однако кончина президента Но Мухёна дала нам прекрасную новую возможность. Мы должны объединиться для того, чтобы подготовить новую эпоху. Только достигнув единства во взглядах, мы сможем объединить и наши силы.

Кроме того, было бы здорово, если бы президент Но Мухён и его «Правительство участия» не стали объектами пристрастных пересудов. Он покинул нас, а «Правительство участия» осталось в прошлом. И он, и оно теперь уже история. Хорошо бы взлеты и падения сами по себе стали уроком. Хорошо бы все положительное и все отрицательное получало справедливую оценку и оставалось в прошлом. Я уверен, что он тоже этого желал.

Президент Но Мухён и я встретились в устье небольшой, но бурной и опасной реки и проделали долгий путь по ней. Нас выбрасывало на мель. Но мы всегда держались вместе. А теперь физически мы разделены. Но я уверен, что в будущем мы встретимся с ним в общем потоке идей и ценностей и поплывем вместе по этому течению. Закономерно, что потоки воды встречаются в стремлении соединиться с морем. Или же, возможно, закономерность в том, что, только объединив потоки, вода достигает моря. Как бы там ни было, в любом случае это хорошо.

Я не знаю, какова природа моего такого бурлящего состояния, но, вероятно, именно отрывок из стихотворения моего любимого поэта То Чжонхвана отражает его.

> Вода, что достигает дали,
> Вода речная поначалу всегда душою чистой,
> Движеньем легким к горным устремляется долинам.
> Но тот поток, что в мир людей идет,
> Средь мира протекая,
> Невольно воду там стоячую встречает,
> И загрязненную встречает воду,
> И ту, что вся насквозь прогнила.
> Как многие потоки, встретив эти воды мира,
> Свой путь уже не продолжают!
> Как много вод сбиваются с дороги,
> Там оставляя тело, душу там теряя!
> Но ты смотри на воду ту, что облик изначальный возвращает.

На воду, что с собой уносит даже мутное и очищает,
Смотри. И разве, все прозрачней становясь,
Не продолжают течь те воды, дали достигая?
Ведь есть такие воды, что, по пути сливаясь с грязью,
Природу изменять свою не стали
И достигают дали,
Свое лицо и душу сохраняя[1].

Как было бы хорошо, если бы все люди на земле были бы такими же. Как было бы хорошо, если бы в конце концов я сделался речной водой и мы бы встретились вновь, достигли бы русла великой реки под названием История и продолжили бы путь вместе в одном потоке. Даже если река встречает препятствие или изгибается, в итоге она все равно течет по направлению к морю. Все мы знаем пословицу: «Одна волна сменяет другую и бежит дальше», – не правда ли? Так и забвенные воды «Правительства участия» Но Мухёна должны смениться новой волной бурной реки. Бесконечный поток Истории и есть логика бытия. Если эти непричесанные записи смогут стать хоть немного полезными, то я не могу желать большего.

Вплоть до момента выхода книги в свет многие не жалели своих трудов. Сначала мне все это было не по душе, но столько людей советовало написать мне книгу, что в итоге они убедили меня. Мне передался их оптимистичный настрой. Особую благодарность я выражаю бывшему секретарю Ян Чончхолю, которому пришлось изрядно потрудиться, чтобы собрать все протоколы и свидетельства и превратить их в материалы для настоящей книги. Если бы он не проделал всю эту кропотливую работу, то, скорее всего, у меня бы так и не возникло стойкого намерения написать книгу. Также я искренне ценю помощь тех, кто всей душой поддерживал меня, читал мои рукописи и высказывал свое мнение. Я надеюсь, что труды всех этих людей были не напрасными.

Я хотел, чтобы эта книга вышла в свет к двухлетней годовщине со дня смерти президента Но Мухёна, чтобы я смог представить ее перед могилой президента, но это оказалось невыполнимой задачей. Я усердно работал над материалами, но не уверен, что все события в книге достаточно освещены и исторически достоверны. И тем не менее я желаю, чтобы настоящая книга стала отправной точкой в деле написания коллективных мемуаров, которое он так хотел завершить. Я надеюсь, что постепенно будут появляться записи и

воспоминания тех людей, которые были вместе с президентом Но Мухёном.

Июнь 2011 г.
Мун Чжэин

Встреча

Утро того дня

Раздался телефонный звонок. Утренний сон как рукой сняло. «Кто бы это мог быть? В такое-то время…» Почему-то от этого неурочного звонка у меня возникло чувство тревоги.

– Господин Мун, это Кёнсу.

– Да, я узнал. Что случилось?

– Вы должны срочно приехать. Господин президент вышел на прогулку в горы и упал. Кажется, он сорвался со скалы Пуони[2]. Мы пока не знаем причину произошедшего. Сейчас охрана везет его в больницу, сказали, что состояние тяжелое.

– Тяжелое, сказали? Критическое?

– Мы не знаем точно. Так сказал телохранитель. Наверное, мы сможем узнать более подробную информацию, только когда они приедут в больницу.

Когда я услышал, что звонит секретарь Ким Кёнсу, который сейчас находится в деревне Понха, то подсознательно я понял, что дело касается президента. Не могу поверить, что он сорвался со скалы.

– Президент вышел на прогулку утром? Он в последнее время ходил на прогулки?

– Нет. После того как началось расследование, он даже на улицу не выходил. В этот раз он вышел впервые за долгое время.

Да, я тоже это знал. После начала расследования он не покидал стен своего дома, никуда не выходил. Он очень переживал из-за журналистов, которые его повсюду преследовали. Не могу поверить, что он отправился на прогулку на гору Понхвасан, что он упал со скалы Пуони, что вдобавок ко всему он в критическом состоянии…

Я пытался отгонять от себя дурные мысли.

Ким Кёнсу сказал, что перезвонит, после того как уточнит, можно ли перевезти президента из городской больницы «Сеён», в которой он сейчас находится, и положил трубку. Я собирался в спешке, но звонка все не было. На этот раз я решил сам позвонить Ким Кёнсу. Тот сказал, что тоже пока не получил никакой новой информации. Он добавил, что поедет следом за секретарем Мун Ёнуком и попросит его сразу же связаться с нами, если у него получится что-то узнать.

Ожидание казалось бесконечным. Я сильно нервничал. Я не мог осознать, сколько времени уже прошло.

Наконец секретарь Мун Ёнук позвонил:

– Состояние критическое. Кажется, все очень серьезно. В больнице «Сеён» сказали, что могут не справиться. Сказали, что

хорошо бы перевезти его в более крупное медицинское учреждение, и теперь они едут в больницу «Янсан» Пусанского университета. Вы тоже поезжайте туда. Да, и еще: как сказал телохранитель, кажется, все же президент намеренно спрыгнул со скалы Пуони. Ким Кёнсу и Пак Ынха сказали, что нашли в его компьютере завещание.

В моей голове вертелась только одна мысль: «Не могу поверить, что он сбросился со скалы. Как же так.» Вряд ли, конечно, он это сделал, но я не мог отделаться от дурных мыслей.

Я в спешке покинул дом, оставив там обеспокоенную и растерянную жену. Дрожащими руками я сжимал руль и гнал машину, с трудом глотая воздух.

23 мая 2009 года наступил «тот самый день» – самый трагический и мучительный в моей жизни.

Я ни разу не был в больнице Пусанского университета. Кроме того, я был сильно подавлен, поэтому еле отыскал дорогу по указателям. Я даже не могу вспомнить, как добирался до места. Наконец я прибыл в больницу. Лицо секретаря Мун Ёнука, который вышел мне навстречу, было исполнено трагизма. Как будто его покинула душа.

Президент находился в палате со строгим контролем посещения. Но я должен был собственными глазами увидеть, насколько серьезно обстояло дело. Я зашел в палату и сразу зажмурился. Зрелище было настолько ужасным, что даже сложно описать.

Он был подключен к аппарату искусственного кровообращения. Я взглянул на приборы и увидел кардиограмму, которая показывала, что его сердце еще бьется. Промелькнула мысль: «Надежда еще есть». Но это было не так.

Медсестры открыли мне правду. Они сказали, что сигналы улавливаются, так как его жизнь поддерживается искусственно. Они сказали, что если убрать аппарат, то сердцебиение сразу прекратится. Они увидели в моих глазах закравшуюся надежду «а вдруг…», и тогда пришел врач и объяснил мне еще более ясно. Он сказал, что, когда президент прибыл в больницу, он с медицинской точки зрения уже был мертв. Такую же оценку дали и в больнице «Сеён», куда он был изначально доставлен. Врач добавил, что, судя по состоянию президента, он скончался непосредственно на месте происшествия. Он сказал, что аппарат искусственного кровообращения нужен, чтобы члены семьи могли убедиться: было сделано все возможное. И добавил, что, таким образом, окончательное решение остается за членами семьи. Земля ушла у меня из-под ног.

Мун Ёнук пересказал суть услышанного телохранителю.

Через некоторое время Ким Кёнсу принес завещание, напечатанное президентом на компьютере. И стало очевидно, что это не было случайностью, этот поступок был осознанным выбором президента. Я не мог вымолвить ни слова, в глазах помутнело.

Заговорил врач:

– Кода приедет супруга президента, мы будем вынуждены сказать ей, что его состояние безнадежно, и отключить аппарат искусственного кровообращения после ее согласия. Нам будет очень непросто это сделать, поэтому, господин Мун, пожалуйста, попробуйте первым поговорить с ней.

Эти слова привели меня в чувство. «Да, конечно. Нельзя, чтобы произошедшее шокировало ее так же, как меня. Я должен подумать, как поступить. Я должен принять решение, после того как оценю ситуацию и пойму, что необходимо сделать в первую очередь. Надо сохранять самообладание. Быть хладнокровным».

На тот момент я размышлял именно так и поначалу сильно заволновался: как же мы покажем президента его супруге, которая вот-вот приедет? Я поделился своими переживаниями с врачами. Они поняли, что я имею в виду, и пошли мне навстречу. Врачам удалось на некоторое время задержать приехавшую вскоре супругу президента, пока медсестры принимали оперативные меры: они зашили все раны и смыли кровь.

Врачи встретили супругу президента, которой, видно, все движения давались с большим трудом, у входа в больницу, и она вошла в палату, опираясь на руки санитаров. Его вид был настолько аккуратным, что казался неправдоподобным. На лице практически не было ран, а его выражение было почти благостным. Супруга президента, увидев эту картину, лишилась чувств. Безусловно, она не могла принять случившееся – увидеть своего супруга, с которым была вместе всего каких-то пару часов назад, в таком состоянии…

Еще более мучительным было сказать ей о реальном положении вещей. Она торопилась в больницу, зная только, что «президент сорвался со скалы и его состояние очень тяжелое». Она слышала, что в больнице «Сеён» врачи оказались бессильны, поэтому президента перевезли в больницу Пусанского университета, и могла лишь только предполагать, насколько плохо обстоят дела. Секретарям не хватило духу рассказать ей, как все на самом деле ужасно.

Я сказал ей правду. Я сказал, что он сам сбросился со скалы Пуони. Она не поверила. Я показал завещание. И супруга президента совсем побледнела.

Но затем я должен был сказать еще более тяжелые слова:

– Его жизнеспособность поддерживается только благодаря аппарату искусственного кровообращения, с медицинской точки зрения он уже умер. Врачи говорят, что надежд нет. Придется отказаться от искусственного жизнеобеспечения. Госпожа Квон, вы должны решиться. Давайте позволим ему покинуть нас…

Врачи подтвердили мои слова.

Видя горький плач супруги президента, я тоже с трудом сдерживался. Это был мучительный день. Супруга президента, очнувшись после повторной потери сознания и постаравшись взять себя в руки, согласилась. Аппарат искусственного кровообращения отключили.

Это было 23 мая 2009 года, в 9.30 утра. Мы простились с президентом.

Необходимо было сообщить гражданам о произошедшем. Посовещавшись с врачами, мы приняли решение, что я сделаю заявление о смерти президента и о ее причинах. Затем врачи представят медицинское заключение. Подготовив небольшой текст речи, я вышел к журналистам. И хотя вокруг засверкали десятки вспышек и стало ярко, как при взрыве, я ничего не чувствовал. Несмотря на шум журналистов, до отказа заполнивших зал пресс-конференции, я вдруг почувствовал страшную тишину. Будто все вокруг было неподвижной картиной.

Необходимо было сообщить гражданам о произошедшем.

Посовещавшись с врачами, мы приняли решение, что я сделаю заявление о смерти президента и о ее причинах.

– Сегодня произошло шокирующее и очень печальное событие. В 9.30 утра бывший президент Республики Корея Но Мухён скончался здесь, в больнице Пусанского университета. Все указывает на то, что сегодня, примерно в 5.45 утра, президент вышел из своей резиденции и отправился в горы Понхвасан, а примерно в 6.40 утра спрыгнул с одной из скал. В это время на службе находился один телохранитель. Сразу после того, как президента удалось обнаружить, в критическом состоянии он был отправлен в ближайшую больницу, а после перевезен в больницу Пусанского университета, однако некоторое время назад, в 9.30 утра, президент скончался. Он оставил короткое завещание для своей семьи.

Мое сообщение об этом страшном происшествии не заняло, наверное, и минуты. Но мне больше нечего было добавить. У журналистов тоже не возникло вопросов.

Необходимо было сконцентрироваться на насущных делах. «Где будет проходить церемония прощания с президентом? Необходимо ли здесь подготовить временный морг? Или же Вы считаете, что надо сразу переехать в Понха на прощание?» Я отдал распоряжение о скорейшей подготовке места прощания в Понха.

В больнице было настоящее столпотворение. Все знакомые лица, залитые слезами, были там. Сколько им еще понадобится времени, чтобы, как и ко мне, к ним пришло осознание, что он покинул нас навсегда? А еще нахлынули политики: и из правящей, и из оппозиционных партий. Приехал и глава администрации президента Ли Мёнбака, а ведь он даже не поздравлял Но Мухёна с инаугурацией. Наряду с приходом тех, кто искренне соболезновал, кого хотелось прижать к груди и плакать вместе с ними, были и формальные визиты.

Тем не менее мне хотелось побыть одному хотя бы несколько минут. Кто-то принес мне кружку чая. Я растерянно глядел на нее, и вдруг в памяти у меня всплыла наша первая встреча с Но Мухёном. В тот день, когда он поставил передо мной чашку чая и начал разговор, мы были так ослепительно молоды.

Первая встреча

Август 1982 года. По завершении обучения в Юридическом учебном центре* при Верховном суде Республики Корея я хотел стать судьей. Так как мои оценки были очень хорошими – только один студент на курсе учился лучше меня, – на выпускной церемонии я получил награду от министра юстиции. Успешно сдавших экзамен на госслужащего было немного, и после окончания практики в Учебном центре все могли устроиться судьями или прокурорами.

Поэтому я был абсолютно уверен, что смогу поступить на службу в качестве судьи. Но дело в том, что я попал в список арестованных как руководитель студенческой демонстрации. Эта демонстрация проводилась против режима Юсин*, когда несовершенства и значительные недостатки новой системы, изменившей ход истории, уже были очевидны. Я считал, что причин, по которым участники могли быть осуждены, не было. И, конечно, я даже не предполагал, что это может стать основанием для моей дисквалификации и что я не смогу устроиться на работу.

Тем не менее в последний момент я узнал, что мое трудоустройство в качестве судьи невозможно. И даже сейчас сцена собеседования на должность судьи свежа в памяти. Порядок предполагал, что претенденты на должность судьи проходят собеседования с заместителем главы управления Верховного суда*. Большинство проходило его за одну-две минуты – в целом это была формальность. И только у меня собеседование длилось полчаса. Не то чтобы ко мне было много вопросов… По правде говоря, их всего было два: «Почему Вы принимали участие в демонстрации?» и «Когда это было?». Мой собеседник понимал, о чем идет речь.

Тем временем на дворе был 1982 год. А с 1975 года, когда я был арестован за участие в демонстрации, прошло всего лишь семь лет. Если быть честным, то после моих слов о том, что я принимал участие в демонстрации против режима Юсин в апреле 1975 года, никаких дополнительных объяснений не требовалось. Однако, призывая меня к ответу, заместитель начальника задал встречный вопрос: «Тогда было объявлено чрезвычайное положение*?» Я сказал, что гарнизонный декрет был введен за несколько лет до этого, в 1971 году. И тогда он спросил меня: «Это было время создания Конституции Юсин?» И мне пришлось рассказать по порядку о событиях 1970-х годов, в том числе о провозглашении Юсин, принятии Конституции Юсин и введении

чрезвычайных мер*. В судебных кругах мой интервьюер был широко известен добросовестным вынесением приговоров, впоследствии он даже стал членом Верховного суда. Я не мог поверить, что человек, который занимает высокий пост в суде, не знает совсем недавней истории своей страны, когда люди страдали и пытались сопротивляться, и по этой причине были арестованы и осуждены за государственные преступления. Я увидел, насколько судьи оторваны от реальности. Это было очень печально. В итоге на работу меня не взяли.

Стоит сказать, что, когда я был студентом и учился в академии, глава управления Верховного суда преподавал нам Гражданский процессуальный кодекс. Во время следствия он сказал, что понимает меня, и даже посоветовал мне сначала устроиться прокурором. Дело в том, что после двух-трех лет работы прокурором с меня были бы сняты ограничения по трудоустройству и я мог бы перевестись и стать судьей. Но я не хотел так делать.

От безысходности мне ничего не оставалось, кроме как сменить направление и начать работать в частной адвокатской конторе. В то время почти все студенты Учебного центра устраивались работать судьями или прокурорами, случаи, когда выпускники начинали частную адвокатскую практику, были единичными. И здесь мне помог эффект сарафанного радио: многие стали узнавать обо мне благодаря моим высоким оценкам в Учебном центре. В то время юридических фирм было немного, и мне поступали предложения от разных адвокатских контор, в том числе и от «Ким и Чан». Я несколько раз натыкался на это объявление и в конце концов решил послушать, что же они предлагают. Условия были хорошими. Зарплата была очень высокой. Кроме того, в конторе мне сказали, что даже предоставят в пользование личный автомобиль. Еще они пообещали, что после трех лет работы отправят меня на стажировку в американскую юридическую академию. Однако стиль этой конторы очень разнился с моими представлениями о том, что значит быть адвокатом. И не только потому, что в университетские годы я участвовал в студенческом движении. Образ юриста, который я нарисовал в своем воображении, представлял собой того, кто, даже не будучи адвокатом в области защиты прав человека, приносит пользу и помогает простым людям, столкнувшимся с несправедливостью и преодолевающим трудности. Казалось, что то, что мне обрисовали, было совсем из другой области. Я думаю, что если бы принял тогда предложение рекрутера упомянутой адвокатской конторы, то моя жизнь сложилась бы совсем иначе. Я был бы юристом в области

международного права или корпоративным юристом. Внешне все выглядело первоклассным, но мне тем не менее не нравилось.

И я решил идти путем обычного адвоката. И как я уже сказал, переезд в Пусан казался мне хорошей идеей, потому что я заодно смог бы ухаживать за мамой. В целом особых колебаний у меня не возникло, минутное сомнение было вызвано чувством неловкости перед женой. Супруга, которая окончила музыкальный факультет, в то время стала петь в Сеульском городском хоре и вела активную светскую жизнь с коллегами в Сеуле. Моя супруга, которая в студенческие годы навещала меня в тюрьме и ждала моего освобождения, не относится к женщинам, которые мечтают о богатстве. Она была безмерно благодарна уже за то, что я сдал юридический экзамен. Однако я испытывал вину перед столичной девушкой, которая занимается любимым делом в Сеуле, за то, что решил перевезти ее в Пусан. Но она меня всецело поддержала.

Результатом этого решения стала встреча с адвокатом Но Мухёном. Свел нас Пак Чонгю, с которым мы в одно время сдавали юридический экзамен и который станет потом старшим секретарем президента по гражданским делам. Сам факт нашей встречи был удивительным.

Пак Чонгю поздно сдал юридический экзамен. Он был старше всех моих однокурсников. Поэтому фактически все сложилось так, как он и наметил заранее: пойти по пути адвоката, после того как закончит практику в Учебном центре. Он знал адвоката Но с тех пор, когда они вместе учились и в буддийском монастыре Чанюам в городе Кимхэ готовились к сдаче юридического экзамена. Поначалу он намеревался принять предложение совместной работы от адвоката Но Мухёна, который после успешной сдачи государственного экзамена уже прошел государственную службу в качестве судьи, а потом начал частную адвокатскую практику в Пусане. Адвокат Но даже решил отдать Пак Чонгю, который должен был присоединиться к нему по окончании обучения, свой кабинет и стол в офисе.

В то время адвокаты обычно управляли конторами в одиночку, так как тогда существовало множество стереотипов о том, что юристы не могут вести общее дело. Было всего несколько коллективных юридических фирм в Сеуле и некоторых других городах, в провинции же все работали сами на себя по принципу «сам себе начальник». Но адвокат Но был человеком с уникальным передовым мышлением. Он считал, что юристы, работая сообща, должны подходить к юридической практике с точки зрения специализации и разделения труда.

В 1978 году адвокат Но, у которого за плечами была работа

судьей, начал частную юридическую практику. Некоторое время он проработал один, а с 1979 года и до конца 1980, то есть почти два года, он имел опыт совместного ведения юридической фирмы совместно с двумя другими адвокатами. Это была «Совместная юридическая фирма Кая» – пожалуй, первая коллективная адвокатская контора в Пусане. Однако все пошло не так, как было задумано.

Причиной было отсутствие у обычных людей понимания, что такое специализация и разделение труда юристов. Изначально в конторе планировалось консультировать клиентов и оказывать им услуги в соответствии со специализацией адвокатов, но клиентам это совсем не нравилось. Они хотели доверить свое дело знакомому юристу, вне зависимости от его специализации. Стремления адвоката Но были высокими, но оказалось, что они не соответствуют сложившимся реалиям. Тем не менее он хотел еще раз попробовать открыть уже свою частную адвокатскую контору с практикой разделения труда на основе специализации, несмотря на предыдущую неудачу. На этот раз вместе с Пак Чонгю.

Но внезапно возникла проблема: Пак Чонгю, который должен был приехать, устроился работать прокурором. Планы адвоката Но разрушились на первом этапе. И Пак Чонгю, чувствуя вину перед Но Мухёном, посоветовал вместо себя мою кандидатуру, а я в тот момент как раз решил стать адвокатом. И я поехал повидать адвоката Но. До того момента я никогда с ним не пересекался и ничего о нем не знал. Это действительно была наша первая встреча.

Комментарии

* Юридический учебный центр (the Judicial Research and Training Institute). 사법연수원. Образовательно-практическое учреждение, относящееся к Верховному суду. Желающие стать прокурорами, судьями или адвокатами должны пройти обучение в Центре и успешно сдать юридический экзамен. Продолжительность обучения – два года.

* Юсин. 유신 （維新）. Чрезвычайные конституционные меры, принятые 17 октября 1972 года президентом Пак Чонхи в целях обеспечения своего долгосрочного нахождения у власти. Фундаментальные действия, которые заморозили все существующие институты демократии и установили длительный режим диктатуры под названием «корейская демократия».

* Управление Верховного суда. 법원행정처. Учреждение,

ответственное за ведение дел суда, связанных с бюджетом, бухгалтерией, оборудованием, и состоящее из работников суда. В нем есть начальник администрации, находящийся в подчинении председателя Верховного суда, и заместитель начальника администрации.

* Чрезвычайное положение. 위수령 (衛戍令). Чрезвычайная мера, на правленная на поддержание общественного порядка, а также защиту и обеспечение общественного спокойствия путем размещения в определенном регионе военных сил. Когда во время режима диктатуры Пак Чонхи во всех университетах участились антиправительственные демонстрации, в соответствующих регионах начал действовать гарнизонный декрет. Следующая ступень после гарнизонного декрета – приказ о введении военного положения. В соответствии с этим приказом все властные полномочия переходят к военному руководству.

* Чрезвычайные меры. 긴급조치. Особые меры, которые согласно Конституции Юсин могли быть приняты в соответствии с полномочиями президента. Президент Пак Чонхи был уполномочен временно ограничивать права и свободы граждан, прописанные в Конституции, посредством введения этих мер. В основном они использовались для подавления требований демократизации и репрессирования студентов и оппозиционных политических деятелей. Пак Чонхи обнародовал чрезвычайные меры в общей сложности девять раз. Были отменены в 1980 году с пересмотром Конституции.

Коллеги

Офис адвоката Но находился в квартале Пумин-дон, в котором раньше располагалась судебная прокуратура. Он находился в очень скромном, и даже можно сказать, ветхом здании. Контора располагалась ближе к заднему входу в здание, но зато внутри помещение было очень просторным. Именно там я и встретил адвоката Но впервые. Я даже представить не мог, что эта встреча будет судьбоносной и пройдет красной нитью через всю мою судьбу. Но Мухён, которого я, как уже сказал, увидел впервые, был очень молод. Он открыл свое дело в 1978 году, и до того момента, как я начал частную практику, он был самым молодым адвокатом в Пусане и раньше всех сдал экзамен на должность госслужащего. Это было впечатляюще. Ни с чем не сравнимое чувство.

Конечно, к тому моменту мне еще не удалось повидать много юристов. Но Мухён сильно отличался от всех, кого я встречал с тех пор, как начал обучение в Юридическом центре: от всех профессоров Центра (судей и прокуроров), от всех старших товарищей, с которыми я познакомился на наших профессиональных встречах однокурсников и школьных товарищей, от всех юристов, с которыми я работал во время прохождения практики* в качестве судьи, прокурора и адвоката. Дело было в том, что в те годы все через некоторое время после начала работы судьями или прокурорами начинали свою юридическую практику, и многие преподносили себя с апломбом, хоть и были просто частными юристами. По правде говоря, они просто сильно важничали. Но адвокат Но Мухён то ли из-за того, что недолго проработал судьей, то ли из-за того, что у него в целом был такой характер, имел совершенно иные моральные устои и дисциплинарные нормы. Он был очень простым, искренним и даже «своим».

С этой точки зрения я сразу же почувствовал в нем родственную душу. У меня возникло чувство, что этот человек принадлежит к моему миру.

Мне вспоминается, как мы сидели за чашкой чая и очень долго беседовали. Беседовали о том, что в университетские годы меня отчислили и приговорили к заключению за то, что я участвовал в демонстрации; о том, что из-за этого я не смог устроиться работать судьей…

Адвокат Но рассказывал о том, что ему пришлось защищать себя в суде по «Делу Пурим*», поэтому он искренне рассердился, услышав, что мне не удалось получить место судьи из-за участия

в демонстрации. Также он поведал о своих мечтах. И это не был разговор о том, как он планирует вести дела, будучи юристом в области защиты прав человека, – он рассказывал о том, что хочет стать честным адвокатом.

Что касается идеи «стать честным адвокатом», он признался, что это оказалось не таким уж и простым делом, как представлялось на первый взгляд. Он предложил начать работать вместе, осуществлять эту идею последовательно и вместе постараться стать честными адвокатами. Приятное чувство наполнило меня.

Еще мы говорили о том, что он хочет развивать контору, основываясь на принципе работы по специализации. Он не предлагал ничего из того, что мне обещала сеульская юридическая фирма, работу в которой я рассматривал. Но тем не менее я склонялся именно к этому варианту.

Прямо в тот же день мы решили, что будем работать вместе. Я осмотрелся в офисе. Действительно, едва переступив порог конторы, я почувствовал, что готов здесь работать на любых условиях. Это был момент, когда началась моя адвокатская жизнь в «Совместной юридической конторе адвокатов Но Мухёна и Мун Чжэина».

И именно судьбоносная встреча с этим человеком стала тем моментом, который связал нас на всю жизнь.

Комментарии

* Практика. 시보 (試補). Работа, которая выполняется до фактического назначения на какую-либо должность для ознакомления с профессией и выработки пр о фессиональных навыков. Также соответствующая профессиональная ответственность.

* «Дело Пурим». 부림사건. Крупнейшее в Пусанском регионе сфальсифицированное судебное дело по обвинению в сочувствии коммунизму, которое в начале 1981 года было сфабриковано в период угнетения движения за демократизацию для расширения основы режима в первые годы военной диктатуры Чон Духвана. В сентябре 1981 года, после проведенного без ордера ареста безвинных студентов, преподавателей и офисных работников, которые посредством Кооперативной ассоциации хороших книг в Пусанском регионе организовали встречи для чтения книг по социальным наукам, их незаконно лишили свободы на срок от 20 до 63 дней. При этом их избивали и подвергали зверским пыткам типа «пытка водой» и «курица на вертеле». Так как этот инцидент

разразился вслед за так называемым «Делом Ханним»[3], по которому в июле того же года был проведен массовый арест студентов, причастных к движению в Сеульском регионе, то дело в Пусанском регионе получило название «Дело Пурим», что означало «Дело Ханним в Пусане».

Как старший товарищ. Как друг

Адвокат Но Мухён относился ко мне очень по-доброму. Он называл меня другом, но в действительности это было не совсем так. У этого обращения есть история. В 2002 году, когда состоялись президентские выборы, я был назначен на должность главы предвыборного штаба в Пусане. На церемонии открытия штаба кандидат в президенты Но Мухён в своем выступлении использовал именно это обращение. Он представил меня так: «Разве люди не говорят: скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты? Это не Мун Чжэин – друг Но Мухёна, это Но Мухён – друг Мун Чжэина». Думаю, таким образом он выразил благодарность своему младшему товарищу, которому доверил неподходящее для его характера дело – быть начальником предвыборного штаба. На самом деле у нас была не только шестилетняя разница в возрасте – он к тому же являлся моим старшим коллегой и товарищем, так как сдал государственный экзамен по юриспруденции на пять лет раньше меня. Но благодаря этим словам я и сейчас иногда слышу, что меня называют «другом Но Мухёна», что я считаю даже слегка незаслуженным.

С самого начала адвокат Но меня очень ценил. Он всегда обращался ко мне на «Вы». Чуть более неформально он стал общаться со мной, только когда я уже переступил порог Голубого дома[4]. До того момента он обращался ко мне исключительно на «Вы», по всем правилам этикета. Я в подобных ситуациях, когда это приемлемо, часто использую обращение «хённим»[5], но по отношению к Но Мухёну я не мог пересилить себя и обращался не иначе как «сонбэ»[6].

В высшей степени почтительное отношение давалось Но Мухёну не так уж и легко. Прежде всего, он уже побывал в должности судьи и несколько лет вел частную практику. В юридических кругах он к тому моменту был известен как адвокат, который уже имел хорошую базу и много интересных планов. А тут я – новичок, который только недавно окончил Юридический научно-учебный центр. С этой точки зрения совместное ведение конторы на условиях разделения труда было не таким простым делом, как можно подумать.

Сложность в коллективном управлении адвокатской конторой заключается в том, что, несмотря на разницу подходов, у адвокатов должно быть взаимное доверие и убежденность в силах друг друга. К примеру, доверие необходимо для того, чтобы правильно распределять дела и разделять обязанности вне зависимости от того, кто получил запрос на работу*. И если этот

процесс не выстроен на доверительной основе, то работать совместно не получится. Можно было подумать, что так как Но Мухён – мой старший товарищ, то и с делами он справится лучше меня. Однако, несмотря на то что в глубине души он переживал из-за моей неопытности, он доверял мне разобраться в моих делах.

Во время нашей совместной работы мы не раз вели все дело от начала до конца вместе. Это происходило в особо серьезных случаях, например во время защиты по политическим делам. Постепенно мы распределили ответственность в зависимости от наших способностей. В большинстве дел ведущим адвокатом был Но Мухён, но бывало и так, что ведущим адвокатом становился я. В такие моменты он всегда принимал мою точку зрения и последовательно действовал в выбранном мной направлении. Он ни разу не раскритиковал выбранное мною направление относительно исполнения какого-либо иска. Это действительно было величайшее доверие, уважение и принятие.

Сейчас, думая об этом, я понимаю, что именно благодаря такому отношению я имел возможность начать адвокатскую жизнь в стабильных условиях. Когда я впервые решил, что стану адвокатом, у меня было много поводов для беспокойства, начиная с того, откуда взять деньги на расходы по открытию дела. Но благодаря Но Мухёну я мог больше не тревожиться.

Мы жили с адвокатом Но в одном жилом комплексе. Конечно, он, как основатель конторы, жил в более просторной и светлой квартире, находившейся в его собственности, а я снимал небольшую квартирку, но тем не менее мы спокойно ходили друг к другу в гости и общались. Я часто бывал в его доме и даже ездил вместе с ним в его родную деревню Понха. В нашей юридической конторе была настолько дружелюбная атмосфера, что примерно дважды в год все сотрудники собирались семьями и ездили на пикник. Адвокат Но выпивал крайне редко, но все-таки иногда он приглашал коллег пропустить по стаканчику, и мы очень весело проводили время.

Дело шло хорошо. Именно в это время юристов в целом было очень мало, и адвокатов, ведущих частную практику, можно было пересчитать по пальцам. И даже я, который только недавно окончил Юридический научно-учебный центр и работал частным адвокатом, не имея особых регалий, получал достаточно дел. Начиная со следующего за моим выпуском года количество выпускников, успешно сдавших государственный экзамен по юриспруденции, увеличилось, поэтому и юристов стало значительно больше. Пожалуй, я был последним, кому так повезло. Во время церемонии открытия конторы к нам подошла

супруга одного врача, которая принесла вырезанное из газеты рекламное объявление о нашей фирме. Она явно думала, что, скорее всего, мы не очень хорошо работаем, потому что фирма только что открылась и мы сами были совсем молодыми. В итоге я получил первый заказ. Это был гражданско-правовой спор.

С другой стороны, адвокат Но во время совместной работы со мной получал меньше дел, чем до этого. Раньше он был самым молодым и усердным адвокатом в Пусане, получал много заказов, и процент выигранных им дел был очень велик, все складывалось очень хорошо. К тому же во время нашей совместной работы ему вдруг перестала поступать комиссия за вступление в дело в качестве адвоката, которую он традиционно получал раньше.

Сейчас получение комиссии запрещено Законом о юридической практике, но тогда это было традицией. Сотрудники судов, прокуроры, служащие тюремных учреждений и полицейские получали от адвоката примерно 20 процентов гонорара за то, что направили дело именно ему, и это считалось нормальным.

Затем все переросло в то, что комиссию выплачивали, даже если ты получал дело от банка или юридического отдела компании. Адвокату Но Мухёну нелегко было пойти против сложившейся традиции.

Однако во время нашего сотрудничества он перестал получать какие-либо отступные. Он железно держал слово, которое дал мне при первой встрече. То же самое касалось приглашения на ужин судей или следователей. В те годы многие адвокаты, которые вели уголовные дела, приглашали судей по этим делам на ужин и выпивку, и это было обычным делом. Также был обычай, когда адвокаты, которые приходили на последнее слушание в суде, накрывали стол с едой и напитками прямо в здании суда. Интересно, что в те дни в адвокатских кругах было распространено выражение «дом с подушками», которое употреблялось в отношении нескольких первоклассных ресторанов. Когда-то адвокат Но тоже был завсегдатаем «домов с подушками». Но все это осталось в прошлом.

В нашей юридической конторе была настолько дружелюбная атмосфера, что примерно дважды в год все сотрудники собирались семьями и ездили на пикник.

В одиночку противостоять общепринятым обычаям – это тяжелейшее дело. Но, несмотря на это, Но Мухён поступал именно так. Честный адвокат. Возможно, он понимал, что я – юрист, принадлежащий к числу активистов, поэтому бесспорно стремлюсь работать именно в таком направлении. Я предполагаю, что в некотором смысле он использовал мои убеждения как предлог, чтобы осуществить то, что изначально задумал сам. У Но

Мухёна, как у старшего товарища, возникло чувство долга, которое заставляло его подавать пример и не тушеваться перед младшим товарищем. Он действительно был человеком с чистейшей совестью и удивительной силой воли.

Как только мы стали действовать как «честные адвокаты», количество заказов тут же резко снизилось, и это бросалось в глаза. Кроме того, Но Мухён отказался от работы в нескольких банках, где он был юридическим консультантом. Поэтому, конечно, его доход значительно уменьшился, по сравнению с тем, что он получал, работая в одиночку. Но он не думал об этом. Более того, когда Но Мухён начал работать адвокатом в области прав человека, его заработок уменьшился еще больше, и в действительности период в его адвокатской жизни, когда он жил в полном довольствии, был очень коротким. Но, несмотря на это, мы были довольны. Особых проблем в поддержании жизнеспособности конторы не было.

Пусан – это второй по величине город в Южной Корее, но юристов там было совсем немного. Общее число всех зарегистрированных адвокатов не превышало и ста человек. И если не считать тех, кто был зарегистрирован, но на самом деле не работал, юристов, которых действительно можно было встретить в суде и которые являлись нашими конкурентами, было меньше половины от общего числа. И у нас был шанс создать себе репутацию добросовестных адвокатов, которые усердно трудятся в соответствии со своими решениями.

Юридическое сообщество очень консервативно, поэтому, как только у тебя появляется репутация – плохая ли, хорошая ли, – изменить ее уже невозможно. К счастью, с самого начала работы в конторе я произвел приятное впечатление на юридические круги в Пусане и благодаря этому время от времени получал помощь в своей адвокатской деятельности.

Мы вызывали огромный интерес у юристов в Пусане. Мало того что мы оба были молоды, так мы еще и отлично знали свое дело. И «эти двое» держали совместную адвокатскую контору, единственную во всем городе, что, безусловно, привлекало к нам повышенное внимание. Мы должны были быть еще осторожнее и работать еще усерднее.

Мы не только старательно вели дела, но и принимали активное участие в деятельности коллегии адвокатов Пусана. Особенно усердно на общее благо работал адвокат Но Мухён, который трижды избирался казначеем коллегии адвокатов. Его любили все – и стар и млад. Какое прекрасное было время!

Комментарий

Запрос на работу. 수임. Получение назначения на исполнение юридической работы клиента согласно договору.

По пути адвоката в области защиты прав человека

До того как я начал работать с адвокатом Но Мухёном, он уже имел опыт ведения двух политических дел и, таким образом, уже был знаком с конъюнктурой. Это были так называемые «Дело Пурим» и «Дело о поджоге в Американском культурном центре в Пусане*». Причиной, по которой адвокат Но был назначен на свое первое политическое дело – «Дело Пурим», послужило простое человеческое дружелюбие. Адвокат Ким Кваниль, который работал юристом по защите прав человека, а также являлся старшим коллегой адвоката Но, попал под подозрение о финансировании в этом деле. Он не мог сам выступать с защитой, так как был загнан в жесткие условия и его даже собирались арестовать, поэтому он попросил молодого адвоката представлять его права. Поскольку подсудимых было много, дело было распределено среди нескольких молодых адвокатов.

Однако, несмотря на то что Ким Кваниль перепоручил дело, он очень ответственно руководил защитой. И тем человеком, кто уличил власти в применении пыток и в незаконном длительном лишении обвиняемых свободы, был адвокат Но. И хотя это было первое политическое дело, которое он вел, Но Мухён с энтузиазмом принялся за работу. И по этой причине через некоторое время, когда произошел пожар в Американском культурном центре в Пусане, его снова попросили участвовать в совместной адвокатской деятельности. Но в этот раз он работал вместе с известными сеульскими адвокатами в области защиты прав человека, среди которых были Ли Донмён, Ю Хёнсок, Хван Инчхоль, Хон Сону. Адвокатская защита в этих двух делах изменила его жизнь.

Как известно, в ходе судебного разбирательства по вышеупомянутым делам почти весь состав группы активистов Пусана был арестован. Одним словом, это была мясорубка. Затем последовали кровавые годы начала Пятой республики, и с тех пор вплоть до 1983 года в Пусане не было ни одного дела, которое можно было бы причислить к политическим.

Однако во второй половине 1983 – начале 1984 года образовалось социальное пространство, в котором можно было более или менее свободно дышать: я имею в виду, что прошли реформы по автономности учебных заведений. С самого начала два дела, о которых я говорил ранее, казались уж слишком сфабрикованными, поэтому все обвиняемые по «Делу Пурим»

были освобождены в связи с прекращением дела в конце 1983 года. Именно благодаря поддержке вышедших на свободу активистов оппозиционное демократическое движение в Пусане вернуло свою силу и размах.

Соответственно, стали появляться дела, связанные со студенческими движениями, и дела, касающиеся трудовых вопросов. Возникали и трудовые споры, когда рабочие, жестоко притесняемые работодателем, требовали соблюдения Закона о стандартах труда, или же были недовольны массовыми увольнениями в связи с образованием профсоюзов. Все эти люди приходили к нам.

Я вовсе не планировал с самого начала пойти по пути адвоката в области защиты прав человека. Однако мы не отказывались от тех дел, которые сами приходили к нам в руки. Более того, многие из них соответствовали нашим личным убеждениям, и мы с большим усердием подходили к защите. Постепенно мы начали играть главную роль в делах защиты прав рабочих в Пусанском регионе. Через некоторое время мы стали вести дела не только в Пусане, но и в соседних регионах, например в Ульсане, Чханвоне, Кочже и других, в которых не было адвокатов в области защиты прав человека. Дел, связанных с трудовыми спорами, в этих регионах также было достаточно.

Сопротивление режиму Пятой республики усиливалось, и вслед за образованием Комитета по борьбе за три народных принципа, Комитета по борьбе за дело антиамериканизма и самостоятельности* и Комитета по борьбе за народную антифашистскую антиимпериалистическую демократизацию* стали появляться дела, связанные с учреждением и работой подобных организаций. Тенденция идеологизации студенческого движения также становилась очевидной. Мы получили такие дела, как «Дело о поджоге в Американском культурном центре», организованной совместно активистами студенческого движения в Пусане и Сеуле, а также «Дело о захвате в Пусанской палате торговли и промышленности».

Незаметно для себя мы стали известными в Пусане юристами в области защиты прав человека и прав рабочих. Наша адвокатская контора стала центром, который объединил все дела по защите прав человека и прав рабочих в Пусане и соседних регионах: Ульсане, Чханвоне, Кочже.

Комментарии

* «Дело о поджоге в Американском культурном центре в

Пусане». 부산미 (美)문화원방화사건. В марте 1983 года студенты Пусанского региона обстреляли Американский культурный центр в Пусане, заявив тем самым об ответственности США за кровавое подавление движения за демократизацию в Кванчжу и покровительство режиму диктатуры. В ходе инцидента один студент погиб. Это событие послужило началом волны антиамериканского движения в 1980-е годы. Однако в то время военная диктатура Чон Духвана фальсифицировала дело, превратив его в дело о поведении нездоровых общественных элементов, таких как шпионы.

* Комитет по борьбе за три народных принципа *(Самминтху),* Комитет по борьбе за дело антиамериканизма и самостоятельности *(Минминтху),* Комитет по борьбе за народную антифашистскую антиимпериалистическую демократизацию *(Чаминтху).* 삼민투, 민민투, 자민투. *Самминтху* – сокращенное название Комитета по борьбе за три народных принципа. Эта организация, созданная в апреле 1985 года на церемонии учреждения Общенациональной студенческой федерации, была подконтрольна Общенациональной студенческой организации, в которой принимали участие 34 университета по всей стране. Комитет по борьбе за народную антифашистскую антиимпериалистическую демократизацию *(Чаминтху),* созданный в июне 1986 года в рамках организации студенческого движения, образованного колледжем социальных наук Сеульского национального университета, руководил студенческим движением наряду с образованным практически в то же время, в марте 1986 года, Комитетом по борьбе за дело антиамериканизма и самостоятельности *(Минминтху),* центром которого являлся колледж гуманитарных наук Сеульского национального университета.

Товарищи

Пока мы работали адвокатами почти по всем политическим делам, мы сблизились с активистами местного оппозиционного движения. В то время во главе его стояли священник Сон Киин и пастор пусанской церкви Чунбу Чхве Сонмук, которого сейчас уже нет в живых. Большую поддержку нам оказывал и писатель Ким Чонхан, известный под псевдонимом Ёсан, хотя он и был уже довольно стар. В особо важные моменты он лично приходил на заседания и подбадривал нас. Именно благодаря этим людям примерно с 1984 года стали возрождаться Оппозиционное общество движения за демократизацию и Правозащитное общество. Освобожденные обвиняемые по «Делу Пурим» занимались в основном практической работой в Обществах.

В 1984 году первым восстановил работу пусанский филиал Оппозиционного общества движения за демократизацию, штаб которого находился в Институте изучения проблем загрязнения окружающей среды. Председателем правления Института стал священник Чон Хогён, а практическими вопросами занимался Чхве Ёль.

И хотя пусанский филиал и получил название Института изучения проблем загрязнения окружающей среды, на самом деле он не имел прямой связи с этой сферой деятельности. Дело в том, что в те годы было опасно прямо определять себя как «движение за демократизацию», поэтому было решено прикрыться нейтральным названием. Неудивительно, что эта организация сплотила почти всех представителей оппозиции в Пусане. Центральной фигурой стал священник Сон Киин.

С самого начала я принимал участие в движении как активист. А с момента официального открытия к нам присоединился адвокат Но Мухён. Мы вместе занялись вопросами управления.

В следующем, 1985 году было создано Народное собрание граждан Пусана. По характеру оно было схоже с сеульским Обществом народного движения за демократическое объединение. Эта организация объединила всех представителей оппозиции в Пусане. И конечно, она была центром пусанского движения за демократизацию, а также стала главным штабом гражданского движения, которое организовало так называемое Июньское противостояние* в 1987 году. Главой Народного собрания граждан Пусана также стал священник Сон Киин.

В те времена все должны были быть готовы к тому, что придется страдать за свои убеждения, и тем не менее тридцать

три человека самоотверженно выступили активистами политической борьбы в духе «идей первомартовского движения». Мы с адвокатом Но с самого начала были в группе инициаторов. Затем мы были назначены постоянными членами комитета. Адвокат Но стал председателем отдела по трудовым вопросам, я же возглавил отдел по вопросам благосостояния общества.

Таким образом, мы с головой погрузились в работу этих двух оппозиционных движений. И даже более того, потом мы стали председателями Комитета по защите прав человека в Пусанском объединении христианских церквей[7], хотя ни я, ни адвокат Но не были верующими протестантами. Так как людей в целом было не очень много, то мы могли совмещать работу в организациях демократического движения и в организациях по защите прав человека. Как адвокаты, мы считали такую работу своим долгом и предназначением.

То же самое касалось и политических дел. Мы не могли оттолкнуть людей, которые просили нас протянуть руку помощи. Когда я приехал в Пусан, то я даже не ставил перед собой цели обязательно стать юристом в области защиты прав человека. То же самое я сказал и адвокату Но при нашей первой встрече: «Я не знаю, стану ли я юристом в области прав человека, в любом случае это не является моей самоцелью. Но если такие дела будут появляться, то я не буду от них отказываться». И я именно так и делал. Так как не было других адвокатов, кому можно было бы поручить подобные дела, то после первой защиты они хлынули нескончаемым потоком. И у нас не осталось выбора.

Конечно, иногда мы работали независимо друг от друга, разделив обязанности, но практически все важные и крупные дела мы вели вместе. В политических делах, где подсудимых было несколько, мы просто обозначали сферы ответственности. Нередко мы даже вместе выступали в зале суда. С точки зрения адвокатской работы у нас с Но Мухёном были одинаковые подход к делу и взгляд на ситуацию, что, я думаю, важнее схожести характеров или нравов.

В оппозиционных организациях мы тоже зачастую участвовали сообща, разделяя внутренние роли и обязанности. Однако было одно объединение, в котором я принимал участие в одиночку, – местная организация католического движения. Я был членом таких сообществ, как Собрание общественного католического движения, Национальное католическое объединение проявления справедливости, Католический комитет по правам человека, Католический комитет справедливости и мира. Причиной моему обособленному участию являлся тот факт, что я был католиком. А также тот факт, что, несмотря на

давнишнее приобщение к вере, я нечасто посещал церковь, не проявляя тем самым должного религиозного рвения, поэтому воспринимал участие в католических организациях как служебный долг, отчего испытывал чувство досады.

И все же я не мог ответить отказом на просьбу о необходимости моего участия как адвоката. Затем, уже намного позже, я играл роль связующего звена между администрацией президента (Голубым домом) и католицизмом, хотя и не был верующим человеком. Я даже несколько раз приходил на аудиенцию к кардиналу Ким Сухвану. Во времена работы «Правительства участия»[8] количество кардиналов в Южной Корее увеличилось до двух человек, для чего президент Но Мухён отправлял официальный запрос в Ватикан, а я при этом налаживал общение и наводил мосты.

Адвокатская работа в области трудового права и защиты прав человека не могла принести нам значительного заработка. По правде говоря, я был к этому готов и с самого начала не позволял себе жить на широкую ногу. И моя супруга, которая была мне благодарна уже за то, что я сдал государственный юридический экзамен и стал адвокатом, во всем поддерживала меня. Однако Но Мухёну, который до этого неплохо зарабатывал, приходилось совсем нелегко в такой ситуации. Все деньги, которые он получал, уходили на бытовые расходы. И из-за этого больше всего страдала его супруга – госпожа Квон Янсук. Но это было временное испытание. Позже адвокат Но Мухён, выступая в защите только по делам в области трудового права, получал ежемесячно два миллиона вон.

Занимаясь политическими делами и делами, связанными с оппозиционным демократическим движением, мы с Но Мухёном больше всего волновались о следующих двух вещах.

Во-первых, мы сами должны были остаться незапятнанными. В то же время мы были хорошо знакомы с методами, которые активно использовала диктаторская власть. Это были методы запугивания или создания безвыходного положения для человека, о слабостях или небольших оплошностях которого становилось известно властям. И не было ничего необычного в том, что они отыскивали информацию об уклонении от уплаты налогов или о секретах частной жизни путем тайного расследования. Оступившись однажды, мы могли погубить наше дело и, кроме того, сильно навредить всему демократическому движению. Мы были очень осторожны и осмотрительны, не противореча при этом нашим моральным принципам.

Мы были особо внимательны к мелочам. С того момента, как мы перестали брать комиссию, мы добросовестно предоставляли

налоговые декларации. А также старались и в частной жизни придерживаться правил строгости и честности.

В особенности адвокат Но был полон энтузиазма, как студент, который впервые участвует в общественном движении. Он проявлял удивительную самоотверженность. Но Мухён считал, что он должен посвятить свою жизнь народу. Он старался изменить свой прежний образ жизни. Он отказался от дорогой пищи и алкоголя. Он бросил даже заниматься парусным спортом, который, к слову, очень любил. Он ненавидел, когда лицемерно кричат: «Народ! Народ!» Настолько он был искренним и преданным. Во всяком случае, он прилагал много усилий, чтобы сделать свою жизнь высоконравственной.

Именно из-за подобной принципиальности я до сих пор так и не начал заниматься гольфом. Дело в том, что в то время я был согласен с убеждениями защитников окружающей среды, которые активно выступали против сооружения гольф-площадок, и считал, что нельзя допустить, чтобы гольф стал популярным видом спорта. Затем, конечно, увлечение гольфом стало массовым и мои негативные взгляды на этот вид спорта изменились. Но и тогда я принципиально не стал посвящать время гольфу.

То же самое относилось и к выпивке. Мне было комфортней пить сочжу или макколли, нежели вино или другие западные напитки. Обычно я выпивал только в ресторане, не продолжая вечер в баре. И я даже ни разу не выпил коктейля «пхоктханчжу»[9]. Мои принципы были непоколебимы, так как я полагал, что слова и поведение людей, которые говорят о народе, не должны противоречить друг другу.

С отказом от «пхоктханчжу» связана еще одна интересная история. Примерно в конце того года, когда было учреждено Народное собрание граждан Пусана, представителям Собрания и людям из пусанского отдела Агентства национальной безопасности* пришлось выпивать за одним столом. Сотрудники Агентства пригласили нас в заранее выбранное место. С нашей стороны пришли я, священник Сон Киин и пастор Чхве Сонмук, а с их стороны – начальник пусанского отдела, ответственный по делам оппозиции, ответственный по религиозным делам и ответственный по судебным делам.

И хотя мы улыбались друг другу и дружелюбно беседовали, обстановка была гнетущая. Начальник отдела, который был студентом 14-го выпуска Корейской военной академии, предложил нам всем выпить по «пхоктханчжу» и поиграть в алкогольную игру. В то время этот коктейль не был широко известен, поэтому многие из нас попробовали его впервые. Начальник отдела рассказал нам, в чем суть игры, показал, как

нужно делать коктейль, и затем распределил бокалы между всеми. Все выпили по несколько стаканов и вышли из игры, в итоге остались только я и начальник отдела. Я был уже сильно пьян, но не хотел проигрывать, поэтому держался из последних сил.

И так мы выпили примерно по десять стаканов, после чего начальник отдела вышел в уборную, а я вслед за ним. И там я увидел невыносимо комичную картину. Начальник отдела вовсе не мочился, он стоял перед зеркалом и так сильно бил себя по щекам, что звуки шлепков были отчетливо слышны. Скорее всего, он пытался привести себя в чувство, чтобы не проиграть. На этом наша попойка закончилась. Однако я в высшей степени прочувствовал армейскую алкогольную культуру, которая требует от всех без исключения чрезмерно много пить.

Вторым поводом для волнений было то, что в политических делах мы старались не только вести защиту, но и реализовывать положения Уголовного-процессуального кодекса, начиная от процесса дознания и вплоть до судебного разбирательства. Мы были уверены, что именно с точки зрения правовых норм в политических делах необходимо безукоризненно соблюдать постулаты Уголовно-процессуального кодекса. Особенно тщательно мы следовали этому правилу на судах по политическим делам с участием студентов. Во время таких заседаний судьи старой закалки могли даже заявить, что они не понимают, о чем речь, если мы вдруг указывали на то, что правовой порядок не был соблюден.

В тот период, когда я начал адвокатскую деятельность, примеров нарушения порядка, установленного уголовно-процессуальным кодексом, было не счесть. Основным было заслушивание обвиняемым судебного процесса стоя. Обычным делом было заседание суда, на котором обвиняемый был связан, а на его руках были застегнуты наручники. В такой ситуации мы требовали от судей соблюдения процессуальных норм, указывая им то на одну, то на другую статью кодекса: «снимите, пожалуйста, наручники», «развяжите веревки», «предоставьте, пожалуйста, стул и позвольте обвиняемому сесть».

Постепенно традиции несоблюдения правовых норм в уголовных судах стали исчезать. Мы старались сделать так, чтобы обвиняемых больше не связывали и не заковывали в наручники. Вместо этого надзиратели стали провожать наших подзащитных под руки и садились рядом с ними в зале суда, хотя подобные меры были, по сути, таким же ограничением свободы перемещения, только вместо наручников физическую свободу ограничивали люди. Мы протестовали, и тогда меры отменялись.

Однажды нам показалось, что обвиняемый, на котором не было наручников и веревок, двигается очень неестественно. Мы спросили, все ли в порядке, потому что это выглядело странно. Оказалось, что его связали, а потом поверх веревок надели тюремную робу и таким образом пытались замаскировать физические ограничения. В тот раз даже председатель суда, увидев происходящее, сделал выговор охранникам. Кроме того, во время судебных разбирательств по политическим делам для ограничения количества зрителей места для присутствующих занимали полицейские в штатском, тем самым препятствуя входу простых посетителей. Поэтому мы требовали у главного судьи, чтобы стражи порядка, которые занимали зрительские места, покинули зал суда. Бывало и такое, что судьи, к которым мы обращались с подобным заявлением, сами удивлялись тому, что после проверки документов большинство присутствующих в зале суда оказывались полицейскими в гражданской одежде.

Иногда мы вступали в спор с председателем суда в тех случаях, когда обвиняемому отказывали в праве давать показания*. Сделать это просто посредством указания на положения статей из Уголовно-процессуального кодекса не получалось. Но мы углублялись в «Вопросы интерпретации»* и «Вопросы обобщения судебной практики»* и доказывали, что каждый обвиняемый имеет право на дачу показаний.

Мы не оставляли без внимания и невежливое обращение прокурора во время допроса обвиняемого. Мы требовали, чтобы судья обращал внимание на такие нарушения. Особенно остро адвокат Но Мухён реагировал, если прокурор неправомерно угрожал обвиняемому или обращался к нему на «ты». Адвокат Но громко ругался, выкрикивая: «Почему ты ему тыкаешь?» И хотя такое поведение было слишком агрессивным протестом в отношении ошибки прокурора, оно помогало обвиняемым не впадать в отчаяние.

То же самое касалось и процесса дознания. Для того чтобы не допустить дознания под давлением, мы определили необходимость встречи с обвиняемым в момент задержания. Однако полиция постоянно отказывала нам во встречах с обвиняемыми, мотивируя это первоочередностью допроса.

Кроме того, следователи делали все, чтобы мы впустую потратили время: в случае если дознание проходило в Главном полицейском управлении, нас сначала просили ехать в полицейский участок, где обвиняемый был задержан, и если в итоге мы ехали в районное отделение, то там нам говорили, что необходимо поехать в Главное управление и зарегистрироваться. Препятствие встречам с обвиняемым было обычным делом,

однако в то время почти никто не пытался сопротивляться этому. Но мы активно протестовали, если сталкивались с подобным. Если мы не могли решить проблему только посредством возражения, то предъявляли иск в коллегию адвокатов. Затем через запрос в коллегию адвокатов мы получали ответ от городского агентства полиции в Пусане о «внесении изменений в порядок проведения мероприятий по задержанию». А затем Но Мухён подавал судебную жалобу о нарушении порядка дознания в полицейском участке, где ему неоднократно отказывали и препятствовали в проведении встречи с обвиняемым.

Благодаря подобным случаям многие нарушения в процессе судебного разбирательства и дознания были ликвидированы. Наши усилия дали результат сначала при рассмотрении политических дел, но затем практика соблюдения правового порядка быстро распространилась и на обычные гражданские дела. Сейчас такие пережитки уже практически полностью исчезли. Ситуация изменилась настолько, что молодые юристы иногда даже не могут поверить, как подобное могло происходить еще совсем недавно.

Комментарии

* Июньское противостояние 1987 года. 87 년 6 월항쟁. Народный протест движения за демократизацию, который прошел по всей стране в июне 1987 года. Его также называют «Демократическая борьба 10 июня». Поводом к началу восстания послужила смерть от пыток студента Сеульского национального университета Пак Чончхоля, которая произошла в контексте подавления военной диктатурой Чон Духвана стремления граждан к демократизации и попыток продлить период нахождения у власти. К тому же вспышка гнева граждан произошла, когда следующим кандидатом в президенты был избран Ро Дэу, который так же, как и Чон Духван, играл ведущую роль в военном перевороте. В течение примерно одного месяца в протестном движении приняло участие около 5 млн человек по всей стране.

* Агентство национальной безопасности. 안기부. Прежнее название Национального агентства разведки. В то время официальным названием было «Агентство планирования национальной безопасности».

* Право на дачу показаний. 모두진술 （冒頭陳述）. Порядок публичного судебного заседания делится на этап открытия заседания и этап рассмотрения дела. Этап открытия заседания

состоит из процедуры установления личности обвиняемого, первичных показаний прокурора, а также первичных показаний обвиняемого. Посредством первичных показаний обвиняемому гарантируется возможность выразить свое мнение в опровержение обвинения прокурора. Другими словами, ответчик, исходя из принципа nulla poena sine lege[10] и презумпции невиновности, имеет право дать первичные показания в свою пользу.

* «Вопросы интерпретации». 주석서 (註釋書). Книга, разъясняющая значение слов и предложений в оригинальной книге.

* «Вопросы обобщения судебной практики». 법원실무제요 (法院實務提要). Практическое руководство, публикуемое администрацией суда.

Энтузиазм и принципы

Когда я думаю о Но Мухёне тех дней, мне приходит мысль, что он был безудержным человеком. Он был похож на человека, недавно обретшего веру, который относится к религиозной жизни с гораздо большим рвением, чем уверовавшие давно. Я для себя установил рамки в поведении, говоря себе: «Так как я адвокат, то здесь предел того, что я могу делать». И такими были все, не только я. В обществе адвокатов был негласно принят кодекс чести. Однако адвокат Но Мухён был совсем другим. У него не было рамок. Он действовал в соответствии с тем, что сам считал правильным, и претворял в жизнь свои идеи. В будущем Но Мухён, который станет политиком, будет поступать так же.

Как только был открыт пусанский филиал института по вопросам изучения проблем загрязнения окружающей среды, все, кто там работал, стали объектами слежки спецслужб. Всем было известно, что сыщики из органов разведки разбили лагерь перед офисом и следили за действиями сотрудников и за тем, кто входил в здание и выходил из него. Они также довольно часто и без предупреждения заходили внутрь. Когда все это началось, адвокат Но Мухён решил отдать одну комнату в нашей адвокатской конторе под нужды института. Это было сделано для того, чтобы благодаря передаче офиса можно было помогать институту финансово, а также при необходимости предотвратить вторжение сотрудников спецслужб. И теперь, хотя люди все равно постоянно находились перед окнами конторы, они не могли смело зайти внутрь.

Следующим шагом было учреждение при адвокатской конторе юридического центра по трудовым вопросам. До этого в случае возникновения трудового спора мы занимались только оказанием помощи в судебном разбирательстве и защитой в суде. Таков был кодекс адвокатов. Но адвокат Но Мухён не был этим вполне удовлетворен. И мы решили помогать профсоюзам рабочих в их повседневной деятельности, в том числе и в их учреждении.

Был день съезда по случаю создания Народного собрания граждан Пусана. В ходе мероприятия было запланировано два блока: первый – лекционный, второй – первое собрание по созданию Общества. В первом блоке лекцию должен был читать Чо Капче* – бывший журналист «Международной газеты», которого высоко ценили в регионе. Полиция окружила актовый зал места заседания и преградила вход внутрь с самого начала лекционного блока. Все, конечно, начали осуждать незаконную

полицейскую блокаду. Однако, когда полицейские даже не пошевелились, адвокат Но улегся на проезжую часть, в одиночку призывая на помощь.

Из-за этого происшествия он сразу прослыл радикальным адвокатом. Были даже разговоры о том, не ставило ли такое поведение под вопрос его адвокатское достоинство. Однако он думал лишь о том, что только изображать благопристойный протест против незаконного окружения полицией будет недостаточно. В связи со случившимся мы предъявили иск о возбуждении дела по уголовному преступлению начальнику Главного полицейского управления Пусана (сейчас должность называется «начальник департамента полиции города Пусана»), в чью юрисдикцию входил этот полицейский участок и его начальник. Адвокат Но был указан главным истцом. Но так как расследование не проводилось должным образом, то многое осталось невыясненным.

Однажды нас арестовали обоих, хотя это и произошло гораздо позже – в 1987 году на собрании по поводу прощания с Пак Чон-чхолем*. Нас схватили и начали выяснять детали произошедшего. Согласившись на допрос, я отвечал, настаивая на правомерности наших действий. Как я узнал позднее, адвокат Но отказался давать показания, а также что-либо подписывать (и ставить именную печать). Сами по себе наши арест и допрос были незаконными и неправомерными, именно поэтому, наверное, он упорствовал в своем несогласии. А ведь это, скорее всего, было очень непросто, потому что такое произошло с нами впервые, к тому же очень сложно отказываться от допроса будучи адвокатом. Но, несмотря на это, он полагал, что был прав, и отстаивал свое мнение.

Я считал это принципиальностью Но Мухёна, который позже станет заниматься политикой. Сейчас уже многие знают о том, что я называю принципиальностью – его готовность пойти по невыгодному для себя пути ради великих принципов и морального долга. И не только об этом, но и о его радикальности, и о том, что он не ставил границ на практике ради осуществления этих принципов. Это была его особенная принципиальность. Например, когда он работал в районе Чонно, будучи парламентарием, он, возможно, думал о том, что всегда сможет приложить усилия к тому, чтобы искоренять регионализм. Однако он не только заявлял об искоренении регионализма, он был тем человеком, который готов был отдать всего себя этой борьбе. И в этом отношении мне было далеко до него.

Постепенно сопротивление режиму Пятой республики ослабевало, массовые демонстрации утихали, и теперь в случае,

если проходили важные демонстрации, полицейские приходили в офис и препятствовали нашему участию в них. Это был так называемый домашний арест в офисе. В ту эпоху можно было заниматься таким самоуправством даже в отношении адвокатов. Если проводилась демонстрация, то мы всегда должны были обдумывать, как бы пойти на нее, чтобы избежать встречи с полицией. Мы либо вообще не приходили в офис, либо все-таки нам удавалось избежать полицейских, если все-таки было необходимо заглянуть в контору. Люди из спецслужб ходили за нами по пятам и, бывало, даже сопровождали до самого места проведения демонстрации.

Однажды в моей квартире был произведен обыск с изъятием. Я в это время жил в многоквартирном доме, а сыщики просидели два или три дня безвылазно в будке вахтера, и в один прекрасный день пришли с официальным ордером на обыск с изъятием. По их словам, основанием для проведения обыска было подозрение, что некий человек, который был связан с Инчхонской демонстрацией*, укрывался в нашем доме. Когда я стал проверять документы, подпись стояла только под сообщением полицейского об «анонимном сообщении по телефону». Это было уму непостижимо. С точки зрения теперешних адвокатов, это были темные времена, когда выдавались подобные ордера, когда судьи могли выдать ордер даже по заявлению на проверку общественной безопасности.

Просыпалось самосознание рабочих, и дела, связанные с трудовыми спорами, начали сыпаться на нас одно за другим. И мне, и адвокату Но гораздо больше студенческих дел нравились трудовые споры, так как, в отличие от студенческих дел, в которых идея и логика всегда были одинаковыми, трудовые споры были полны жизненной боли рабочих.

Приблизительно в это время отношение к работницам обувной фабрики, одного из главных промышленных производств Пусана, было просто ужасным. Со всеми переработками и сверхурочными их зарплата составляла всего 60–70 тысяч вон, и ту обычно задерживали. Повседневным делом были унижения и сексуальные домогательства на рабочем месте. Многие работницы, в соответствии с правом на существование[11], требовали соблюдения трудового законодательства, а чуть позже, когда они стали участвовать в рабочих союзах, их массово увольняли. Было также много рабочих, которые участвовали в профсоюзах ради самосохранения и были арестованы за помеху трудовому процессу. Каждый раз, когда мы встречали таких людей, у нас болела за них душа. И хотя мы вдвоем защищали их изо всех своих сил и бесплатно, многим мы так и не смогли

помочь.

Когда адвокат Но начал сталкиваться с такими делами, он с самого начала твердо решил, что станет адвокатом в области трудового права. Именно исходя из этого он организовал в адвокатской конторе Пусанский консультационный центр по вопросам трудового законодательства. Целью также было и приобретение профессиональных навыков в этой сфере.

В то время книги по трудовому законодательству все рассматривали очень консервативно. Тогда мы вели трудовые споры, которые появлялись в неимоверном количестве, но в действительности мы мало кому могли помочь. Большим подспорьем для нас стал сборник трудов профессора Син Иллёна, в котором была представлена наиболее прогрессивная и соответствующая рабочей действительности теория. Однако в этом сборнике не были охвачены многие проблемы, с которыми мы сталкивались в реальности, поэтому нам не оставалось ничего другого, кроме как учиться самостоятельно. Это было время, когда судьи и прокуроры вели дела по логике гражданского права, не зная трудового законодательства.

С одной стороны, наличие границ, согласно которым мы помогали только с защитой в суде по уже возникшим делам, было проявлением бдительности. С другой стороны, мы полагали, что должны оказывать помощь в создании и повседневной деятельности профсоюзов. И стимулом к выполнению этой роли было учреждение консультационного центра по вопросам трудового законодательства.

В случае адвоката Но слишком усердная работа могла в будущем стать бременем для наших младших товарищей-адвокатов. Некоторое время спустя в Чханвоне тоже появились молодые адвокаты, и среди них были даже те, кто уезжал из региона, не выдержав конкуренции. Рабочие постоянно сравнивали их с адвокатом Но, и это, скорее всего, было тяжелым бременем. «Адвокат Но бесплатно проводил защиту и вместе с нами боролся в суде, а почему вы так не можете?» – наверное, иногда они задавали такие вопросы. И мне приходила в голову мысль, что слишком большая жертвенность – это не всегда хорошо.

Наша работа и то, что мы были вместе со всеми в этот исторический момент, когда с жаром вспыхнуло корейское рабочее движение, впоследствии не могло не принести большой отдачи.

Со второй половины 1986 года Но Мухён сосредоточился только на работе адвокатом в области защиты прав человека. Обычные дела он теперь не вел. Он считал, что теперь будет вести только политические дела, но в основном занимался трудовыми спорами. Он не только вел защиту в суде по делу, но и часто выступал с лекциями в профсоюзах или перед рабочими. Он даже получал приглашения и ходил на мероприятия, организованные рабочими. При этом в офисе он получал зарплату всего в два миллиона вон.

Впоследствии, после Июньского противостояния 1987 года, во время Великой борьбы рабочих* окружающие Пусан города, такие как Ульсан, Чханвон, Кочже, стали центром корейского рабочего движения. Было много крупных и довольно жестоких забастовок, которые согласно действующему законодательству были полностью незаконными. По большинству, а может, даже и по всем этим делам защиту вели мы. Наша работа и то, что мы были вместе со всеми в этот исторический момент, когда с жаром вспыхнуло корейское рабочее движение, впоследствии не могло не принести большой отдачи.

Комментарии

* Чо Капче. 조갑제. Главный редактор и президент журнала «Ежемесячный Чосон» (*Monthly Chosun*), полемист крайне правой консервативной направленности.

* Покойный Пак Чончхоль. 고 (故) 박종철 (朴鍾哲) 군. Студент Сеульского национального университета, который погиб в январе 1987 года из-за пыток и насильственных действий, совершенных над нам во время проведения расследования в Главном полицейском управлении Штаба общественной безопасности в районе Намён-дон. Поначалу полиция скрывала факт смерти от пыток, называя в качестве причины простой шок. 19 января, всего через пять дней после инцидента, когда было представлено заключение патологоанатома, который с уверенностью утверждал о пытках водой и электрическими разрядами, полицией был признан факт смерти от пыток. Полицейские, проводившие пытки, были арестованы. Этот инцидент стал поводом для начала Июньского противостояния 1987 года.

* Инчхонская демонстрация [3 мая]. 53 인천시'태. Массовая демонстрация 3 мая 1986 года, участие в которой приняло более 10 тысяч человек, являвшихся представителями студенческого движения и оппозиции, с требованием утверждения Гражданской конституции. 319 человек были задержаны и доставлены в полицейское отделение, 129 – арестованы и заключены в тюрьму. Инцидент стал поводом для начала полномасштабных репрессий участников движения со стороны диктаторского режима Чон Духвана.

* Великая борьба рабочих [1987 года]. 87 년노동자대투쟁. По мере того как энтузиазм относительно демократизации, начавшийся с Июньского противостояния 1987 года, распространился на круги рабочих, он вызвал массовую борьбу, в которой свои силы объединили примерно 8990 профсоюзов и более 200 тысяч человек. По всей стране участие в движении приняли рабочие, которые страдали от низкой заработной платы, длительных часов работы и плохих условий труда. Великая борьба рабочих является важным событием, которое ознаменовало корейское рабочее движение.

Июнь 1987 года. Противостоять

Когда ночь особенно темна, то рассвет близок, так и репрессии диктаторской власти приближали демократизацию. В Пусане тоже можно было и тут и там увидеть ее признаки. Поначалу повсюду стали появляться организации движения за демократизацию, а затем они стали расти.

В первой половине 1980-х годов так называемые «Дело Пурим» и «Дело о поджоге в Американском культурном центре» на корню обрубили ростки и подорвали основание группы активистов движения за демократизацию в Пусане, которое и без того было не очень-то прочным. Однако люди, которые тогда попали в тюрьму, были затем освобождены в полном составе, и они твердо закрепились в нескольких организациях и начали активно действовать. Основание расширялось. Возвращалась энергичность.

Январь 1987 года. Случился инцидент, когда от пыток умер студент Сеульского национального университета Пак Чончхоль. Как ни странно это звучит, но начальник полиции доложил, что «как только следователь стукнул кулаком по столу и стал допрашивать, он [Пак Чончхоль] внезапно стал задыхаться и упал замертво». Вся общественность была в гневе. В Пусане был огромный резонанс, ведь жертвой стал уроженец этого города. Его родители тоже жили в Пусане. И во время 49-дневного поста с исполнением ритуалов по усопшему родственнику[12] они также находились там. В Пусане недовольство репрессиями диктаторского режима бушевало сильнее всего.

7 февраля Комитет по подготовке гражданской панихиды по Пак Чончхолю провел собрание одновременно во всех уголках страны. И адвокат Но Мухён, и я были участниками комитета. В действительности подготовкой собрания по поводу гражданской панихиды в Пусанском регионе руководило Народное собрание граждан Пусана.

Местом, которое мы определили для проведения собрания, был храм Тэгакса, который находится в самом центре Пусана. Однако полиция заранее оцепила храм и даже не позволила нам приблизиться к нему. Численность полиции была так велика, что они в несколько рядов окружили храм, и к тем, кто пытался пробиться, применяли снаряды со слезоточивым газом. И хотя студенты, которые стеклись в район храма Тэгакса, вступили в потасовку с полицией, выкрикивая лозунг «Оживите Пак Чончхоля!», пройти внутрь храма они не смогли.

В этом деле нельзя было просто отступить. Люди из

Народного собрания граждан Пусана после чрезвычайного совещания решили провести упрощенную панихиду прямо на улице перед Пусанским театром в районе Нампходон. И они тайно начали собирать желающих в указанном месте.

В оговоренное время – ровно в два часа дня – в спешке началась упрощенная панихида, на которую собралось около трехсот человек: простых горожан и студентов. Пели гимн и песни движения сопротивления, выступали с речью осуждения. Адвокат Но Мухён в свою очередь выступил с импровизированной надгробной речью. После демократических протестов в Пусане и Масане это был первый политический митинг. Люди собирались очень быстро и до отказа заполнили улицы.

Полиция, которая осознала все слишком поздно, окружила весь район и пыталась прорваться внутрь вместе с отрядами «черепов»*. Для того чтобы защитить засуетившихся от страха граждан и студентов, члены Постоянного комитета Народного собрания граждан Пусана сели на проезжую часть дороги и начали сидячую забастовку, создав тем самым живую преграду между полицией и студентами. И адвокат Но, и я сидели со всеми вместе.

Однако полиция стала беспорядочно закидывать сидящих снарядами со слезоточивым газом. И так как мы не могли от них уклониться, то все они попали в цель.

Полицейские набрасывались на собравшихся и насильно сажали в автозаки, которые в народе называли «куровозками»*. Из-за слезоточивого газа невозможно было открыть глаза еще некоторое время после того, как тебя засадили в автозак. А в этот момент тебя уже везли в пусанский отдел по борьбе с коммунизмом*. Успешно проведенная панихида в тот день продолжилась сидячей забастовкой даже после нашего ареста, в итоге в ней приняли участие около десяти тысяч человек. Эти события послужили толчком к Июньскому противостоянию.

Людей, которых полиция арестовала в тот день на митинге и демонстрации, разделили и потребовали ордер на арест по одному человеку из каждой группы: адвокатов, религиозных деятелей, руководителей оппозиционных организаций, молодежи и студентов. Из адвокатов они задержали Но Мухёна, меня и Ким Кваниля, который также участвовал в сидячей демонстрации на улице. И для Но Мухёна, как для основного представителя от адвокатов, запросили ордер на арест.

Тогда адвокат Но уже стал головной болью для всех пусанских юристов в области прав человека. Возможно, дело было еще и в том, что после ареста он с завидным постоянством отказывался давать показания. В то же время с юридической

точки зрения, если не был выписан ордер, то в течение 48 часов задержанного должны отпустить в любом случае, было ли это задержание на месте или же поимка преступника. Однако по истечении 48 часов нас всех, включая меня и Ким Кваниля, продолжали держать в СИЗО, хотя на нас даже ордера не заказывали.

Я точно засек время и, когда 48 часов наконец-то прошли, встал со словами: «Мы должны идти домой». Однако полицейские перегородили выход в коридор и не позволили нам уйти. Мы сопротивлялись, настаивая на своем, но в итоге нам пришлось вернуться в камеру. Примерно через час ситуация повторилась, так как мы не собирались отступать. Нас задержали 7 февраля днем, примерно в половине третьего, а освободили нас с Ким Кванилем только около шести вечера 9 февраля, а значит, мы провели под арестом гораздо больше 48 часов.

Как только нас освободили, мы сразу отправились в контору, так как очень переживали за адвоката Но Мухёна. С того времени дело Но Мухёна уже успели рассмотреть и отклонить заявление о выдаче ордера на арест. Однако мы узнали, что прокуратура повторно запросила ордер.

Когда запрос был отклонен, Но Мухёна, конечно, должны были освободить, но его не отпускали и, скрывая факт отказа в выдаче ордера, запросили его повторно. Меня охватила злость. Я не мог оставаться хладнокровным.

Прежде всего, я пошел в кабинет дежурного судьи, который был ответственен за выдачу ордера по повторному запросу. В кабинет зашел также и начальник отдела общественной безопасности прокуратуры Пусана, который и подал повторный запрос на ордер. Это не поддавалось здравому смыслу. Я начал громко протестовать против происходящего.

– Почему здесь начальник отдела общественной безопасности?! Разве Вы не убеждаете тем самым судью в необходимости выписать ордер?! В выдаче ордера было отказано, почему же Вы не освободили человека?! У меня к Вам эти три вопроса, – я кричал, чтобы он выслушал до конца.

Лицо начальника отдела общественной безопасности покраснело, и, не зная, как ему поступить, он просто сбежал.

Как раз в то же время председатель Комитета по правам человека Корейской ассоциации адвокатов Ю Тхэкхён и член Комитета по правам человека адвокат Ха Кёнчхоль пришли в кабинет судьи, чтобы все прояснить. Эти двое напирали на то, что им необходимо выяснить правду с точки зрения Ассоциации адвокатов, и что Ассоциация адвокатов не останется безучастной, если судья примет повторный запрос на отклоненный ордер на

арест.

Ю Тхэкхён, как опытный адвокат, во всем этом водовороте событий очень умело напугал судью. «В настоящий момент Корейская ассоциация адвокатов выносит на рассмотрение членов правления общества проект поправок в устав. Смысл их состоит в том, чтобы отказывать в адвокатской регистрации судьям и прокурорам, которые по политическим делам вынесли решения, нарушающие права человека». Это была угроза, что если судья несправедливо выдаст ордер на арест, то по завершении судейской деятельности он не сможет получить регистрацию адвоката. В действительности, если внутри Комитета по правам человека Корейской ассоциации адвокатов и были подобные обсуждения, до вынесения поправок в устав на рассмотрение членами правления, конечно, дело не дошло.

Дежурный судья подготовил ордер и, поразмыслив, оставил запись и просто ушел с работы. Он сказал, что пойдет на обед и скоро вернется, но обратно не пришел и как будто просто пропал. Это было очень мудрое решение. Дело было в том, что полиция формально не обработала заявку на повторную выдачу ордера, и начальник отдела общественной безопасности лично попросил дежурного судью выписать ордер. Следовательно, несмотря на то что судья просто ушел, не выполнив заявку, в прокуратуру нечего было доложить. В то время такие тайные заявки на выдачу ордера на арест по политическим делам проходили беспрепятственно. Такие вещи делались напрямую.

Следователь вдруг выпучил глаза. Бунт на корабле? Ведь запрос об аресте задержанного адвоката исходил от отдела общественной безопасности Верховной прокуратуры, а о его выполнении необходимо было доложить министру юстиции и получить от него одобрение. Однако если ордер не был выдан, то отдел общественной безопасности Пусанского отделения прокуратуры должен был отвечать за свою некомпетентность.

Начальник отдела общественной безопасности, задержавший адвоката Но, очень волновался и всю ночь ездил с заявкой на ордер по домам других старших судей. Другие судьи не собирались брать на себя это дело со словами: «Это дело, которым должен заниматься дежурный судья. Почему Вы приехали с ним ко мне?» Он даже поехал к начальнику отдела судейской деятельности, но и тот ответил отказом. В конце концов он добрался и до председателя суда, но пользы это не принесло.

В итоге утром следующего дня адвоката Но отпустили. Полиция больше не могла его удерживать, поэтому поздно вечером они доставили его домой, проводили до дверей и

остались наблюдать, но так и не нашли повода выписать ордер и наутро уехали.

В тот день Но Мухён в один миг стал знаменит по всей стране. Все газеты трубили о нем и печатали громадными буквами заголовки типа «За сутки ордер был отклонен четыре раза». Этот случай обличил положение дел с соблюдением законности, и в то же время это дело стало символом горячего сопротивления Пусанского региона текущей политической ситуации.

Незаконное задержание трех адвокатов, в числе которых был и Но Мухён, не могло остаться незамеченным. Местная коллегия адвокатов Пусана решила подать иск на возбуждение уголовного дела. Однако оно так и осталось незавершенным. Хотя запрос на выдачу ордера и был отклонен, прокуратура могла подать запрос на проведение судебного разбирательства по факту невозможности задержания, несмотря на подозрение в совершении преступления. Однако такого запроса не поступило, и Ассоциация адвокатов молча согласилась на прекращение дальнейшего детального расследования. Однако позже, когда адвокат Но был задержан по делу компании *Daewoo Shipbuilding,* прокуратура все же приобщила этот случай к иску.

Политическая обстановка в стране накалялась, все шло к великому Июньскому противостоянию. По всей стране дул ветер демократизации. В Пусане он особенно чувствовался. Пожар демократизации, который начал разгораться с начала 1987 года, был особенно жарким именно в Пусане. 13 апреля 1987 года, когда президент Чон Духван выступил с заявлением о том, что будут приняты меры для сохранения старой Конституции от 13 апреля*, началось сильное сопротивление. Первыми движение начали представители интеллигенции. Деклараций о текущей политической ситуации было как воды в запруде. Декларации о текущей ситуации в стране начали распространяться сперва среди преподавателей университетов, а позже – и среди других групп интеллигенции. Мне запомнилось, что декларации адвокатов, стоматологов, фармацевтов о политическом положении в стране впервые появились именно в Пусане. Мы с адвокатом Но даже зачитывали «Декларацию пусанских адвокатов», под которой стояли 24 подписи и которая требовала отмены мер по сохранению старой Конституции, внесения поправок в конституцию и введения системы прямых выборов. Для адвокатского сообщества это было беспрецедентным.

Неоднократно в центре города то тут, то там организовывались уличные демонстрации. Народ реагировал на них очень доброжелательно. Когда демонстранты маршировали,

выкрикивая лозунги, простые граждане стояли на обочине и поддерживали их аплодисментами. Хотя демонстрации и мешали уличной торговле, но, когда раздавались лозунги, продавцы не препятствовали шествию. Прохожие и продавцы, выходя вперед, осуждали действия полиции, которая пыталась задерживать участников демонстраций, и преграждали ей путь. Многие раздавали хлеб и напитки. Бывало даже, что демонстранты раздавали листовки, а им тут же передавали собранные деньги для покрытия расходов.

В мае того года на базе Народного собрания граждан Пусана был организован Пусанский гражданский штаб. Гражданский штаб – это сокращение от Штаба гражданского движения за достижение демократической Конституции. Гражданский штаб был одной из самых масштабных организаций движения за демократизацию за всю историю существования государства. Его размеры и мощь были настолько велики, что он оказывал поддержку всем организациям демократического движения вплоть до оппозиционной партии.

Пусанский гражданский штаб предвосхитил создание Сеульского гражданского штаба и был основан первым в стране. Адвокат Но был назначен председателем Постоянного исполнительного комитета Пусанского гражданского штаба. Председатель в этой организации играл роль «защитной стены», оказывая финансовую помощь. Также в его задачи входило призывать людей на улицах принять участие в митинге или демонстрации, что в значительной степени выходило за рамки принятых поведенческих моделей адвокатов в области прав человека. Вообще, это была не та роль, которую отводили адвокатам, однако Но Мухён сам вызвался исполнять эти обязанности. Я же стал членом Постоянного исполнительного комитета.

Июнь 1987 года. В Пусане под руководством Гражданского штаба ежедневно проходят уличные демонстрации. По сравнению с остальными регионами страны, в Пусане демонстрации были самые многочисленные, к тому же очень яростные. Демонстрации продолжались в центре города ежедневно до глубокой ночи. Вплоть до окончания демонстрации мы следовали за демонстрантами и внимательно следили за возникающими то тут, то там происшествиями, а после этого собирались в церкви «Чунбу» и тщательно рассматривали все случаи этого дня, строили планы на следующий день и только затем шли домой. Мы видели положительную реакцию граждан и наблюдали, как демонстрации становились все более яростными и масштабными, и чем дольше это продолжалось, тем сильнее мы чувствовали, что

есть возможность свергнуть военную диктатуру.

Однако тут до нас дошла новость, что демонстранты, загнанные в храм в квартале Мёндон* в Сеуле, разошлись и что противостояние переходит в спокойную фазу. Численность демонстрантов в Сеуле и других регионах резко уменьшилась. Мы понимали, что если сдаться сейчас, то снова все будет потеряно.

Мы видели положительную реакцию граждан и наблюдали, как демонстрации становились все более яростными и масштабными, и чем дольше это продолжалось, тем сильнее мы чувствовали, что есть возможность свергнуть военную диктатуру.

Однако в Пусане атмосфера была совсем иная. Наоборот, все только набирало обороты. Руководство Пусанского гражданского штаба во главе с Но Мухёном решило, что центральная роль в противостоянии, которую раньше играл храм на Мёндоне в Сеуле, должна перейти Пусану. Незамедлительно заручившись поддержкой священников Ассоциации справедливости католических священников, Пусанский католический центр организовал забастовку. Впоследствии вплоть до окончания Июньского противостояния Пусанский католический центр взял на себя центральную роль в движении сопротивления, которая раньше принадлежала храму на Мёндоне.

Жители Пусана тоже все чаще принимали участие в движении сопротивления. Если начиналась демонстрация, то зачастую демонстранты продвигались по автомагистралям с

восточной части к пригородам Пусана через мэрию и телецентр, образовывая «освобожденные районы». Пусан боролся изо всех сил, и атмосфера в других регионах, в том числе и в Сеуле, где демонстрационное движение временно пошло на спад и наступило затишье, стала снова оживать. Нас переполняла радость, когда мы это видели.

Было примерно 20 июня. Пошли слухи, что в Пусане будет введен гарнизонный декрет и в город войдут войска. Однако эти слухи только прибавили нам сил. Диктаторская власть была загнана в угол, и это придало нам уверенность, что Пусан сам вершит свою судьбу. «Если мы сейчас не уступим и будем держаться до конца в этот решающий момент, мы сможем одержать победу», – так мы рассуждали с Но Мухёном. Позже мы узнали, что вступление в силу гарнизонного декрета в Пусанском округе и введение армии в город, о которых так много говорили, действительно планировались. И только из-за внутренних разногласий уже на стадии окончательной подготовки к передислокации вооруженных сил план не был осуществлен.

Так свет увидела Декларация 29 июня*. Это была декларация капитуляции режима военной диктатуры. Конечно, нередко звучало и такое мнение: «Декларацией 29 июня нельзя положить конец. Это шахермахерство. Необходимо все окончательно ликвидировать». Однако сложность была в том, что поправка в Конституцию о введении системы прямых выборов могла спровоцировать еще больший конфликт на отвоеванной территории. Как бы там ни было, даже после принятия поправки о введении прямых выборов демократический лагерь не смог одержать победу на президентских выборах из-за раскола «двух Кимов*», но это не было виной граждан.

Июньское противостояние было великим гражданским движением за демократизацию, которое силами граждан смогло свергнуть режим военной диктатуры.

Я считаю, что именно Июньское противостояние должно получить наивысшую оценку в истории движения за демократизацию нашей страны. Апрельская революция или противостояние в Кван-чжу имели черты спонтанности или даже стихийности. А Июньское противостояние, наоборот, было организовано единым органом борьбы, который назывался «Гражданский штаб» и имел четко сформулированную цель. Противостояние разворачивалось очень организованно и спланированно под руководством организации и неуклонно двигалось к цели – принятию поправки к Конституции о введении прямых выборов. Разве это не единственный пример в истории движения за демократизацию нашей страны?

К тому же, несмотря на то что Июньское противостояние было движением за демократизацию, распространившимся на всю страну, я считаю, что более правильным будет считать центром движения не Сеул, а Пусан. В Пусане раньше всего был основан Гражданский штаб, в течение всего периода именно здесь шли самые ожесточенные протесты, именно Пусан сыграл роль стимула для распространения демонстраций на другие регионы. Решающий момент наступил, когда после добровольного ухода протестующих из храма на Мёндоне демонстрации в Сеуле и других регионах стремительно затихли, а жители Пусана одновременно с организацией забастовки в Католическом центре стали с еще большим рвением участвовать в демонстрациях, чем вновь разожгли огонь борьбы. Именно это и стало движущей силой, которая привела в итоге борьбу к успеху.

С этой точки зрения мне обидно, что при описании истории Июньского противостояния основная роль приписывается Сеулу, в то время как заслуги Пусана остаются сильно недооцененными. Должен сказать, что это все результат сеулоцентризма.

В этом, конечно, есть и вина жителей Пусана. После объединения трех партий сознание жителей Пусана стало более консервативным, поэтому они сами преуменьшали свою роль в Июньском противостоянии.

Жители Пусана до объединения трех партий были полны гордости и говорили, что, если Пусан восстанет, он может изменить историю, имея в виду, что благодаря движению в Пусане и Масане удалось свергнуть режим Юсин, а благодаря Июньской борьбе положить конец режиму Пятой республики. Мне обидно, что в таком возвышенном самосознании граждан Пусана, где всегда были сильны оппозиционные настроения, произошли такие сильные изменения после объединения трех партий. Постепенно Пусан стал переходить на сторону правящей партии и до сих пор не может освободиться от имиджа сторонника партии «Ханнара».

С одной стороны, развертывание в Пусане еще более ожесточенных демонстраций после добровольного ухода протестующих из храма на Мёндоне, когда в других регионах пыл борьбы значительно поубавился, не было совершенно стихийным событием. Руководство Пусанского гражданского штаба, которое внимательно следило за ходом демонстрационного движения по всей стране, считало поначалу его усиление довольно опасным. Однако, как только протестное движение в Пусане вспыхнуло с новой силой, решительные действия, предпринятые в связи с организацией забастовки в Католическом центре, повысили и организационную мощь демонстраций.

Это полностью совпадало с нашими намерениями, и у меня до сих пор свежи в памяти те ликование и гордость, которые мы испытывали, говоря «мы справились с этим», видя, как по всей стране возрождается дух борьбы, который, казалось, уже потух.

Поддержкой служило то, что руководство Пусанского гражданского штаба наряду с обычными гражданами прикладывало усилия к укреплению демонстрационного движения. Это стало возможным благодаря тому, что, в отличие от других регионов, наше руководство, в котором состояли адвокаты, священники и пасторы, само выходило на улицу. Если бы мы так не делали, то разве могли бы мы говорить, что хотим усилить демонстрационное движение? Инициатива принадлежала Но Мухёну. Большую пользу приносило и то, что я был рядом с ним.

Однако, несмотря на это, потом, когда Но Мухён стал политиком, он был воспринят группой активистов сеульского движения за демократизацию как провинциал, который не участвовал в основном ходе движения. Я думаю, что вдобавок к сеулоцентристскому взгляду это издержки элитаризма и академической солидарности, которые были развиты внутри лагеря движения за демократизацию. На мой взгляд, по крайней мере в период Пятой республики, не было ни одного человека, который бы, как Но Мухён, яростно сражался, забыв про себя.

Комментарии

* Отряд «черепов». 백골 (白骨) 단. В 1980-90-е годы – неофициальное название полицейского подразделения, состоявшего из полицейских в штатском и выполнявшего задачи по подавлению массовых преступных актов. Оно получило название «Белая кость» из-за того, что во время подавления гражданских протестов члены спецподразделения носили белые шлемы, отличающиеся по внешнему виду от формы рядовых полицейских. Они были символом репрессий эпохи диктатуры и символом государственной власти, которая вселяла ужас в граждан.

* «Куровозка». 닭장차. Популярное неофициальное название полицейского автобуса с железной сеткой на окнах.

* Отдел по борьбе с коммунизмом. 대공 (對共) 분실. Этот ведомственный орган в полиции официально занимался расследованием случаев шпионажа, но фактически он занимался расследованием государственных политических преступлений и превратился в организацию, которая путем пыток и

фальсификации обвинений в сочувствии коммунизму выполняла функцию государственного карателя. Главным управлением называется также отдельное здание, в котором выполнялись указанные служебные поручения.

* Меры для сохранения старой Конституции от 13 апреля. 4-13 호헌조치. Меры, обнародованные 13 апреля 1987 года президентом-диктатором Пятой республики Чон Духваном, которые отклоняли требование народа о демократизации и прекращали все дискуссии о внесении поправок в Конституцию. Однако вопреки ожиданиям диктаторского режима эти меры имели противоположный эффект и только подогрели жар борьбы народа за демократизацию. Одновременно с обнародованием мер по всей стране стала слышна критика интриг с целью продления режима, стали собираться демонстрации с требованием внесения поправок в Конституцию. И в этой обстановке выявился факт сокрытия смерти Пак Чончхоля от пыток, что стало поводом для Июньского противостояния 1987 года.

* Демонстранты, загнанные в храм в квартале Мёндон. 명동성당농성. Забастовка 10 июня 1987 года, когда протестующие, преследуемые полицией во время крупномасштабной демонстрации в центре города, были вытеснены и изолированы в храме на Мёндоне в течение шести суток. Эта забастовка была добровольно прекращена через шесть дней, хотя и получила продолжение в виде Июньского противостояния.

* Декларация 29 июня. 6-29선언. Специальная декларация, обнародованная 29 июня 1987 года представителем правящей партии Ро Дэу и провозглашавшая принятие диктаторским режимом Чон Духвана, который уступил в борьбе с Июньским противостоянием, требований народа о демократизации и реформе Конституции с целью введения системы прямых выборов. Основными пунктами были поправка о введении системы прямых выборов, мирная передача власти новому режиму со стороны военной диктатуры, помилование, политическая реабилитация и освобождение от обвинений в политическом преступлении Ким Дэч-жуна.

* Раскол «двух Кимов». 양김 ’의분열. «Двумя Кимами» называли в то время двух лидеров оппозиционных партий – Ким Ёнсама и Ким Дэчжуна. Граждане желали победы демократических сил на президентских выборах путем объединения кандидатов, но, так как они баллотировались отдельно, в итоге уступили режиму Ро Дэу, который являлся преемником Чон Духвана.

Великая борьба рабочих и арест адвоката Но Мухёна

В июне – августе началась Великая борьба рабочих, не дав нам передышки и времени подольше насладиться победой в Июньском противостоянии. Не было времени и просто вздохнуть. Результатом борьбы стали аресты и увольнения большого количества рабочих. С того времени все эти дела перешли ко мне. В районе Пусана и прилегающей провинции Южная Кёнсан, где были сконцентрированы промышленные производства, кроме меня и адвоката Но, не было тех, кого можно было бы назвать адвокатами по трудовым спорам. К тому же после Июньского противостояния Но Мухён фактически отошел от обязанностей адвоката и бесконечно колесил по предприятиям, узнавая сведения о текущей ситуации. И в итоге его арестовали. Как раз по делу компании *Daewoo Shipbuilding*.

В ходе уличной забастовки, которую провели рабочие этой компании, от слезоточивой бомбы погиб Ли Соккю. Очень трагический случай. Из Сеула на место происшествия выехал адвокат Ли Сансу, а из Пусана – Но Мухён. Их задержали по подозрению во «вмешательстве третьих лиц»* и «препятствии проведению похоронных обрядов». «Вмешательство третьих лиц» было в то время драконовским законом, которым явно злоупотребляли, а помимо этого власть еще расставила ловушку небывалого Закона о препятствии проведению похоронных обрядов.

После того как один из родственников, который был близок с покойным, договорился с фирмой о выплате компенсации, Но Мухён собирался спокойно поехать домой, но в обстановке перепалки между Рабочим профсоюзом и Чрезвычайным комитетом по принятию мер обоих адвокатов, которые пытались помочь с делом, обвинили в «препятствии проведению похоронных обрядов». Дело было шито белыми нитками. Возможно, это было первое в истории Республики Корея преступление, которое называлось «препятствие проведению похоронных обрядов». Некоторое время спустя член Демократической партии Пэк Вону был арестован по такой же причине на гражданской панихиде по президенту Но Мухёну. Таким образом, я знаю только два случая обвинения в препятствии проведению похоронных обрядов. И в одном из них я лично вел защиту в суде, а во втором выступал свидетелем. Невообразимое совпадение.

Как только в Пусанской палате адвокатов стала известна шокирующая новость об аресте адвоката Но Мухёна, началось независимое расследование. И в подкомитете расследования я занял место председателя. Я поехал на «место преступления» в Кочже и, скрупулезно изучая все детали происшествия, встречался с представителями профсоюза и с представителями Чрезвычайного комитета по принятию мер, внимательно слушал их свидетельские показания. Я тщательно изучил все обстоятельства гибели Ли Соккю, его похорон, а также роль двух адвокатов в этом деле. Затем я сформировал общую группу адвокатов для коллективной защиты.

В эту группу по делу Но Мухёна вошло 99 человек. На то время это была самая большая группа адвокатов за всю историю. Среди них был 91 пусанский адвокат. При этом всего в Пусанской палате адвокатов было зарегистрировано примерно 120 человек. Если исключить тех, кто имел регистрацию, но не осуществлял практическую деятельность, то в группе приняли участие практически все без исключения реально работающие адвокаты. День за днем я получал новые постановления о назначении адвоката в качестве защитника* – все с радостью давали согласие на осуществление защиты, поэтому собрать правозащитную группу было несложно. И вот за что еще я благодарен всем – за то, что, когда я подал иск на обжалование и судебную проверку законности и обоснованности содержания под стражей, большая часть адвокатов пришла в суд лично. В зале заседания, конечно же, не было предусмотрено столько мест для защитников, поэтому практически все места для зрителей оказались заняты адвокатами. Когда председатель суда проверял, кто из адвокатов пришел, из зала бесконечно доносилось «здесь» и поднимались руки. Даже если бы мы не вели защиту вербально, само их присутствие уже было безмолвной защитой. В итоге Но Мухёна удалось освободить через двадцать три дня ареста по признанию необоснованности задержания*.

Однако в итоге в ноябре 1987 года прокуратура возбудила против Но Мухёна дело о непроизведенном задержании подозреваемого, и как раз в то время Но Мухён получил приказ о приостановке адвокатской деятельности. Этот приказ освобождал Но Мухёна от служебных обязанностей с июня 1988 года, после того как он был избран депутатом в Национальное собрание.

Я полностью взял на себя судебное разбирательство по делу Но Мухёна. В случае судебного разбирательства по делу о непроизведенном задержании не было необходимости доставлять неудобства всей адвокатской группе. Текст моей защитительной речи, представленной в суде, даже был включен в «Хроники

адвокатской защиты Хан Сынхона», написанные адвокатом Хан Сынхоном. Адвокат Хан Сынхон был одним из тех, кто входил в коллективную группу адвокатов.

В феврале 1988 года суд вынес приговор о взыскании с Но Мухёна штрафа в размере одного миллиона вон. Фактически это означало оправдательный приговор. Текст приговора также приведен в «Хрониках адвокатской защиты Хан Сынхона». Я не смог должным образом поблагодарить всех 99 адвокатов, имена которых значатся в тексте приговора. Позже мы подали апелляционную жалобу на несправедливость наложения штрафа, однако затем отозвали ее, так как адвокат Но начал службу в Национальном собрании и участвовать в судебных процессах становилось сложно.

Комментарии

* Вмешательство третьих лиц. 3자개입. Имеется в виду статья «О запрете на вмешательство третьих лиц», которая была введена в Трудовой кодекс новой военной кликой Чон Духвана, пришедшей к власти в результате военного переворота 1980 года, с целью ограничения трудовых отношений в рамках отношений полномочных представителей соответствующей компании и рабочих. Целью являлось пресечение помощи третьих лиц для восстановления прав рабочих, которые не владеют законом или же не могут должным образом отстаивать свои права ввиду слабого положения. Использовалась в качестве важной предпосылки для притеснения профсоюзов.

* Постановление о назначении адвоката в качестве защитника. 선임계. Передаваемый в суд документ о назначении определенного адвоката в качестве представителя на судебном процессе. Без подачи постановления о назначении адвоката в качестве защитника судебный процесс не может быть осуществлен.

* Необоснованность задержания. 구속적부심. Система, при которой суд рассматривает законность и необходимость задержания арестованных подозреваемых и освобождает подозреваемого, если задержание не обосновано.

Выдвигаем адвоката Но Мухёна в национальное собрание

Апрель 1988 года. На 13-х парламентских выборах адвокат Но Мухён был избран в Национальное собрание. В начале того года ему пришло предложение о вступлении в Демократическую партию объединения от ее председателя Ким Ёнсама. Это было время, когда «два Кима», проигравшие в президентских выборах, пригласили его вступить каждый в свою оппозиционную партию.

Ким Кваниль, которого тоже пригласили на работу, уже заранее сам все решил. Но Мухён не принимал решения самостоятельно, а сперва попросил провести обсуждение в группе активистов пусанского движения за демократизацию, с которыми он вместе боролся во время Июньского противостояния. Многие высказались против. В Пусане выдвижение на политическую арену вызывало отторжение у представителей движения за демократизацию и гражданского движения.

Но многие выступили за. Они считали, что необходимо приложить усилия для того, чтобы повторить успех Июньского противостояния, которое сошло на нет, политическим путем. Я был за. Потому что я чувствовал, что он этого хочет. К тому же если он выставит свою кандидатуру на выборах, то очевидно, что его изберут. Но Мухён не был честолюбив. Я считал, что если он станет депутатом Национального собрания, то сможет еще больше и лучше помогать рабочим. Одновременно с этим на мое решение, вероятно, сильно повлияла мысль о том, что он все равно уже приостановил свою адвокатскую деятельность. Обсуждение закончилось тем, что большинство все-таки согласилось с выдвижением кандидатуры Но Мухёна. Так и было принято решение.

И он сам, и те, кто его выдвигал, – мы все осознавали, что отправляем Но Мухёна в политику не для того, чтобы он достиг личного успеха в жизни, а для того, чтобы он представлял пусанское движение за демократизацию. Поэтому лагерь движения за демократизацию активно сплотился на выборах, и группа активистов развернула движение за его поддержку практически с такой же силой, как во время движения за демократизацию.

Прежде всего, надо было избраться в районный избирательный округ. Когда Но Мухён решил выдвинуть свою кандидатуру на выборы, я, естественно, думал, что он будет выдвигаться от Южного округа Пусана, где он жил в течение

долгого времени. Демократическая партия объединения тоже так предполагала, поэтому освободила место именно в Южном округе Пусана. В то же время это было лучшее место для проведения выборов, потому что там больше всего жилых кварталов, к тому же жители округа отличались высокой сознательностью, а значит, явка на выборы обещала быть высокой.

Однако Но Мухён не выбрал этот округ и сказал, что будет избираться от Восточного округа Пусана, с которым его ничего не связывало. В то же время, так как кандидатом от этого округа от Демократической партии справедливости был Хо Самсу, который в то время был центральной фигурой в новой военной клике и Пятой республике*, Но Мухён хотел скрестить с ним шпаги и вынести окончательное решение на суд избирателей. Многие отговаривали его, но он не уступил и проявил упрямство. Действительно, очень по-номухёновски.

Я не смог тогда лично помочь в этих выборах, так как большинство активистов движения хотели помогать Но Мухёну, хотя пусанский лагерь движения за демократизацию решил, объединившись, помочь на выборах обоим адвокатам – Но Мухёну и Ким Кванилю.

Это было естественно и закономерно, так как начиная с Пятой республики и до самого Июньского противостояния адвокат Но играл ведущую роль в движении за демократизацию в Пусанском регионе. Все бывшие подсудимые, которым Но Мухён помогал в свое время, по-человечески прониклись к нему доверием. Понимая всю ситуацию, костяк группы активистов движения, члены которого были связаны с Ким Кванилем еще до деятельности Но Мухёна, решил поддерживать на выборах адвоката Кима. Так как число тех, кто помогал Ким Кванилю в подготовке выборов, было довольно мало, мне доверили обязанность по привлечению сторонников на его выборы.

Я и сейчас помню предвыборный плакат адвоката Но, который использовался на тех выборах. Это черно-белая фотография, где он в простой одежде, но с горящими глазами стоит на фоне трущоб на окраинах Восточного района. Фотография для этого плаката была сделана фотографом из группы активистов движения, а напечатан плакат был в печатной фирме, которая тоже принадлежала одному из активистов движения. Предвыборным лозунгом была фраза: «Мир, в котором живут люди». Лозунг очень подходил к плакату. Такого сильного предвыборного плаката я не видел ни до, ни после. Когда адвокат Но стал депутатом Национального собрания, он больше не мог использовать такие плакаты. Лозунг «Мир, в котором живут люди», появившийся тогда, он потом часто использовал в своей

подписи, даже когда находился на президентском посту и уже после своей отставки. Наверное, это было потому, что он думал, что и во время его президентской службы «мир, в котором живут люди» по-прежнему далек и, следовательно, его заветное желание о создании этого мира еще актуально.

Предвыборным лозунгом была фраза «Мир, в котором живут люди». Лозунг очень подходил к плакату. Такого сильного предвыборного плаката я не видел ни до, ни после.

Как только адвокат Но был избран, нас обрадовало то, что он стал знаменитостью на парламентских слушаниях*. И хотя его слава была велика, он испытал много отчаяния и страданий. Каждый раз, когда я видел эти моменты отчаяния и страдания, я сожалел о том, что поддержал его в решении пойти в политику. К тому же в сложные времена он в шутку говорил: «Вы тоже ответственны за то, что направили меня в политику».

В действительности я пару раз предлагал ему вернуться к адвокатской деятельности, когда он вел внепарламентскую деятельность после провала на выборах в Национальное собрание. Не то чтобы я советовал ему совсем завязать с политикой, но я спрашивал, не хочет ли он вернуться к работе

адвокатом, рассуждая при этом так: пока что он все равно ведет внепарламентскую деятельность, страдая при этом, а работая адвокатом по правам человека и осуществляя деятельность в регионе, он сможет заручиться поддержкой местного населения, а потом, как только будут объявлены новые выборы, выдвинуть свою кандидатуру. Однако, вступив однажды на путь политики, сойти с тропы уже сложно.

Однажды была вероятность, что он навсегда оставит политику. Это было в тот момент, когда он проиграл выборы в Сеуле в округе Чонно и провалился на выборах в Пусанском округе Кансо. Тогда он сказал мне, что если в этот раз проиграет на выборах, то закончит с политикой. Однако, когда он проиграл, произошел неожиданный случай, который вызвал сильные чувства у граждан из-за этого принципиального политика, *дурака* Но Мухёна. И благодаря этому он возродился, в итоге став президентом. Однако после каждой неудачи оставалось раскаяние, что я не отговорил его от вхождения в политический мир с самого начала.

Комментарии

* Новая военная клика и Пятая республика. 신 (新) 군부오} 5공 (共). Но вой военной кликой называют военную силу, которая, совершив военный переворот после кончины президента Пак Чонхи, установила контроль над армией и захватила власть. Опорой военной клики являлось общество «Ханахве», основу которого составляли выпускники 11-го и 12-го выпусков Военной академии, такие как Чон Духван, Ро Дэу и Чон Хоён. Правительство, учрежденное ими после отстранения от власти президента Чхве Гюха и назначения Чон Духвана президентом путем проведения непрямых выборов, получило название режима Пятой республики. Позже Чон Духвану был вынесен приговор за проведение военного переворота и жестокое подавление восстания в Кванчжу.

* Парламентские слушания. 국회청문회. Парламентские слушания были открыты в ноябре 1988 года и послужили отправной точкой для инициирования установления права парламентской инспекции для Национального собрания с целью расследования фактов коррупции в период Пятой республики. Были проведены следующие слушания: слушание о фонде «Ильхэ» с целью раскрытия фактов коррупции и сращивания бизнеса и государственной власти во время Пятой республики; слушание о движении за демократизацию в Кванчжу с целью выяснения

истины в отношении противозаконных действий во время инцидента 12 декабря и введения приказа стрелять на поражение во время проведения движения за демократизацию в Кванчжу; слушание о выяснении истины в отношении установления контроля правительства над СМИ, в том числе насильственного объединения структур СМИ и принудительных увольнений. Слушания послужили источником повышенного внимания к Но Мухёну, который был в то время депутатом Национального собрания и выступал в качестве члена Комитета по слушаниям, и который благодаря острым вопросам, едким замечаниям и громким упрекам в одночасье стал настоящей звездой.

Остаюсь один

После того как адвокат Но Мухён ушел, я остался один. Теперь я должен был в одиночку заниматься всеми делами, которые раньше мы делали вместе с Но Мухёном. Раньше ответственность за все дела лежала на Но Мухёне, а я только помогал, а теперь я должен был взять все на себя. Однако в целом у меня не было проблем с ведением дел, так как адвокат Но уже довольно давно самоустранился от повседневных обязанностей, и в дальнейшем из-за приостановки его работы я один занимался делами конторы.

При администрации президента Ро Дэу политических дел и трудовых споров было по-прежнему много. Неизменным осталось и то, что адвокатская контора играла роль центра в регионе Пусан и провинции Южная Кёнсан. И поэтому, когда люди слышали, что я адвокат по правам человека, то, конечно, все, кто был в затруднительном положении и даже не был связан с политическими делами, приходили ко мне. Мне даже поручали проводить защиту по коллективным гражданским искам. Дел было так много, что я один уже не выдерживал. Я постоянно брал с собой домой огромные папки с делами и до рассвета готовился к заседанию суда или писал речь защиты в суде. Дети думали, что быть адвокатом – это сложное, опасное и грязное дело. Несмотря на это, я воспринимал эту работу как свой крест, который я должен с достоинством нести, и с радостью брался за дела. Я всегда был счастлив оттого, что благодаря хорошо выполненной мною работе я могу помочь людям.

Хотя дел было много и было сложно, это был самый стабильный период в моей жизни. Это было время, когда я мог наслаждаться жизнью благодаря чувству, что пусть я и не лучший во всем, но моя жизнь и мое чувство долга, направленное на благо мира, находятся в балансе лично для меня.

Как и адвокат Но в свое время, я тоже стал принимать адвокатов, которые оканчивали Учебный центр – одного, потом еще одного – и расширил численность конторы. Эти адвокаты приходили, так как хотели вместе исполнять ту роль, которую взяла на себя наша контора, хотя заработать много денег здесь было невозможно.

Были и те, кто приходил с твердым намерением стать адвокатами в области трудового права, так как они знали, что наша контора занимается всеми трудовыми спорами в регионе Пусан и провинции Южная Кёнсан. Так, когда к 1995 году численность адвокатов в конторе достигла важной отметки в пять

человек, мы учредили корпоративную юридическую фирму. Это была юридическая компания «Пусан», ведущим адвокатом которой я до сих пор являюсь. Адвокат Но тоже вошел в основной состав адвокатов, приехав из Сеула в Пусан, однако, став президентом, взял перерыв в работе. И сейчас тоже адвокаты юридической компании «Пусан», конечно, входят в организацию «Юристы за демократическое общество», и каждый из них работает в соответствии с областью профессиональной ответственности: в сфере прав человека, гражданских или рабочих движений.

После того как адвокат Но пошел в политику, силы движения за демократизацию в Пусане тоже постепенно эволюционировали и разделились на гражданское движение, движение за защиту окружающей среды, рабочее движение и народное движение. Так как многие принимали участие в гражданском движении и движении за защиту окружающей среды, и условия там были хорошие, то я сконцентрировался в основном на рабочем движении и на помощи деятельности профсоюзов.

Я трудился в разных организациях: в основанном во второй половине 1987 года Пусанском центре исследования трудовых вопросов, где мы работали вместе с Но Мухёном, который затем сложил с себя обязанности после избрания депутатом Национального собрания; в Пусанской коллегии трудовых организаций, сформированной в апреле 1989 года после объединения всех консультационных центров в Пусанском регионе, и в открытой в апреле 1994 года общественной организации под названием «Солидарность ради помощи рабочим».

«Солидарность ради помощи рабочим» была создана, чтобы оказывать помощь движению рабочих и рабочим профсоюзам, и объединила не только адвокатов, но и стоматологов, врачей традиционной корейской медицины, фармацевтов и прочих представителей медицинских кругов. Она и сейчас продолжает свою деятельность как объединение специалистов. Я считал, что главным в работе этих организаций была помощь в образовании и повседневной жизни профсоюзов.

После Июньского противостояния мы пережили настоящий взрыв рабочего движения, и все хотели создавать профсоюзы. Однако именно в то время не было такого центра, куда рабочие могли бы прийти и получить помощь или консультацию по поводу правил организации профсоюзов, составления устава, заключения коллективного договора после создания профсоюза. Эту роль взял на себя Пусанский центр исследования трудовых вопросов. Количество профсоюзов, в учреждении которых мы

оказали помощь вплоть до подготовки необходимых документов, перевалило за двести.

«Солидарность ради помощи рабочим» была создана, чтобы оказывать помощь движению рабочих и рабочим профсоюзам, и объединила не только адвокатов, но и стоматологов, врачей традиционной корейской медицины, фармацевтов и прочих представителей медицинских кругов. Она и сейчас продолжает свою деятельность как объединение специалистов. Я считал, что главным в работе этих организаций была помощь в образовании и повседневной жизни профсоюзов.

Пусанская коллегия трудовых организаций и «Солидарность ради помощи рабочим» имели членскую систему для профсоюзов. Когда профсоюз оформлял членство в организации, адвокаты становились его юридическими консультантами, а медицинские сотрудники – консультантами по технике безопасности и здравоохранению; вместе с тем организация оплачивала лечение и помогала рабочим.

В состав «Солидарности ради помощи рабочим» в лучшие времена входило более ста тридцати объединений. Мы не разбирались, какая организация была для них управляющей: были ли это Корейская ассоциация профсоюзов или же Гражданская ассоциация профсоюзов. В то время в Пусанском регионе не было такой организации, за исключением «Солидарности ради помощи рабочим», которая объединяла бы профсоюзы, подчиняющиеся этим ассоциациям. Я периодически

давал состоящим в членстве профсоюзам юридические консультации по особо сложным вопросам, а также обучал их руководство. Сейчас в обеих ассоциациях есть отделы юридической поддержки и адвокаты на полной ставке, и они самостоятельно решают все вопросы без посторонней помощи. Можно сказать, что у них появилась способность жить самостоятельно. Разительные перемены.

Инцидент в университете Тоный и катастрофа в Ёнсане

Я вел защиту по бесчисленному количеству дел, и среди них были такие, которые не забываются. Ярким примером является дело о трагедии в университете Тоный, которая произошла в 1989 году. Это был душераздирающий инцидент, в котором потеряли жизнь несколько полицейских.

Этот случай до сих пор является предметом обсуждения. Дискуссии вокруг того, что же действительно произошло, продолжаются до сих пор. Комитет по рассмотрению вопроса компенсации участникам движения за демократизацию признал это дело «связанным с движением за демократизацию», и обсуждение о предоставлении компенсации дошло даже до правительства президента Ли Мёнбака. В довершение всего были даже выходящие за рамки разумного разговоры о том, чтобы провести меры по повторному рассмотрению дела согласно специальному указу, которое могло бы изменить решение Комитета по рассмотрению вопроса компенсации участникам движения за демократизацию.

И студенты университета Тоный, занявшие здание библиотеки в тот день, и полицейские, отправленные на подавление демонстрации, – все они были молодыми корейскими парнями. Просто они стояли по разные стороны баррикад. Один из полицейских отряда по подавлению массовых беспорядков был зачислен в университет Тоный и находился в академическом отпуске по причине прохождения службы. И когда начался пожар, ему удалось благополучно выйти из здания, хоть оно и было сильно задымлено и почти ничего не было видно: он хорошо знал внутреннее устройство библиотеки.

С этой точки зрения все оказались жертвами эпохи: и полицейские, отправленные на подавление демонстрации и погибшие там, и студенты, которых арестовали по делу о захвате здания и которым пришлось отсидеть срок в тюрьме. Если говорить о первопричине всего этого, то истинным виновником этого инцидента является не кто иной, как диктаторский режим. Несмотря на это, полицейские до сих пор выставляются жертвами студентов, и до сих пор продолжаются попытки разжечь ненависть по отношению к таким же жертвам этого случая.

Информация, которая распространялась в СМИ, а также доклады расследования сильно разнились с истинным положением дел. Газеты писали, что студенты заранее разлили

растворитель и ждали полицейских, а как только они вошли для того, чтобы подавить демонстрацию, студенты бросили в растворитель бутылку с горючей смесью, и огонь вспыхнул мгновенно, поэтому полицейские, не имея времени даже скрыться, погибли в огне. Причиной споров, которые продолжаются и сейчас, является как раз это недоразумение. Однако по объективной оценке произошедшего, которую подтвердили результаты судебного разбирательства, все было совсем не так.

Хотя на полу и был бензин, растворителя не было вообще. К тому же место, куда попала бутылка с зажигательной смесью, находилось в стороне от разлитого бензина. И так как огонь стал гаснуть сам по себе, полицейские перестали обращать внимание на фитиль в бутылке и переключились на внутренний обыск. Огонь стал потихоньку затухать, и казалось, он уже вот-вот погаснет совсем, как вдруг произошел взрыв, а затем возгорание.

Причиной возгорания, предположительно, были пары бензина*. Огонь из бутылки уже потухал, но бензин на полу испарялся, и критическая концентрация испарений была достигнута в последнюю секунду, когда огонь, который должен был уже вот-вот догореть, вдруг перешел на горючие пары и вызвал взрыв и возгорание.

Причина, по которой на полу оказался бензин, не выяснялась. Не было и детального расследования вопроса о том, могли ли пары бензина достигнуть концентрации возгорания за то время, пока полицейские, проникнув в здание через разбитое снарядом со слезоточивым газом окно, обыскивали помещение. Как бы то ни было, даже на основании подтвержденных фактов суд установил, что студенты не намеревались устраивать большой пожар или убивать полицейских.

В то же время суд отчетливо подтвердил и то, что вина за результат операции лежит и на полицейских. Среди семерых погибших полицейских четверо не сгорели заживо, а умерли от падения. Место происшествия находилось на седьмом этаже. Во время проведения операции по захвату в высотных зданиях необходимо устанавливать рядом матрасы и защитную сетку для того, чтобы подготовиться к прыжкам вниз в случае попытки самоубийства или к случайным падениям. Особенно с той стороны здания, где есть окна.

В тот день полицейские, конечно, взяли с собой и матрасы, и защитную сетку. Однако они просто сгрудили все это перед входом в здание и начали операцию, ничего не устанавливая. Окна седьмого этажа, на котором находились студенты, выходили на север, и мало того что по той стороне здания не были

установлены защитные устройства, там даже не выставили оцепление.

Как только на седьмом этаже начался пожар, полицейские, чтобы избежать огня, повисли на оконной раме. Внизу никто и не ведал, что творится в здании, поэтому было потеряно много времени. Студенты, которые укрылись на крыше, видя происходящее, кричали полицейским, находящимся внизу: «Здесь человек висит на окне!»

Они кричали: «Матрасы, матрасы!» – чтобы те быстрее принесли матрасы. Но поначалу внизу не поняли, в чем дело. Полицейские решили, что студенты оскорбляют их и тоже стали отвечать им ругательствами. Слишком поздно они осознали, что происходит, и начали суетливо приносить матрасы и защитную сетку. Студенты с крыши подбадривали полицейских, говоря, что матрасы сейчас принесут и надо только еще немного потерпеть.

Но полицейские, которые совсем уже обессилели, стали по одному срываться и падать. Первый полицейский упал на голую землю еще до того, как принесли матрасы и защитную сетку. Через несколько минут упал второй, а потом и третий – также на голую землю. Четвертый полицейский упал уже после того, как была установлена защитная сетка, и казалось, ему повезло, но, так как под сеткой не было матраса, все оказалось бесполезным. И таким образом, за то время, пока устанавливали защитную сетку и матрасы, четверо несчастных полицейских в полном расцвете сил лишились своей жизни.

После того как защитная сетка и матрасы были полностью установлены, полицейские, которые прыгали из окон, спаслись от смерти. На оконной раме был и один студент. К счастью, в его стороне огонь был не такой сильный, поэтому он не висел, ухватившись за раму, а мог дожидаться, присев на подоконник. Он спрыгнул последним. Сначала он выбросил очки и таким образом примерился к месту, а потом благополучно приземлился на защитную сетку и матрас.

И если бы полицейские приняли хотя бы самые элементарные, базовые меры безопасности, то четыре человека остались бы в живых.

Также на полицейских лежала вина и за небрежное отношение к мерам безопасности на верхнем периметре места проведения операции. То, что бастующие на седьмом этаже студенты сделали бутылки с горючей смесью и у них были еще горючие масла и бутылки в большом количестве, знали и в администрации университета, и в полиции. Поэтому, предпринимая операцию по подавлению забастовки, необходимо было как следует подготовиться к возможности возникновения

пожара в том месте. В тот день полицейские тоже подумали об этом и разделили силы на три команды.

Они установили следующий порядок: когда штурмовая группа выбьет дверь кувалдой, первым войдет отряд огнеборцев и затушит огонь, а затем придет отряд обыска, который осмотрит помещение. Однако, пока все быстро поднимались с первого этажа, тушитель медленно плелся позади остальных. Отряд обыска поднялся раньше всех – когда они добрались до седьмого этажа, тушитель еще был внизу, поэтому получилось так, что отряд обыска ворвался в помещение первым. И, видимо, они не потушили до конца бутылку с горючей смесью, а просто отбросили ее и приступили к обыску. К этому моменту образовались пары бензина. Тем временем, пока отряд обыска занимался своей работой, «тушитель» наконец дошел и начал распылять порошок из портативного огнетушителя, но порошок закончился очень быстро, поэтому, по сути, роль тушителя оказалась бесполезной.

Во всяком случае, если бы полицейские вошли для обыска только после того, как огонь от бутылки с горючей смесью был полностью потушен, как того требует базовая техника безопасности, то можно было бы избежать человеческих жертв. Я считал, что необходимо было, помимо признания вины студентов, объявить выговор командиру полицейского отряда за несоблюдение правил безопасности при проведении операции. Несмотря на то что полицейские отряда специального назначения стали протестовать против этой безрассудной операции, вплоть до организации забастовок, никаких мер не было предпринято. Поэтому суд обвинил командиров лишь в профессиональной небрежности, но затем и эти обвинения были сняты.

Подобная халатность полицейских породила и недавнюю катастрофу в Ёнсане. Эта катастрофа была аналогична инциденту в университете Тоный в том плане, что, хотя все отлично знали, что в многоэтажной смотровой вышке полно воспламеняющихся жидкостей, которые могут вызвать возгорание, полицейские оставили этот факт без внимания и не подготовились должным образом, спеша к подавлению беспорядков, и все закончилось тем, что опять погибли люди. Очередной нелепый инцидент.

Если бы полицейские действительно раскаялись в своей халатности относительно мер безопасности во время инцидента в университете Тоный и усвоили урок, то катастрофы в Ёнсане не произошло бы. Полицейские, которых я знал по инциденту в университете Тоный, признали, что с самого начала это была безрассудная операция, в ходе которой исполнители пренебрегли всеми основными правилами безопасности при штурме высотных

зданий. Полицейские сами это знали. И, несмотря на это, им даже не объявили выговор, списав все на вину студентов. Я думаю, что в Ёнсане все было точно так же. Эти случаи, действительно, достойны сожаления.

Дело университета Тоный было самым масштабным уголовным делом за все время моей адвокатской деятельности. Это было и самое крупное политическое дело во времена Шестой республики. Число задержанных и обвиняемых достигло 77 человек.

Обвинительный акт был просто огромным, и число обвиняемых было очень велико. Полицейские выдвигали обвинения, разделившись на восемь групп, суд тоже заседал, разделив работу на восемь дел. И я один ни при каком раскладе не смог бы справиться. Я попросил о помощи адвокатов из организации «Юристы за демократическое общество», и мы образовали общую группу адвокатов и распределили дела. Однако нужен был человек, который свел бы все дела и всех обвиняемых вместе. И я не мог не взять на себя эту роль.

Хотя судебное разбирательство шло с разделением на восемь дел, я участвовал во всех заседаниях. Несмотря на то что дело было разделено на восемь частей, обвиняемых было много, список предъявленных обвинений был громадным, поэтому по каждому делу суд заседал целый день. Подготовка к суду требовала много сил, и в день заседания у меня не было ни минуты свободного времени, чтобы пойти в суд на другие дела, которые я защищал. И пока все это не закончилось, у меня не хватало смелости взять на защиту другие дела. Я действительно очень переживал в то время.

Прокурор требовал смертной казни для студента, бросившего бутылку с горючей смесью, которая стала причиной пожара. За всю свою адвокатскую деятельность я впервые видел требование меры наказания в виде смертной казни. Ведь он бросил бутылку, не предполагая, что из-за паров бензина начнется пожар. Эта бутылка ничем не отличалась от многих других, брошенных студентами в тот день, но из-за пожара, который непредвиденно начался, именно этот студент был заклеймен как хладнокровный убийца. И хотя не для меня требовали такого наказания, но в тот момент, когда я услышал фразу «смертная казнь», у меня невольно выступили слезы. И из-за этого я вынужден был продолжать защиту, только взяв небольшой перерыв в заседании.

К счастью, все обвиняемые по этому делу были освобождены от отбывания тюремного срока досрочно в связи с прекращением дела. В 2002 году, во время работы «Народного правительства», 46 из них были признаны Комитетом по рассмотрению вопроса

компенсации участникам движения за демократизацию причастными к движению за демократизацию.

Признание их причастными к движению за демократизацию не означало нанесения оскорбления погибшим при исполнении полицейским. Полицейский, который честно выполнял свой профессиональный долг и погиб при исполнении, уже является национальным героем. Однако тот факт, что осужденные были причислены к группе активистов движения за демократизацию, породил абсолютное заблуждение, что это проявление неуважения к погибшим полицейским. И печально, что у некоторых людей это до сих пор вызывает ненависть.

Комментарий

* Пары бензина. 유증기 (油蒸氣). Газ, образовавшийся путем испарения или сублимации бензина.

Дело фальшивого шпиона

Еще один инцидент, который я не могу забыть, – это требование повторного рассмотрения «Дела о семейной шпионской группировке господина Сина». Впервые я потребовал пересмотра дела в ноябре 1994 года. Незадолго до этого я не смог открыто поставить вопрос о сфабрикованности дела шпиона в лагере движения за демократизацию. В те времена, когда при первой возможности тебя объявляли коммунистом, я не находил в себе смелости заявить, что шпионское дело, по которому суд вынес обвинительный приговор, было сфабриковано. Я чувствовал, что это было так, но старался избегать этого дела, как будто я ни о чем не догадывался.

Силой, которой удалось сломить эти запреты, стал католицизм. В 1993 году был образован Католический комитет по принятию мер по выяснению истины о фальшивом шпионе, который стал ядром Католического комитета по вопросам прав человека. В нем состояли многие священники и даже некоторые епископы. Тогда проблема шпионских дел, сфабрикованных ради поддержания так называемого режима общественной безопасности в период военной диктатуры, стала достоянием общественности и впервые стала обсуждаться как важный социальный вопрос.

Декларация Комитета по принятию мер была распространена среди всех католических храмов и роздана всем прихожанам. Мы организовали специальную проповедь и собрали денежное пожертвование. Это событие должно занять важное место в истории движения за права человека в нашей стране.

В то время я был членом Католического комитета по вопросам прав человека. После фундаментального расследования Чрезвычайный комитет создал список сфабрикованных дел, среди которых были и дела, связанные с Пусанским регионом. Со стороны Комитета по правам человека я попросил доверить мне проверку этих дел.

Среди них было «Дело о семейной шпионской группировке господина Сина». Едва пробежав глазами по приговору и материалам расследования Чрезвычайного комитета, я сразу понял, что дело сфабриковано. Это было очевидно. Фальсификация была настолько явной, что я потребовал пересмотра дела. Именно в то время принятие таких дел на пересмотр казалось практически невозможным. И конечно, прецедентов пересмотра не было. Поэтому я думал, что мы должны создать прецедент посредством такого, совершенно

явного дела, чтобы открыть дорогу другим людям, с которыми поступили несправедливо.

Сперва я выслушал показания свидетелей при официальной встрече с обвиняемым, отбывающим срок в тюрьме в городе Чончжу, и получил их согласие на инициативу пересмотра дела. Затем я поехал в Японию и встретился с братом обвиняемого, который рассказал о том, что его брату дали приказ шпионить. Я записал его показания и заверил их нотариально, а также забрал с собой все вещественные доказательства и сопутствующие материалы.

После всего этого я запросил пересмотр дела – первого среди всех фальсифицированных шпионских дел. Суд подтвердил, что примет дело на пересмотр, если я представлю все необходимые доказательства.

Как я и ожидал, районный суд Пусана вынес решение о начале пересмотра дела. Впервые за всю историю. Это событие очень широко освещалось в прессе. Прокуратура обжаловала решение суда, но апелляционный суд сохранил решение в силе. Однако затем Верховный суд признал повторное обжалование, поданное прокуратурой, и отменил решение о начале пересмотра дела. В итоге все потеряло смысл уже на первой стадии.

Но я не мог так просто сдаться. Я решил, немного иначе сформулировав причину, снова потребовать пересмотра дела. Для того чтобы обеспечить новую причину пересмотра, я выдвинул иск о компенсации ущерба, причиненного государством. В этом иске я вызвал свидетеля, который дал показания на прошлом суде о том, что он был очевидцем шпионской деятельности. Тот признался, что лжесвидетельствовал под пытками. На основании этих доказательств второй заход на пересмотр дела был намечен на июль 1999 года. И опять районный суд Пусана вынес решение о начале пересмотра дела. Однако апелляционный суд Пусана принял обжалование прокуратуры, и решение о пересмотре дела было снова отменено.

Для третьей подачи требования о пересмотре дела я должен был дождаться объективной оценки произошедшего от Комиссии по пересмотру событий прошлого в целях выявления истины и урегулирования конфликтов. В итоге, после того как я ушел со службы в Голубом доме и снова вернулся к адвокатской деятельности в феврале 2009 года, я снова решил получить решение о пересмотре.

В конце концов в августе 2009 года я добился оправдательного приговора. Когда судья объявил о невиновности, в прочитанном по частям признании и просьбе о прощении говорилось: «По признанию виновности, связанной с незаконным удержанием под стражей и пытками, проведенными в связи с

самовольным решением государственных органов, обвиняемый подвергся неописуемым страданиям, за что мы приносим искренние извинения, хоть это и запоздалые сожаления».

С момента вынесения обвинительного приговора прошло почти тридцать лет, а с первой попытки потребовать пересмотр дела – целых пятнадцать лет. За это время один из осужденных, который также подавал на пересмотр дела, скончался от старости. Люди, осужденные, когда им было около сорока лет, незаметно стали семидесятилетними стариками. Еще один осужденный умер уже в тюрьме от последствий пыток, и его дочь вместо отца подавала на пересмотр дела. В соответствии с решением об оправдательном приговоре семья господина Сина получила от государства в качестве компенсации за возбуждение уголовного дела примерно два миллиарда вон и возмещение причиненного ущерба примерно в три миллиарда семьсот пятьдесят тысяч вон. Но как быть с жизнями этих людей, которые так напрасно были стерты?

Государство так до сих пор и не извинилось должным образом перед пострадавшими из-за фальсифицированного дела о шпионаже. Только суд признал неверность прошлого судебного разбирательства и извинился. Однако полицейские и прокуроры, которые фабриковали дела, применяя жестокие пытки и незаконное удержание под стражей, пока никак не раскаялись. Многие полицейские, применявшие пытки и получившие тогда повышение по службе и награды, по-прежнему отрицают в суде факт пыток и безосновательно заявляют, что это было законное расследование, что, конечно же, противоречит истине. Я считаю, что государство поступит справедливо только тогда, когда кроме денежных компенсаций сможет принести искренние извинения за причиненный ущерб по причине нарушения публичного права или неправомерного поведения в прошлом.

Борьба с регионализмом

Адвокат Но Мухён, нет, депутат Но Мухён, который переехал в Сеул, вскоре стал заметным политиком. Он не только прославился по всей стране как звезда парламентских слушаний – ему, новоизбранному депутату, не было равных и в другой парламентской деятельности. Однако фактически политического лидера из него взрастило не число раз, когда он был избран в депутаты Национального собрания, а его опыт поражений. Опыт, когда он после противостояния коалиции трех партий* постоянно терпел поражения и неудачи, следуя своим высоким принципам, сделал его кандидатом на президентских выборах.

Он был политиком, который не предавал свои принципы под гнетом собственных потерь. Хотя народ очень высоко это ценил, в действительности это приносило много страданий.

В период внепарламентской деятельности, когда в конторе не хватало денег на текущие расходы, иногда он звонил мне, и я одалживал ему денег, но, кроме этого, особо ничем помочь не мог. Он просто занимался той работой, которую считал ценной, а я занимался теми делами, которые считал полезными для себя.

Впервые его стремление выставить свою кандидатуру на президентских выборах открылось мне, когда он отчитал за выдвижение кандидатуры Ли Инчже, который во время 15-х президентских выборов не согласился с ходом событий и вышел из партии, представив себя как независимого кандидата. Но Мухён сказал, что «нельзя закрывать глаза на такое нарушение правил», и объявил, что выступит в таком случае кандидатом от оппозиционной партии. Тогда все были против.

И я был против. Я считал эту попытку преждевременной, однако мог предположить, что Но Мухён может попробовать избраться на следующих выборах. У него была прекрасная репутация «звезды парламентских дискуссий» и «принципиального политика», но фактом оставался и его имидж непредсказуемого «метателя именных табличек» и «уволенного с поста депутата Национального собрания». Внезапное выдвижение в кандидаты могло быть воспринято именно как такое непредсказуемое поведение. Он прислушался к возражениям своих ближайших соратников. Однако с того момента он всем сердцем был предан своей идее, спрятав ее в глубине души. Он даже собрал проектную команду и вместе с тем усердно занялся учебой.

Этой же идеей Но Мухён руководствовался и на парламентских выборах в 2000 году, когда он приехал в Пусан и

выдвинул свою кандидатуру. По этой причине я был против того, чтобы он приезжал из Сеула в Пусан. «Если планируете дойти до президентских выборов, то приезд в Пусан ничем не поможет. Наоборот, он может навредить. Разве может уроженец Пусана стать президентом сразу после того, как президентом был Ким Ёнсам (YS*) – тоже уроженец Пусана? Даже если Вас изберут, самое подходящее – это стать региональным лидером. Снова избираться в округе Чонно и “освобождаться” от региона – это рационально. В таком случае Вы, наоборот, приобретете больше, чем потеряете. Пак Чханчжон ведь тоже уехал из Пусана и избирался в Национальное собрание в Сеуле, став потом кандидатом в президенты», – это был мой основной тезис. Конечно, сказывался и мой душевный порыв: я не хотел видеть, как он страдает от очередного провала.

Он просто занимался той работой, которую считал ценной, а я занимался теми делами, которые считал полезными для себя.

Но я не смог сломить его упрямство. Слишком сильным было его стремление попробовать нарушить законы регионализма. В период выборов на пост мэра Пусана в 1995 году и его близкие, и соратники – все советовали ему выдвигаться как независимому кандидату, но он был человеком, который до конца отвергал такой вариант, спрашивая: «Если я так сделаю, то какой смысл тогда в моей победе на выборах?»

На самом деле, я думаю, если бы он победил на

парламентских выборах в 2000 году в Пусане, то это бы еще более отсрочило его успех на президентских выборах.

Но кто знает законы мироздания? Он снова провалился, и неожиданно неимоверная поддержка и ободрение хлынули на него. И это одобрение не было похоже на ту лояльность, которой ему доводилось пользоваться раньше. Оно говорило о желании народа видеть его главой государства. Это было больше, чем обычная поддержка, это была коллективная протекция, которая вывела его на путь президента.

Комментарии

* Коалиция трех партий. 3 당합당. В январе 1990 г. правящая партия во главе с президентом Ро Дэу объединилась с двумя оппозиционными демократическими партиями (Демократической партией объединения во главе с председателем Ким Ёнсамом и Республиканской партией во главе с председателем Ким Чжонпхилем) и образовала Демократическую либеральную партию. В то время администрация президента Ро Дэу создала крупнейшую правящую партию путем учреждения тройственной коалиции на условиях тайного соглашения о внесении поправок в систему функционирования Кабинета министров с целью преодоления сложившейся политической ситуации, в которой правящая партия находится в меньшинстве, а оппозиция – в большинстве. Это привело не только к расколу демократического лагеря, но и к усилению региональных настроений, следствием чего стала политика регионализма и фракционная борьба. Также продолжились выступления против сговора с военным режимом.

* YS. Прозвище на основе инициалов английского написания имени, которое получил президент Ким Ёнсам.

Воодушевление 2002 года

После этого началось восхождение к президентским выборам. Идеи и поведение Но Мухёна разительно отличались от того, что делали другие политики. Его ближайшие соратники, естественно, советовали ему заняться организацией и подготовить деньги. Однако вместо этого он сформировал обучающие команды из специалистов в разных областях и усердно занимался обучением, необходимым для управления страной и серьезного вхождения в политику.

Внешнеполитическая безопасность, образование, социальная сфера, экономика и так далее – он приглашал молодых специалистов в каждой из этих сфер, проводил брифинги и устраивал дебаты. Наверное, добрую половину дня он проводил, углубившись в занятия. Среди специалистов, которые помогали ему в то время в тренировках, было много тех, кого позже изберут в «Правительство участия». Особо показательны такие люди, как министр Ли Чонсок, который был задействован в сфере внешней безопасности. Выдающиеся навыки в умении вести дебаты, которые Но Мухён продемонстрировал во время президентских выборов, и незаурядные умственные способности, которые он проявил во время президентского срока, он приобрел благодаря этим занятиям. Это была подготовка к президентским выборам, действительно, по-номухёновски.

В аплодисментах горожан, раздававшихся как гром, кандидат Но чувствовал себя очень уверенно, стоя на трибуне. Его речь нашла отклик в сердцах людей. Настроение этой речи сильно отличалось от речей, которые он произносил в Национальном собрании или при выдвижении на выборах мэра Пусана.

Во время народного голосования за отбор кандидатов от Демократической партии я помогал с выборами в Пусане и Ульсане. Коллегия выборщиков на голосовании формировалась посредством жеребьевки. Выборщиков назначали из числа тех, кто зарегистрировался как избиратель. Ключевым моментом было то, что была зафиксирована максимальная регистрация коллегий выборщиков, а это подтверждало желание граждан лично участвовать в голосовании. Важно, что многие были очень преданы Но Мухёну, а не просто проголосовали за него, выбрав кого-то из списка бывшего профессионального сообщества. В окружении Но Мухёна были люди, которые действительно стремились поддержать его в голосовании, и они сплотили все силы.

Мы прибегали ко всем возможным способам мобилизации в Пусане и провинции Южная Кёнсан. Изначально мы использовали связи среди товарищей по движению за демократизацию. Сильной поддержкой были рабочие круги, особенно в регионе Ульсан, и мы были в них уверены. Мы с депутатом Но подолгу

общались со старыми знакомыми из рабочего движения и неизменно слышали слова одобрения и заверения в поддержке. Также за выступил весь лагерь движения за демократизацию в Пусане. Мы подняли связи в Высшем профессиональном училище торговли и коммерции – альма-матер депутата Но Мухёна, и, конечно, все благосклонно отнеслись к его выдвижению на выборы, потому что это прочило им наличие соратника в рядах Демократической партии. И в битве за регистрацию выборщиков мы с успехом победили.

Настоящая драма (которая произвела на нас впечатление) развернулась не где-нибудь, а в Кванчжу. Как мы узнали позже, в Кван-чжу и в других регионах многие люди из низших слоев общества обеспечили нам успех, так как полагались на наши впечатляющие усилия и заслуги. В конце концов все эти усилия определили выбор Но Мухёна как кандидата на пост президента от Демократической партии. Но это было только начало.

Когда в каждой провинции был открыт избирательный штаб, я был назначен начальником избирательного штаба в Пусане. Если бы уровень поддержки сохранялся таким же высоким, как в самом начале, то в моем назначении не было бы необходимости. Кандидат Но тоже полагал так, поэтому намеренно не просил меня. Однако произошла очень сложная ситуация. И я не мог не взять на себя эту обязанность.

Тяжелейшее поражение в голосовании по местному самоуправлению, где он выступал кандидатом, падение уровня поддержки, шаткое положение кандидатов от Демократической партии на выборах в Национальное собрание, снова падение уровня поддержки, внутрипартийное обсуждение о замене кандидата, частичный выход из партии, еще большее падение уровня поддержки… Самый тяжелый период в процессе президентских выборов.

У нас, находившихся в Пусане, не было других способов помочь. Все, что мы могли сделать, – это организовать движение, которое защитило бы Но Мухёна и смогло бы противостоять огромному заговору, целью которого было вывести кандидата из равновесия. И действовать надо было без промедления. Мы просили помощи у преподавателей университетов и других представителей интеллигенции. В некоторых районах Пусана Но Мухёна еще продолжали поддерживать. Во всей стране ситуация была одинаковая. Поэтому я часто ездил в Сеул. Кандидат Но уверенно продолжал идти вперед. У него не было колебаний. Он встречал все препятствия лицом к лицу, с силой, выносливостью и упорством.

Ситуация значительно изменилась после объединения сил с

Чон Мончжуном. Я считал, что коалиция с кандидатом Чон Мончжуном – это необходимость, и высказал свое мнение сомневающемуся Но Мухёну. Он же решил, что правильным будет провести опрос общественного мнения по поводу объединения.

Тогда объединение по результатам общественного мнения было большой авантюрой. Согласно опросу общественного мнения, кандидат Но Мухён сильно отставал. Поэтому я очень волновался насчет объединения путем общественного голосования в Демократической партии и в Сеульском регионе. Однако сам факт выбора Но Мухёном заведомо опасного и невыгодного для себя пути в итоге вызвал большую симпатию у людей.

В действительности же сомнения кандидата Но Мухёна были совсем о другом. Они не касались решения о выборе способа объединения как такового, будь то опрос общественного мнения или что-то еще. Он не волновался по поводу того, сможет ли он выиграть, если поступит таким образом, и что делать, если ничего не получится. Он раздумывал, сможет ли он в случае проигрыша Чон Мончжуну с таким же усердием вести чужую предвыборную гонку и болеть за чужую победу.

Но Мухён имел совершенно другую сущность, нежели кандидат Чон Мончжун. Раздумья, сможет ли он выступать за своего соперника на выборах, как будто за себя, были для него очень тяжелыми. Однако Но Мухён готов был принять любой исход объединения и говорил, что это его долг и закономерный путь – помогать кандидату Чон Мончжуну в случае своего поражения. Он думал, что если в душе нет такого понимания, то вообще не нужно даже затрагивать тему объединения. Я уверен, что, если бы кандидат Но проиграл, он действительно выступал бы за кандидата Чон Мончжуна так же активно, как если бы это были его выборы. В процессе объединения кандидатов снова разыгралась настоящая душевная драма с неожиданным поворотом.

Однако нас поджидали новые трудности, еще более серьезные, чем процесс объединения. Чон Мончжун потребовал создания «объединенного правительства», а по сути – половину власти. И более того, он попросил закрепить это документально и юридически. Он хотел получить не просто половину власти, а особое право на распределение мест в Кабинете министров. Если бы мы не приняли условий, он разорвал бы соглашение об объединении.

Члены Демократической партии сошлись во мнении, что придется принять его условия. Они убедили кандидата Но Мухёна, что так или иначе сейчас необходимо заключить

политическую сделку, а позже, в зависимости от ситуации, можно будет изменить договоренности. Они даже не убедили, а скорее, надавили на Но Мухёна. Очень многие люди говорили одно и то же, и кандидату Но было невыносимо сложно выстоять. И он решил спросить меня, что я думаю.

Я сказал, что важнее всего его принципы. Я сказал: «Мы много раз спотыкаемся, когда идем по жизни, не сворачивая с намеченного курса, и как раз идти, опираясь на свои принципы в тяжелые времена, – это самое правильное. Если оглянуться назад, то это всегда был лучший выбор. Тогда тоже было сложно, но впоследствии сделанный выбор оказывался самым верным. Я думаю, что Ваши мысли, кандидат Но, верные». Он был очень рад, что я поддержал его в его же суждениях, в которых он был одинок.

Выборы зашли в тупик. За два дня до выборов в Пусане на перекрестке Сомён собралось очень много людей. Просто море людей. Эта была последняя агитационная кампания в Пусане. В аплодисментах горожан, раздававшихся как гром, кандидат Но чувствовал себя очень уверенно, стоя на трибуне. Его речь нашла отклик в сердцах людей. Настроение этой речи сильно отличалось от речей, которые он произносил в Национальном собрании или при выдвижении на выборах мэра Пусана. И дело было не в красноречии. Он получил всесторонние знания об управлении государством, и поэтому его нынешние суждения не шли ни в какое сравнение с прошлыми. Можно было почувствовать, насколько усердно он учился и размышлял, после того как решил выдвинуть свою кандидатуру на президентских выборах. Разница с его прежним уровнем бросалась в глаза, настолько он вырос. Он до такой степени красиво говорил, что меня невольно посещали мысли: неужели можно так искусно использовать наш язык для политической речи? Казалось, все граждане, собравшиеся на перекрестке Сомён, прониклись речью кандидата Но. Даже я, внимательно слушая речь Но Мухёна, заразился энтузиазмом от собравшихся вокруг горожан и глубоко прочувствовал его идеи. Это были выборы, на которых он не мог проиграть, если все пройдет так же, как в этот день.

Судьбоносный день президентских выборов 2002 года – и это не сам день выборов, а день накануне. Будут ли еще когда-нибудь такие выборы…

Ночью перед выборами Чон Мончжун в срочном порядке разрывает договоренность об объединении кандидатов и отзывает свою поддержку. Вся страна в смятении. Атмосфера на выборах становится ужасающей. Кажется, что все пропало.

Основные соратники из Сеульского округа пытаются убедить

Но Мухёна пойти и лично встретиться с Чон Мончжуном. У них ничего не получается, и они звонят мне. Я слышу голос бывшего депутата Ким Вонги. Он советовал Но Мухёну лично уладить вопрос, но тот сказал, что и пальцем не пошевелит и будет спать, и поэтому Ким Вонги просит меня разбудить кандидата Но и все-таки убедить его. Так или иначе я заставляю его пойти. Но в итоге в штабе Чон Мончжуна Но Мухёна даже на порог не пустили. Образ грустно возвращающегося назад Но Мухёна еще больше разозлил его сторонников.

На следующий день у нас оставалось единственное, что мы могли предпринять: стимулировать явку на выборы и тем самым увеличить процент голосующих. Вечером предыдущего дня в Пусане была распущена телефонная команда предвыборного штаба, и в спешке ее собирали снова. И не только они, но и все, кто состоял в предвыборном штабе, целый день не выпускали из рук телефонную трубку и звонили всем знакомым с просьбой поучаствовать в голосовании. Мы думали, что только мы так делаем, но многие граждане, казалось, делали то же самое. Казалось, это тронуло людей до глубины души. Я мог это почувствовать.

Когда ты принимаешь решение, люди следуют за тобой. В Пусане царила атмосфера праздника. Улицы были заполнены людьми, которые шли, радостно хватая друг друга за плечи, людьми, которые обнимались и кричали «ура!», людьми, которые поздравляли друг друга, распевая песни и выкрикивая лозунги.

В офисе Главного предвыборного штаба мы каждый час получали данные о явке на голосование и результаты опроса проголосовавших избирателей на выходе из избирательного участка и анализировали их. Так как в утро голосования первыми голосовали пожилые люди, то мы, понятное дело, сильно

проигрывали. Примерно к одиннадцати утра мы по-прежнему отставали по результатам опроса избирателей, но наметилась поворотная тенденция. Стало очевидно, что разрыв сокращается. После двух часов дня пришло четкое понимание, что мы выиграем. В победе был уверен и Ли Кванчжэ из оперативной комнаты Сеула.

К обеду результаты опроса резко изменились. Теперь среди нас царила уверенность. В шесть часов вечера все сидели перед телевизором в офисе предвыборного штаба. Объявляли результаты последнего опроса избирателей. Все, как и предполагалось. Это была наша победа. Все обнимались и ликовали. А кто-то чуть ли не плача поздравлял с победой. Сердце переполнилось радостными чувствами. Это был один из самых счастливых дней в моей жизни.

Когда ты принимаешь решение, люди следуют за тобой. В Пусане царила атмосфера праздника. Улицы были заполнены людьми, которые шли, радостно хватая друг друга за плечи, людьми, которые обнимались и кричали «ура!», людьми, которые поздравляли друг друга, распевая песни и выкрикивая лозунги. Я и сейчас хотел бы очутиться там и почувствовать, как весь народ един в своем порыве, будто один человек.

Однако было и о чем поволноваться. Я беспокоился, не случится ли чего-то неприятного. Позвонил начальник пусанской полиции – он искал содействия. И поэтому у меня душа была не на месте, и я беспрестанно ходил по улицам и внимательно наблюдал за ситуацией. В целом соблюдая общественный порядок, горожане в ту ночь пили и ели, и полиция отнеслась к этому понимающе. Все, кто меня знал, собрались вместе и тоже праздновали победу. Это была прекрасная ночь.

И вот улица, где в нас с адвокатом Но бросали слезоточивые снаряды и где мы пробивались сквозь толпу. На этой же улице мы лежали, выкрикивая лозунги движения за демократизацию. На этой улице радость переполнила нас. И мне хотелось, чтобы этот момент длился вечно.

Тогда мы не думали о том, с какими страданиями и тяготами нам придется встретиться в будущем.

Жизнь

Отец и мать

Родиной моих родителей является город Хыннам в провинции Южная Хамгён. В нашей семье было несколько поколений, и все они проживали в Хыннаме. Очень много родственников собралось вместе, и все жили в одной деревне, как будто это было родовое селение Мунов. Родовая деревня Мунов – это поселок, окруженный сосновым бором, он назывался «деревня Соран». Говорят, деревня Соран была известна в округе. Но деревенскому счастью, когда родители собирались с родственниками за теплой беседой, положила конец война.

В декабре 1950 года во время Хыннамской эвакуации* родители покинули родные места. Взяв с собой старшую сестру, которая тогда была еще грудным ребенком, они уехали в эвакуацию. Родители рассказывали, что, когда национальная армия и американские войска дошли до реки Туманган, а затем им пришлось отступать из-за неожиданного ввода сил китайских народных добровольцев, все надеялись на скорое отвоевание территорий, после того как войска соберутся с духом.

Поэтому во многих семьях старики оставались, а уезжали только молодые. Они поступали так с мыслями, что надо избежать временных трудностей. В нашей семье бабушка и дедушка тоже остались. Отец так и умер, даже не узнав, как сложилась судьба его родителей. Позже нам передали новость о том, что бабушка и дедушка умерли, но я так и не смог выяснить, когда точно это случилось.

Эвакуация проводилась американским военным танкодесантным кораблем*. Фактически эвакуируемые не знали, куда их забирают американские войска. Две ночи и три дня они провели в трюме корабля. Во время плавания, когда контроль американцев немного ослаб, беженцам разрешалось даже подниматься по лестнице на палубу корабля. Когда огни с суши казались уже близкими, тем, кто находился на корабле, сказали, что это город Пхохан. Только тогда они смогли догадаться, что местом назначения является территория около побережья Корейского пролива.

В пути наступило Рождество, и американские военные даже выдали каждому беженцу по несколько конфет. Местом, куда американские военные привезли эвакуируемых, был экстренно подготовленный лагерь для интернированных на острове Кочжедо в провинции Южная Кёнсан. Мама говорит, что когда она уезжала из Хыннама, то куда ни глянь, повсюду было белым-бело, а когда приехала на Коч-жедо, была очень удивлена, что все кругом

зеленое. Ячменные поля, окруженные вечнозелеными лесами, создавали пейзаж, сильно отличающийся от родного. Первое впечатление мамы, когда она увидела Кочжедо, было: «Вот она, действительно теплая южная страна, она здесь!»

На Кочжедо радовала не только очень теплая – даже зимой, по сравнению с родиной, погода южных провинций, но и люди, которые со щедрой душой приняли переселенцев, приехавших с пустыми руками. Местные жители делились посудой для приготовления: кастрюлями и котелками, а также едой, помогали преодолеть первые тяготы переселенческой жизни. Позже, когда разъехавшиеся в разные уголки родственники иногда собирались, то они предавались воспоминаниям о годах эвакуации и часто говорили о том, как они благодарны тем добрым людям на Кочжедо. «Смогли бы мы так же хорошо принять беженцев с Юга и позаботиться о них, если бы они приехали к нам в Хыннам?» – они часто говорили такие слова.

Переселенцы из Хыннама, которые приехали и осели на Кочжедо, не забыли о благодарности и даже организовали ответную кампанию в знак признательности. Общество граждан Хыннама и некоторые выходцы с Севера, достигшие успеха, даже направляли стипендии в школы в Кочже.

Мама и папа говорили, что примерно через две-три недели они рассчитывали уехать обратно на родину. Они действительно приехали ни с чем – как говорится, ни гроша за душой. И конечно, никак не подготовившись для сносного существования на Юге, с которым их ничего не связывало, они начали жизнь на чужой земле. И это была тяжелая жизнь в отрыве от своих корней.

Что касается семьи отца, то некоторые близкие родственники тоже переселились с нами, а вот с маминой стороны никто не поехал. Дело в том, что деревня, где жила семья по материнской линии, находилась на другом берегу реки Сончхон, которая текла к северу от Хыннама, и именно в том месте американские войска преградили беженцам путь на переправе, которая вела к Хыннаму. Насколько я помню, в письменных свидетельствах очевидцев Хыннамской эвакуации сообщалось о том, что американцы не пускали беженцев, стекавшихся в Хыннам от безысходности, для того чтобы предотвратить проникновение вражеских элементов, которые могли бы смешаться с переселенцами. Так или иначе мама оказалась одна-одинешенька на Юге. Ей не у кого было просить помощи. Так как жизнь в эвакуации была очень трудной и тягостной, ей часто хотелось сбежать, и в шутку она говорила, что на всем белом свете ей не на кого надеяться, поэтому и уйти она никуда не может.

Я родился как раз на Кочжедо во время жизни в переселении.

Это были времена, когда мы все ютились в одной маленькой комнате в деревенском доме. Говорят, что из-за того, что владелица дома забеременела в то же самое время, мама родила меня в другом доме, который мы заняли на время родов. Так произошло из-за поверья, согласно которому двум женщинам рожать детей в одном доме – к несчастью. В семье старшего брата отца не было сыновей, я был первым мальчиком и в нашей семье, и в семье дяди. Поэтому все были очень рады и поздравляли друг друга, когда я родился.

Впоследствии, на шестидесятилетний юбилей мамы, я повез ее посмотреть на место, где родители провели жизнь в переселении, в том числе и на дом, в котором я родился. Прошло тридцать лет, а мама помнила и деревню, и дома, в которых они жили. Все помнила. Мне было приятно видеть, как бабушки, одного возраста с мамой или чуть старше, узнавали ее и обращались к ней так, как раньше – «мама Чэволь», то есть используя имя самого старшего ребенка – моей сестры. Им было радостно видеть друг друга.

Отец в лагере интернированных выполнял тяжелую физическую работу. А мама занималась мелкой торговлей: купив дешево яйца, ставила их на голову, и, повязав меня на спину, отправлялась в Пусан, чтобы продать их. Родителям удавалось понемногу откладывать, и, скопив небольшую сумму, незадолго до моего поступления в начальную школу мы переехали на окраину Пусана. Родители и раньше задумывались о переезде, но стимулом к тому, чтобы осуществить это в реальности, стало то, что вскоре мне надо было поступать в начальную школу.

Я помню, как мы переезжали: сойдя с большой лодки, мы перешли через поле с желтыми колосьями, наклонившими головы, и зашли в дом, который и был нашим конечным пунктом. В то время этот административный район находился под управлением Пусана, но на деле это была деревня, где было много пахотных полей.

Хотя я и родился в Кочже, из-за того, что рано оттуда уехал, я практически ничего не помню. Почти все родственники, которые переселились вместе с нами, разъехались примерно в то же время, и нам не удалось сохранить связь. Но тем не менее Кочже – это место, о котором я всегда думаю с теплотой, потому что я там родился и потому что родители там жили в эвакуации. Когда я работал в Голубом доме, я всегда очень переживал, когда меня просили помочь с территориальным вопросом города Кочже, апеллируя к тому, что я родом оттуда.

Комментарии

* Хыннамская эвакуация. 흥남철수. Так как в Корейскую войну вступили китайские народные добровольцы и ситуация сильно осложнилась, с 15 по 24 декабря 1950 года 10-м военным корпусом американских войск на Восточном фронте и 1-м военным корпусом войск Республики Корея была проведена десятидневная военная операция, в ходе которой на кораблях из Хыннама были эвакуированы беженцы.

* Военный танкодесантный корабль. LST. Военный корабль, используемый для десантирования войск или танков.

Бедность

Во время японского господства на Корейском полуострове отец окончил школу с сельскохозяйственным уклоном в Хамхыне. Между собой местные жители называли эту школу «Хамхынская сельскохозяйственная». Это было престижное учебное заведение в Хамхыне и в провинции Хамгён в целом. Отец говорил, что соседи часто называли его одаренным ребенком. По словам старшей сестры отца, которая заботилась о нем и воспитывала, когда он был маленьким, казалось, что отец вовсе и не готовился к предстоящим вступительным экзаменам, но он стал единственным в семье – и среди всех знакомых, конечно, тоже – кто поступил в Хамхынскую сельскохозяйственную школу. После выпуска отец успешно сдал экзамены на госслужащего и стал начальником сельскохозяйственного департамента в городском управлении Хыннама при администрации КНДР.

Он говорил, что в свое время его принудили вступить в Коммунистическую партию, и он не смог противиться оказанному давлению. В течение короткого периода, когда войска ООН находились в городе, он продолжал заниматься сельскохозяйственными процессами. А потом уехал в эвакуацию. Казалось, что у тех, кто был чиновником на Севере, был шанс устроиться госслужащими и на Юге. Однако, как сказал отец, он решил, что больше не будет заниматься госслужбой, так как у него уже был мучительный опыт, когда ему принудительно пришлось вступить в ряды Коммунистической партии во время работы начальником департамента сельского хозяйства. Поэтому после того, как мы переехали в Пусан, он занялся торговлей. Однако, по моему мнению, отец не был создан для предпринимательства. Он по натуре был очень спокойным, не был расположен к алкоголю. Отец был человеком, которому по характеру подошли бы только профессии госслужащего или преподавателя.

Бизнес, которым занимался отец, заключался в том, что он закупал носки на чулочно-носочном предприятии и поставлял их в магазины в провинции Южная Чолла.

Однако после нескольких лет предпринимательской деятельности отцу удалось приобрести только огромные долги по кредитам. Он не платил по многим счетам и погряз в долгах окончательно. Так или иначе он должен был выплатить сумму закупки на заводе, поэтому он очень долго бился как рыба об лед, чтобы закрыть этот долг. Он очень долго хранил все чеки и квитанции на случай, если в будущем в один прекрасный день

сможет получить деньги. Но этот день все никак не наступал. Это сломило отца окончательно, и больше он уже не смог встать на ноги. Кроме того, так как он был на чужбине, где у него не было никаких связей, то и надеяться было не на кого. К тому же отец совсем не разбирался в экономических делах. Он так и не смог выбраться из бедности.

Хотя у отца изначально был очень спокойный характер, после банкротства он окончательно замкнулся в себе. Я тоже очень переживал из-за бедности нашей семьи, но еще больнее мне было наблюдать, как отец из-за войны и разделения страны потерял стремление жить. Отец умер в самый тяжелый для меня период, когда я был совершенно неустроенным, когда меня отчислили из университета, посадили в тюрьму, выпустили, когда, отслужив в армии, я не смог восстановиться в университете. Я не мог найти себе места из-за того, что его несчастная жизнь сложилась так трагично и что мне не удалось проявить себя лучше в его глазах. И хотя в будущем моя жизнь наладилась, это ничего не исправило, поэтому раскаяние осталось со мной на всю жизнь.

После провала отцовского торгового бизнеса обеспечением семьи почти полностью занималась мама. У мамы точно так же не было никаких способностей к экономике. Поэтому мы еле-еле перебивались на те гроши, которые мать зарабатывала тяжелым трудом. Все ее подработки, хотя она и выполняла их очень усердно, практически не приносили денег. Сперва мама продавала одежду, которая поступала к нам как гуманитарная помощь, разложив ее прямо на улице. Потом мы держали маленькую лавку в нашем районе, но район был очень бедным, и в нем насчитывалось всего несколько домов – конечно, эта затея не могла быть успешной. Мама также занималась доставкой угольных брикетов. И это не было торговым бизнесом, приносящим хороший доход, когда уголь масштабно закупается на заводе и поставляется в торговые точки. Мамина подработка заключалась в том, что она понемногу брала уголь в магазине и развозила его по соседним жилым домам. В такой ситуации мы никак не могли выбраться из бедности и лишь еле-еле сводили концы с концами.

Однако мама не просила отца помочь ей с развозкой угольных брикетов. Если ей нужна была помощь, то она обращалась ко мне или к младшему брату. После школы или в выходные дни мы помогали, развозя уголь в двухколесной ручной тележке или просто разнося в руках. Я всегда стыдился заниматься разносом угля, от которого все было в саже. А вот младший брат, наоборот, спокойно и усердно помогал, я же своим ворчанием только донимал мать.

Однажды мы до отвала загрузили тележку углем, я схватил ее спереди, а мама толкала сзади, но, когда мы спускались вниз по дороге, мама совсем обессилела и внезапно отпустила руки. Из-за этого я уже не смог справиться с тележкой, так как она была очень тяжелой, и меня вместе с ней вынесло на обочину. Мама тогда очень сильно сокрушалась, хотя сам я не поранился, только уголь разбился.

Это были времена, когда не только наша семья, но и вообще все были бедными. Тогда в нашем административном районе было много переселенцев с Севера. На улице Санбок, на которой мы жили, и в окрестностях беженцев было больше, чем местного населения.

Однажды в трущобах беженцев рядом с парком Ёндусан в Пусане вспыхнул большой пожар, все трущобы выгорели дотла. Для пострадавших были построены лагеря размещения. И район, который находился рядом с нами, был одним из таких поселений – действительно бедный квартал, где ни у кого не было ни гроша за душой.

Часто можно было услышать, что беженцы с Севера очень жизнеспособны и среди них много успешных людей. С моей точки зрения, это не так. Люди, которые переехали на Юг еще до войны, так как были недовольны северокорейским политическим устройством, в большинстве своем относились к верхушке общества и бежали, имея накопления, поэтому в целом их положение было хорошим. Люди, вынужденные внезапно эвакуироваться из-за военных действий, так уже не смогли. Добиться успеха в бедной жизни в эвакуации было очень непросто. Большинство этих людей так и не смогли выбраться из бедности и весь остаток жизни прожили в нищете.

Бедных было очень много, поэтому в ближайших церковных приходах нам даже иногда раздавали еду. Это были продукты сельского хозяйства, которые США безвозмездно передавали в Южную Корею в качестве гуманитарной помощи. В основном это была кукурузная мука, но иногда раздавали и сухое молоко*. Такие раздачи помогали не умереть с голоду. Когда я был в первом или втором классе начальной школы, то в день раздачи я брал с собой ведро и после школы шел получать продукты. Приходилось долго ждать, стоя в очереди. Я терпеть этого не мог, но это была обязанность старшего сына.

Часто монашки, называя меня малышом, давали мне в руки конфеты или фрукты. В то время послушницы в монашеских рясах выглядели в моих детских глазах настоящими ангелами. Чуть позже мама, преисполнившись благодарности к католическим служащим, стала верующей католичкой – первой в

нашей семье. Меня тоже в третьем классе начальной школы крестили в католичество. Крещение состоялось в храме в районе Синсон, на острове Ёндо. Позже в той же церкви прошла моя церемония бракосочетания. А мама до сих пор ходит в тот храм. И так как она глубоко верующий человек и очень давно посещает храм, то она даже была заместителем председателя собрания женщин на пасторском совете и директором кредитного кооператива в храме.

Школы были такие же бедные. Начальная школа Намхан, в которую я ходил, была изначально очень маленькой. Но после наплыва беженцев количество учеников в одной параллели составляло около тысячи человек и при этом постоянно увеличивалось. Школе ничего не оставалось, как построить рядом со спортивной площадкой временные классы из остатков кровли и досок. Это называлось «временное школьное здание». Там я и учился с момента поступления и до третьего класса.

Так как полом в классе служила просто голая земля, то, когда шел сильный дождь, его просто затапливало и он превращался в огромную лужу. В таких случаях занятия прекращались и детей отправляли домой. Во время праздника Чхусок, когда я учился в первом классе (это было в сентябре 1959 года), Пусан и окрестности накрыл тайфун «Сара», который, как говорили, был самым сильным за всю историю метеорологических наблюдений. Когда после праздничных дней Чху-сока мы вернулись в школу, оказалось, что все временные школьные здания унесло сильным ветром и от них ничего не осталось. С того времени мы учились, просто сидя на земле, которая и служила нам классом. Так как столов не было, то мы вешали на шею этюдники и, раскладывая на них тетради и книги, слушали урок. А так как крыши тоже не было, то, если начинался дождь, урок заканчивался, и мы должны были идти домой. Только потом, после того как шестиклассники завершили обучение в школе, мы смогли ненадолго занять их класс – пока временные здания снова не отстроятся.

Тайфун «Сара» унес и крышу нашего дома. Тот день до сих пор жив в моей памяти. Тогда наш дом был построен из необожженного кирпича, а на кровельные доски был просто положен рубероид*. В тот злополучный день отец как раз уехал на заработки и не смог вовремя вернуться, поэтому дома его не было.

Когда нагрянул свирепый тайфун, деревянная кухонная дверь все время дрожала, потом не выдержала, и одну петлю* вырвало. Мы с мамой схватили дверь, чтобы она не открылась, старшая сестра тоже помогала. Однако мы не смогли справиться с силой ветра и выпустили дверь. Она с грохотом отлетела, и оставшиеся

петли сорвались окончательно. Ветер в мгновение прорвался внутрь дома. Казалось, все в доме мгновенно разбухло, и в какой-то момент я почувствовал, что ветер стал подниматься вверх и будто искал пути выхода. В итоге крышу сорвало целиком. Позже мы даже не смогли найти, куда же ее унесло.

Когда я учился в начальных классах, мы ежемесячно сдавали в школу деньги. Поначалу это называлось «месячная плата за обучение», а потом название поменяли на «взнос в учительско-родительский комитет». Я помню, что примерно в шестом классе название снова изменили на «взнос в организационный комитет».

Очень многие дети не могли внести деньги вовремя из-за бедности. Классные руководители во всеуслышание называли имена детей, которые не сдали деньги, и просили их отдать взнос. Зачастую они по одному поднимали учеников с места и отчитывали при всем классе. Если после этого деньги так и не были сданы, то ученика выгоняли с урока и говорили, что надо сходить домой и принести деньги.

В классе было примерно восемьдесят детей, и двадцать из них постоянно были вынуждены уходить из класса. Хотя мы тоже были очень бедными, но каким-то образом деньги на школу всегда были приготовлены. Но тем не менее бывало, что я сдавал деньги с опозданием и меня тоже отправляли домой вместе с другими детьми.

Когда ты беден, ты быстро начинаешь разбираться в жизни. Практически не было детей, которые действительно шли домой после того, как учитель их выгнал из класса и отправил к родителям. Мы понимали, что возвращение домой ничего не решит и только травмирует наших родителей. Мы просто шли на пляж Исондо, играли друг с другом, а к концу уроков возвращались в класс. И просто врали учителю, будто сходили домой и что «дома никого нет» или «мама сказала, что отдаст такого-то числа».

В то время послушницы в монашеских рясах выглядели в моих детских глазах настоящими ангелами. Чуть позже мама, преисполнившись благодарности к католическим служащим, стала верующей католичкой – первой в нашей семье.

Однажды в шестом классе нас выгнали и мы пошли в книжный магазин полистать сборники комиксов-манхва, а когда выходили, прямо в дверях столкнулись с классным

руководителем. Он притащил нас всех обратно в школу и хорошенько отшлепал. Конечно, были дети, которые бросали школу, не выдержав этих мучений. Когда мы с ними потом виделись, они говорили, что работают подмастерьями в обувной лавке или магазине одежды. Только ближе к выпуску я понял, что не обязательно было всем сдавать «взнос в учительско-родительский комитет» или «взнос в организационный комитет». Я не помню точно, но, как мне кажется, достаточным считалось, если деньги сдавали две трети класса. Все остальное шло в карман классному руководителю, поэтому, наверное, они так усердно взыскивали «долги».

На Новый год или во время праздника Чхусок дети из бедных семей принудительно шли в баню. Учителя проводили санитарный осмотр и просили снять верхнюю одежду, и если кто-то оказывался «слишком грязным», то его стыдили прямо перед другими детьми. Хотя мне ни разу не приходилось через такое пройти, когда я видел, как стыдят других, я чувствовал унижение и внутренне противился происходящему.

Когда пришло время брать с собой еду в начальную школу, больше половины учеников не могли принести ничего с собой. Ученики, которые не могли принести еду с собой, получали питание в школе. Правда, порции школьного питания не были определены четко, зачастую давали только один кукурузный хлебец, а иногда и вовсе половину хлебца. А когда даже этого не было, то варили жидкую кукурузную кашу и раздавали.

Посуды для раздачи питания при этом не было. С кукурузными хлебцами все было нормально, но вот кукурузная каша – это была проблема. Обычно мы брали у детей, которые приносили еду с собой, крышки от контейнеров и в них наливали кашу. Если крышек на всех не хватало, то двое пользовались ими по очереди. Я тоже получал школьную еду. Каждый раз, когда я брал у кого-то крышку от контейнера, я наступал на свою гордость. Я думал: «Школа должна предоставлять тарелки, а если положение такое уж тяжелое, то хотя бы разрешили из дома тарелку взять…»

Из-за такого личного опыта я с интересом участвую в дискуссиях относительно раздачи бесплатной еды. В период «Правительства участия» впервые началась раздача еды в рамках программы «Голодающие во время каникул дети». После окончания первых каникул была проведена проверка и выяснилось, что уровень раздачи был неожиданно низким. После выяснения причин оказалось, что многие дети скорее откажутся от еды и будут голодать, нежели потребуют раздавать пайки таким образом, который не будет унижать их чувство

собственного достоинства. Я могу подтвердить, что одна из важнейших вещей в раздаче еды – это уважение чувства собственного достоинства детей.

Есть много вещей, которые невозможно сделать из-за бедности, даже если очень хочешь. Если дело требует денег, то ты изначально не можешь сказать о нем родителям. Я и сейчас не умею кататься на велосипеде, потому что у нас в семье никогда не было велосипеда.

Когда я учился в средней школе, у нас перед школой находился прокат велосипедов, некоторые дети после уроков брали велосипеды напрокат, но если денег не было, то ты этого сделать не мог.

Когда я был ребенком, у моих родителей не было возможности купить мне игрушки: ни волчка, ни чижика, ни даже воздушного змея. Поэтому их приходилось мастерить самому. Другим детям мастерили отцы или старшие братья. У меня же отец постоянно был на заработках, его никогда не было дома, поэтому я все делал сам. И даже если отец был дома, то, учитывая, что он ничего не умел делать своими руками, пользы от него не было никакой.

Когда я мастерил «вьюшку» – катушку, на которую наматывается нить от воздушного змея, моих умений хватало, чтобы выточить даже «вьюшку-единичку», но для самой быстрой «вьюшки-бочки» уже требовались плотницкие навыки. Я помню, как каждый год я сильно расстраивался, когда у меня никак не получалось ее сделать. Несколько раз я пытался сделать серсо, но, когда доходил до изготовления палочки для вращения, в итоге всегда сталкивался с неудачей.

Примерно в третьем или четвертом классе начальной школы я однажды сильно поранился, пытаясь кухонным ножом выстругать палку для игры в чижа. Указательный палец левой руки случайно соскочил, и я срезал примерно треть ногтя. Было очень больно, и кровь шла, не останавливаясь. Мне было страшно, при этом дома никого не было, поэтому я сам завязал палец какой-то тряпкой и таким образом оказал себе первую медицинскую помощь.

После этого и до того момента, как все зажило, я терпел и мазал палец меркурохромом*, который мы называли «красное лекарство». Я мог терпеть, поэтому и скрывал рану, не говоря о ней взрослым. Думаю, если бы сейчас такое произошло, то в больнице мне наложили бы несколько швов. Но тогда, если я мог решить что-то самостоятельно, то, каким бы сложным это ни казалось, я предпочитал сталкиваться с проблемой лицом к лицу и в одиночку справляться с трудностями. Такая позиция

воспитала во мне стремление к самостоятельности и независимости и к тому же очень сильно помогла в будущем. Я считаю, что это подарок, который преподнесла мне бедность.

Есть и еще один, более важный подарок, который мне преподнесла нищета. Моя нынешняя система ценностей, которая гласит: «То, что называется деньгами, – вовсе не самая важная вещь в жизни», – заняла место в моем сердце из-за бедности.

Не знаю, скорее всего, это и была моя гордость – гордость мальчика, который терпел бедность. Родители думали точно так же. Они растили нас в бедности и учили не воспринимать деньги как главную ценность. «Деньги, конечно, важны, но это не самая главная вещь» – эта идея очень помогла мне в жизни, я считаю.

Родители всегда с особым трепетом относились к вопросу образования. Пусть иногда и с опозданием, но они всегда готовили плату за обучение. Тем не менее бедность заставляла меня стесняться. На вопрос учителя обычно все ученики поднимали руки и наперебой выкрикивали: «Я! Я!» А я ни разу не поднял руку. Когда учитель вызывал меня, я был вынужден отвечать, но ни разу не было такого, чтобы я сам поднял руку и вызвался к доске. И конечно, родители никогда не приходили ко мне в школу.

Комментарии

* Сухое молоко. 전지분유. Молоко, высушенное и превращенное в порошок, без добавления воды. При добавлении воды сухое молоко восстанавливается и приобретает характерный аромат.

* Рубероид. 루핑. Кровельный материал в листовой форме.

* Петля. 장석. Металлический элемент, который крепится к деревянной мебели или входным дверям для усиления угловых конструкций.

* Меркурохром. 머큐로크럼. Антисептическое средство с органическими соединениями ртути, имеющее красновато-коричневый цвет.

Трудный подросток

В начальной школе я был ребенком, который особо не выделялся. Я был невысоким и щуплым, а еще очень замкнутым, поэтому ни разу не привлек внимания учителя. Я даже не помню, встречался ли я с учителем где-то, кроме уроков. По правде говоря, учителя и не могли всем уделить должного внимания, так как в одном классе учеников из бедных районов было больше восьмидесяти человек.

Во время каникул по окончании семестра и в конце года учитель раздавал табель успеваемости. Оценки в табель выставлялись по системе *«су, у, ми, янъ, ка»* (что означало по пятибалльной системе «отлично, изрядно, удовлетворительно, слабо, неудовлетворительно»), и до пятого класса пятерки я получал редко, в основном у меня были четверки и тройки, двойки тоже встречались. Ситуация с поведением, которое оценивалось по системе *«ка, на, та»* (A, B, C), была похожая. На оценки я, в общем-то, не обращал особого внимания. Родители тоже не ругали меня, когда смотрели мой табель успеваемости.

В шестом классе детей заставляли учиться допоздна, так как впереди были вступительные экзамены в среднюю школу. Каждый день мы писали контрольные работы, часто сдавали и пробные экзамены. Таким образом, когда наступил апрель, я впервые узнал, что хорошо учусь.

В один прекрасный день меня вызвал классный руководитель и похвалил за отличные оценки. Он сказал, что если я буду брать дополнительные уроки, то смогу поступить в гимназию, и что я должен пойти домой и поговорить об этом с родителями. Как я понял, практически все дети, которые хорошо учились в классе, посещали дополнительные занятия у классного руководителя примерно со второго семестра пятого класса. Говорят, что после уроков они собирались у учителя дома и допоздна учились. Плата за дополнительные занятия была неподъемной суммой для нашей семьи в тогдашнем положении. Придя домой, я ни словом не обмолвился о разговоре с учителем.

Я был тогда очень наивен, поэтому, не думая ни о чем, учился очень усердно. На вступительных экзаменах проверяли успеваемость по всем предметам, включая музыку, искусство, физкультуру. Только физкультура была практическим испытанием, а музыка и искусство – письменными экзаменами. Во время обучения в начальной школе у меня не были ни одного урока музыки, где бы мы играли на музыкальных инструментах, например на фисгармонии. Мы сдавали экзамены, просто

заучивая ноты типа «ми-соль-до-ми-соль-фа-ля-ля-соль-си-ре-фа-ми-ре-до» или пропевали имена правителей эпохи Чосон.

Экзамен по физкультуре включал следующие дисциплины: бег, прыжки в длину, метание диска, подтягивание. У меня были очень слабые руки, поэтому подтягиваться я вообще не мог. Друг мне сказал, что если я буду употреблять в пищу много уксуса, то мои кости станут гибкими, и я смогу легко подтягиваться. Это было заманчиво, поэтому однажды, когда мамы не было дома, я пошел на кухню и выпил глоток уксуса. И это был не дистиллированный столовый уксус, как сейчас, а кристаллическая уксусная кислота*. Как только она попала мне в рот, у меня все загорелось внутри. Все обошлось благодаря тому, что я сразу выплюнул ее. А вот если бы проглотил, то дело обернулось бы куда серьезнее. Тем не менее губы и рот опухли, и даже пищевод болел так, что в течение нескольких дней я не мог ничего есть. Какое-то время я даже ходил с вечно опущенной головой – больше из-за стыда, нежели из-за боли. Потом я слышал, как этот случай приводили младшим ученикам как пример упорства в подготовке к вступительным экзаменам.

К счастью, я смог поступить в Кённамскую среднюю школу, которая считалась лучшей в Пусане в то время. В начальной школе, где я учился, всего несколько человек успешно сдали вступительные экзамены. Родители тоже были очень рады. Наверное, это самый радостный момент, который я смог им подарить после своего рождения. В честь моего успеха отец повез меня на международный рынок, где занимались пошивом школьной формы, чтобы заказать мне школьный костюм. В то время отец ходил только в те магазины, которые держали выходцы из провинции Хамгён. Владелец магазина спросил у меня название школы, в которую я поступил, а потом поздравил отца. Я и сейчас помню, каким гордым он выглядел.

Переступив через барьер вступительных испытаний в среднюю школу, я с легкостью прошел и вступительные экзамены в старшую.

Кённамская средняя школа находилась в престижном районе в центре города, и ее ученики в основном были детьми из зажиточных семей. Когда я впервые пришел на урок, то обнаружил, что многие изучали английский еще до поступления в школу. Зачастую ученики прекрасно читали английские книги еще до начала обучения в средней школе. Я сразу пал духом, когда увидел, что в коридорах развешаны плакаты с надписями типа «Boys, be ambitious!», а все дети читали и пытались истолковать, что там написано. Атмосфера в этой школе кардинально отличалась от той, которая была в начальной школе,

где учились в основном дети из бедных семей.

Влиться в коллектив было сложно, так как наши развлечения тоже очень сильно отличались, и разница в количестве карманных денег была огромной. Иногда я ходил в гости к друзьям. Когда в роскошном, на мой взгляд, доме я впервые увидел в саду мебель, то очень удивился. А когда, кроме всего прочего, я слышал, как домашний персонал обращается ко мне «молодой господин», я совсем терялся. Тогда богатые семьи часто нанимали помощниц по домашним делам, которых называли «прислуга». Именно в те годы я впервые остро почувствовал неравноправие мира.

Постепенно я все больше времени стал проводить в школьной библиотеке. Самым большим счастьем для меня было почитать книгу. Моя любовь к чтению книг – это заслуга отца. Уезжая на заработки, он возвращался только примерно через месяц. И каждый раз он привозил для меня детскую литературу, например сказки, или детские рассказы, или же чью-нибудь биографию. Среди книг, которые он для меня покупал, были собрание сказок Андерсена, сборник детских рассказов Кан Сочхона и биография Плутарха, адаптированная для детей. Иногда он привозил для меня книги иностранных писателей, такие как, например, «Без семьи». Если не считать учебников, это были первые книги, с которыми я соприкоснулся, и чтение меня очень увлекло. До того момента, пока отец не привозил мне новую книгу, я мог перечитывать по два-три раза одно и то же произведение.

С тех пор, как я познал интерес к чтению книг, я был вечно голодным до литературы, потому что после того, как отец перестал заниматься торговлей, он перестал привозить мне книги. Когда начинался новый учебный год, я обычно зачитывался не только своими книгами, но и книгами старшей сестры, которая старше меня на три года. Все, что можно было прочитать, я проглатывал за один присест. Это были рассказы в книгах по корейскому или по социологии. Однако, поступив в среднюю школу, я познакомился с библиотекой. Книгам, которые я мог прочитать там, казалось, не было конца и края. Я читал все без разбора. Когда меня охватил такой интерес, во втором классе средней школы я три месяца подряд каждый день ходил в библиотеку и сидел там до закрытия, то есть до того момента, когда уже начинали убирать стулья, и возвращался домой только после того, как заканчивал помогать с расстановкой стульев.

Когда у меня было время, я шел в библиотеку или брал книгу домой – так продолжалось вплоть до окончания старшей школы. Я начал с отечественных романов, затем перешел на иностранные и постепенно стал интересоваться и другими книгами, таким

образом, моя сфера чтения расширялась. Так как я читал все без разбора, то сравнительно рано познакомился с журналами типа «Область идеологии»*, которые развивали мое сознание. Любовно-эротические романы я тоже прочитал рано. Я читал все, не имея какой-либо системы, плана или цели. За шесть лет обучения в средней и старшей школе я прочитал огромное количество книг. С помощью чтения я многое узнал о мире и жизни. У меня появилось общественное сознание взрослого человека.

Книги типа сочинения профессора Ким Чхансама «За неделю вокруг света без денег», которое я прочитал в средней школе, подарили мне мечту о кругосветном путешествии. Конечно, до сих пор это так и остается мечтой. Однако то, что я осуществил восхождение по горным тропам Индии и Непала, совершил путешествие по Великому шелковому пути, конечно, является результатом влияния моей давней мечты.

Я до сих пор люблю читать. Даже не так: я уже переступил границу, когда чтение просто нравится, – иногда я чувствую себя зависимым книгоманом. Даже если я еду в путешествие, мой чемодан всегда очень тяжел из-за книг, которые я беру с собой. И если я отдыхаю, а под рукой нет книги, я чувствую некоторое уныние.

Естественно, в таких обстоятельствах учеба в школе оставалась на заднем плане. Я даже не придавал особой важности вступительным экзаменам и был удовлетворен просто поддержанием уровня одного из лучших учеников. Родители тоже не упрекали меня, когда видели, что даже во время экзаменов я читал какую-то другую книгу. Казалось, они верили, что я занимаюсь нужными делами, если я поддерживаю хороший уровень оценок.

За все шесть лет, когда я ходил в среднюю и старшую школу, родители ни разу не вмешивались в учебный процесс и не твердили постоянно, чтобы я учился. Они просто доверились мне и оставили это на моей совести. И я пользовался этой свободой не на благо учебы в школе, а тратил время на посторонние дела. И в итоге, когда настало время вступительных экзаменов в университет, я сполна заплатил за то, что не проявлял должного усердия к учебе в школе. Однако благодаря чтению я вырос как личность и обрел понимание того, что есть общество, и считаю это достаточной компенсацией за ту цену, которую мне пришлось заплатить.

На формирование у меня системы взглядов в сравнительно раннем возрасте, скорее всего, повлияло то, что я достаточно рано начал читать газеты. По причине постоянного литературного

голода я с детства читал отцовские газеты. Потому что мне было необходимо хоть что-то читать. В то время в газетах очень активно использовались иероглифы. Поначалу я просто выбирал и читал те части, в которых не было иероглифики, например, романы, публикующиеся по частям. Но постепенно я стал читать и статьи, в которых употреблялись иероглифы.

Так как я постоянно встречал иероглифы в тексте, то со временем научился узнавать их из контекста. Я смог самостоятельно изучить простые иероглифы, которые часто попадались в газетах. Отец выписывал «Тона Ильбо» – газету, известную тогда как главный рупор оппозиционной партии. Так как я тоже на протяжении долгого времени читал эту газету, у меня начало формироваться критическое восприятие текущей ситуации в обществе. Именно поэтому мне печально смотреть на «Тона Ильбо», которая очень сильно изменилась за последнее время. Можно назвать меня одним из тех давних читателей, которые хотели бы, чтобы газета вновь приобрела свой прежний облик.

К тому времени, как я поступил в старшую школу, моя голова уже была полна различных идей и у меня появились такие чувства, как дух сопротивления обществу. На третий год обучения в старшей школе я начал пить и курить. Кённамская старшая школа, в которую я ходил, была очень престижной гимназией, так сказать, «первой к югу от Хангана»[13]. Хотя вступительные экзамены в университет считались очень серьезными, они очень отличались от нынешних.

За все шесть лет, когда я учился в средней и старшей школе, родители ни разу не вмешивались в учебный процесс и не твердили постоянно, чтобы я учился. Они просто доверились мне и оставили это на моей совести. И я пользовался этой свободой не на благо учебы в школе, а тратил время на посторонние дела. И в итоге, когда настало время вступительных экзаменов в университет, я сполна заплатил за то, что не проявлял должного усердия к учебе в школе. Однако благодаря чтению я вырос как личность и обрел осознание того, что есть общество, и считаю это достаточной компенсацией за ту цену, которую мне пришлось заплатить.

Учеба строилась так, что каждый прикладывал усилия к изучению выбранных дисциплин, зная, какой именно предмет ему понадобится на вступительных экзаменах. Так делалось потому, что в каждом университете были разные вступительные испытания. В Сеульском национальном университете требовались все предметы, а в Ёнсе или Корё экзамены проводились только по основным дисциплинам. И ученики не уделяли все свое время исключительно учебе, как это происходит сейчас. Они активно состояли в кружках, путешествовали автостопом во время каникул или устраивали кемпинги. Примерно на третьем году обучения многие ученики уже пили и курили. В школе делали вид, будто ничего не знают. Когда ты начинал пить и курить, то входил в компанию «дружков-оболтусов». К тому же мне нравился футбол, поэтому я сблизился и с теми, у кого были похожие интересы. Хотя учеба из-за этого и отошла на задний план, у меня появилось очень много друзей.

Конечно, бывало, меня наказывали в школе. Например, такое произошло во время школьной поездки за город всем классом – это было весной в третьем классе старшей школы. Так как из-за вступительных экзаменов в университет осенью загородный пикник уже не был запланирован, весенний автоматически становился последним в старшей школе. В свободное время мы решили сбегать с друзьями в соседнюю деревню за алкоголем и, принеся в лагерь, распить его. Но в итоге один из нас так напился, что не смог держать себя в руках. Мы переживали, как бы нас не заметили. Наверное, ничего бы и не случилось, если бы на линейке этот приятель не растянулся перед классным руководителем, потеряв сознание. После того как мы вынуждены были признаться, что все вместе выпили, несколько человек отвели нашего друга в больницу. Он пришел в себя только после того, как ему промыли желудок. В школе нам сделали выговор, но, учитывая наше чистосердечное признание, все закончилось тем, что временно отстранили от занятий только перебравшего товарища.

Чуть позже, когда закончились летние каникулы, мы провели в школе товарищеский матч по футболу, а после него пили в парке за школой, курили, горланили песни и неожиданно попались дежурному учителю. Тогда нас всех одним махом временно отстранили от учебы. В средней и старшей школе у меня даже было прозвище Трудный Подросток. Изначально такая кличка появилась из-за имени[14], но после этих двух случаев я действительно стал мистером Проблемой.

Родители не знали, что конкретно происходило. Они,

конечно, замечали, что я выпиваю и покуриваю время от времени, но делали вид, будто не знают, что это может привести к серьезным последствиям.

Когда я учился в старшей школе, учеников в ней было не так много, как сейчас. Если ты был учеником старшей школы, то ты уже принадлежал к числу тех, кто много учится. Учеников старшей школы тогда воспринимали в обществе не детьми, как это сейчас происходит, а вполне взрослыми людьми. Это было время, когда были живы традиции Апрельской революции, и в основных политических акциях в рядах демонстрантов выступали именно ученики старшей школы. И в нашей школе, когда я был во втором классе, все ученики пытались участвовать в демонстрации против введения поправки к Конституции, которая позволяла Пак Чонхи избираться на третий президентский срок*. Демонстрация проходила прямо перед воротами школы. Но из-за того, что школьные ворота были заблокированы приехавшими полицейскими машинами Pepper-Fogger* с распылителями газа, мы не смогли даже выйти наружу. По этой причине школу временно закрыли и нас надолго освободили от занятий. Между тем с начала того года в школе стала проводиться военная подготовка*. Смысл этого состоял в том, чтобы превратить школы в военные казармы ради того, чтобы обеспечить действующей власти долгую жизнь и взять под контроль всех учащихся старших школ. По этому поводу было много недовольства. Во время экзамена по военной подготовке часто бывало так, что все сдавали чистые листы бланков ответов. Все эти события в значительной степени сформировали наши взгляды на политику и общество.

Тем не менее это были замечательные и искренние времена. Многие из бывших одноклассников из старшей школы стали моими хорошими друзьями. Мэр города Ульсан Пак Мэну, член Центрального комитета партии «Ханнара» Со Пёнсу, бывший депутат Национального собрания Пак Чонун, бывший депутат Национального собрания Чхве Чхольгук, начальник управления района Сочхо в Сеуле Чин Икчхоль – это мои друзья, которые задействованы в политической сфере. Среди моих друзей есть и представители культуры и искусства: архитектор Сын Хёсан, режиссер Ли Юнтхэк. Многие одноклассники, успешно сдавшие экзамены на получение должности госслужащего, стали высокопоставленными чиновниками, есть и те, кто принадлежит к юридическим кругам. Многие преподают в университетах, один друг даже занимает должность ректора. После окончания школы как-то незаметно пролетели сорок лет. И вот недавно у нас прошла встреча выпускников по случаю сорокалетнего юбилея с

момента окончания школы.

Комментарии

* Кристаллическая уксусная кислота. 빙초산. Кислота, которая называется уксусной кислотой и придает уксусу кислый вкус. Масса, в которой содержится более 99 % уксусной кислоты, называется кристаллической уксусной кислотой. Когда неразбавленная кристаллическая уксусная кислота попадает на кожу, кожный белок начинает растворяться, а попадание кислоты во внутренние органы может вызвать серьезные травмы и даже смерть.

* «Область идеологии». 「사상계」. Независимый журнал, учрежденный в 1950-е годы на частные средства Пак Накчжуна и Чан Чунха. Позже журнал стал представлять сознательные силы общества, боровшиеся против диктатуры Ли Сынмана и Пак Чонхи. В то время журнал пользовался огромной популярностью среди интеллигенции и студентов.

* Поправка к Конституции, которая позволяла Пак Чонхи избираться на третий президентский срок. 3선개헌. Шестая поправка в Конституцию, которая была внесена в 1969 году с целью выдвижения Пак Чонхи на третий президентский срок. Благодаря этой поправке Пак Чонхи создал правовую основу для очередного баллотирования на седьмых президентских выборах в апреле 1971 года, а после победы на выборах он обеспечил себе долгосрочное нахождение у власти благодаря учрежденной в 1972 году системе Юсин.

* Машина с распылителем газа (Pepper-Fogger). 페퍼포그차. Специальная полицейская машина, оснащенная пусковой газовой установкой в целях распыления слезоточивого газа для подавления протестов и разгона протестующих.

* Военная подготовка. 교련. Курс военной подготовки и обучения для обычных студентов, которые ранее не получали специального военного образования. В основном проводится для учащихся старших школ и университетов.

Университет и сопротивление

Изначально я хотел изучать историю в университете. Когда я учился в школе, история была для меня самым интересным предметом, по которому у меня были лучшие оценки. Я и сейчас люблю читать исторические книги. Когда я начинал работать адвокатом, то думал: «В будущем, когда я освобожусь от необходимости зарабатывать деньги, обязательно стану историком-любителем». Поэтому во время вступительных экзаменов в университет я планировал поступать на кафедру истории. Но классный руководитель и родители были против, потому что мои оценки позволяли поступить на юриспруденцию или коммерцию. И неожиданно все перевернулось с ног на голову, и мне пришлось сполна заплатить за то, что я невнимательно относился к учебе. На вступительных экзаменах я провалился. В итоге я поступил на юридический факультет университета Кёнхи, который не входил тогда в число лучших, и начал самостоятельную жизнь в съемном жилье возле университета.

Времена постепенно становились все более мрачными и унылыми. Когда я был на первом курсе, в октябре администрация Пак Чонхи провозгласила реформы Юсин. Продления срока нахождения у власти за счет введения поправки к Конституции о возможности участия в третьих президентских выборах оказалось недостаточно, и теперь он планировал навечно захватить власть.

Накануне ночью в город были введены танки. На следующий же день утром в срочном порядке танки подогнали к каждому университету. Одновременно с обнародованием реформы Юсин в действие вступил и приказ о временном закрытии учебных заведений на неопределенный срок. Студенты теперь вместо учебных аудиторий собирались в пивнушках или в съемных комнатах и сожалели о текущем положении в стране, выражая свое неудовольствие.

Октябрьские реформы Юсин для студентов юридического факультета выглядели еще более вздорными, чем для остальных. Как только была утверждена Конституция Юсин, существующие своды законов и учебники стали просто бесполезными бумажками. «Разве можно назвать юриспруденцию настоящей наукой? Разве юриспруденция – это действительно наука?» – такие сомнения угнетали студентов юридического факультета. Мы не хотели идти на занятия.

Мне надолго запомнилась первая после начала нового семестра в университете лекция нашего профессора по

конституционному праву. Тогда он был очень известным ученым в этой области, он даже использовал свою книгу в качестве учебного материала на занятиях. В течение периода временной приостановки занятий в учебных заведениях он написал новую книгу о Конституции Юсин и по этой новой книге провел первое занятие.

В течение всей стоминутной лекции он не мог даже взглянуть на студентов, он зачитывал материал, уставившись в потолок аудитории. Ему было стыдно перед студентами за то, что ему пришлось написать новую книгу по конституционному праву Юсин и читать лекцию по этой теме.

В то время мое общественное сознание формировалось благодаря самостоятельной жизни, которую я вел в съемном жилье. Это была свобода, благодаря которой у меня не было никаких ограничений в повседневной жизни, и обычным делом было собраться с однокурсниками и до поздней ночи спорить о текущей политической ситуации. Я снимал квартиру вместе со своими сонбэ из старшей школы. Так как на наши вечера собирались студенты из разных университетов, мы могли услышать новости о том, каких успехов достигли движения сопротивления в их вузах. До нас доходили новости из социологического кружка критического восприятия действительности или из кружка сельскохозяйственного движения, мы читали подпольные газеты, узнавали новости об университетских забастовках, декларации, распространяемые во время этих забастовок, и подобные вещи. Вслед за старшими товарищами и друзьями я даже ходил смотреть на забастовки физического факультета Сеульского национального университета и университета Корё, где студенческое движение было самым сильным в то время.

Человеком, который в университетский период оказал наибольшее влияние на формирование у меня, так же как и у многих других студентов в то время, критического сознания и системы общественных взглядов, был учитель Ли Ёнхи*.

В журнале «Сочинения и критика» я впервые прочитал его статью «Вьетнамская война», которая позже вошла в не опубликованную тогда еще книгу Ли Ёнхи «Логика переходного периода»*. Я помню, что во время моей учебы на первом и втором курсах университета его труды публиковались в журнале по частям, а когда я перешел на третий курс, вышла и вся книга. Первая статья Ли Ёнхи, с которой я столкнулся, действительно шокировала меня. Он рассматривал аморальность Вьетнамской войны, характер империалистических войн, пацифистское движение в Америке и другие подобные темы. И в конечном счете

он утверждал, что это была война, в которой США, даже будучи сверхдержавой, не могли выиграть.

Я слышал подобное не впервые. Подобные разговоры мы тайно вели в нашей съемной квартире. Однако в статье Ли Ёнхи были представлены неопровержимые аргументы, все было предельно четко. Это был еще один шаг вперед в процессе избавления корейского общества от ложного сознания, которое заставляло нас принимать Америку с безусловным дружелюбием, считая ее мнение истиной, а к ее противникам относиться как к абсолютному злу, которое необходимо уничтожить. Благодаря этим статьям и книге я смог познакомиться с категоричной позицией знающего человека, который должен послужить для многих примером. Не уклоняясь от страшной истины, он смотрел ей прямо в лицо. Оперируя неопровержимыми аргументами и следуя до конца в поиске истины, он противостоял всему миру. Он показывал эту истину миру, даже с ножом, приставленным к горлу, он обличал ложное сознание, которое угнетало и скрывало правду.

Позже, после поражения Южного Вьетнама*, Ли Ёнхи опубликовал в журнале «Сочинения и рецензии» третью часть своего труда, завершающую рассказ о Вьетнамской войне. Он разделил поражение Южного Вьетнама, как всемирно-историческое событие, на периоды, и главы статьи соответствовали его периодизации. Логика повествования была следующей. В первой и второй частях Ли Ёнхи предсказывал поражение Америки в ситуации, когда никто не сомневался в ее победе, а также поражение Южного Вьетнама. В третьей главе он реальными фактами подтверждал правомерность своих предположений и подводил итоги. Текст Ли Ёнхи полностью подтверждает победу истины. До сих пор живы те воспоминания, когда при прочтении его статей меня охватывал восторг.

Ли Ёнхи оказал большое влияние и на адвоката Но Мухёна. Одной из причин возникновения «инцидента Пурим», который, по сути, предопределил становление Но Мухёна в качестве адвоката по правам человека, стало использование молодежью и студентами в качестве учебных материалов нескольких десятков базовых книг по социологии, а также текстов, критикующих политическую ситуацию на тот момент. В обвинительном заключении по делу значилось следующее: «Читая эти книги, вы воодушевлялись деятельностью коммунистических отрядов Северной Кореи и других стран». Чтобы подготовиться к защите, адвокат Но Мухён прочитал все эти несколько десятков книг от корки до корки. Среди прочитанных сочинений были и книги Ли Ёнхи «Логика переходного периода» и «Идолы и разум». Таким

образом, Но Мухён оказался под сильным влиянием тех книг, которые изначально читал как адвокат в целях подготовки к защите. Позже Но Мухён изучил еще более широкий спектр сочинений по общественным наукам, и благодаря этому в нем произошло так называемое пробуждение сознания. Отправной точкой же послужили книги Ли Ёнхи.

Ли Ёнхи даже пару-тройку раз читал лекции как приглашенный специалист, когда потом мы вместе с Но Мухёном участвовали в деятельности Народного собрания граждан Пусана. Во время короткой прогулки после собрания я спросил Ли Ёнхи: «Разве высокая оценка “культурной революции” в Китае* не является ошибочным суждением?» Он ответил очень ясно и без колебаний. «Да, это ошибка. Каждый раз при написании текстов я стремился следовать принципам объективности и непредвзятости. Что же касается этого периода, то, я думаю, ограничения существовали из-за того, что, помимо всего прочего, было сложно получить доступ к материалам. К тому же в то время, кажется, все слишком сильно увлекались идеализмом». Я действительно проникся уважением к такой откровенности и прямоте.

В мои ранние университетские годы студенческое движение в университете Кёнхи было еще слабым. Все студенты с передовым общественным сознанием держались очень обособленно. В то время даже не образовывалось студенческих кружков; не было и полноценных кружков по изучению общественных наук. Начиная со второй половины 1973 года, когда я учился на втором курсе, по всей стране стала активно разворачиваться борьба против Юсин. Начавшись с выступлений студентов физического факультета СНУ, студенческие демонстрации распространились по всей стране, затронув каждый университет. Затем протесты переросли в движение за сбор миллиона подписей за внесение поправок в Конституцию, в инцидент с национальной демократической лигой студентов и молодежи как реакцию на издание Указов № 1 и 4 «О чрезвычайных мерах», а также в инцидент с Народно-революционной партией. Но в университете Кёнхи в течение всего этого времени не было даже намеков на выступления. Хотя попытки организовать протесты периодически возникали, из-за отсутствия централизованного управления все было впустую.

Осень третьего курса. В университете прошла забастовка за отставку руководства фонда университета. Воспользовавшись моментом, мы запланировали с друзьями-единомышленниками демонстрацию против режима Юсин. Нашей команде поручили подготовить текст декларации, распространить его среди

учащихся и организовать сбор студентов перед пагодой Наставлений, стоящей в университете Кёнхи. После этого руководство выступлением решено было передать группе председателей студенческого общества факультетов. Наша команда должна была тайно подготовить демонстрацию и скрыться. Так мы планировали избежать наказания путем разделения ролей: ведь в авангарде демонстрации должна стоять команда председателей студсовета факультетов – это их прямая обязанность.

Составлять текст декларации было поручено мне. Других претендентов не было. Выбор пал на меня, так как я имел небольшое представление о том, как должен выглядеть текст. Ведь среди нас всех я чаще остальных встречался с текстами деклараций других университетов. Но самостоятельно я, конечно, писал текст впервые.

Притащив к другу домой ротатор, мы с его помощью (тогда копирование печатного текста выполнялось вручную) подготовили примерно четыре тысячи листовок за ночь. На следующий день рано утром нам каким-то образом удалось разложить эти листовки вкаждой аудитории.

В оговоренное время возле пагоды Наставлений собралось примерно пятьсот-шестьсот студентов. Теперь наступала очередь группы заместителей председателя студенческого общества вести за собой студентов. Но почему-то никто не появился. И тут сотрудники ректората решили всех разогнать. Тогда еще полиция не могла заходить на территорию университетов. Несколько студентов, которые были больше не в силах терпеть ожидание, поднялись на трибуну и попытались зачитать текст декларации, но сотрудники ректората стащили их вниз. Казалось, что если все так и спустить на тормозах, то демонстрация провалится.

Делать было нечего, и я забрался на трибуну и прочитал текст декларации. Все сотрудники ректората начали сбегаться к месту демонстрации, но студенты смогли их задержать. Шел дождь, и декларация вся намокла. Но я без проблем смог все прочитать, так как это был текст, который я написал сам. После обнародования декларации я повел своих товарищей к университетским воротам. По пути количество студентов увеличилось до двух тысяч человек.

Мы подошли вплотную к воротам и столкнулись там с полицией. Началась стычка, полетели слезоточивые бомбы и камни. Эта была первая успешная демонстрация с момента моего поступления в Кёнхи.

После того как факт организации и проведения демонстрации подтвердился, мы покинули университет и

несколько дней скрывались. На месте демонстрации полицейским удалось схватить несколько человек, которые были в первых рядах движения, но позже полиция выяснила, что эти студенты никак не связаны с группой организаторов, и дело так и ограничилось задержанием*. Тогда среди тех, кому не повезло, был один мой школьный товарищ – Чон Помгу, который сейчас является депутатом Национального собрания от Демократической партии. В то время он представлял группу выпускников четвертого курса факультета политологии и международных отношений в руководстве общеуниверситетского студенческого совета, и так как во время демонстрации он стоял в первой линии, то его, конечно, схватили. Хотя тогда мера пресечения по уголовному делу и ограничилась только задержанием, ему пришлось очень несладко, так как в качестве наказания его отстранили от занятий в университете, и из-за этого он позже закончил обучение и не смог устроиться на работу.

Осень третьего курса. В университете прошла забастовка за отставку руководства фонда университета. Воспользовавшись моментом, мы запланировали с друзьями-единомышленниками демонстрацию против режима Юсин. Нашей команде поручили подготовить текст декларации, распространить его среди учащихся и организовать сбор студентов перед пагодой Наставлений.

По истечении времени кажется, что эти несчастья только закалили его и сделали из него еще более выдающегося человека.

После того как все неурядицы с инцидентом с полицией завершились, глава студенческого совета настоял на том, чтобы мы с друзьями добровольно пришли в полицейский участок и сознались. Как и следовало ожидать, все закончилось задержанием. Когда председатель студенческого совета увидел, как я читаю расплывшийся под дождем текст декларации, он понял, что я и есть автор текста. Администрация университета также не назначила нам никакого наказания. Таким образом, мы в один миг стали главными фигурами студенческого движения. Позже мы сформировали уже общеуниверситетскую организацию, объединившись с друзьями с других факультетов, которые могли бы повести за собой студентов. В то же время мы расширили основу протестного движения, создав кружок изучения общественных наук. Напряжение во внутриполитической ситуации нарастало, и казалось, что взрыв неминуем. Таким образом, мы готовились к будущему году.

Комментарии

* Ли Ёнхи. 리영희선생. Профессор Ханьянского университета, который ранее работал журналистом. Он был символом прогрессивной интеллигенции. Обладал практическим умом, благодаря которому посредством множества книг донес истину эпохи, идя наперекор всем имеющимся табу. Во время военного режима он был четырежды уволен и пять раз арестован. Скончался в 2010 году от хронического заболевания. Его похоронили как лидера Демократического общества, тело покоится на Государственном кладбище имени восстания в Кванчжу.

* «Логика переходного периода». 「창작과비평」. Ежеквартальный литературный журнал, учрежденный в январе 1966 года, является житницей корейской литературы. В 1970-80-е годы он служил каналом коммуникации для интеллигенции, которая желала демократизации.

* Поражение Южного Вьетнама. 월남패망. Поражение Южного Вьетнама во Вьетнамской войне и объединение современного Вьетнама (который до этого был разделен на северную и южную часть).

* «Культурная революция» в Китае. 문화대혁명. Социалистическое движение в Китае, возглавляемое китайским

Верховным лидером Мао Цзэдуном и длившееся 10 лет, с 1966 по 1976 год. Это было массовое общественное движение с акцентом на социалистическую классовую борьбу, но в какой-то момент китайское общество приобрело жесткость и непреклонность. Все силы, выступавшие против Мао Цзэдуна, были подавлены или зачищены. После смерти Мао Цзэдуна Коммунистическая партия Китая официально признала «культурную революцию» «левацкой ошибкой».

* Задержание. 구류. Мера наказания, которая представляет собой временное заключение в тюрьме или следственном изоляторе на срок от 1 до 30 дней.

Арест и мама

Когда в 1975 году начался новый семестр, в каждом университетском городке зазвучали призывы к полноценной войне с режимом Юсин. Ожесточенная борьба студентов против Юсин, которая началась со второй половины 1973 года, слилась воедино с протестными движениями оппозиционных и католических объединений, с движением СМИ за защиту свободной прессы – чувствовалось, что недовольство граждан скоро достигнет пика. Затем пришла шокирующая новость о самосожжении буддийских монахов, которые сопротивлялись авторитарному режиму во Вьетнаме. Повсюду слышался немой вопрос: «Разве мы сможем сломить режим Юсин, только дойдя до таких отчаянных мер борьбы?» В апреле 1975 года патриотически настроенный студент сельскохозяйственного факультета СНУ Ким Санчжин совершил харакири, и это показало, что такие предположения действительно могут стать реальностью.

В университете Кёнхи как раз в начале апреля 1975 года проводились выборы председателя общеуниверситетского студенческого совета. Впервые за долгое время выборы состоялись по системе прямого голосования. До этого выборы были непрямые и голосовали выборные делегаты. Мы взяли общеуниверситетский студенческий совет под контроль и решили провести под его руководством демонстрацию против Юсин. Мы выдвинули своих кандидатов и, мобилизовав наши организационные возможности, решили избрать председателя общеуниверситетского студенческого совета. Наш план успешно осуществился. Тогда председателем был избран Кан Сам-чжэ, который потом станет генеральным секретарем Демократической либеральной партии и партии «Новая Корея», заместителем председателя партии «Ханнара» и депутатом Национального собрания. Я стал главой отдела управления общими делами. Друзья тоже получили те или иные руководящие должности. Таким образом, как только заработал общеуниверситетский студенческий совет, первым делом он принял решение о проведении Общего чрезвычайного собрания студентов.

Нашей команде поручили подготовку демонстрации. Было решено, что в назначенный день управление демонстрацией и Общим чрезвычайным собранием возьмет на себя председатель студенческого совета. Всю ночь мы копировали листовки на ротаторе студенческого совета в университете. Мы печатали декларацию о политическом положении в стране от имени общеуниверситетского студенческого совета. На следующий день

мы от имени совета вывесили на воротах университета объявление о созыве Общего чрезвычайного собрания студентов. У главных ворот при входе в университет члены руководства студенческого совета раздавали листовки всем студентам. Конечно, мы были готовы и к наказанию. Студенческий совет, который был выбран посредством прямого голосования, стоял в авангарде движения и руководил демонстрацией, студентов собралось огромное количество. Только по подсчетам Управления по делам студентов пришло более пяти тысяч человек, а всего в университете Кёнхи тогда училось семь-восемь тысяч студентов. Все студенты собрались, но председателя студенческого совета все еще не было. Как он сказал позднее, по пути в университет полицейские схватили его и заперли в камере. Я, как заместитель председателя совета, открыл Общее чрезвычайное собрание студентов от имени общеуниверситетского студенческого совета. Мы провели дебаты о политической ситуации в стране и церемонию символического сожжения режима Юсин на костре, а после этого повели стройные ряды демонстрантов в направлении главных ворот. Я шел во главе шеренги, держа развевающийся флаг Республики Корея. Полиция окружила университет. В ворота были просунуты газовые пушки полицейских фургонов Pepper-Fogger. Нас явно ждали.

Как только мы приблизились к воротам, полиция внезапно начала стрелять в нас из газовых пушек. Они произвели несколько залпов слезоточивого газа. Я шел впереди всех, поэтому из пушки фургона мне прямо на лицо попал газ, точнее, химическая жидкость, которая еще не испарилась и не превратилась в газ. Я на время потерял сознание. Товарищи стали отступать, но когда увидели, что я упал и не шевелюсь, то вернулись за мной и затащили меня на территорию университета. Они обтерли мое лицо мокрым полотенцем, и через некоторое время я смог прийти в себя. Протестные настроения разгорелись еще сильнее. Ожесточенная демонстрация продолжалась до вечера, демонстранты передвигались от главных ворот к задним.

Поздно вечером председатель совета с трудом сбежал из заточения, сумев не попасться на глаза полиции, и босиком пришел в университет. С этого момента мы могли взять небольшую передышку, поручив ему завершить демонстрацию. В те времена, если в университете возникала демонстрация, обычно из каждого университета арестовывали примерно по трое организаторов протестов. Мы определили троих человек, которые подвергнутся аресту – в их числе был и я – и договорились о том, что будем говорить на допросе. Так как в те времена полиции нельзя было проникать внутрь университета, они сторожили

окрестности и готовились арестовать руководителей демонстрации. Когда демонстрация закончилась, нас арестовали, когда мы мирно шли по дороге рядом с университетом. Нас посадили в камеру в отделении Чхоннянни. Конечно, мы были готовы к этому с самого начала.

Одновременно с арестом нас отчислили из университета. Администрация отчислила сразу шестнадцать человек, включая просто задержанных студентов. Восстановиться мы смогли только в 1980 году. И хотя сейчас у всех нас все в порядке, я очень долго чувствовал вину перед товарищами.

В те времена полиция не предоставляла встречу с членами семьи до перевода в место предварительного заключения. Соответственно, со мной процедура проходила в таком же порядке. Тогда я не мог даже подумать, что это неправомерно. Но, по правде говоря, я и не хотел, чтобы дома узнали о произошедшем. Хотя я понимал, что когда-нибудь все выяснится, мне хотелось, чтобы это произошло как можно позже.

В течение примерно десяти дней следствие проходило в отделении полиции, потом меня перевели в прокуратуру. В день, когда меня перевозили в отделение прокуратуры, я впервые за долгое время вышел из камеры и мне сильно слепило глаза. Я забрался в тюремный автомобиль. Это был автозак, который был покрыт листами железа с зияющими дырками размером с монету в сто вон. Мне было интересно посмотреть, что происходило снаружи, ведь я впервые за долгое время видел что-то, кроме стен камеры. И я разглядывал открывающиеся пейзажи через дырку в задней двери машины.

Автомобиль тронулся. И я увидел, что за машиной бежит моя мама. Хотя я не слышал ее голоса, она, размахивая руками, явно выкрикивала мое имя «Чжэин! Чжэин!» Когда машина начала движение, мама вдруг стала отдаляться. Она наблюдала за уезжавшей тюремной машиной, пока та не скрылась из глаз. Видимо, она услышала, что со мной произошло, и в спешке приехала из Пусана. Наверное, она не в первый раз приходила к отделению, добиваясь свидания. И когда ей сказали, что в указанный день меня будут перевозить в прокуратуру, она пришла рано утром к полицейскому участку в надежде, что ей удастся меня увидеть. Разглядев вдалеке, как я сажусь в тюремный автомобиль, она побежала за ним.

Я взбирался в автомобиль, ничего не зная, поэтому даже не смог посмотреть маме в глаза. Этот момент, как будто кадр из кинофильма, до сих пор не выходит у меня из головы. Эта сцена всегда вспоминается мне, когда я в одиночестве думаю о маме.

Меня посадили в тюрьму Содэмун. На душе отчего-то стало

спокойнее. Я только очень страдал из-за чувства вины перед родителями. Это были муки осознания, что они сделали невозможное в сложной ситуации, чтобы отправить меня в университет, а я предал все их надежды. Я не могу стереть из памяти ту картину, где мама бежит за тюремным автомобилем. Когда мама изредка приходила ко мне на свидания, мне было невыносимо мучительно и я чувствовал себя бесконечно виноватым. Кажется, она спрашивала: «Это, конечно, правое дело, но почему именно ты должен был это сделать?» Мне нечего было ответить. Отец на встречи ко мне не приходил.

Встреча с будущей женой

Когда я находился в следственном изоляторе, моя будущая жена Ким Чонсук пришла однажды ко мне на свидание. Ее поступок, конечно, не поддается здравому смыслу. Моя будущая супруга училась в том же университете на музыкальном факультете и была на два года младше меня. Мы познакомились на фестивале юридического колледжа «День юрфака», приуроченном к ежегодному Дню закона, который проходит в начале мая. Я был третьекурсником, а Чонсук только что поступила на первый курс. Это была наша первая встреча, но время на фестивале мы провели очень весело. Между нами возникла взаимная симпатия. Однако после фестиваля мы больше не встречались. Голова у меня была забита другими мыслями. Мы не общались и лишь здоровались взглядом, когда встречались на территории университета.

Наша история получила продолжение во время демонстрации в апреле 1975 года. Во время политических дебатов на Общем чрезвычайном собрании студентов необходимо было назначить нескольких спикеров, которые вступят в дискуссию, чтобы подогреть жар дебатов, если вдруг добровольные прения прервутся. Я думал, что было бы хорошо, если бы дебаты завершила какая-нибудь студентка. Пока мы ждали открытия Общего собрания, я внимательно следил, кого из студенток можно было бы назначить спикером, и тут как раз на площадь пришла Чонсук. Она была вместе с представительницей студенческого комитета своего факультета. Чонсук сказала, что они хорошие подруги. Я попросил одну из них сказать завершающую речь на дебатах и добавил, что нет разницы, кто из них выступит. В итоге речь произносила однокурсница моей будущей супруги. В конце выступления в завершение сказанного она выкрикнула: «Вперед!» Этим она закрыла Чрезвычайное общее собрание студентов и присоединилась к маршу. За участие в дебатах ее потом задержала полиция, а университет временно отстранил от занятий.

Когда после Общего чрезвычайного собрания студентов мы двинулись к университетским воротам, я упал в обморок от газового залпа полицейских фургонов. И пришел в себя, почувствовав, как кто-то обтирает мое лицо мокрым полотенцем. Когда я поднял глаза, то увидел, что это была Чонсук. Казалось, она переживала и наблюдала за мной, когда я шел во главе демонстрационного марша.

А потом она пришла на свидание в тюрьму. Это было

неожиданно. Она сказала, что, когда услышала про мой арест, очень разволновалась, поэтому и пришла. В течение всего нашего свидания она прятала под одеждой сложенную газету. Чонсук принесла ее, чтобы показать мне. В спортивной газете на первой полосе красовалась статья о победе родного университета Кёнхи в национальном университетском первенстве по бейсболу. В то время бейсбол был на пике популярности среди молодежи. Так как тогда я учился в университете, где бейсбол считался визитной карточкой, то, конечно, тоже очень интересовался этим видом спорта. Во время «Дня юрфака», на котором мы познакомились с Чонсук, я выступал капитаном команды от нашего курса и мы даже выиграли бейсбольный матч в факультетском соревновании. Чонсук запомнила это и принесла новости, которые могли меня обрадовать. Как бы я ни любил бейсбол, разве мог я интересоваться им, сидя под арестом в следственном изоляторе? Однако то, что Чонсук пришла в голову такая мысль, показалось мне очень милым. Когда я позже подумал об этом, сидя в тюремной камере, то невольно улыбнулся.

Мы познакомились на фестивале юридического колледжа «День юрфака», приуроченном к ежегодному Дню закона, который проходит в начале мая. Я был третьекурсником, а Чонсук только что поступила на первый курс. Это была наша первая встреча, но время на фестивале мы провели очень весело. Между нами возникла взаимная симпатия.

Еще больше мы сблизились с будущей женой уже после моего освобождения. Однако вскоре после того, как меня выпустили, я был вынужден поступить на военную службу. На этот раз Чонсук стала приезжать ко мне на свидания в армию. После демобилизации, когда я готовился к государственным экзаменам для получения должности госслужащего, она тоже приезжала на встречи ко мне. Только уже туда, где я занимался самообразованием.

Как-то Чонсук сказала, что ее история любви со мной – это история свиданий. А я ответил, что мне стоило поступить в университет Кёнхи только для того, чтобы встретить ее. Я говорил это искренне.

Жизнь под арестом в следственном изоляторе

Жизнь под арестом в сеульском следственном изоляторе была довольно сносной. В целом у меня все было нормально. Изначально политические преступники находились в черном списке неприкасаемых, поэтому их должны были содержать в одиночных камерах. Но так как тогда политических преступников было больше, чем камер, то нас содержали с обычными правонарушителями. В каждой камере было примерно по восемь человек. Кто-то говорил, что ему нравились одиночные камеры, но мне по душе была общая, где я находился с обычными правонарушителями. Это было познание мира, познание жизни.

В соседней камере тогда содержался адвокат Хан Сынхон. Его тогда арестовали по обвинению в нарушении антикоммунистического закона в связи с тем, что он написал в журнале статью под названием «Одна надгробная речь». Как только меня посадили в соседнюю камеру, он передал мне с помощью надзирателя майку и трусы. Так как я был вообще не подготовлен к заключению, это мне очень помогло. Он предполагал, что у меня ничего с собой нет, поэтому и позаботился обо мне.

Потом, когда он снова стал работать адвокатом по правам человека, мы встретились на одной защите. Когда адвокаты Но Мухён и Ли Сансу были арестованы по делу *Daewoo Shipbuilding,* он был одним из группы адвокатов. И в разговоре он вспомнил времена, когда мы сидели в сеульском следственном изоляторе. Кроме адвоката Хана в следственном изоляторе тогда находилось много выдающихся представителей оппозиции: пастор Пак Хёнгю, пастор Ким Гвансик, поэт Ким Чиха. Были и журналисты из Комитета по борьбе за защиту свободной прессы газеты «Тона», которые были уволены за участие в протестном движении. Примерно три недели спустя после моего заключения, в конце апреля, был введен в действие Указ № 9 «О чрезвычайных мерах» и обвиненные в нарушении этого указа преступники заполнили камеры изолятора. Я рад был познакомиться со многими из них и услышать новости с воли. Я мог перекинуться с ними парой фраз во время ожидания до или после свидания, когда кто-то приходил ко мне увидеться.

Заключенные в камере разделялись на тех, у кого были деньги – «сидели на тигровом меху», и тех, у кого денег не было – «сидели на собачьем меху». Тюремная жизнь «тигровых» и

«собачьих» сильно отличалась. Нет в мире больше таких мест, где деньги так откровенно выделяли бы твое могущество, как тюрьма. Даже время пользования умывальником по утрам у заключенных из камер с преобладанием «тигровых» и камер с преобладанием «собачьих» отличалось. У нас в камере обстановка была еще нормальная, потому что «тигровых» и «собачьих» было примерно поровну.

Все мои сокамерники называли меня «студент» и относились ко мне хорошо. И я тоже помогал им в написании ходатайств или докладных записок, пользуясь тем, что в прошлом был студентом четвертого курса юридического колледжа и успешно сдал первую ступень государственного экзамена. Иногда даже заключенные из других камер просили меня о содействии.

За время тюремной жизни произошло одно событие, которое никогда не забудется и не исчезнет в глубине моей памяти. Тогда около следственного изолятора было много голубей. Они прилетали и садились стаями на тюремный дворик. Когда было скучно, мы с интересом наблюдали за ними, глядя сверху вниз из окна изолятора. Некоторые заключенные бросали птицам остатки еды. Поскольку у нас в камере не бедствовали, многие покупали передачки. Многие покупали и перекусы. Перекусами назывались сухари, и, в общем-то, они были вполне съедобными, если помазать их кремообразной смесью из маргарина и яичного желтка. Естественно, свою тюремную пайку многие уже не ели. Я ее собирал и бросал голубям.

Так продолжалось какое-то время. Голуби даже стали собираться около нашей камеры, когда наступало время кормления, и ждали еду. Однако каждый раз, когда я бросал еду, малолетние преступники из камеры на противоположной стороне здания, собравшись у окна, смотрели на умилительное зрелище, как голуби дерутся за еду и клюют остатки пищи. Сначала я подумал, что они смотрят на происходящее ради забавы. Но это было не так. Кто-то мне рассказал, что они так смотрят, потому что им жалко, что остатки еды достаются голубям, и они с удовольствием съели бы их сами. Я очень удивился. Я этого не знал, и мне нравилось бросать голубям оставшуюся еду, но теперь мне стало действительно стыдно и жалко малолетних преступников. Так как все они «сидели на собачьем меху», кроме тюремной пайки, никакого приварка у них не было, и поэтому они все время были голодны. Чуть позже, получив согласие всех сокамерников, мы уже больше не притрагивались к излишкам еды и отправляли их в камеру малолетних правонарушителей.

Именно в следственном изоляторе я всей душой прочувствовал выражение «Голь на выдумки хитра». То, что

называется камерой в следственном изоляторе – это просто голый пол и стены. Но даже в этом маленьком пространстве можно было сделать что угодно. Мы собирали оборотные стороны от маленьких этикеток, которые находились внутри мешков от сухарей, и обклеивали ими стены, а из полиэтиленовых упаковок делали веревки для белья. Обточив ручку зубной щетки, мы использовали ее как нож. Мы мастерили шашки и фигурки, делали доски и играли в го или шахматы. Мы делали шашки из дробленого риса. Черные фигурки получались, если раскрасить их чернилами от копировальной бумаги. Такие шашки и шахматы были на удивление крепкими.

Когда подошел день вынесения приговора, сокамерники ждали моего освобождения и начинали готовить мне подарки. Два-три человека в течение нескольких дней что-то очень усердно мастерили. Закрутив полиэтиленовые пакеты от сухарей в виде шнурка, они растерли его между руками, нагревая, и растягивали, сделав из пакетов настоящую веревку. В зависимости от узора на пакете веревки получались красного или салатового цвета – это выглядело очень необычно. Толщина веревки регулировалась в зависимости от степени растягивания. Сокамерники сплели несколько сделанных таким образом разноцветных веревок между собой и смастерили красивый цветочный горшок, который и подарили мне. Они пожелали мне, чтобы, став судьей, я не забывал, что в мире много людей, с которыми обошлись несправедливо. Они сказали мне поставить цветочный горшок на рабочий стол и всегда думать об этом, когда будет трудно.

На суде прокурор требовал для меня два года тюремного заключения. Как забавно пошутил адвокат Хан Сынхон, тогда все приговоры выносились под одну гребенку – их можно было назвать «по фиксированному тарифу». Это было время, когда, согласно приговору, всем без разбору объявлялось реальное наказание по всем обвинениям. Однако судья приговорил меня к десяти месяцам условного срока*. Тогда из всех учащихся в университетах условный срок получили только студенты нашего вуза. Судья вынес такой приговор по своему убеждению. И, как и ожидалось, он потом не прошел конкурс на продление срока пребывания в должности судьи. Все мы догадывались, что это из-за того, что он вынес такой приговор по делу, связанному с государственной безопасностью. Позже, после того как я успешно сдал государственный юридический экзамен, я проходил прокурорскую практику в местном отделении прокуратуры в Северном округе Сеула, где меня допрашивали, а судейскую практику я проходил в Сеульском районном суде в Северном округе, где меня судили. Жизнь строит причудливые связи.

Комментарий

* Условный срок. 집행유예. Система, при которой исполнение меры наказания при вынесении обвинительного приговора о длительном сроке тюремного заключения откладывается на установленный период времени с учетом сопутствующих обстоятельств. Следовательно, при вынесении приговора об условном сроке осужденный освобождается.

Принудительный призыв на военную службу

Не успел я выйти на свободу, как получил повестку на военную службу. А я еще даже не прошел медосмотр. Направление на медосмотр и повестка в военкомат пришли одновременно. Планировалось, что за день до поступления на военную службу я пройду медосмотр, а на следующий день отправлюсь в часть. Меня призвали принудительно.

На этом неправомерные дела не закончились. Прокурор подал апелляцию на обжалование вынесенного мне приговора об условном сроке наказания. Я ушел в армию, не зная об этом. Я и мои товарищи, которые были соучастниками преступления, жили в Сеуле, и из-за апелляции прокурора наш призыв на военную службу отсрочили. На апелляционном слушании прошение прокурора отклонили, а мне даже не было известно, что такое произошло. Когда я зарегистрировался в Комитете по рассмотрению вопроса компенсации и реабилитации участников движения за демократизацию и посмотрел материалы, то, как я и думал, в них было решение суда об отклонении апелляции в отношении меня. В общем, апелляционное слушание было проведено без меня, пока я находился в неведении на военной службе. Так как я был в армии, то в случае, если суд обязательно должен был состояться, дело необходимо было передать в военный суд или же, если это было невозможно, прокуратура должна была отклонить апелляцию. Однако тогда на суде просто вынесли решение об отклонении. В результате никто не пострадал, но надо понимать, что суд и прокуратура действовали именно таким образом в то время.

Что касается медосмотра, то я проходил его в многопрофильном военном госпитале в Пусане, в одиночестве переходя из кабинета в кабинет, как если бы сейчас мне проводили обследование всего организма. Наступила очередь проверки зрения. Чтобы каким-то образом узнать реакцию врача, я намеренно сказал, что ничего не вижу. Он усмехнулся и, не проведя никаких точных измерений, ответил: «Все равно единица*!» – и поставил в карточке отметку «1.0», а потом вернул мне бланк осмотра. Вместо назначенного одного дня медосмотр растянулся на неделю.

Совершив поклон родителям и собираясь уже уезжать из Пусана, по пути я направился в квартал Кальса-ри в районе Хадон, где мои старшие товарищи преподавали в вечерней школе.

Тогда это была окраина, где проводились вечерние курсы для детей, которые не смогли перейти в среднюю школу. Вечером они располагались в классах начальной школы и занимались. И в один класс набивалось очень много разных детей.

Особенно впечатляло то, что, приходя в школу, дети притаскивали по мешку из-под цемента. Изначально Кальса-ри представлял собой искусственную насыпь, соединяющую остров в устье реки Сом-чжин-ган с сушей. В местах, где насыпь преграждала движение реки, скапливалась вода, поэтому там было очень много комаров. Я впервые видел место, где их так много – казалось, на квадратный метр приходилась сотня комаров. Если ты стоял вечером на школьной спортивной площадке, к тебе тут же подлетали полчища комаров со всех сторон. Дети накрывали цементными мешками нижнюю часть тела и так занимались, потому что комары прокусывали одежду.

Когда я увидел детей, которые учились таким образом до поздней ночи, у меня сердце замерло. По сравнению с этими детьми я был в гораздо более выгодном положении. Основной причиной тому, что эти дети не смогли перейти в среднюю школу, была бедность, но к этому добавлялось еще одно обстоятельство: школа находилась очень далеко. Во всем округе Кымнам-мён, к которому принадлежал и квартал Кальса-ри, была всего одна средняя школа. На душе стало тяжело оттого, что я не знал, как долго мои старшие товарищи смогут вести вечерние занятия, что будет с этими детьми, если мои друзья оставят вечернюю школу.

Почему я решил туда пойти? Потому что мы вместе с несколькими друзьями, с которыми участвовали в студенческом движении, обсуждали, что во время летних каникул будем помогать работникам сельского хозяйства в деревнях и организуем хотя бы одну вечернюю школу. Я не мог остаться дольше, чем на несколько дней. Мне нужно было уехать, чтобы поступить на военную службу, но это короткое время я провел прекрасно, утром занимаясь сельскохозяйственными работами, а вечером помогая вести занятия с детьми. Моя будущая жена тоже ездила со мной и после отъезда из Пусана сопровождала меня до самых дверей военного тренировочного центра.

Изначально Кальса-ри был известен возделыванием морских водорослей. Именно здесь производили знаменитую раньше хадонскую морскую капусту. Когда засыпали Кванъянскую бухту для возведения Кванъянского сталелитейного завода, началось опустынивание территорий, и ферма по производству морской капусты практически прекратила свое существование. Рыбаки должны были подать иск с требованием возмещения ущерба.

Позже, когда я работал адвокатом, я даже давал консультации по этому поводу. Но так как дорога была не близкая, я не мог приехать и помочь лично, но позже до меня дошли вести, что дело они выиграли. В последнее время активно продвигается проект застройки микрорайона Чосон в том месте, и мне интересно, как сейчас все изменилось.

Тренировочный центр, в который я поступил на службу, назывался «Дивизия “Родина”» – это была 39-я чханвонская дивизия. Было начало августа 1975 года. Все новобранцы были призывниками* из района Хадон. И четверо из них точно так же, как я, были определены на службу принудительно.

Я считал исполнение воинской обязанности совершенно естественным делом. К тому же я не знал, когда мне удастся восстановиться в университете, поэтому думал, что все к лучшему. Хотя это была совершенно незнакомая мне жизнь, с которой я никогда до этого не сталкивался, и поэтому я чувствовал напряжение, но я смог приспособиться. В тренировочном центре в Нонсане я был старшим командиром отделения, и меня называли «предводитель». На эту должность меня назначили потому, что я был старше остальных и в прошлом даже посещал университет. Так как поступление на военную службу отсрочилось у меня до четвертого курса университета, я был старше сослуживцев примерно на два года. Так как традиция выяснять возраст все еще оставалась, все солдаты относились ко мне как к старшему брату.

В учениях не было особых трудностей, кроме жары и пота. Во время тренировки по подготовке к газовой атаке задание заключалось в том, что надо было войти в огромную палатку, густо заполненную слезоточивым газом, надеть противогаз и просидеть внутри определенное время. Не знаю, были ли все учения изначально такими или же ассистент решил нас обмануть, но в конце нас заставили петь хором армейские песни, сняв противогаз. Всех рвало и всем было очень плохо, и только я смог это выдержать, чему был очень удивлен. Я подумал, что, наверное, это благодаря тому, что я был закален слезоточивым газом во время демонстраций.

Больше всего из шестинедельных учений мне запомнился «сбор жалоб и предложений*», который проходил прямо перед выпуском. Как я слышал от сына, который уже отслужил и вернулся из армии, эта система сохраняется до сих пор. Это мероприятие проводится, когда солдаты завершают курс молодого бойца. Считается, что основная его цель – улучшение условий пребывания на военной базе на основе списков жалоб и трудностей, с которыми обучающимся солдатам пришлось

столкнуться в тренировочном центре. Основным объектом изобличения должны были быть побои со стороны наставников или солдат-срочников, телесные наказания и любые другие недопустимые действия.

Побои уже в то время пытались полностью ликвидировать. Для того чтобы выявить их, в военной части совершались внезапные проверки, в ходе которых призывников осматривали: нет ли у них на пятой точке следов от применения бейсбольной биты*. Поэтому, когда я был новобранцем, младшие инструктора били нас битами не по ягодицам, а по ступням. Получить такой удар по ступням во много раз больнее, чем по ягодицам. Так как я был командиром отделения, то каждый раз, когда солдаты из нашего взвода делали что-то не так, меня наказывали как представителя. Поэтому несколько раз мне перепадало по ногам.

Перед сбором жалоб инструктора пугали нас, говоря: «Тех уродов, которые напишут жалобы, мы вычислим по почерку и не оставим это просто так!» В конце концов за два или три дня до окончания обучения из Главной военной части приехали для сбора жалоб. Всех инструкторов и старослужащих выгнали, чтобы они не смогли приблизиться к новобранцам, потом обучающимся раздали листки бумаги и сказали, что надо записать все претензии, все моменты, требующие исправления, случаи побоев, которые просто видели или пришлось испытать, и другие непозволительные действия. Однако никто не решался, и тогда нас стали упорно уговаривать словами: «Хотя ваша жизнь в тренировочном центре заканчивается, но вы можете сделать нашу армию лучше и не позволить вашим младшим товарищам столкнуться с теми же трудностями, только записав все то, что необходимо исправить».

Когда старослужащие подглядывали, чтобы следить за ситуацией, им делали выговор и выгоняли. Старшие товарищи говорили: «Все анонимно, поэтому вам ничего не будет». А потом добавляли: «Вас напугали инструктора, но они никак не могут увидеть ваших списков жалоб, поэтому нечего беспокоиться». Такая атмосфера располагала, и в итоге большинство новобранцев начали писать. В действительности, если написать всю правду, то не хватило бы и нескольких листов.

Однако, как только старослужащие уехали, в помещение ворвались инструктора, держа в руках наши листочки. Это был подстроенный сбор жалоб. В оставшиеся дни нас постоянно били, чтобы наказать. Инструктора навели на всех ужас, выискивая авторов самых серьезных записок. На следующий день снова устроили сбор жалоб. Они делали все то же самое, говоря те же самые слова. Но в этот раз никто не попался на удочку и ничего

не написал. Как мы потом поняли, это был настоящий сбор жалоб. Этот способ избежать сбора жалоб, направленного изначально на благие цели, был настолько искусным, что если бы у меня был писательский талант, то я хотел бы взять за основу этот сюжет и написать целый роман.

Когда мы выпускались из тренировочного центра, всех призывников собирали на плацу, и после того, как мы упаковали амуницию и снаряжение, нас по очереди объявляли и распределяли в разные войска. Меня объявили: «Мун Чжэин, войска специального назначения!» Никто не знал, где находятся войска специального назначения и что это вообще такое.

Мой товарищ по средней школе служил тогда сержантом в строевом отделе при штабе дивизии. Благодаря протекции этого друга некоторые из моих товарищей по Учебному центру получили распределение на хорошие должности типа санинструктора. Когда я пришел к нему, он извинился передо мной и сказал:

– У пятерых человек, которые были принудительно призваны, в личных делах значится «особые персональные данные», и они находятся под особым контролем, поэтому я не смог отправить тебя в хорошее место.

И добавил:

– Раньше студентами, которые привлекались к суду за участие в демонстрациях, занималась контрразведка, но сейчас направление сменилось в сторону типа войск, служба в которых считается наиболее тяжелой.

Этот друг тоже ничего не сказал о том, что войска специального назначения – это воздушно-десантные войска, и лишь пробормотал, что командование армии специального назначения – это, скорее всего, столичные гарнизонные или оборонные войска, которые расквартированы в Сеуле. Остальные четверо, которые попали в армию по принудительному призыву, были распределены в бронетанковые войска или части передового базирования – тоже очень тяжелая служба.

То, что армия специального назначения – это воздушно-десантные войска, я узнал уже в военном эшелоне на Ёнсан, когда мы проезжали мимо Самнанчжина. Мы предполагали, что мы в последний раз вместе с товарищами по тренировочному центру, поэтому позволили себе крепко выпить прямо в поезде. Тем, кто отправлялся на тяжелую службу, рекомендовалось выпить побольше. Товарищи без конца подливали мне «успокоительного» алкоголя.

Комментарии

* «Единица». 갑종. Высшая оценка физического состояния, определяемая на медицинском осмотре при призыве на военную службу.

* Призывник. 장정. Военнообязанный мужчина, призываемый на военную службу.

* Сбор жалоб и предложений. 소원수리. Сбор мнений с целью выяснения проблем и неудобств, возникающих у солдат в армии.

* Бита. 빠따. Японское звучание названия клюшки для гольфа или бейсбольной биты. Обычно используется при указании на телесные наказания, нанесенные битой или клюшкой по ягодицам.

Воздушно-десантные войска

Меня определили в третий батальон первой военно-десантной бригады особого назначения. В основной состав* меня включили не сразу, а прикомандировали, только когда я прошел четырехнедельную авиадесантную тренировку, шестинедельный курс солдата войск специального назначения и двухнедельную бригадную тренировку по передислокации. С момента присвоения чина меня внесли в списки части. Также в списках значились «командир бригады – бригадный генерал Чон Духван» и «командир батальона – подполковник Чан Седон». Что касается командира батальона Чан Седона, который впоследствии дослужится до начальника охраны будущего президента Чон Духвана, то, пока я проходил обучение, его сменили, поэтому нам не удалось вместе послужить. Я только слышал о нем, у него была превосходная репутация военного. Ан Хёнтхэ, который позже станет преемником Чан Седона на должности начальника охраны президента во время Пятой республики, был тогда командиром соседнего батальона.

Во время специальной военной подготовки я получил навыки подрывных работ. Став солдатом ВДВ, я стал и подрывником. Когда шестинедельное обучение навыкам спецназовца закончилось, от командира войск специального назначения Чон Пёнчжуна я получил благодарность за отличное прохождение курса подрывных работ.

Однако в течение того времени, когда парашют раскрывался и я парил в воздухе, я чувствовал настоящий восторг. Это ощущение было настолько приятным, что ради этого я мог сколько угодно терпеть страх и напряжение. Я думаю, люди, которые занимаются парапланеризмом, тоже готовы терпеть все трудности, поднимаясь высоко вверх, закрепив на себе тяжелое оборудование, именно из-за этого ощущения.

Командующий войсками спецназа Чон Пёнчжун – это человек,

который впоследствии станет воплощением настоящего солдата, который во время военного переворота 12 декабря* будет до последнего оказывать сопротивление и встанет под пули восставшей хунты. Командир бригады Чон Духван, возглавив этот переворот, достигнет успеха и станет президентом. Судьбы двух моих прямых начальников, которые зачитывали мое представление к чину, так драматически разминутся.

По правде говоря, получение награды за отличное прохождение курса подрывных работ не было чем-то особенным. Обучение разделялось на восемь частей, в процессе которых необходимо было выучить, как рассчитать количество взрывчатого вещества и в какой части сооружения, которое ты собираешься взорвать, нужно его применить; как при подготовке к спецоперациям самостоятельно сделать взрывчатку, соединив химические вещества. У меня получалось лучше остальных, и это было вполне естественным, потому что среди всех сослуживцев я имел лучшее образование. После того как я успешно прошел подготовку по химико-бактериологическому оружию, я получил благодарность от командира бригады Чон Духвана за отличное прохождение. Во всяком случае, благодаря этому с момента зачисления в список части я, конечно, считался первоклассным солдатом. В бригадном штабе даже началось соперничество за то, к какому батальону меня прикрепить.

Когда я ходил в школу, я никогда не получал наград, не считая награды за отличную посещаемость. Даже наоборот, меня отстраняли от занятий, а в конце концов вообще отчислили из университета и посадили в тюрьму. Но когда я пошел в армию, то оказалось, что у меня есть все необходимые навыки. Я даже сам удивлялся, что у меня хорошо получалось стрелять, бросать ручную гранату, заниматься военно-прикладным плаванием – хотя я делал это впервые в жизни.

Но одно давалось мне тяжело – бег с полной выкладкой. В ВДВ бег с полной выкладкой сильно отличается от того, как это происходит в сухопутных войсках. Тогда полевой устав* сухопутных войск предполагал, что надо было пробежать 10 км с обмундированием весом в 12 кг за 61 минуту. А в ВДВ, так как это были элитные солдаты, нужно было без остановки преодолеть 10 км с обмундированием в 20 кг за 57 минут. На линии старта устанавливались весы, и на старте, и на финише тебя взвешивали. На протяжении всей армейской жизни бег с оружием проводился каждую неделю. Не было ничего сложнее бега с полной выкладкой. С опытом у меня даже появилась одна уловка. Она заключалась в том, что я клал в рюкзак свой пустой солдатский сундучок, чтобы рюкзак выглядел набитым, и только на старте и

на финише клал в него камни. После того как бег с полной выкладкой так или иначе был преодолен, оставшиеся тренировки казались вполне посильными.

Прыжок с парашютом, или десантирование, тоже был очень сложной тренировкой ВДВ, но после зачисления в списки части прыжки казались нетрудными. После нарядов на хозработы в части я понял, что прыжки мне нравятся куда больше. По завершении авиадесантного обучения у меня насчитывалось четыре прыжка с парашютом: первые два – это обычные прыжки, третий – прыжок в ночное время, четвертый – в полном боевом снаряжении. Накануне первого прыжка нас заставили написать прощальное письмо родителям или другим родственникам и положить его в конверт вместе с локоном волос и ногтем, на случай если с нами что-то случится. Перед посадкой в транспортный самолет военный священник совершал молитву. Во время моих обучающих тренировок военный священник не только читал молитву, но и первым совершал прыжок – перед всеми обучающимися солдатами. Удивительный человек.

Во время первого прыжка у одного из сослуживцев не открылся парашют, и он погиб, ударившись о землю. Так как я к тому моменту уже совершил прыжок и был на земле, то видел все произошедшее своими глазами. Стоя на земле и смотря вверх, мы кричали ему, чтобы он открыл запасной парашют, но в итоге он не смог этого сделать и разбился. Во время второго прыжка один офицер был эвакуирован с сотрясением мозга. Из-за того, что мне пришлось такое пережить, я всегда был очень напряжен, когда совершал воздушный прыжок. Когда я выпрыгивал из самолета или вертолета, мне было страшно. Когда я приземлялся, то тоже волновался из-за частых травм.

Однако в течение того времени, когда парашют раскрывался и я парил в воздухе, я чувствовал настоящий восторг. Это ощущение было настолько приятным, что ради этого я мог сколько угодно терпеть страх и напряжение. Я думаю, люди, которые занимаются парапланеризмом, тоже готовы терпеть все трудности, поднимаясь высоко вверх, закрепив на себе тяжелое оборудование, именно из-за этого ощущения.

Это рассказ о том, как было в армии тогда. Не знаю, изменилось ли что-то сейчас. Раньше мы проводили совместные учения «Орел» или «Тим спирит» с американской армией. Когда мы вместе прыгали с парашютом, я смотрел, как прыгают американцы – они делали это так легко, как будто просто занимались спортом.

Парашют они надевали только тогда, когда в самолете раздавался сигнал «пятиминутная готовность». В самолете тоже

очень спокойно ждали. А мы, наоборот, нацепляли парашюты заранее, перед посадкой в самолет, и нас проверяли на соблюдение правил безопасности. В самолете мы сидели по стойке «смирно», даже не разговаривая друг с другом. И в такой напряженной обстановке, когда мы совершали прыжок, у нас, наоборот, было больше трагических случаев.

ВДВ половину года проводят в «полевых учениях» за пределами военной части. Среди них самым ярким и интересным является марш-бросок в 1000 ли. Это тренировка, в процессе которой нужно совершить марш-бросок на расстояние более 400 километров. После «полевых учений» в горах Чирисан или на перевале Мунгёнчжэ, которые длились примерно месяц, мы совершали форсированный марш в ночное время по горным тропам на расстояние примерно 400 километров от лагеря до военной части. Это очень тяжелый процесс, когда, взвалив на плечи тяжелый рюкзак с провизией, палаткой и спальным мешком, каждую ночь ты идешь пешком 40–50 километров по горной дороге. Все говорили, что это самое сложное учение в ВДВ. Но мне, по сравнению с казарменной жизнью, больше нравились полевые учения, к тому же я любил ходить по горным дорогам. И даже марш-бросок в 1000 ли, который все считали очень трудным, мне понравился. Мне было радостно ходить по горам и лесам, где я раньше никогда не был, а также видеть деревни.

제 76-1-194 호

赤十

수 료 증

주 소 부산시 영도구 영선나가 110

성 명 윤 재 인

생년월일 19 52 년 1 월 24 일생

이 사람은 본사의 고급인명구조원
강습과정을 수료하였음을 증명함

1976 년 7 월 16 일

대 한 적 십 자 사

Каждый год примерно по две недели мы отрабатывали боевые действия в воде. В первый же год я прошел обучение на спасателя на воде и даже получил от Корейского отделения Общества Красного Креста квалификацию спасателя на воде высшего разряда.

Каждый год примерно по две недели мы отрабатывали боевые действия в воде. Нас разделяли на отряды в зависимости от навыков плавания, и для каждого отряда была своя подготовка: от основ плавания до погружения с аквалангом. Так как я родом из Пусана, я умел немного плавать. В первый же год я прошел

обучение на спасателя на воде и даже получил от Корейского отделения Общества Красного Креста квалификацию спасателя на воде высшего разряда. Квалификационные экзамены длились два дня: в первый день имитировались различные ситуации, в которых мы должны были спасти человека, упавшего в воду.

Во второй день было плавание на длинную дистанцию в две мили, или 3,2 км, которую мы должны были преодолеть. Можно было плыть любым стилем. На гражданке я бы даже и думать об этом не посмел. Но это мы тоже делали потому, что были в армии. Успешно завершив испытание, я посмотрел назад на дистанцию, которую преодолел вплавь, и она показалась мне слишком большой, и я не верил, что сам это сделал.

На следующий год я проходил обучение по подводному плаванию начального уровня. До того, как надеть аквалангм, мы проходили тренировки по плаванию с двадцатикилограммовым мешком, набитым песком, и плаванию с прикрепленным на пояснице двенадцатикилограммовым свинцовым ремнем. Мне было страшно, потому что я впервые пробовал сделать так, но, когда действительно попробовал, удивился, что смог справиться каким-то образом, даже немного наглотавшись воды.

У нас также было и так называемое боевое плавание. Это плавание в полном снаряжении, в сапогах, с подсумками и с оружием на плече. Это тренировка, во время которой солдаты в таком виде садились на резиновую лодку для проникновения в тыл врага, и как только загорался головной фонарик, надо было спиной нырнуть в воду и остаться незамеченным, а когда фонарик переставал гореть, нужно было снова вернуться к лодке и подняться на борт.

Несколько раз ко мне на свидание приезжала Чонсук. Первое свидание, на которое она приехала после моего прикрепления к первой авиадесантной бригаде, я, наверное, никогда не смогу забыть. В то время свидания в армии, безусловно, были передачей большого количества еды. Какой бы бедной ни была моя мама, она всегда приносила с собой на свидание целую курицу – и это было нормой. Но Чонсук приехала, не привезя с собой никакой еды, а только охапку цветов гипсофилы. Наверное, потому, что у нее не было старших братьев. Она была еще совсем юной, неопытной девушкой. Тогда в комнате свиданий еще ничего не продавали, поэтому мы просто разговаривали, а между нами лежал букет цветов. Потом я вернулся в часть. Хотя меня тоже это забавляло, но мои сослуживцы, которые видели, как я входил в казарму с цветами вместо еды, просто покатились со смеху. Наверное, во всей корейской армии никто, кроме моей будущей супруги, не приходил на свидание с цветами вместо еды. Но мы

разделили цветы на несколько букетов и поставили в разные комнаты, и всем они пришлись по душе. Так как это была гипсофила, то стояли цветы очень долго. Цветы в казарме ВДВ – это было беспрецедентное событие.

Через много лет, когда мой сын проходил военную службу, мы вместе с супругой приходили к нему на свидание. В то время я работал руководителем департамента по гражданским делам в администрации президента в Голубом доме, и каждый раз, приходя на свидание, я особенно переживал, как бы высокие чины в военной части не узнали меня. Были некоторые, кто, как раньше, приносил на свидание еду, но теперь в комнату свиданий можно было заказать пиццу или блюдо тхансуюк. И по этой причине многие приходили на свидание с пустыми руками. На стенах комнаты свиданий было приклеено множество листовок с телефонами сервисов доставки еды. Мы тоже взяли с собой только фрукты и заказали пиццу, как этого пожелал сын. Я остро почувствовал, как изменился мир.

Во время моей службы капралом произошел инцидент 18 августа 1976 года* в Пханмунчжоме. Военная операция по вырубке тополя, которая была предпринята в качестве реакции на этот инцидент, была поручена нашей воинской части. Впервые после Корейской войны была объявлена полная готовность к обороне. Полная готовность к введению положения военного времени. Положения, при котором, если бы Северная Корея оказывала сопротивление или возникло бы столкновение во время вырубки деревьев, разразилась бы война. В качестве меры подготовки и к такому исходу в том числе вырубку деревьев осуществлял только личный состав элитных частей, а остальные солдаты находились за периметром операции. Части передового базирования тоже находились за периметром. К счастью, Северная Корея никак не отреагировала на вырубку деревьев, как будто вообще не заметила этого. Операция была завершена успешно. Тогда нам всем раздали по куску срубленного ствола дерева со словами: «На память о преодолении национального кризиса».

Когда мы не ездили на полевые учения, а находились на территории военной части, у нас проходили тренировки по подавлению беспорядков. Первая авиадесантная бригада находилась в прямом подчинении Главному управлению сухопутных войск и входила в состав Сеульского гарнизона. Всем солдатам выдали дубинки в качестве основной амуниции. В процессе учений по подавлению мятежей мы по очереди тренировались, оттачивая навыки. Это был сценарий, по которому мы делились на воображаемые отряды, и «мятежники» должны

были имитировать что-то типа демонстрации, которая уничтожалась через подавление силами ВДВ.

Для того чтобы отличить воображаемые отряды «мятежников» от «карателей», первых заставляли надевать спортивную форму.

Через много лет, когда мой сын проходил военную службу, мы вместе с супругой приходили к нему на свидание. Были некоторые, кто, как раньше, приносил на свидание еду, но теперь в комнату свиданий можно было заказать пиццу или блюдо тхансуюк. И по этой причине многие приходили на свидание с пустыми руками. Я остро почувствовал, как изменился мир.

Меня сделали главой отряда «мятежников», потому что кто-то предложил: «Эй, Мун Чжэин! Ты же в демонстрациях много участвовал, да? Давай ты будешь предводителем мятежников!» Меня бросило в дрожь от одного вида тренировки по подавлению мятежа, когда, сомкнув штыки, ровные ряды продвигались вперед и по команде все дружно выполняли движение «оружие к бою».

Однако за время моей службы я ни разу не участвовал в реальном подавлении восстания, не считая учений, конечно. После моей демобилизации, когда происходили демократические протесты в Пусане и Масане*, в Пусан был направлен именно третий батальон первой военно-десантной бригады особого назначения, в котором я раньше служил. В Пусан также прибыли младшие товарищи по армии, которые были моими помощниками. Во время же протестов в Кванчжу в качестве отряда подавления была направлена другая авиадесантная бригада. В нарушение приказа командующего Чон Пёнчжу их отправили в качестве основной ударной силы заговорщиков в ходе военного переворота 12 декабря, хотя это не было подавлением восстания. Если бы я проходил военную службу чуть позже, то, не знаю, возможно, и мне бы пришлось участвовать в военном перевороте, противясь естественному ходу истории и наставляя дуло винтовки на мирных граждан.

Как бы там ни было, я благополучно демобилизовался. Во время службы в авиадесантных войсках я иногда травмировал поясницу или ноги из-за прыжков с парашютом. Среди

сослуживцев несколько человек даже перешли в пехотные войска из-за травм. Мне повезло. Все шутили, глядя на меня, что мне надо отказаться от демобилизации и остаться на службе, так как у меня конституция солдата, конституция военного ВДВ. Плюсом того, что до третьего курса университета я посещал военную кафедру, стало то, что я демобилизовался на три месяца раньше, чем мои сослуживцы. Мои подопечные даже принесли дубинки и попросили меня оставить им по одному «памятному удару», потому что я ни разу не бил их битами. Я смутно помню, то ли я на память подарил каждому из них что-то вроде памятного удара, то ли просто отшутился.

В моем военном билете теперь значилось: «Сержант сухопутных войск, сержант военно-десантных войск Мун Чжэин». Сослуживцы и подопечные солдаты провожали меня, выстроившись в очередь, после этого я покинул военную часть через главные ворота. За воротами меня ждала Чонсук. Был февраль 1978 года, с момента поступления на военную службу прошел примерно 31 месяц. Оглядываясь назад, я понимаю, что в течение всего этого долгого времени она верно ждала меня, как будто мы вместе начали служить и также вместе завершили службу.

Недавно в интернете я увидел свои фотографии времен армии. Кажется, их загрузил один мой сослуживец, который хотел показать их дочке через интернет. Чтобы узнать, я позвонил ему впервые за очень долгое время. И сейчас мы тоже иногда встречаемся с сослуживцами и разговариваем о тех временах. В основном мы говорим об армии и об армейском футболе – разговоры, которые особенно не нравятся женщинам. В действительности, если бы мы решили записать все наши армейские истории, то можно было бы написать целую книгу.

После демобилизации в течение какого-то времени мне снился сон, что меня снова призывают в армию. Это был не просто сон об армейской жизни. В этом сне я также демобилизовался, но то ли потому, что приказ о демобилизации отменили, то ли по какой-то другой причине мне снова приходилось возвращаться в армию. Как я потом выяснил, не только у меня так было. Это сон, который снится большинству тех, кто служил в армии. Поскольку в Республике Корея обязательная воинская повинность, то, наверное, этот кошмар снится всем отслужившим. Как бы удачно или интересно ни проходила служба, никто, наверное, не хотел бы пройти через это еще раз.

Тем не менее я думаю, что опыт службы в армии сильно помог мне в дальнейшей жизни. После поступления на службу

мне приходилось делать многое, но, испытав все это в реальности, я осознал, что могу справиться абсолютно со всем. Это сделало из меня позитивного и оптимистичного человека. Когда я работал адвокатом или же когда находился на службе в Голубом доме, я тоже со многим сталкивался впервые. Некоторые события не только лично для меня происходили в первый раз, но и не имели известных прецедентов в целом. Когда мне нужно было самому принимать решения и смотреть в лицо проблемам, этот опыт и эти черты характера очень помогли мне.

Из-за своего опыта я считаю, что если и сохранять систему призыва в армию такой, какая она есть сейчас, то было бы неплохо в значительной степени упростить прохождение медосмотра. Разве не хорошо было бы, если бы все имели возможность пройти службу в армии, за исключением, конечно, тех, кто никак не может этого сделать по физическим причинам? Конечно, на это есть причины. Так как в армии множество должностных обязанностей, для которых не нужна физическая сила, то каждому можно поручить те дела, которые подходят ему по физическим показателям. Я думаю, что в таком случае можно уменьшить срок службы, а также решить вопросы с нарушениями во время службы и проблему преференций. Мы останемся верными духу системы всеобщей воинской повинности*, и исчезнут все споры по поводу системы преференций для отслуживших при приеме на работу.

Комментарии

* Основной состав. 자대. Военное подразделение, которое входит в основу армии.

* Переворот 12 декабря. 12–12 신군부쿠데타. Военное восстание 12 декабря 1979 года, инициированное новыми военными силами во главе с обществом «Ханахве», в состав которого входили Чон Духван и Ро Дэу. Правящие власти оправдывали переворот 12 декабря вплоть до начала 1993 года, пока Чон Духван и Ро Дэу находились в должности президента, однако затем во время правительства Ким Ёнсама это событие получило определение «государственного военного переворота, основанного на мятежных действиях низов».

* Полевой устав. FM. Сленговый термин для обозначения принятого или установленного правила или принципа.

* Инцидент 18 августа 1976 года в Пханмунчжоме. 판문점도끼만행사건. 18 августа 1976 года под руководством военнослужащих американской и корейской армий пятеро корейских чернорабочих

срезали ветви тополей, закрывающих вид на сторожевой пост. В это время появились два офицера и несколько десятков рядовых солдат северокорейской армии и потребовали прекратить работы. Работы продолжились, несмотря на их требования, вследствие чего несколько десятков северокорейских солдат подъехали на грузовиках к месту проведения работ и, размахивая топорами и дубинками, начали нападение, в ходе которого они убили топором двоих американских военных и нанесли ранения средней тяжести еще девяти солдатам, после чего скрылись.

* Демократические протесты в Пусане и Масане. 부마민주항쟁. «Протесты Пу-Ма». Гражданские протесты против диктатуры Юсин Пак Чонхи, проходившие в октябре 1979 года в регионе Пусан – Масан. Протесты получили название «Пу-Ма» по первым слогам названий городов Пусан и Масан. Власти режима Пак Чонхи приняли решение о невозможности подавления восстания силами полиции, вследствие чего 18 октября в полночь было объявлено чрезвычайное военное положение в регионе Пусан, и протестующие были разогнаны посредством введения в город военно-десантных войск.

* Система всеобщей воинской повинности. 국민개병제. Система, налагающая на всех мужчин определенного возраста обязанность несения военной службы.

Подготовка к государственному экзамену

Хоть я и вернулся домой, обстановка была печальной. Наступил самый невыносимый и бесцельный период моей жизни. Я отслужил, но восстановиться в университете не получалось – неужели просто дома отдыхать? Или устраиваться на работу? Но ведь я не окончил университет… Я был в безвыходном положении.

Когда я думал о родителях, которым приходилось очень нелегко, я не мог просто бить баклуши, ожидая, пока меня восстановят в университете. Тем более я не знал точно, когда это произойдет. Мои старшие товарищи, которые были заняты в сфере морских перевозок в Пусане, предложили мне работу. Казалось, что они относились ко мне как к сотруднику с высшим образованием, хоть у меня и не было диплома, поэтому и пригласили меня. Я решил принять предложение и начал готовиться к выходу на работу.

Но тут внезапно умер отец. У него не было каких-либо хронических болезней. Врачи сказали, что у него случился инфаркт. В то время отец помогал с делами фирмы, которая принадлежала нашим родственникам. И по дороге на работу ему стало плохо. Закончив все дела в фирме и приняв душ, он пошел поужинать. Говорят, что за ужином он выпил стакан пива, голова запрокинулась набок, он некоторое время пробыл в таком положении, а потом умер. Отцу было примерно 59 лет, как мне сейчас. Ни я, ни мама даже не были с ним в последние минуты его жизни. Что уж говорить о завещании.

Отец был несчастным человеком, который всю жизнь после переселения тосковал по родине, который не смог даже пройтись еще раз по родной земле, который умер, даже не зная, что стало с его родителями. Бедный человек завершил свое утомительное существование, в котором он был абсолютно беспомощным, так как, потеряв свои корни, не смог приспособиться к жизни на чужбине.

Когда я стал размышлять, то понял, что у меня не так уж много воспоминаний, связанных с отцом. Он был неразговорчив, поэтому лишь изредка мило болтал со мной. Но, слушая его редкие замечания, я понимал, что он обладает глубоким общественным сознанием. Я помню, как он объяснял соседскому школьнику, почему стоит быть против корейско-японских переговоров. Он говорил, что наша страна должна следовать идее физиократического роста, благодаря которому возродится сельское хозяйство, а правительство Пак Чон-хи, наоборот,

проводит политику, которая убивает аграрный сектор низкими ценами на зерно. Его слова тогда сильно задели меня, хотя я был еще ребенком. Иногда он почитывал журнал «Сфера идеологии», выпускаемый Чан Чунха, – тогда это было большой редкостью в нашем окружении. Лишь намного позже я осознал, какое сильное влияние отец так незаметно оказал на мое общественное сознание и критическое мышление. Я думал, что совсем не похож на отца. Но чем старше я становился, тем чаще удивлялся, находя в своем отражении в зеркале его черты. Отец был человеком, который ушел, незаметно оставив во мне многое, что принадлежало ему.

Мое сердце разрывалось, когда я думал о жизни и смерти отца. В тот момент, когда я услышал, что отца с нами больше нет, у меня возникло такое чувство, будто он настолько устал от жизни, что ее огонь в нем в конце концов постепенно угас. Как только эта мысль пришла мне в голову, я почувствовал сильные угрызения совести за то, что не смог проявить себя перед отцом, который возлагал на меня большие надежды.

Я подумал, что хотя бы ради отца не могу бросить учебу просто ради зарабатывания денег. Я хотел показать, что способен на большее, пусть уже и слишком поздно, и решил сдать государственный экзамен по юриспруденции. Маме я сказал, что знаю, как нелегко ей живется, но придется еще немного потерпеть. На следующий же день, после того как закончился 49-дневный траур, я покинул родной дом и направился в храм Тэхынса в Хэнаме провинции Южная Чолла.

В то время ситуация не позволяла мне получать денежную помощь от семьи, чтобы оплачивать съемное жилье. Но как раз в то время нашелся человек, который помог мне остановиться в храме Тэхынса, поэтому именно туда я и направился. Я остановился в буддийской монашеской келье, которая называлась павильоном Великого Света. В то время, когда еще не было принято решение о создании национального парка Торип, Тэхынса был прекрасным тихим храмом. В нем не было ни единой бетонной постройки, все было обустроено в гармонии с природой, даже дорожки не были ничем покрыты, а представляли собой просто тропинки на земле. Территория храма была такой большой, что если бы Тэхынса находился на территории провинции Кёнсан, то в нем проживало бы не менее двухсот монахов, а здесь их было около двадцати, поэтому создавалось ощущение тишины и спокойствия.

В этом храме я очень усердно учился. Впервые после шестого класса начальной школы, когда я готовился к вступительным экзаменам в среднюю школу, я с головой погрузился в учебу. У

меня уже был опыт успешного прохождения первой ступени государственного экзамена по юриспруденции: я сдал его во время зимних каникул на третьем курсе университета. Осенью того года я руководил студенческой демонстрацией, поэтому сдавал экзамен, приняв для себя решение, что совершенно не буду к нему готовиться, но, к счастью, выдержал испытания. И на тот момент я был единственным на курсе, кто сдал этот экзамен, в связи с чем сразу же стал «восходящей звездой государственных экзаменов». Но сдал я его, видимо, благодаря тому, что у меня была хорошая память и мне легко давались дисциплины, которые предполагали заучивание предмета наизусть, потому что по юриспруденции я практически ничего не учил. Таким образом, моя подготовка к государственному экзамену ничем не отличалась от того, как если бы я начинал все изучать с нуля.

Храм Тэхынса был очень красивым, но окружавшие его горы Турюнсан были просто прекрасны. Когда я уставал от учебы, то шел в скрытое от посторонних глаз ущелье в горах и, раздевшись догола, купался в горной реке. Иногда я взбирался на вершину горы Турюнсан и с высоты любовался «краем земли». Когда я смотрел в сторону далеких хэнамских деревенек на том самом «краю земли», то мог увидеть только море и волнорезы. Только поднявшись на вершину горы Турюнсан, я мог почувствовать, что «край земли» действительно существует. У меня перехватывало дыхание и замирало сердце, когда я видел, как берег Корейского полуострова соприкасается с морской гладью, как вдалеке виднеются острова, будто рассыпанные по водным просторам.

Именно в храме я впервые узнал, что такое «чай из молодых побегов». В храме Ильчжиам, который относился к комплексу Тэхынса, монахи возрождали корейские чайные традиции, описанные в книге «Ода восточному чаю»*. Именно здесь жил монах Чхои, который «благодаря чаю» завел дружбу с Чон Ягёном (Дасаном) и Ким Чжон-хи (Чхуса). Проще говоря, это место можно назвать родиной корейской чайной культуры. И в то время, когда я находился в Тэхынса, чай, который производили в Ильчжиаме, поставлялся в буддийские храмы по всей стране. Настоятель небольшого храма, в котором я остановился, иногда звал меня вместе попить чаю. Тогда я впервые попробовал чай из молодых побегов. И тогда же я впервые узнал способы заваривания чая и особенности чайной церемонии («путь чая»). Чай из молодых побегов – это чай, который делается из ферментированных* первых листков диких чайных деревьев. Его послевкусие длится очень долго: если ничего не есть и не курить, то тогда вкус может чувствоваться целый день. И он настолько приятен, что ты даже не можешь позволить себе закурить, боясь, что послевкусие

покинет тебя. Впоследствии я больше никогда не пробовал ничего подобного. Я настолько был очарован вкусом чая в то время, что и сейчас с удовольствием пью корейский чай.

В горных реках было полно китайского гольяна. Я надевал на тазик для умывания пластиковый пакет, проделывал небольшую дырку, клал внутрь немного соевой пасты и помещал в воду горной реки. И пока я успевал помыться, внутри умывальника уже плескались гольяны.

Наловив вместе с другими постояльцами храма гольянов, мы пару раз варили острый рыбный суп. Но однажды, когда я уже возвращался в храм, меня вдруг напугал настоятель, который появился будто привидение со словами: «Господин ученый, Вы сегодня напрасно загубили много живых существ, не правда ли?» Но он посмотрел на меня по-доброму и, хотя сам и не пил, незаметно дал мне выпить сливового вина, которое делали из плодов сливы, росшей в саду храма.

Также я вспоминаю об учениях резервистов. Поскольку тогда я числился в военном резерве, чтобы не пропустить сборы, я оформил временную регистрацию в храме Тэхынса. В этом районе дислоцировался боевой взвод роты резервных войск, и, когда я проходил учения, вместе со мной в военных тренировках боевого взвода роты резервных войск участвовали несколько молодых монахов храма Тэхынса.

Священники и пасторы были фактически освобождены от прохождения военных тренировок, за что они помогали в делах местного Комитета территориальной обороны, а буддийские монахи неизменно проходили службу, что выглядело очень необычно. Когда я видел монахов, которые в обычной жизни носили монашескую рясу и имели величественный вид, а на учениях надевали военную форму, натягивая шапку на лысую голову, само собой, улыбка появлялась на моем лице. В боевой роте, в отличие от других резервных войск, учения проходили по всем правилам. Местный Комитет территориальной обороны завозил по два бочонка макколли в день, погрузив их на велосипеды; возможно, так происходило, потому что это была сельская местность. Не было ничего вкуснее, чем выпить глоток макколли, опустив ноги в воды горных рек Турюнсан после окончания учений.

Монастырь был прекрасным местом для учебы, но через несколько месяцев мне пришлось уехать. Я уезжал не потому, что хотел уехать, а потому, что в храме больше не разрешалось снимать жилье. Я слышал, что павильон Великого Света решили переделать в зал для медитации в связи с приездом в Тэхынса монаха Юн Коама, который служил тогда главой ордена Чоге.

Делать было нечего, и я продолжил подготовку к экзаменам, переезжая с места на место. Если я находился где-то продолжительное время, то привыкал к месту, расслаблялся, сближался с людьми и уже больше общался с ними, чем учился. Чтобы держать себя в тонусе, я менял место пребывания раз в несколько месяцев. И я всегда был в поисках дешевого жилья.

В начале 1979 года я успешно сдал государственный экзамен первой ступени. Я поставил себе цель сдать экзамен второй ступени уже в следующем году. Но в октябре того же года разразилась серия протестов в Пусане и Масане. На каждом углу говорили о том, что военные танки буквально раздавили демонстрацию. В итоге 26 октября 1979 года президент Пак Чонхи был убит.

С этого момента началась Сеульская весна*. С тех пор я не мог найти себе места, поэтому мне было трудно сконцентрироваться на учебе. И примерно с января 1980 года начались разговоры о восстановлении в университете. Я вовсе не намеревался, но неожиданно стал одним из студентов, восстановившихся после перерыва в учебе. В марте я восстановился и именно в этот момент погрузился в политический водоворот расцветающей Сеульской весны.

Комментарии

* «Ода восточному чаю». 『동다송 (東茶頌)』. Эта книга была написана монахом Ыйсуном (意恂), жившим в период позднего Чосон, и в стихах описывает чайную церемонию. Монах Ыйсун имел псевдоним Чхоый (草衣), поэтому его обычно называют монахом Чхоый. Он внес весомый вклад в возрождение чайной культуры, соединив практику медитации дзен и чаепитие, поэтому его почитают как «чайного святого» (茶聖). Название книги означает «Восхваление чая восточной страны», под «Восточной страной» имеется в виду корейское государство Чосон.

* Ферментировать. 덖다. Обжаривать и готовить мясо, лекарственные травы и зерна без добавления воды, не допуская подгорания.

* Сеульская весна. 서울의 봄. Так называют время с 28.10.1976 г. по 17.05.1980 г., когда по стране прокатилась широкая волна демократического движения. Это движение также сравнивают с Пражской весной 1968 г. в Чехословакии.

Снова арест

Я вернулся в университетский кампус. Восемнадцатилетний режим военной диктатуры закончился, и вместе с Сеульской весной в университетский кампус тоже пришла весна. Восстановление было закономерным делом, и я вел переговоры в университетах об условиях восстановления. Я по несколько раз встречался с представителями университета. Вопрос о восстановлении во всех университетах решился примерно в одно и то же время. Конечно, в каждом университете форма принятого решения отличалась, но суть оставалась одинаковой. Все студенты, которые были отчислены и не смогли восстановиться в период со второй половины 1974 года и вплоть до 1979 года, могли вернуться к учебе в университете с весеннего семестра 1980 года.

Условия для восстановления были исключительными. Тем, кто был отчислен после апреля 1975 года, весенний семестр был засчитан как успешно завершенный. Когда таким, как я, кто был отчислен с четвертого курса, засчитали один семестр, то фактически мы становились уже выпускниками. Я не знаю, как такое было возможно провернуть.

К тому же нас освободили от платы за обучение за семестр. Благодаря этому я выпустился уже в августе 1980 года. Наш выпуск был поздним, пришелся на осенний семестр и назывался «космическим», потому что уже зацвели космеи, поэтому мы не участвовали в церемонии вручения дипломов и у меня даже нет памятной выпускной фотографии. Я просто получил поздравления от друзей и младших товарищей по университету и отпраздновал окончание учебы, к которому шел девять лет, пропустив стаканчик сочжу.

Как только начался новый семестр в университете Кёнхи в 1980 году, я погрузился в «университетскую борьбу за демократизацию», выступая против кумовства и протаскивания родственников в университетский фонд. Четверокурсники университетов Ханян и Сечжон тоже последовали за нами. Университет отреагировал на это продолжительной отменой занятий.

Так как восстановленных студентов за пять лет набралось много, то у нас было всего по одной стоминутной лекции и больше занятий не было. В отсутствие занятий мы каждый день устраивали забастовки с требованием распустить клановое руководство университетского фонда и осуществить университетскую демократизацию. Начиная с последней декады

апреля, вслед за началом антидиктаторских демонстраций с требованием демократизации, университет Кёнхи, конечно, тоже стал стал в них участвовать.

Когда начались переговоры с университетом об условиях восстановления, я уже не мог продолжать готовиться к государственному экзамену. А уж после восстановления тем более. Я решил, что мне ничего не остается, кроме как дать себе обещание, что в будущем я обязательно сдам государственный экзамен. Но, успешно пройдя испытания первой ступени в прошлом году, я уже мог сразу же сдавать экзамен второй ступени. Мне было жаль растерять все знания, приобретенные за время подготовки, и в апреле 1980 года, в разгар студенческой забастовки, я решил сдавать государственный экзамен по юриспруденции второй ступени. Из-за того, что за два или три месяца до сдачи экзамена – как раз в самый важный период при подготовке – я не мог усердно учиться, у меня не было больших ожиданий по поводу результата. Я решил попробовать, чтобы хотя бы иметь представление о том, что меня ждет на экзамене в следующем году.

К тому же нас освободили от платы за обучение за семестр. Благодаря этому я выпустился уже в августе 1980 года. Наш

выпуск был поздним, пришелся на осенний семестр и назывался «космическим», потому что уже зацвели космеи, поэтому мы не участвовали в церемонии вручения дипломов и у меня даже нет памятной выпускной фотографии. Я просто получил поздравления от друзей и младших товарищей по университету и отпраздновал окончание учебы, к которому шел девять лет, пропустив стаканчик сочжу.

С того момента, как в университете Кёнхи демонстрации с требованием демократизации приобрели характер антидеспотических, я участвовал в них, не отставая от главных активистов. Так как у большинства студентов не было совершенно никакого опыта организации демонстраций, восстановившиеся были вынуждены объяснять новичкам основную суть демонстрационного движения. Полиция впервые в течение нескольких дней блокировала главные ворота университета. Практически все университеты в Сеуле начали организовывать демонстрации, и, как только протесты перешли в возникновение стихийных демонстраций в центре города, в том числе и на площади Кванхвамун, полиция перестала патрулировать главные ворота университета.

Полиция направила все силы на защиту стратегических пунктов и сконцентрировалась в районе Голубого дома, здания Центральной управы* и проспекта Сечжон-но. Оставшиеся районы превратились фактически в «освобожденные территории», где не применялись никакие меры по сдерживанию, хотя студенческие демонстрации активно продолжались. И студенты ежедневно собирались на площади перед Сеульским вокзалом.

Перед тем как отправиться к вокзалу на совместную студенческую забастовку, студенты университета Кёнхи ежедневно проводили общее собрание перед «вступлением в бой», а после возвращения на территорию университета – церемонию роспуска. С каждым разом число студентов, выступающих на площади перед вокзалом, росло. В последний день, 15 июля, оно достигло почти двухсот тысяч человек. Сопротивление манипуляциям новой военной хунты, направленным на продление режима военной диктатуры, достигло апогея.

И в этот момент собрания председателей общеуниверситетских студенческих советов каждого университета, начиная с СНУ приняли решение об отступлении – так называемое Великое отступление с Сеульского вокзала*. Они сказали, что никто не хочет, чтобы кто-либо пострадал от введения войск. Какая же это была наглая ложь!

За несколько дней до описываемых событий прошел слух о

введении в город армии. Некоторые преподаватели, которым можно было доверять, также передали мне эту информацию. Они сказали, что ни в коем случае нельзя допустить тех несчастий, которые произойдут, если войска будут введены. Однако группы восстановившихся студентов, не разбираясь, кто из какого университета, считали, что необходимо стоять до конца, бороться не на жизнь, а на смерть, даже если военные войдут в город. Наступил критический момент в борьбе за демократизацию. Если борьба прекратится, то режим военной диктатуры снова будет продлен. Мы считали, что, даже если в город вступят войска, все равно есть пределы жестокости подавления, так как существует еще и мнение международного сообщества.

Восстановившиеся студенты пытались убедить коллегию председателей общеуниверситетских студенческих советов, но, так как у них не было опыта в проведении демонстраций, они серьезно испугались новостей о введении армии. Собрать отступивших студентов вновь так и не удалось. Пока сеульские студенты таким образом самоустранились в самый важный момент, жители Кванчжу, в котором объявили военное положение, в одиночестве должны были принять бой с армейскими частями.

Я думаю, что именно из-за предательства сеульских студентов жителям Кванчжу пришлось принести такие большие жертвы во время восстания*.

17 мая новая военная хунта объявила о расширении чрезвычайного положения* на всю страну начиная с полуночи. В этот день мы с Чонсук поехали на ферму моего будущего тестя, которая находилась на острове Канхвадо. Мы с будущей супругой встречались уже очень долго, и все понимали, что мы собираемся пожениться. Родители Чонсук, ее сестра со своим парнем и мы двое – все вместе отправились в храм Помунса, который находился на ближайшем к Канхвадо острове – Сокмодо. Возвращаясь на ферму, в автобусе по радио мы услышали новости: с полуночи по всей стране вводится чрезвычайное положение. 27 октября прошлого года военное положение вводилось по всей стране, кроме Чечжудо. А в этот раз чрезвычайное положение распространялось и на Чечжудо, что уж говорить про Сеул – тут все было без изменений. Конечно, не было никаких веских причин вводить чрезвычайное положение и на Чечжудо.

Все было понятно интуитивно. В прошлый раз во время чрезвычайного положения уличные демонстрации были разрешены и войска тоже не вводили, теперь же, после введения войск, положение становилось действительно чрезвычайным. В

автобусе я наказал будущей супруге: «Как только вернемся, придется на какое-то время залечь на дно. Не бойся, какой бы серьезной ни была ситуация». Мои мысли были искренними.

Как только мы и еще группа людей вышли из автобуса на остановке около дороги, которая вела к ферме, нас окружили пять или шесть подозрительных амбалов и приставили к нам пистолеты. Они выкрикнули: «Не двигайтесь! Руки вверх. Ты Мун Чжэин?» Это были сыщики из спецотдела полицейского отделения Чхоннянни, которые ждали нас, чтобы задержать меня.

Я сказал: «Предъявите ордер», – но они ответили: «Он еще об ордере говорит! У нас тут военное положение!» – и показали соответствующий указ, на котором красными буквами было написано: «Военное положение». Это означало, что на время чрезвычайного положения система выдачи ордеров временно прекращала действие и мне следовало просто помалкивать.

На глазах семьи Ким Чонсук на меня надели наручники и посадили в машину, а потом затолкали в тюремную камеру в полицейском отделении Чхоннянни.

Тогда я жил в общежитии для студентов, которые получают стипендию. Говорят, что ночью накануне моего ареста военные ворвались в общежитие и обыскали все вплоть до женских комнат, чтобы найти меня. Когда выяснилось, что меня там нет, утром сыщики направились в дом моего тестя. Не снимая обуви, они зашли в каждую комнату и, в итоге выпытав у младшей сестры Чонсук, которая в тот день осталась дома одна, что мы все уехали на ферму на Канхвадо, отправились за мной. Они прождали нас целый день у входа на ферму, перекусив только куском хлеба. Мне было очень неловко, что они на глазах у моих тестя и тещи, приставив пистолет к моей голове, надели на меня наручники и повезли в отделение. Люди, которые находились в уезжающем автобусе, стояли в оцепенении и безмолвно смотрели на происходящее.

Но этот случай был не первым, когда я умудрился испугать родителей моей будущей жены. В последних числах октября 1977 года, когда я уже служил сержантом в ВДВ, незадолго до моей демобилизации, в концертном зале университета Кёнхи давали концерт по случаю выпуска курса, на котором училась Чонсук. Был будний день, и я не заказал себе пропуск на увольнение, поэтому, получив поддельный увольнительный у товарища из штаба, я на свой страх и риск отправился в самоволку. Если бы меня поймали, то, наверное, могли бы отправить на гауптвахту, но я был к этому готов. Я явился в концертный зал в камуфляже ВДВ и в черном берете. Тогда я впервые встретился с будущими тестем и тещей. Как я узнал позднее из их рассказов, несмотря на

то что они слышали, что меня отчислили из университета и отправили на службу в армию, увидев меня вживую в военной одежде на выпускном дочери, они даже немного испугались.

Причиной моего ареста было названо нарушение указа о введении чрезвычайного положения*. Потом выяснилось, что очень много людей в то же время были арестованы по той же причине. Те, кто был арестован за нарушение этого указа, сразу же попадали под военный трибунал*. Однако студентов университета Кёнхи, в том числе и меня, не отправили под трибунал, а держали в условиях полной неопределенности. Причиной послужило трагическое происшествие, которое случилось в районе Намдэмун 15 мая, в последний день, когда студенты собрались на площади около Сеульского вокзала.

В тот день на площади около Сеульского вокзала объединились примерно двести тысяч студентов. Полиция сконцентрировала все свои силы по периметру Намдэмун – мэрия – улица Сечжон-но – площадь Кванхвамун – Голубой дом, чтобы студенты не смогли выйти за пределы района Намдэмун. Студенты, которых было значительно больше, чем полицейских, напирали, ломая и бросая куски тротуарной плитки, при этом полицейские, выстроившись по обе стороны Намдэмуна, держали защитные экраны. Линия заграждения казалась неприступной стеной. Разделившись на группы по университетам, студенты по очереди пытались пробиться, но ни одной из групп это не удалось. В это время на обочине по левой стороне дороги около Намдэмуна росла очередь из пустых автобусов. Так как из-за демонстрации движение по улице было полностью парализовано, водители автобусов просто останавливали транспорт и уходили.

Поначалу студенты пробовали отодвинуть линию заграждения, толкая на полицейских автобусы. Но они не двигались вперед, так как был приведен в действие ручной тормоз. Сдвинуть автобус прямо в направлении линии заграждения не получалось. Естественно, стали слышаться крики: «Кто-нибудь умеет водить?» И в этот момент один парень в спортивном костюме решительно вышел вперед и, забравшись в автобус, схватился за ручник. План состоял в том, что, когда автобус двинется вперед, у полицейских, стоящих в заграждении, не будет другого выхода, кроме как расступиться, и студенты вслед за автобусом смогут прорваться через заграждение.

Однако то ли этот парень переволновался, то ли он был неопытным водителем, но автобус поехал слишком быстро. Из-за этого, после того как автобус преодолел заградительную линию, полицейские сомкнули ряды раньше, чем студенты успели проследовать за автобусом. В итоге получилось, что только

автобус и смог прорваться на оцепленную территорию. Мы заволновались, но помочь никак не могли. И вдруг через какое-то время этот автобус, который, как мы думали, был задержан, стал возвращаться с противоположной стороны. Он въехал в оцепление с левой стороны улицы Намдэмун, а выезжал теперь с правой стороны. Наверное, в тот момент, когда автобус повторно прорывался через заграждение, он наехал со спины на шеренги полицейских особого назначения, которые были обращены лицом к нам. Тогда мы об этом не знали. У нас просто от сердца отлегло, что тот парень смог беспрепятственно вернуться в ряды студентов.

О том, что автобус наехал со спины на полицейских, мы узнали, только посмотрев вечерние новости. Из-за этого инцидента один полицейский погиб, а четверо получили тяжелые ранения. Так как до этого не было ни одного случая, чтобы во время проведения демонстрации погиб полицейский, инцидент был действительно шокирующим.

Затем это происшествие использовали как символический пример, показывающий агрессивность, жестокость и насильственность студенческих демонстраций. Затем соответствующие органы заявили, что будет создан Чрезвычайный следственный комитет и преступник будет непременно найден. Одновременно с этим, для того чтобы подчеркнуть агрессивность демонстрации, СМИ сообщали, что «выкинув водителя, демонстранты захватили автобус и угнали его». Это было неправдой. Да и в этом не было никакой необходимости, так как на месте происшествия тогда было оставлено около двадцати пустых автобусов.

Так как я был подозреваемым по обвинению в нарушении указа о введении чрезвычайного положения, к тому же мое имя фигурировало в деле о происшествии с автобусом, то расследование в отношении меня проводил Чрезвычайный следственный комитет. И согласно фотографиям с места происшествия, сделанным из соседнего здания, я был во главе «автобусного прорыва», держа плакат с эмблемой университета Кёнхи. Дело было в том, что мы пытались прорваться через полицейскую линию заграждения, разделившись на отряды в соответствии с принадлежностью к университетам, и как раз в тот момент, когда случился «автобусный прорыв», была очередь университета Кёнхи переходить в наступление – а полицейские сделали вывод, только исходя из фотографий. К тому же парень, который сел за руль автобуса, был одет в спортивный костюм, а университет Кёнхи известен своим колледжем спортивного образования. Поэтому поначалу во время расследования

полицейские предположили, что водителем автобуса был студент университета Кёнхи. Другой рабочей версией полиции было то, что это был студент Корейского национального университета спорта, так как в тот день студенты этого университета участвовали в демонстрации, надев спортивные костюмы.

Как бы там ни было, Чрезвычайный следственный комитет, опираясь на фотографии с места происшествия, подтвердил, что автобусом управлял не я, но, подозревая, что за рулем автобуса был студент университета Кёнхи, они допытывались: «Ты же представитель восстановившихся студентов, это же ты повел за собой демонстрантов, неужели ты даже не знаешь, кто этот парень?» Но я не знал, кто это был, к тому же, что касалось плаката университета Кёнхи, он мог остаться на месте сопротивления, даже если очередь попытки прорыва заградительной линии уже перешла к другому университету.

В итоге я был просто свидетелем, который не мог дать ответа на вопрос: «Кто был водителем?» Однако так как Чрезвычайный следственный комитет не достиг никаких результатов в ходе расследования, меня просто держали под стражей. И поэтому на протяжении двадцати дней я оставался просто подследственным, а мое дело так и не было отправлено на рассмотрение в военный трибунал. Но такая ситуация, наоборот, сыграла мне на руку.

Комментарии

* Центральная управа. 중앙청. Бывшее административное здание Центрального правительства, которое находилось прямо за нынешними воротами Кванхвамун. Во время периода японского господства на Корейском полуострове здание являлось резиденцией генерал-губернатора Чосона, а после освобождения Кореи было переименовано в Центральную управу и использовалось как правительственное здание, затем оно было снесено.

* Великое отступление с Сеульского вокзала. 서울역대회군 (大回軍). Решение о добровольном самороспуске студенческих протестов на Сеульском вокзале, которые достигли апогея к 15 мая 1980 года, последовавшее за заявлением тогдашнего руководства студенческого движения о том, что «они не дадут повода для введения армии».

* Восстание в Кванчжу. 518 광주항쟁. Движение за демократизацию с 18 по 27 мая 1980 года в районе города Кванчжу в провинции Южная Чолла, начавшееся в связи с требованием граждан об отмене военного положения и отставке

Чон Духвана. Сотни мирных жителей были убиты при подавлении восстания военными силами, отправленными новой военной кликой. Кровавая резня гражданского населения, повлекшая за собой самое большое количество жертв со времен Корейской войны.

* Чрезвычайное положение. 비상계엄. Определение одного из видов военного положения, объявленного президентом в целях поддержания общественного порядка или вследствие военной необходимости в тех районах, где социальный порядок в высшей степени нарушен ввиду военного времени, бедствий национального масштаба или аналогичных чрезвычайных ситуаций.

* Указ о введении чрезвычайного военного положения. 계엄포고령. Приказ или декрет от имени военного командования, который извещает о введении военного положения.

* Военный трибунал. 군법회의. Военный суд, учрежденный на основе военного законодательства.

О том, что я сдал государственный экзамен по юриспруденции, я узнал, находясь в камере предварительного заключения

С момента ареста прошло примерно двадцать три или двадцать четыре дня, и тут неожиданно мне пришла хорошая новость. Человеком, который первый принес мне приятную весть, была моя жена.

Я сдал государственный экзамен по юриспруденции. Я даже забыл, что должны объявить списки успешно сдавших экзамен. Кажется, мне об этом напомнила жена, которая не забыла дату объявления результатов. И в тех обстоятельствах, в которых я оказался, даже не знаю, ждал ли я этих результатов с нетерпением.

Через некоторое время меня пришли поздравить заместитель декана по работе со студентами и глава Ассоциации выпускников юридического колледжа. Хотя полиция и не выпускала меня из камеры предварительного заключения, но моим гостям позволили войти в камеру и лично поздравить меня. Они принесли с собой сочжу и закуску, и мы даже смогли устроить в камере небольшой поздравительный банкет. Говорили, что это был исключительный случай, который произошел в первый и, скорее всего, в последний раз в истории, когда с позволения полиции в камеру впустили посторонних посетителей и даже позволили им пропустить по стаканчику в честь знаменательного события.

Через несколько дней меня выпустили. Если бы мое дело передали в военный суд, то, скорее всего, освобождение было бы невозможным. И тогда, наверное, все закончилось бы отменой результата экзамена или распоряжением о заведомом провале его третьей ступени. К счастью, так как я оставался лишь в статусе подследственного, то появилась возможность получить освобождение. В тот раз государственный экзамен по юриспруденции сдали всего два человека. Говорят, что одному из них хотели отменить результат и университет со своей стороны приложил максимум усилий для «спасения утопающего».

Как раз в то время проректором нашего университета был один из первых выпускников Военной академии профессор Ким Чон-гон – человек, чье имя вписано в историю как командира полка, первым вошедшего в Пхеньян во время Корейской войны. Говорят, когда он был командиром роты, выпускник второго выпуска и будущий президент Республики Корея Пак Чонхи

находился в его подчинении и служил командиром взвода. Я слышал, что он внес значительный вклад в работу оперативного штаба* в условиях чрезвычайного военного положения. Возможно, меня освободили благодаря его помощи, а также благодаря его протекции я остался лишь в статусе свидетеля в Чрезвычайном следственном комитете, и расследование по обвинению в нарушении указа о введении чрезвычайного положения тоже замяли.

Лично для меня освобождение было чрезвычайно радостным событием. Однако, когда я сидел в камере предварительного заключения, новости о восстании в Кванчжу приводили меня в мрачное и подавленное расположение духа. Примерно со второго дня моего задержания следователи из информационного департамента каждый день передавали известия о ситуации в Кванчжу. Они показывали сводки газет и сообщали информацию, которую сами узнали по линии передачи сообщений. Сложно поверить, но они не оставляя камня на камне критиковали армию. Они были в бешенстве от зверских убийств гражданского населения со стороны военных. Они с гордостью рассказывали, что начальник полицейского управления в Кванчжу открыл оружейный склад и разрешил гражданским вынести оружие.

Однако, когда я вышел из тюрьмы, многие не знали о ситуации в Кванчжу, и мне казалось это странным. Дело было в том, что в течение всего этого времени СМИ не только не сообщали гражданам всю достоверную информацию, которую я знал от следователей информационного департамента, но даже искажали факты.

Был и еще один критический момент, который произошел до того, как я успешно сдал все ступени государственного экзамена по юриспруденции. Третья ступень экзамена проводилась в устной форме. В то время все, у кого не было проблем в разделе «персональные данные», успешно проходили собеседование. Однако за несколько дней до сдачи этого экзамена со мной связался сотрудник Агентства национальной безопасности и пригласил на «интервью».

Я согласился на это «интервью», приехав в указанный отель. В целом ко мне был один главный вопрос, содержание которого сводилось к следующему: «Вы до сих пор придерживаетесь тех же убеждений, что и во времена участия в демонстрациях?» Это была своеобразная идеологическая проверка. Я был в замешательстве и не знал, что ответить. В голову мне приходили совершенно разнообразные мысли. Но я был молод. В то время я лучше умер бы, чем наступил на свою гордость. Я сказал: «Да ладно, мне все равно! – и с апломбом добавил: – Тогда я думал, что мои

убеждения верны, и сейчас ничего не изменилось». И потом вплоть до объявления результатов экзамена я сожалел, что ответил так.

К счастью, я все-таки успешно сдал экзамен. Я не знаю, доложил ли проверяющий, что я прошел проверку, или же «интервью» не повлияло на результат по экзамену. Я не уверен в этом, но, так как третью ступень сдавали все без исключения, возможно, это могло бы изменить общую ситуацию и повернуть тенденцию в совершенно другом направлении.

Так или иначе, мой успех на государственных экзаменах по юриспруденции был в значительной степени результатом большой удачи. В действительности, начиная со следующего года бывшие участники демонстраций стали поголовно проваливаться именно на третьей ступени экзамена. Значительно позже многие из них получили заключение Комиссии по пересмотру событий прошлого в целях выявления истины и урегулирования конфликтов о неправомерном применении государственных полномочий, и так как вопрос был решен, то некоторые даже смогли поступить на обучение в Юридическую академию.

При сдаче второго тура экзамена мне тоже повезло. Так как за два-три месяца до экзамена я совершенно не занимался учебой, думаю, что мог и не пройти испытания, если бы это были типовые экзаменационные вопросы. Однако именно в тот год типовых вопросов на экзамене второго тура было немного. Особенно много неожиданных вопросов было по конституционному праву, усердное штудирование которого в последние месяцы оказалось бы совершенно бесполезным.

По конституционному праву у меня был практически наивысший балл, и благодаря этому я смог скомпенсировать низкие оценки по другим дисциплинам и в итоге успешно сдать экзамен.

Комментарий

* Оперативный штаб. 계엄사. Сокращение от «оперативного штаба в условиях чрезвычайного военного положения». Военное учреждение для оказания помощи и административной поддержки главнокомандующему, наделенному частью или всей полнотой административных и судебных полномочий в регионе, где объявлено военное положение.

По пути адвоката

Обучение в Юридической академии прошло гладко. Я также довольно легко привык к неизвестному мне ранее стилю написания текстов законов и приговоров. Когда я стал получать зарплату, хоть она и была совсем небольшой, впервые обрел финансовую независимость. Я женился на Чонсук, и у нас родился первый ребенок. С нашей первой встречи прошло целых семь лет, и эта свадьба была логическим завершением долгой истории любви.

Адвокат Пак Вонсун, верховный судья Пак Сихван, судья Конституционного суда Сон Духван, министр юстиции Ли Гвинам, бывший кандидат на место генерального прокурора Чхон Сонгван, судья Пак Пёндэ, который назначен новым членом Верховного суда, старший секретарь по гражданским делам Пак Чонгю – все они были моими однокурсниками в академии. Несколько человек пошли в политику. Депутаты Национального собрания Чо Пэсук, Пак Ынсу, Ко Сындок, Ли Хансон и бывший депутат Хам Сынхи тоже были моими однокурсниками. Всего в тот год 141 человек успешно сдал государственный экзамен, и, поскольку это был последний такой малочисленный набор, между поступившими установилось особое чувство близости и солидарности. В то время по завершении обучения в Юридическом центре почти все устраивались на работу судьями или прокурорами, поэтому преподаватели Центра относились к нам как к преемникам.

Я женился на Чонсук, и у нас родился первый ребенок. С нашей первой встречи прошло целых семь лет, и эта свадьба была логическим завершением долгой истории любви.

Покойный адвокат Чо Ённэ* тоже учился вместе со мной в Юридическом центре. Изначально он был моим старшим коллегой, но был отчислен в связи с «Делом о бунте и заговоре студентов Сеульского университета», затем ему удалось восстановиться на наш курс обучения, поэтому выпускались мы уже одновременно. Он оказал большое влияние на меня. Когда мне отказали в назначении на должность судьи, именно он устроил мне встречу с парой юридических фирм, в том числе и с «Ким и Чан».

Когда в 1984–1985 годах в промышленной зоне Онсан в городе Ульсан у большинства жителей начались проблемы со здоровьем из-за загрязнения окружающей среды, что в народе прозвали «онсанской болезнью»*, он позвонил мне, и я поехал в Онсан, где мы вместе начали наблюдать за состоянием здоровья населения. Мы собирали волосы пострадавших и отдавали их в лабораторию для исследования на содержание тяжелых металлов. Благодаря усилиям Чо Ённэ проблема онсанской болезни была предана широкой огласке. В итоге соответствующие органы власти, которые систематически утверждали, что проблемы со здоровьем населения никак не связаны с загрязнением, признали обратное и переселили жителей в другие регионы. Это было первое дело, которое в период жестокого режима военного правления осветило проблему ухудшения здоровья населения на фоне загрязнения окружающей среды как острый социальный вопрос.

Во время президентских выборов 1987 года Чо Ённэ возглавил движение за «объединение сил кандидатов»*. В тот раз оппозиционное большинство перешло на сторону кандидата Ким Дэчжуна, что стало возможным за счет так называемого подхода «критиковать, но поддерживать»*. По Пусанскому региону у нас были схожие позиции. В то время адвокат Но Мухён еще не занимал какую-то определенную позицию и был сосредоточен на проверке справедливости работы выборов. К сожалению, объединение кандидатов так и не осуществилось, и в итоге, когда победу на президентских выборах одержал Ро Дэу, мы были сильно разочарованы. Когда через некоторое время была учреждена организация «Юристы за демократическое общество»*, мы часто это обсуждали.

С самого начала сделать организацию «Юристы за демократическое общество» общенациональной было очень

сложно, поэтому, когда сформировалось общество «Сеульские юристы за демократическое общество», я учредил в Пусанском регионе самостоятельную организацию «Юристы Пусана и провинции Южная Кёнсан за демократическое общество». Когда монахи молодой реформаторской партии ордена Чоге создали в храме Помоса чрезвычайную реформаторскую религиозную общину, по рекомендации Чо Ённэ я примерно три года проработал юридическим консультантом в Помоса. И когда в связи с этим был учрежден Буддийский комитет по правам человека в Пусане, я принимал в нем участие не как буддийский верующий, а как член Комитета по правам человека.

Чо Ённэ был заядлым курильщиком. Казалось, он никогда не выпускал изо рта сигарету, особенно когда что-нибудь писал. Все его газетные статьи и тексты судебных защит писались в клубах густого сигаретного дыма. Однажды я приехал в Пусан, и мы вместе пошли пообедать хве из свежей рыбы. Хотя я тоже курильщик, но во время еды я не беру в рот сигарету, а вот он умудрялся курить и одновременно с этим есть и говорить. У него еще была специфическая привычка тушить сигарету, выкурив только половину, а потом вновь зажигать ее и докуривать до конца. Беспрерывное курение стало настолько серьезной проблемой, что я стал волноваться, но он меня не слушал. Прошло примерно двадцать дней с того момента, как он узнал, что у него рак легких последней стадии.

Во время обучения в Юридическом центре я мечтал стать судьей. Казалось, это самая подходящая должность для меня. В Учебном центре я тренировался писать тексты приговоров, делая имитационные записи. Это было очень интересно.

Судейскую практику я проходил в суде Северного округа Сеула. Это вызывало у меня смешанные чувства, потому что именно там меня держали под следствием и судили. Во время практики я даже участвовал в реальных заседаниях суда. Более того, я даже участвовал в обсуждении: если мнения не совпадали и судьи не могли прийти к консенсусу, то они говорили: «Давайте послушаем мнение практиканта». Также я прошел обучение составлению текста приговора, используя реальные материалы дела. Тогда судья Юн Кван, который впоследствии стал главным судьей Верховного суда, исправив все тексты приговоров, написанные практикантами, вызывал каждого по отдельности и ставил оценку. Меня он часто хвалил, говоря: «Ты будешь хорошим судьей». Когда я не смог устроиться на должность судьи, он утешил меня, сказав: «Со временем я понял, что судья не такая уж хорошая профессия. Вот адвокат – это куда лучше». Позже, когда во время работы «Правительства участия» начались

волнения в Верховном суде, именно он сыграл роль третейского судьи.

Прокурорская практика тоже была хорошим опытом. Она, как и ожидалось, тоже проходила в суде Северного округа Сеула, где я сидел под арестом и где меня судили. Во время практики, в соответствии с Законом о деятельности прокуратуры, мы были устроены на должность временно исполняющих обязанности прокуроров и рассматривали дела наравне с действующими прокурорами.

В то время отделение Северного округа выделяло для практикантов довольно много дел. Конечно, они были относительно легкими. То, что мне пришлось несколько раз побывать на скамье подсудимых во время обучения в университете, очень помогало мне вести дело в качестве прокурора. Когда я впервые допрашивал подозреваемого и писал протокол, прокурор, который сидел рядом и следил за процессом, был очень впечатлен и даже сказал: «Как будто ты делал это уже не один раз!» Не знаю, было ли причиной этого мое близкое знакомство с процессом расследования, которому я подвергся в качестве подозреваемого, но тем не менее во время обучения в Юридическом центре по дисциплине «Прокурорская деятельность» у меня был лучший результат. Впрочем, мысли стать прокурором у меня не было. Хотя я вовсе не воспринимал эту работу негативно.

Даже наоборот, работа судьи казалась мне пассивной и инертной. Прокуроры же имеют возможность активно устанавливать общественную справедливость – и этот аспект представлялся мне гораздо более положительным. Однако, рассматривая дела в качестве исполняющего обязанности прокурора, я пришел к выводу, что работа прокурором не подходит к моему характеру.

Один раз мне даже поручили дело о задержании вследствие гибели на месте дорожно-транспортного происшествия. Это произошло в районе Сангедон, где сейчас расположился огромный жилой комплекс. Тогда этот район считался глушью, и на его территории было лишь несколько заводов по производству цементных блоков*. Молодая пара, у которых был грудной ребенок, трудились чернорабочими на одном из таких заводов. На заводе не было специально отведенного для детей места, поэтому мать клала ребенка между блоками и иногда брала его на кормление.

Но однажды, когда грузовик отъезжал, загрузив блоки, ребенок оказался прямо под его колесами и погиб. Никто не видел, как ребенок заполз под грузовик. Исходя из обстоятельств,

я предположил, что ребенок выполз из груды блоков и, пока взрослые грузили блоки в кузов грузовика, залез под колеса.

Положение и родителей ребенка, и водителя грузовика было крайне затруднительным. В ордере на арест значилось, что водитель нарушил правила предосторожности, не проверив при отъезде нижнюю часть автомобиля. Но это всего лишь формальная фраза. И как можно предположить, что такая авария произойдет в реальности? Помимо всего прочего, водителем грузовика был бедный молодой человек, сирота, который работал на заводе благодаря сочувствию директора.

После долгих прений директор завода принял сторону родителей ребенка, и соответственно прокуратура вынесла решение о выделении им компенсации. Я настаивал на том, чтобы хотя бы обойтись формальным расследованием, если уж нельзя снять обвинение с водителя. Главный прокурор и его заместитель выразили несогласие, заявив: «Принимая во внимание, что это дело о гибели вследствие дорожно-транспортного происшествия, прокуратура не может не произвести арест, даже если позднее суд освободит задержанного». И потом они добавили: «Вместо формального расследования ему еще и штраф придется заплатить». Однако после моей упорной борьбы его все-таки освободили, назначив минимальный штраф с возможностью выплаты по частям. Именно в то время такое было возможно, так как практикантов поддерживали и их мнение учитывалось.

Рассматривая это дело, я осознал, что назначать наказания противоречит моей натуре. Назначать людям наказание – это всегда трудно. Душа не на месте при этом. Когда рассматриваешь дела из разряда нарушений санитарно-гигиенических норм в пищевой промышленности, то назначение наказания за такие проступки кажется справедливым, но в конечном счете, более детально рассматривая обстоятельства, зачастую сложно вынести категоричное решение о назначении наказания, если преступление совершено инвалидом или по причине крайней нужды. Я думаю, мне бы не подошла работа прокурором именно из-за моей природной мягкости.

Из-за участия в протестах я не смог получить должность судьи, поэтому был вынужден пойти по пути адвокатской деятельности. Я был не единственным, кого в итоге не взяли на работу в суд. Среди моих однокурсников в Учебном центре было всего две девушки. Одна из них заняла третье место в общем конкурсе аттестатов в Учебном центре и даже получила приз от президента Корейской ассоциации адвокатов. Говорят, ее отец был осужден за нарушение антикоммунистического закона и

получил условный срок. И хотя коллективная ответственность* была уже отменена, ее не приняли на работу судьей из-за судимости отца, поэтому она пошла в прокуратуру вместе со второй однокурсницей. Они стали первыми женщинами-прокурорами в истории страны.

К тому же, когда суд исключил из списков кандидатов четырех однокурсников с инвалидностью, полученной вследствие перенесенного полиомиелита, общественность подвергла такое решение жестокой критике. Хотя в итоге суду пришлось уступить, и трое из них поступили на службу в должности судей, пройдя собеседование по дополнительному набору, в то время представители суда не всегда принимали осознанные решения.

Глядя на эти примеры, я понимал, что не получил должность судьи не из-за давления со стороны. Именно отсталая в то время сознательность суда, и в большей степени именно Верховного суда, заставила их принять такое решение. Поэтому у меня не было иного выхода, кроме как пойти по пути адвокатской деятельности. И на этом пути я встретил адвоката Но Мухёна.

Весь процесс моего становления как адвоката кажется мне цепью заранее предопределенных судьбой событий, которые произошли для того, чтобы я в итоге смог встретиться с адвокатом Но Мухёном.

Комментарии

* Адвокат Чо Ённэ. 조영래변호사. Известный корейский адвокат по правам человека, автор книги «Критическая биография Чон Тхэиль» (전태 일평전, A Single Spark) .

* Онсанская болезнь. 온산병 (病) . Болезни, распространившиеся в районе города Онсан уезда Ульчжу-гун вследствие загрязнения окружающей среды.

* «Объединение сил кандидатов» и лозунг «Критиковать, но поддерживать». ‘ 후보단일화’오 } ‘ 비판적지지: Гражданское движение за объединение двух оппозиционных кандидатов – Ким Дэчжуна и Ким Ёнсама – на президентских выборах, состоявшихся в 1987 году, с целью положить конец режиму военной диктатуры. Однако, с другой стороны, в то время Ким Дэчжун в большей степени, нежели Ким Ёнсам, являлся демократическим лидером и выступал с критикой, но при этом разделял позицию «критиковать, но поддерживать», заявляя, что необходимо обеспечить поддержку общественного мнения.

* Организация «Юристы за демократическое общество». 민변. Сокращенное название организации «Ассоциация юристов за

демократическое общество». Объединение юристов, созданное в 1988 году молодыми адвокатами по гражданским правам и правам человека, которые осуществляли деятельность, направленную на изменение решений по политическим делам.

* Цементный блок. 블록. Разновидность кирпича крупного размера, сделанного в виде четырехугольника из цемента и используемого для строительства стен и т. п.

* Коллективная ответственность. 연좌제. Система, предшествовавшая современному уголовному праву, в которой лица, имевшие особые отношения с преступниками, привлекались к совместной ответственности и получали наказание. Также в период военной диктатуры, несмотря на то что это было запрещено законом, часты были случаи злоупотреблений, таких как отказ в назначении на должность высокопоставленного чиновника в случае, если в ходе проверки личных данных выяснялось, что человек является членом семьи или родственником политического преступника.

Одной дорогой

Одной дорогой в Голубой дом

Еще долго слышались отзвуки президентских выборов 2002 года. Особенно в Пусане, на политической родине новоизбранного президента Но Мухёна. В течение какого-то времени после выборов мне казалось, что на меня обрушились все звонки с поздравлениями. Несмотря на искреннее желание, у многих не получалось связаться или встретиться с Но Мухёном лично, поэтому большую часть поздравительных обращений получал я. Мне также нужно было многих поблагодарить в ответ.

К сожалению, в происходящем я видел не только положительную сторону. Потому ли, что мир так устроен – не знаю; но те, кого действительно стоило поблагодарить, воздерживались от звонков, так как боялись лишний раз потревожить или считали меня и без того слишком занятым, чтобы причинять лишние неудобства. С другой стороны, люди, чья помощь была для меня совершенно неочевидной, наоборот, даже предлагали встретиться, чрезмерно превознося свои заслуги. Благодарить всех надлежащим образом, но при этом сохраняя здравомыслие, было делом непростым и утомительным. В тот момент я переосмыслил слова Ли Хочхоля, который говорил: «После выборов ты на несколько лет остаешься должником». Эта фраза выразила его нежелание когда-либо снова иметь отношение к выборному процессу, хотя в свое время именно он занимался проведением всех выборов Но Мухёна.

В один прекрасный день, через некоторое время после избрания, Но Мухён позвонил мне. Это произошло примерно в конце года. Он попросил меня приехать в Сеул и сказал, что приглашает на ужин. Вместе с супругой я отправился в Сеул, где, к слову, давно уже не бывал. Мы встретились вчетвером: избранный президент Но Мухён, его супруга госпожа Квон Янсук, я и моя жена. Для нас был заказан отдельный зал в ресторане на верхнем этаже отеля с видом на горы Пугаксан и Голубой дом. Но Мухён намеренно забронировал зал, из окна которого был виден Голубой дом, и за столом нам с супругой были выделены места, с которых открывалась наиболее широкая панорама резиденции президента. Тогда я впервые смотрел на Голубой дом с такого угла. За изысканным ужином мы поздравляли будущего президента и слышали в ответ слова благодарности.

Было весьма приятно с легким сердцем предаться совместным воспоминаниям о разговорах, которые происходили во время выборов. Мы не говорили о Президентском переходном комитете* или о политике. Когда я услышал, что он намеревается

женить всех своих детей до вступления в должность, я подумал, что это действительно в его стиле.

13 января 2003 года я снова встретился с избранным президентом Но Мухёном и Ли Хочхолем. Об этой встрече даже сообщила одна из местных газет, хотя остается неясным, откуда они узнали о ней. Мы встретились в одном корейском ресторане неподалеку от района Санчжик-дон. Но Мухён завел тяжелый разговор. Он попросил меня стать старшим секретарем по гражданским делам администрации президента*. Он сказал, что нет никого другого, кому бы он мог доверить это дело. Ли Хочхоля он попросил помочь мне и позаботиться обо всем.

Я не мог дать ответ сразу же и попросил несколько дней на раздумья. Так же поступил и Ли Хочхоль. Наверное, наша реакция показалось Но Мухёну слишком нерешительной, поэтому он добавил:

– Вы направили меня в политику и сделали меня президентом. Разве вы не должны нести за это ответственность?

Я уехал обратно в Пусан. Около недели сомнения не покидали меня. Я понимал, что до этого момента я только критиковал власть, выступая в качестве адвоката по правам человека, при этом у меня не было совершенно никакого опыта государственного управления или администрирования. Я знал закон как юрист, но что касается применения его в государственном управлении, тут я ничем не отличался от любого новичка, который владеет только теорией без привязки к практике. Я ничего не знал о мире политики и никогда с ним не соприкасался. Конечно, я работал главой предвыборного штаба в Пусане, но при этом даже не вступил в Демократическую партию. Я серьезно раздумывал о том, в чем смысл для Но Мухёна просить меня, человека без соответствующего опыта, стать старшим секретарем по гражданским делам, и о том, смогу ли я действительно помочь ему и как я это сделаю, если займу предлагаемую должность.

В тот период первоочередной задачей старшего секретаря президента по гражданским делам было создание администрации, которая не будет строиться на принципах господства. В «Правительстве участия» эта идея выражалась словами «ликвидация авторитаризма». Символом господства при прошлых правительствах стало как раз Управление по гражданским делам. Поэтому, когда к власти пришло «Народное правительство» Ким Дэчжуна, Управление по гражданским делам было сразу же упразднено. Однако позже правительство пришло к выводу, что без этого административного органа не обойтись, поэтому возобновило его работу, но уже на более мягких

принципах разделения власти. Старшим секретарем по гражданским делам был назначен представитель лагеря движения за демократизацию, профессор университета Хансин Ким Сончжэ (позже он был назначен министром культуры, спорта и туризма, а ныне является главой Президентской библиотеки Ким Дэчжуна). В тот период я даже получил от вскоре ставшего старшим секретарем по гражданским делам профессора Ким Сончжэ предложение возглавить Секретариат по гражданским делам в администрации президента. Скорее всего, он рассудил следующим образом: учитывая, что он сам не относился к юридическим кругам, было бы хорошо, если бы должность секретаря по гражданским делам занял адвокат по правам человека, который, с одной стороны, является опытным юристом, а с другой – не имеет прямого отношения к прокуратуре. Но в тот момент я решил, что моя работа важнее, чем должность секретаря.

Однако примерно с середины срока своей деятельности «Народное правительство» вернулось к традиции назначения бывших высокопоставленных работников прокуратуры на должность старшего секретаря по гражданским делам. Возможно, это было сделано потому, что сократилась необходимость в контроле над прокуратурой. Более того, старший секретарь даже был назначен действующим прокурором. Таким образом, новой администрации Но Мухёна было необходимо возродить первоначальный дух «Народного правительства», которое в свое время пошло даже на ликвидацию Управления по гражданским делам.

Следующей задачей было реформирование органов власти, в том числе прокуратуры и Национальной разведывательной службы. Реформирование не означало создания какого-либо особого закона или новой системы, которых не было раньше. Начать следовало с отказа администрации президента от использования правомочных органов в целях обеспечения своей власти.

Мы выразили эту идею как предоставление президенту «дополнительных полномочий», не прописанных в Конституции и законодательстве. Только после реализации этого принципа система авторитаризма могла быть разрушена, а процесс формирования политической народной демократии мог быть завершен.

В тот день избранный президент Но Мухён не сказал мне этих слов. Он долго говорил о том, что думает о текущей эпохе, рассуждал о вопросах, которые нас двоих не особенно касались, например о проблеме снижения уровня рождаемости. И лишь

вскользь он сказал мне, что ему некому доверить обязанности старшего секретаря по гражданским делам, кроме меня. Однако в обычное время мы часто обсуждали проблемы авторитаризма, который все еще активно проявлял себя даже в период работы «Народного правительства», отхода от реформ Управления по гражданским делам, в период недостаточного уровня преобразований органов власти. Поэтому, даже несмотря на то, что он не выразился прямо, мне было понятно, что он имеет в виду.

Более того, Но Мухён не уповал только на мои убеждения. Человек склонен забывать о своих убеждениях, когда он опьянен властью. Избранный президент думал, что курировать гражданские вопросы должен человек с опытом юридической деятельности, но основная идея состояла в том, чтобы попытаться назначить не бывшего прокурора, который при желании мог бы оказывать слишком сильное влияние на прокуратуру, а независимого юриста. Кроме того, определив на пост старшего секретаря по гражданским делам человека моего возраста, Но Мухён сразу бы явно обозначил, что, как президент, он не намерен подчинять своему контролю прокуратуру.

Таким образом, я четко осознавал все, что он хотел сказать той фразой, и мне было трудно отказаться от предложения. Я решил, что, по сути, обязанности старшего секретаря, связанные с законодательной областью, можно считать неким продолжением моей юридической деятельности. Я наивно полагал, что ничего страшного не произойдет, если я год-два поработаю в администрации и временно уйду из профессии, представив, что я умер и нахожусь в забвении, а по прошествии этого срока вернусь на свое место.

Я написал избранному президенту Но Мухёну следующее: «Я не разбираюсь в политике, поэтому, возможно, не справлюсь с доверенной ролью и не смогу вынести правильные суждения о государственном управлении. Но неужели ничего не получится, если следовать в работе основополагающим принципам? Если Вы полагаете, что это именно та роль, которую я должен взять на себя, то напишите мне». При этом я упомянул два условия: «Я не пойду дальше должности старшего секретаря по гражданским делам» и «Не просите, чтобы я шел в политику». Про политику я написал, потому что в то время, когда Но Мухён выдвинул свою кандидатуру на региональных выборах 2002 года, он активно настаивал на том, чтобы я принял участие в выборах на пост мэра Пусана. Но Мухён был очень рад моему письму и согласился со всем, что я написал.

Я не разбираюсь в политике, поэтому, возможно, не справлюсь с доверенной ролью и не смогу вынести правильные суждения о государственном управлении. Но неужели ничего не получится, если следовать в работе основополагающим принципам? Если Вы полагаете, что это именно та роль, которую я должен взять на себя, то напишите мне.

23 января 2003 года с заявления в пресс-центре Президентского переходного комитета о назначении меня на должность старшего секретаря по гражданским делам началась моя работа. Необходимо было срочно сформировать личный состав Управления по гражданским делам. Другим людям, на которых во время работы Президентского переходного комитета были возложены обязанности старших секретарей, было непросто выбирать секретарей по собственному усмотрению, так как существовало немало людей, которые были давними соратниками Но Мухёна и которых он лично предлагал назначить на ту или иную должность. В случае создания более обширной структуры, в центре которой встали бы сподвижники Но Мухёна, у старших секретарей практически не осталось бы возможности выбирать людей в команду. Однако сфера деятельности секретаря по гражданским делам весьма специфична, и, возможно, поэтому большинство назначений произошло с учетом моих

рекомендаций.

Роль секретаря по гражданским делам была заранее уготовлена Ли Хочхолю, который и получил в итоге эту должность. Прежде чем начать формировать личный состав Секретариата, я встретился с последним старшим секретарем при «Народном правительстве», чтобы получить от него некоторые рекомендации.

Он сказал, что 80 % дел, которые входят в служебные обязанности старшего секретаря по гражданским делам, предполагают взаимодействие с прокуратурой. Поэтому, сказал он, в случае если старший секретарь не будет выходцем из прокуратуры, желательно, чтобы хотя бы секретарь имел связи с прокурорскими кругами. Он подчеркнул, что особенно том в случае, если старший секретарь не связан с прокуратурой, секретарь обязательно должен быть представителем прокурорских кругов. Он также отметил, что среди всех докладов, которые предоставляются президенту, доклад Управления по гражданским делам является самым важным, поэтому навык написания подобного рода текстов крайне необходим. В связи с этим он сказал, что хорошо бы назначить опытного бывшего прокурора, но если подходящей кандидатуры нет, то можно выбрать одного из действующих, обязательно с наилучшими показателями, а позже вернуть его на службу обратно в прокуратуру. Я также встретился с одним из бывших старших секретарей по гражданским делам, который часто удостаивался похвалы от президента Ким Дэчжуна за хорошие доклады. Он был избран на эту должность, когда еще находился в статусе действующего прокурора, и после начала работы «Правительства участия» вернулся на прежнее место работы. Его мнение было точно таким же.

Я не последовал их советам, так как роль Управления по гражданским делам определялась теперь совершенно иначе. Я подумал, что если мне будет необходимо обратиться в прокуратуру, то я смогу сделать это лично или через секретаря по общественным делам. Секретарь по гражданским делам в особенности должен уметь играть роль дисциплинарного надзирателя среди всех секретарей, кроме секретаря по административным вопросам. И в этом Ли Хочхолю не было равных. На самом деле в период правления «Правительства участия» его роль в том, чтобы следить за моральным обликом секретариата президента, была немалой.

Кадровый состав других секретарей также был сформирован из юристов, способных разделить с Но Мухёном его видение реформ, которые планировало провести «Правительство участия».

Бывший судья Пак Помге, который не только имел отличное образование, но и был твердо убежден в необходимости реформирования прокуратуры, занял должность второго секретаря по гражданским делам. Он активно поддерживал идею устранения прокуроров из Министерства юстиции. Столь же сознательно была выбрана и женщина-секретарь. По рекомендации министра Кан Кымсиля секретарем по юридическим делам была назначена адвокат Хван Тоннам. Она взяла на себя контроль над всеми законодательными вопросами, которые относились к администрации президента.

Особое беспокойство вызывал выбор претендентов на пост секретаря по надзору за госучреждениями и секретаря по контролю и аудиту. На первую из этих двух должностей был необходим человек, который, с одной стороны, будет разделять наши принципы, а с другой – сможет в любой ситуации строго следовать правилу «общее – это общее, а личное – это личное» в соответствии со своими обязанностями проведения кадровой инспекции. Адвокат Ли Сок-тхэ, который тогда занимал должность заместителя председателя, а позже сам стал председателем организации «Юристы за демократическое общество», имел репутацию высокообразованного человека, давно работающего в качестве адвоката по правам человека. Он обладал моральными качествами непреклонного человека, который, если ему что-то не нравится, скорее сделает себе во вред, нежели смирится.

Я попросил его занять должность секретаря по надзору за госучреждениями, неоднократно объяснив, как сильно будет отличаться подбор кадрового персонала в «Правительстве участия» от того, что было раньше, и насколько важно провести для этого правильную кадровую инспекцию. Я подошел к вопросу с большим вниманием и терпением.

Когда я находился на посту старшего секретаря, Ли Соктхэ никогда не давал мне результаты кадровой инспекции заранее. Он представлял отчет о кадровой инспекции прямо на собрании по выдаче рекомендаций сотрудникам, а мне высылал должностной отчет накануне вечером или же утром в день собрания. Зачастую я приходил на собрания по выдаче рекомендаций сотрудникам, не зная результатов кадровой инспекции, поскольку не мог заранее взглянуть на отчет, так как был занят. Лишь изредка, положив передо мной результаты проверки, он советовался со мной в спорных ситуациях, в которых верное решение было неочевидно. И иногда он представлял отчет на общем собрании секретарей Управления по гражданским делам, чтобы собрать мнения присутствующих о ситуации. Таким

образом, он максимально сокращал любое влияние, даже старшего секретаря по гражданским делам, на процесс кадровой инспекции. Он уверенно закрепил этот принцип на практике, и последующие секретари по надзору за госучреждениями руководствовались установленным правилом.

И только на одну должность – секретаря по контролю и аудиту – мы договорились назначить человека, который бы не относился к кругу наших близких знакомых. Должность секретаря по контролю и аудиту, будучи одной из ключевых в администрации президента, предполагала большую ответственность и заключала в себе важные обязанности по надзору за высокопоставленными должностными лицами и внутренними делами администрации. Я считал, что этот пост должен занять человек, который лично никак не связан с будущим президентом Но Мухёном. Идеологическая составляющая была, разумеется, тоже очень важна. Я верил, что только при соблюдении этих условий можно справиться с обязанностями без оглядки на дружеские отношения. Наш выбор пал на адвоката Ян Инсока, который работал прокурором, но затем ушел в отставку. Этого человека я совершенно не знал. Мы собрали отзывы о нем по различным каналам. Так как в деле о «текстильном лобби»* он выступал в качестве помощника спецпрокурора, то в первую очередь мы решили спросить о нем адвоката Чхве Пёнмо, который тогда исполнял обязанности специального прокурора. Я дважды встречался с Чхве Пёнмо лично, и он уже почти убедил меня, но в Президентском переходном комитете я столкнулся с резкими возражениями. Все недоумевали, почему на это важное место мы не хотим посадить «своего» человека. В этом вопросе было рациональное зерно. Размышляя об этом сейчас, я полагаю, что те слова были справедливы. Думаю, что и во внутренних расследованиях требуется смекалка – не знаю, может быть, это прагматические мысли. Во всяком случае, в тот момент я так не думал. Я настоял на своей идее и, убедив всех, осуществил первоначальный план. По этой причине выбор секретаря по контролю и аудиту немного затянулся.

Разрешив непростую ситуацию, мы наконец сделали выбор. Я считаю, это была команда мечты. Силами этой команды в рамках «Правительства участия» был ликвидирован авторитаризм, были проведены реформы органов власти и заложены основы нравственности и высоких моральных принципов администрации президента при «Правительстве участия».

Во время работы в Президентском переходном комитете мне трудно было понять, почему старшие секретари и другие

представители администрации не поддерживают подготовку запуска правительства. В случае Управления по гражданским делам старший секретарь и остальные секретари должны были предварительно осуществить кадровую инспекцию и кадровые назначения, чтобы впоследствии Кабинет министров мог быть сформирован одновременно с началом работы правительства. Выполнение должностных обязанностей начиналось в тот момент, когда Президентский переходный комитет начал работу, и эти обязанности ничем не отличались от того, что предстояло делать после официального запуска правительства. Это и называется государственной службой.

Никакая другая подготовительная деятельность по запуску правительства, кроме Президентского переходного комитета, не была закреплена институционально. Вознаграждение не выплачивалось, как, собственно, не компенсировались и расходы на хозяйственную деятельность типа аренды офиса. В моем случае все издержки оплачивались из личных средств. Мне действительно сложно было уяснить, почему в такой развитой стране существует огромный институциональный пробел в отношении выполнения ключевых для страны служебных обязанностей.

Такая же нерациональность наблюдалась и после начала работы правительства. Перед официальным назначением высшее и среднее звено работников* президентской администрации, включая старших секретарей, должны были пройти обязательную проверку персональных данных. После формального начала функционирования правительства таких сотрудников начали инспектировать, поэтому официально войти в должность нам удалось только в первых числах апреля 2003 года, практически через месяц после старта работы правительства.

Проблема заключалась в том, что де-факто мы работали и до формального назначения, но зарплата нам не выплачивалась. Это выходило за рамки разумного и являлось, к слову сказать, нарушением трудового законодательства. Президент также не уделил этому вопросу совершенно никакого внимания. Я настаивал, что нам должны выплатить зарплату за все прошлые периоды, но он лишь коротко ответил: «Что тут поделать? Мы должны думать об этом как об инвестициях на благо государственной службы в Голубом доме», – и перевел разговор на другую тему.

Мне ничего не оставалось, как понемногу компенсировать из личных средств расходы на транспорт сотрудникам среднего звена Управления по гражданским делам. После этого случая службе безопасности, ответственной за проверку персональных

данных, был сделан выговор, а срок инспектирования сократился до семи дней, но, по сути, проблема так и не была решена.

Комментарии

* Президентский переходный комитет. 인수우L В корейском написании[15] это сокращенное название Президентского переходного комитета. Он выполняет функцию приема-передачи власти в целях начала работы нового правительства и гарантии должности избранного президента, чья победа подтверждена выборами, вплоть до проведения инаугурации. Президентский переходный комитет создается для выполнения обязанностей по принятию президентских полномочий путем оказания административной помощи и поддержки избранному президенту.

* Старший секретарь по гражданским делам администрации президента. 청 와대 민 정 수석 비 서 관. Ключевая должность в администрации президента. В его обязанности входит выявление тенденций общественного мнения и настроений народа, оказание помощи и поддержки в вопросах общественного и социального порядка, юридических вопросах и рассмотрении гражданских жалоб. Старший секретарь также отвечает за контроль действий родственников, кадровую проверку высокопоставленных государственных чиновников. В его подчинении находятся секретарь по гражданским делам, секретарь по оценке обстоятельств, секретарь по соблюдению порядка служебных обязанностей, секретарь по правовым вопросам.

* «Текстильное лобби». ‘옷로비’사건. Инцидент, произошедший в 1999 году и связанный с супругой президента компании «Син Дон-А Групп», подозреваемого в незаконном вывозе иностранной валюты. В отношении супруги президента было выдвинуто подозрение в том, что она поставляла дорогую одежду женам высокопоставленных чиновников, чтобы обеспечить спасение своего мужа.

* Высшее и среднее звено работников. 정무직-별정직. Высшее звено – это государственные должностные лица, занимающие должности на уровне заместителя министра Центрального правительства или выше. Среднее звено – это государственные должностные лица более низкого уровня, назначаемые в соответствии с особым квалификационным стандартом для выполнения определенных обязанностей. В случае с Голубым домом высшее звено составляют старшие секретари и вышестоящие, а нижестоящие должности разделены поровну между средним и низшим звеном работников.

Формирование «Правительства участия». Закулисные переговоры

Подбор кадров для формирования «Правительства участия» тоже происходил крайне тяжело. Сам по себе процесс формирования правительства требовал экспертизы со стороны Управления по гражданским делам, что в действительности стало для меня первоочередной задачей. В частности, мне пришлось в значительной степени рассматривать социальный блок Кабинета министров. Я делился своим мнением лично с Но Мухёном; по указанию избранного президента я даже мог вместо него встретиться с кандидатом. Иногда я вместе с Но Мухёном присутствовал на собеседованиях с кандидатами, которые он проводил лично.

Также по различным каналам я получал рекомендации и предложения. Количество присылаемых мне от сотрудников Управления по гражданским делам «Народного правительства» личных рекомендаций вместе с материалами проверки возросло в пять раз. Я также получал кадровые рекомендации от граждан через созданный при Президентском переходном комитете «Гражданский центр предложений»*. Полученные данные обрабатывались соответствующими отделами комитета и в сжатом виде предоставлялись на совещании по кадровым назначениям.

На этом совещании присутствовали председатель Переходного комитета, будущий утвержденный глава администрации президента, будущий утвержденный старший секретарь по политическим вопросам, будущий утвержденный старший секретарь по гражданским делам и ассистент по кадровому управлению. В ходе совещания список кандидатов был еще раз сокращен. Затем эти данные были переданы в Комитет по кадровым рекомендациям* в Голубом доме. Будущая команда Управления по гражданским делам начала проверку персональных данных. После получения результатов проверки будущему президенту был представлен окончательный список кандидатов, который оказался в два, а то и в три раза меньше изначального. Конечно, иногда Но Мухён лично рекомендовал кандидата и просил провести по нему проверку.

Первое формирование правительства само по себе было нарушением правил. Особенно заметным отступление от правил было в социальном секторе. Во времена правительства Ким Ёнсама и Ким Дэчжуна я видел, как реформаторы сначала

избирались в Кабинет министров или администрацию президента, а затем, не выдержав давления, один за другим отказывались от своих идей. Поэтому я подумал, что реформаторы сразу же должны заведовать основными тенденциями в Кабинете министров и администрации президента. Будущий президент разделял мое мнение. В социальной сфере это было возможным, так как у нас был кадровый резерв. Однако в таких областях, как внешняя политика, безопасность, оборона, экономика, мы так сделать не могли, потому что в этих сферах наш кадровый резерв был очень слабым. Я тоже плохо разбирался в этих сферах, поэтому мой вклад был минимальным. Самым большим отступлением от правил было назначение в качестве министра юстиции госпожи Кан Гымсиль. Это я порекомендовал адвоката Кан Гымсиль, которая в тот период после службы в качестве судьи стала заместителем председателя организации «Юристы за демократическое общество». Кроме того, это соответствовало намерению Но Мухёна найти достойные кадры среди женщин-юристов. Будущий президент лишь шапочно был знаком с ней в связи с деятельностью организации «Юристы за демократическое общество».

Изначально моя рекомендация не заключалась в том, чтобы выдвинуть ее на пост министра юстиции. Я думал, что она, как представительница женщин в Кабинете министров, могла бы занять должность министра окружающей среды или министра здравоохранения и социального обеспечения. Однако Но Мухён запросил по ней более детальную информацию и предложил сделать ее министром юстиции, если все будет в порядке. Я был шокирован. Конечно, назначение адвоката Чхве Пёнмо, который, будучи первым кандидатом на пост министра юстиции, уже прошел проверку, из-за личных обстоятельств оказалось невозможным. Тем не менее ответственность была очень велика. И я сказал будущему президенту, что, возможно, будет лучше, если мы сначала поручим ей в ведомство министерство окружающей среды или министерство здравоохранения и социального обеспечения, а потом уже подумаем о назначении ее министром юстиции. Но у Но Мухёна было иное видение. Он считал, что мы должны избавиться от стереотипа о том, что женщины не могут выйти за пределы министерства по вопросам окружающей среды, министерства здравоохранения и социального обеспечения, министерства по делам женщин или министерства образования. Идея будущего президента состояла в том, чтобы решительно выбирать женщин на те позиции, которые раньше считались исключительно мужской прерогативой.

Отношение будущего президента к женщинам было очень прогрессивным. Он считал, что если в нашем обществе достижения какой-либо женщины сопоставимы с мужскими, значит, эта женщина намного более способная, чем мужчина с теми же достижениями.

Адвокат Кан Гамсиль также обладала выдающимися способностями. До этого она не принимала предложения о вступлении в Кабинет министров, и, когда мы сказали, что будем говорить о должности министра юстиции, она согласилась попробовать. Возможно, будущий президент тоже беспокоился, поэтому решил лично встретиться с адвокатом Кан. Я присутствовал при встрече. Это был единственный случай, когда Но Мухен лично проводил собеседование на должность, которая относилась к сфере моего ведения. В тот раз Но Мухён говорил о реформах прокуратуры и отходе Министерства юстиции от слишком тесной связи с прокуратурой. Адвокат Кан тоже сильно волновалась – наверное, поэтому ей не удалось продемонстрировать зрелость своего восприятия, как в обычное время. Я думал, это собеседование проводилось, чтобы вынести окончательное решение о том, будет ли назначена адвокат Кан на должность, но основная цель Но Мухёна была иной.

Он хотел более подробно рассказать ей о направлении реформ Министерства юстиции, которые планировалось продвигать, назначив ее на пост министра. А также он планировал воодушевить ее на отважное принятие сопротивления со стороны прокуратуры и общественного мнения, которое было ожидаемо в случае ее назначения.

В то время вместе с адвокатом Кан на должность министра рассматривалась кандидатура адвоката Пак Чухён. По возрасту госпожа Пак также не подходила для должности уровня секретаря администрации президента. Однако в соответствии со стремлением Но Мухёна назначить на руководящую должность женщину Пак получила особое повышение и была выдвинута на должность старшего секретаря президента по вопросам гражданского участия*.

Также будущий президент Но Мухён планировал назначить на пост министра строительства и транспорта Ким Дэчжуна, а на пост министра по вопросам окружающей среды – госпожу Ким Мёнчжа, но в связи с некоторыми обстоятельствами эта идея не осуществилась. Дело было в том, что наряду с идеей об активном назначении женщин он считал, что мы должны двигаться в направлении новой парадигмы управления строительством, основанной на заботе об окружающей среде. Так как в то время основными причинами социальных конфликтов были вопросы,

связанные со строительством дамбы Сэмангым и канала Ара, то замысел был в том, чтобы решить сложную задачу достижения гармонии между окружающей средой и строительством. Но в ходе совещаний с будущим премьер-министром Ко Гоном план дал осечку.

Намерение Но Мухёна активнее избирать женщин получило продолжение после начала работы «Правительства участия», когда в Конституционный суд, Верховный суд и на должность премьер-министра впервые и в большом количестве выдвигались женщины. Так как я участвовал в процессе их назначения, я чувствовал, что приношу большую пользу. В период, когда я временно покинул Голубой дом, дело дошло даже до выдвижения женщины в качестве кандидата на пост председателя Верховного суда Республики Корея, но из-за политического противодействия партии «Ханнара» назначение не состоялось. Это был шанс впервые в истории Республики Корея выдвинуть на пост главы конституционного аппарата женщину и тем самым открыть новую главу социального выдвижения женщин, поэтому провал был действительно обидным.

Назначение на пост министра культуры и туризма режиссера Ли Чхандона – козыря в политической колоде Но Мухёна – тоже было совершенно свежим решением. На президентских выборах 2002 года Но Мухён получил огромную поддержку со стороны представителей культуры и искусства. Команда будущего президента не ограничилась только внутренней поддержкой деятелей культуры и искусства, а позаботилась о том, чтобы распространить ее и на обычных граждан. Стоит отметить, что именно деятели культуры и искусства стали надежными соратниками в избрании Но Мухёна президентом.

Я думал, что было бы здорово назначить на пост министра культуры кого-либо из деятелей искусства, по примеру Андре Мальро*, который, будучи министром культуры во Франции при правительстве де Голля, продемонстрировал миру способность совершенно по-новому смотреть на привычные вещи. Избранный президент мыслил так же. Он попросил представителей культуры дать ему рекомендации. После обсуждения они порекомендовали режиссера Ли Чхандона и поэта Хван Чиу – без их ведома. Когда же их спросили, что они думают по этому поводу, поэт Хван Чиу наотрез отказался, сказав, что режиссер Ли Чхандон гораздо больше соответствует этой должности. Режиссер Ли Чхандон также отказался из-за своего решительного желания заниматься искусством. Несколько человек убеждали его и в итоге получили его согласие. В день получения приказа о назначении из рук президента, как и в день официального вступления в должность,

он был одет в повседневную одежду. И после этого он всегда носил удобный костюм без галстука, став тем самым темой для пересудов.

Я думал, что было бы здорово назначить на пост министра культуры кого-либо из деятелей искусства, по примеру Андре Мальро, который, будучи министром культуры во Франции при правительстве де Голля, продемонстрировал миру способность совершенно по-новому смотреть на привычные вещи.

Во время рассказа о его первом дне работы мы смеялись до упаду. В день официального вступления в должность, видимо, из-за организационной ошибки, к его дому не подъехала министерская правительственная машина. Он, будучи абсолютно бесхитростным человеком, подумал, что министры, как и обычные люди, добираются на работу самостоятельно. Сев, как обычно, в свою машину, он выехал из дома и первым делом направился в приемную премьер-министра, чтобы доложить ему о своем прибытии. В это время в Министерстве культуры и туризма начался полнейший хаос. В срочном порядке заместитель министра и начальник отдела планирования на служебной машине министра поехали за ним в Дом Правительства, где находилась приемная премьер-министра.

Они сказали министру Ли, что заберут его на министерской

машине и доставят в Министерство культуры и туризма. Но Ли Чхан-дон спросил: «А как же моя машина?» На это заместитель министра и начальник департамента планирования ответили: «Машину господина министра мы потом заберем и доставим к правительственному зданию», – и настойчиво предлагали ему сесть в министерский автомобиль. Но министр Ли ответил: «Я сам могу вести свою машину, зачем все усложнять?» – и направился к своей машине. Заместитель министра и начальник департамента планирования не знали, что и делать в ситуации, когда министр уже планировал отъезжать на своем личном автомобиле. Они тоже не могли ехать в министерской машине, если министра там нет; но ехать украдкой в машине, за рулем которой был министр, было еще обиднее, а другой машины, чтобы ехать впереди машины министра или сопровождать ее на дороге, не было… Ничего не зная об этих сомнениях, Ли Чхандон посмотрел на остановившихся в нерешительности коллег и сказал: «Садитесь. Поедем вместе на моей машине», – и они все вместе отправились в Министерство культуры и туризма. Разыгралась сцена, в которой министр ехал за рулем, рядом с ним сидел начальник департамента планирования, а на заднем «с почестями везли» заместителя министра. Перед зданием Министерства культуры и туризма, чтобы запечатлеть первый день работы министра-режиссера, собрались журналисты, которые ничего не знали о предыдущих обстоятельствах. Насколько же красочной в их глазах была эта сцена! На следующий день в газетах написали, что министр Ли Чхандон приехал в первый день на работу на личном автомобиле Santa Fe, привезя с собой на пассажирском сидении начальника департамента планирования. К счастью, заместитель министра, который был на заднем сидении, увидел ожидающих журналистов и, выйдя из машины гораздо позже, не попался им на глаза.

Министр Ли даже не провел отдельную церемонию официального вступления в должность, а вместо этого просто поприветствовал сотрудников министерства. Я не уверен, возможно, консервативные люди и цокали языком, но мы видели в этом естественный процесс отказа от авторитаризма.

Назначение министра внутренних дел Ким Дугвана, которое было воспринято СМИ с возмущением, было целиком идеей Но Мухёна. Назначив Ким Дугвана, который преуспел в вопросах местного самоуправления: побывал и сельским старостой, и префектом уезда – на должность руководителя, который объединил бы центральное и местное управление, будущий президент намеревался в корне изменить структуру государственного управления, основанную на централизации, и

начать смелый процесс локализации и децентрализации. Это была дерзкая идея будущего президента.

За период нахождения Ким Дугвана в должности министра Министерство внутренних дел заняло первое место среди государственных учреждений по эффективности работы и уровню инноваций, поэтому можно с уверенностью сказать, что он отлично справился со своей должностью. Однако партия «Ханнара» постоянно выражала свое пренебрежение, отпуская в его адрес язвительные высказывания типа «уездный начальник, который был деревенским старостой», и в итоге, в связи со студенческой демонстрацией, приняла решение о его отставке из Национального собрания. Я искренне желал, чтобы он смог справиться с этим и продолжил работу, так как это решение было не просто несправедливым по своей природе, но к тому же и чисто политическим, не имеющим никакой сдерживающей силы. Однако министр Ким сам подал в отставку, чтобы избежать усиления начавшейся из-за него политической напряженности. В итоге президент утвердил отставку, но мы столкнулись с тиранией обладателей законных прав в нашем обществе.

Одним из неожиданных назначений стало избрание на должность главы Национальной разведывательной службы – НРС – адвоката Ко Ёнгу, который в течение длительного времени был адвокатом по правам человека. Будущий президент с самого начала решил назначить адвоката по правам человека, чтобы улучшить работу НРС. Кроме того, назначая на должность начальника разведывательной службы высококвалифицированного и опытного адвоката-правозащитника, который к тому же по своим личным качествам был очень строгим и скрупулезным человеком, они сооружали оградительную сеть, которая не позволит просочиться нарушающим закон директивам или просьбам, включая в том числе президентские. С адвокатом Ко я встречался вместо Но Мухёна. Я передал ему предложение и, рассказав об основных целях и идеях, с радостью принял его согласие.

Среди старших секретарей и главных советников особенным было назначение главного советника президента по кадровым назначениям Чон Чханёна. Тогда будущий президент уже установил принцип, согласно которому необходимо разделять получение рекомендаций и прохождение проверки для того, чтобы предотвратить кадровую монополию и сохранить баланс. Я решил, что так как я, ответственный за кадровую проверку, являюсь выходцем из юго-восточной провинции Кёнсан, то было бы хорошо, если бы главным советником по кадровым вопросам стал представитель юго-западной провинции Чолла.

Представители юго-западного региона единодушно рекомендовали генерального секретаря отделения YMCA[16] в Сунчхоне Ли Хагёна и его коллегу в Кванчжу Чон Чханёна. Генеральный секретарь Ли Хагён был подходящим кандидатом, но из-за событий, которые произошли во время движения за демократизацию, он мог подвергнуться жестоким нападкам консервативных СМИ, поэтому выбор был сделан в пользу Чон Чханёна. Будущий президент Но Мухён тоже хорошо его знал, потому что встречался с ним, когда тот работал учителем в старшей школе в Кочхане. Поэтому, когда я поделился с Но Мухёном своими соображениями, он очень обрадовался и согласился. Казалось, что он и сам уже предполагал эту кандидатуру.

Что касается назначений в экономической сфере, то особенным был выбор министра информации и связи Чин Дэчже. Тогда на это место даже рекомендовали кандидатуру председателя Американской торговой палаты в Корее Джеффри Джонса. Но так как в то время закон не позволял назначать иностранцев на государственные должности, он не мог стать объектом кадровой проверки. Однако я мог согласиться с необходимостью выбирать министра из числа иностранцев. Но, как только он неофициально был выдвинут кандидатом на пост министра, в СМИ сразу стали появляться замечания, указывающие на проблему двойного гражданства его сына как причину для дисквалификации. Внезапная перемена мнения СМИ, которые ратовали за назначение иностранца, была неожиданной. Стандарты кадровой проверки не могут быть применимы ко всем министрам одинаково. Мы решили, что стандарты могут отличаться для некоторых министерств, в том числе для Министерства обороны, Министерства юстиции, Министерства образования, даже если речь заходит о двойном гражданстве детей.

Назначить бывшего начальника таможенной службы Ли Ёнсопа начальником Национальной налоговой службы было моей идеей. Он не имел никаких отношений с нами и был совершенно незнакомым для меня человеком. Тогда же двое сильных внутренних кандидатов из Национальной налоговой службы были исключены из борьбы за место начальника из-за слишком сильной конкуренции. По мере того как происходило выдвижение кандидатов на должности руководителей четырех основных национальных структур, на должность главы Национальной налоговой службы наиболее желательной стала кандидатура выходца из юго-западной провинции Чолла. В итоге оценка нововведений структуры и личных служебных достижений

начальника таможенной службы, выходца из юго-западного региона Ли Ёнсопа, была очень высокой. Также еще одной целью была попытка решения укоренившихся проблем Национальной налоговой службы с помощью назначения внешнего сотрудника. Таким образом, я дал эту рекомендацию на совещании по кадровым назначениям, и все согласились. Будущий президент тоже одобрил. Позже Но Мухён признался, что он был удивлен выбором человека, не имеющего к нам никакого отношения, и поэтому стал еще больше ценить философию кадровой политики «Правительства участия».

Когда Ли Ёнсоп находился в должности, то благодаря работе Комитета по налоговой реформе, председателем которого был адвокат Пак Вонсун, были проведены многочисленные налоговые преобразования, включая введение верхнего предела расходов на развлечения и прием гостей, а также непризнание представительскими расходами посещения развлекательных заведений и гольф-клубов. Президент тоже высоко оценил его новаторские способности, и затем его даже выдвигали на должности старшего секретаря по инновациям в администрации президента, министра торговли и промышленности, министра строительства и транспорта. Очень радостно видеть, что он оттачивает свой профессионализм, работая депутатом Национального собрания.

Были и обратные случаи, когда рекомендации не давали результатов. Когда мы искали пресс-секретаря, то с нашей стороны не было представлено ни одного человека. Я порекомендовал журналистку Пак Ёнсон, которая вела активную деятельность в качестве ведущей на телеканале MBC. В свою очередь мне ее порекомендовали как человека, разбирающегося в текущей ситуации со СМИ. Сначала я тоже рассудил, что, поскольку она ведущая и журналист, то как пресс-секретарь она сможет сочетать чувство такта в общении как с женщинами так и с мужчинами, хороший имидж, критическое мышление и осознание проблем. Но так как в сфере СМИ я не особо разбирался, рекомендации не были приняты и на должность пресс-секретаря была назначена другая женщина. Но она совсем не понимала президента Но.

Мы решили, что пресс-секретарь будет не только проводить пресс-конференции, как раньше, но и каждый день вместе с утренними и вечерними периодическими брифингами будет проводить брифинги, на которых будет пояснять основную суть доклада на пресс-конференции. Однако она не поняла идею президента, поэтому не могла справиться с задачей вне зависимости от навыков. Она, конечно, тоже очень старалась, но

сложность заключалась в том, что соответствующий старший секретарь провел информационный брифинг в пресс-центре администрации президента, но этого было недостаточно. Это был чрезвычайно важный период в начале работы правительства, поэтому получилось вдвойне неудачно. Ведущая Пак Ёнсон позже стала депутатом Национального собрания от партии «Ёллин Уридан», а сейчас она активно действует, переизбравшись от Демократической партии. Кажется, то, что мы тогда не назначили ее пресс-секретарем, пошло ей только на пользу.

В сфере внешней политики и безопасности выбор был сделан в пользу назначения на должность министра иностранных дел профессора кафедры внешней политики СНУ Юн Ёнгвана. Это было решение Но Мухёна. Юн Ёнгван был вице-председателем Департамента по вопросам внешней политики, безопасности и объединения в Президентском переходном комитете и очень явно демонстрировал свою твердую уверенность в необходимости проведения сбалансированной внешней политики и отказа от чрезмерной склонности к США.

Во время работы Президентского переходного комитета в США была направлена специальная делегация для обсуждения ядерного вопроса Северной Кореи. Деятельность профессора Юн Ёнгвана получила самую высокую оценку среди всех представителей делегации, о чем я и доложил будущему президенту Но Мухёну. Президент сомневался, на какую должность назначить профессора Юн Ёнгвана: министра иностранных дел или же старшего секретаря по вопросам внешней политики в администрации президента, но в итоге принял решение сделать его министром. Тогда его однокурсники занимали должности на уровне начальников департаментов Министерства иностранных дел, поэтому все это было большой авантюрой, но он твердо следовал своему реформаторскому намерению изменить направление внешней политики.

Однако, став министром, он уже не проявлял такого реформаторского духа, как ожидалось – возможно, потому, что был окружен прочной стеной чиновников Министерства иностранных дел. Он не смог взять их под контроль, а в его политическом курсе относительно США не прослеживалось значительных изменений. Однако, находясь на посту министра, он был сильно обеспокоен таким отходом от намеченного курса.

Будущий президент пытался сохранить баланс, назначив главным советником по вопросам внешней политики стабильного кандидата. После проверки высокопоставленных чиновников Министерства иностранных дел я рекомендовал на должность главного советника президента по вопросам внешней политики

посла ООН Пан Гимуна. Будущий президент, выслушав мнения консультативной группы в области внешней политики и безопасности, определил Пан Гимуна на эту должность. В действительности он уже служил старшим секретарем по вопросам внешней политики и безопасности при правительстве Ким Ёнсама и при правительстве Ким Дэчжуна, был заместителем министра иностранных дел, так что он уже несколько раз занимал должность такого уровня. Назначение на должность главного советника президента по вопросам внешней политики, соответствующую уровню заместителя министра, не было «армейским нарядом вне очереди». В результате он принял назначение на место главного советника, а затем стал министром иностранных дел. При всесторонней поддержке президента Но Мухёна он даже стал потом Генеральным секретарем ООН. Он был чиновником в трех правительствах: при президентах Ким Ёнсаме, Ким Дэчжуне и Но Мухёне, а затем стал Генеральным секретарем ООН – он действительно очень удачлив в продвижении по службе.

Во всяком случае, первой отправной точкой в процессе становления Пан Гимуна Генеральным секретарем ООН была должность главного советника президента по вопросам внешней политики. После этого он еще один раз стоял на распутье – когда был убит господин Ким Сониль. Это произошло, когда Пан Гимун занимал должность министра иностранных дел. Оппозиционная партия и враждебно настроенные СМИ требовали отставки министра. По результатам проверки Управления по гражданским делам было выявлено, что это происшествие не было результатом ошибки министерства. Оба раза я был участником событий, но был позже вознагражден, когда он стал Генеральным секретарем ООН.

Так как в Кабинете министров было уже много беспрецедентных назначений, для выбора премьер-министра оставался очень узкий пул. У будущего президента не было беспокойств по поводу такой передовой направленности в формировании нового правительства, он больше переживал о нападках СМИ и партии «Ханнара», связанных с этим. И он считал, что по этой причине на должность премьер-министра нужен человек, который будет играть роль своего рода защитной стены (буфера). В то время о бывшем депутате Ким Вонги говорили как о выдающемся и влиятельном человеке, но будущий президент Но Мухён неожиданно выбрал бывшего премьер-министра Ко Гона. Конечно, в Кабинете министров многие были против. Среди соратников президента многие считали, что он не соответствует духу и характеру нового «Правительства участия».

Однако Но Мухён сказал, что это вопрос выбора. В случае если премьер-министр не пойдет по этому направлению, то не останется других вариантов, кроме как смягчить радикальность правительства.

Будущий президент Но Мухён с самого начала был твердо убежден в том, что мы должны сохранять до этого бывшее лишь номинальным право премьер-министра выдвигать кандидатуры в состав Кабинета министров*. Он имел в виду, что мы должны соблюдать Конституцию. Поэтому будущий главный советник президента по кадровым назначениям Чон Чханён был направлен к будущему премьер-министру Ко Гону для обсуждения кандидатур в Кабинет министров. Будущий премьер-министр Ко был очень обеспокоен радикальностью кадровых назначений, которые производил будущий президент. Главный советник, объяснив намерения Но Мухёна, взамен одобрения от Ко внес в список часть рекомендованных им кандидатур. Глава офиса премьер-министра по согласованию правительственной политики, хоть и не был членом Кабинета министров, также принял его рекомендации. На мой взгляд, в процессе формирования первого Кабинета министров при правительстве были случаи, когда в его составе оказалось несколько людей, позиция которых была нечеткой, неясной.

Бытует мнение, что для децентрализованной президентской системы и для реальной системы премьер-министра необходимо последовательно соблюдать право премьер-министра на выдвижение кандидатур в Кабмин. Будущий президент также был тверд в этом убеждении. Считается правильным следовать тому, что предусмотрено Конституцией. Однако, с моей точки зрения, данная система не только не подходит президентской форме правления, но и сама по себе является весьма лицемерной. При президентской форме правления было бы правильным, если бы Кабинет министров формировал избранный народом президент в соответствии с политической направленностью, которую он представлял народу в ходе избирательного процесса. Я не вижу разумных оснований для того, чтобы премьер-министр, который не был избран народом, принимал участие в назначении членов Кабмина. Может ли в действительности быть так, чтобы премьер-министр настаивал на выдвижении людей, у которых совершенно иное видение, нежели у президента, и которые не состоят в коалиционном правительстве?

Сейчас при правительстве Ли Мёнбака, кажется, совсем исчезло понятие «право выдвигать кандидатуры для назначения на должности», в том числе членов Кабинета министров. И даже если фактически «право премьер-министра на выдвижение

рекомендаций на назначение» членов Кабмина гарантировано, то самым подходящим способом его осуществления является «разделение», которое частично отражает кадровые рекомендации премьер-министра о назначениях в Кабмин. И это вовсе не кажется демократической системой. Я считаю, если это необходимо для руководства премьер-министра Кабинетом министров, то достаточно дать ему только право увольнения членов Кабмина. Если когда-нибудь настанет время для всестороннего совершенствования Конституции, то это то, что надо будет пересмотреть.

Был еще один серьезный институциональный провал в картине светлого и безоблачного мира XXI века. Премьер-министр не мог быть назначен до инаугурации президента, и, естественно, Кабмин тоже не мог быть назначен заранее. Во время начала работы правительства мы должны были начать работать вместе с прошлым премьер-министром и прошлым Государственным советом.

К счастью, Национальное собрание одобрило назначение Ко Гона на пост премьер-министра уже вечером следующего дня после вступления в должность президента – 26 февраля 2003 года.

Уже на следующий день, 27 февраля, президент Но Мухён вручил ему приказ о назначении, и с этого момента он приступил к выполнению своих должностных обязанностей, начиная с выбора членов Кабмина, что и смог завершить в короткие сроки. Тем не менее после инаугурации президента неизбежно требовалось время на выбор. Если бы из-за какой-либо неразберихи Национальное собрание не смогло так быстро прийти к консенсусу о назначении премьер-министра, то это время могло бы еще больше увеличиться. Более того, во время работы «Правительства участия» порядок выслушивания рекомендаций по назначениям членов Кабмина был очень бюрократизирован, поэтому с самого начала работы правительства время на решение о назначениях могло еще больше затянуться.

Поэтому мы пересмотрели Закон о приеме права должности президента для будущих правительств. Система была пересмотрена, чтобы будущий президент выдвигал кандидатуры на пост премьер-министра и членов Кабмина через прохождение процесса слушаний рекомендаций по персоналу, и после инаугурации немедленно мог назначить премьер-министра и членов Кабмина.

Комментарии

* Гражданский центр предложений. 국민참여제안센터. Организация, созданная в период работы Президентского переходного комитета «Правительства участия» для обширного сбора идей и политических предложений граждан, а также кадровых рекомендаций.

* Комитет по кадровым рекомендациям. 인사주천위원회. Департамент по осуществлению кадровых рекомендаций и проверки кандидатов, находившийся под управлением Голубого дома в период работы «Правительства участия».

* Старший секретарь президента по вопросам гражданского участия. 국민 참여수석. Управление по вопросам гражданского участия – организация, образованная после начала работы «Правительства участия» путем расширения Гражданского центра предложений, осуществлявшего деятельность в период функционирования Президентского переходного комитета.

* Андре Мальро. 앙드레말로. Известный французский писатель середины XX века. Занимал пост министра культуры при режиме де Голля.

* Право премьер-министра выдвигать кандидатуры в состав Кабинета министров. 국무위원임명제청권. Право премьер-министра, согласно которому он может просить президента о назначении нового министра для присоединения к совместной работе в Кабинете министров.

Жизнь в Сеуле, работа в Голубом доме

Когда я впервые стал старшим секретарем по гражданским делам в Голубом доме, я думал, что рядом есть что-то вроде официальной резиденции. Однако у сотрудников службы безопасности были апартаменты для служебного пользования, что же касается администрации, то официальная резиденция была предусмотрена только для ее главы, а для всех остальных сотрудников жилье не предусматривалось. Таким образом, мне пришлось снимать квартиру. Даже после того, как мы продали дом в Пусане, площадь которого превышала 100 пхён (330 квадратных метров), нам не хватало средств, чтобы внести залог за аренду квартиры в районе Каннам площадью в 30 пхён (100 квадратных метров). И поэтому мы сняли небольшой таунхаус в районе Пхёнчхан-дон, на самой окраине Сеула.

Так как я работал юристом, у меня были небольшие накопления, поэтому я мог себе это позволить. А вот таким, как министр Хо Сонгван или министр Квон Кихон, которые до этого преподавали в провинциальных университетах, найти деньги на съем жилья было очень сложно. В провинции госслужащим, начиная с определенного ранга, выделяется резиденция или служебное жилье. Даже у начальников отделений полиции есть ведомственное жилье. Однако приехавшим из провинции в Сеул – не только секретарям администрации президента, но даже министрам – жилье не предоставлялось. Когда житель Сеула отправляется на работу в провинцию, сдав в аренду сеульское жилье, он может без проблем найти достойное жилье в провинции. Однако в обратном случае это невозможно, если у тебя нет накоплений или ты не залез в долги. И тем не менее система правительственной жилищной поддержки работает ровно наоборот. Это противоречие, которое создано не чем иным, как сеулоцентризмом.

Различий с моей предыдущей жизнью, за исключением удлинения рабочего времени в Голубом доме и отсутствия личной жизни, не было. Причин для изменений не было. Однако для многих людей это представлялось чем-то неожиданным. Их удивляло, что в нерабочее время я сам вожу свою машину, что сижу в общем зале в ресторане, не заказывая отдельную комнату, что, как и все другие люди, стою в очереди и жду, что я сижу в самолете или в поезде в эконом-классе – они воспринимали все это как нечто особенное. Поразительным для них было и то, что я жил в небольшом таунхаусе, что ходил один без охраны, а в выходные поднимался в горы и даже сталкивался с другими

людьми. Такое поведение, видимо, очень сильно отличалось от того имиджа, который закрепился за чиновниками.

В действительности я был не единственным, кто жил подобной жизнью во времена «Правительства участия». Мало кто мог позволить себе личного водителя или секретаря в нерабочее время. Однажды в дождливое воскресенье я отправился на прогулку в горы Чхонгесан и неожиданно встретился с тогдашним министром торговли, промышленности и энергетики, который без охраны гулял со своим другом под зонтиком. Пару раз во время прогулок по горам Пукхансан я неожиданно встречался и с главным советником президента по кадровым назначениям Чон Чханёном. Люди даже говорили, что чиновники «Правительства участия» сильно отличаются от чиновников прошлого.

Зарплата секретаря Голубого дома оказалась ниже, чем можно было подумать. У чиновников такого же ранга в других правительственных учреждениях оклад был значительно выше. В сотрудники среднего звена администрации президента набирали только чиновников первого и второго ранга, но тарифные оклады для них были низкими. Хотя в некоторой степени опыт работы в известных гражданских организациях или корпоративных структурах отражался на уровне оклада, но это было возможно, только если такой опыт был явным. Поэтому зарплата была ниже, чем у других чиновников того же уровня. Кроме того, в случае выхода на пенсию служащим не выплачивали никакого пенсионного пособия, а только выходное пособие за период службы. Казалось бы, это естественная ответственность перед работником, но экономически на это не было средств. Старшему секретарю, который стоял выше обычных секретарей, тоже платили не очень много. В моем случае доход был меньше, чем когда я был адвокатом. И мне ничего не оставалось, как начать больше экономить. На самом деле во время работы в Голубом доме я истратил все свои сбережения. Так что даже несмотря на то, что я был высокопоставленным чиновником, вполне естественно, что моя жизнь вне работы ничем не отличалась от жизни обычного человека.

Президент Но Мухён даже немного завидовал, говоря о бывшем премьер-министре Швеции Улофе Пальме, который после работы садился на велосипед и без телохранителей ехал на рынок, из-за чего стал объектом обсуждения. В итоге, когда однажды они с женой без телохранителей возвращались из кинотеатра, случилась трагедия: его застрелили. Однако до своей гибели он свободно жил личной жизнью в нерабочее время, несмотря на опасность.

Президент Но Мухён мечтал о такой стране. Если так

поступает даже премьер-министр, что же говорить о старших секретарях администрации президента и министрах правительства? Я думаю, что отличие жизни высокопоставленных чиновников в нашем обществе от жизни таковых в других странах показывает, что наше общество ненормально.

Жизнь в период работы в Голубом доме была тяжелой и изнурительной. Сама по себе работа была невыносимой, к тому же я ежедневно беспокоился о газетных сводках, и если что-то случалось, приходилось целый день отвечать по телефону на вопросы журналистов, что было совсем не просто. Я получил личный мобильный телефон, но зачастую приходил в замешательство и не понимал, как реагировать на обращения СМИ в запутанных и щекотливых ситуациях. Но, несмотря на это, я не мог просто уклониться от телефонного звонка. Помимо основной работы старшим секретарем по гражданским делам, я также был ответственным за конфликтные ситуации, связанные с трудовыми спорами, которые относились к зоне интересов Голубого дома, и, таким образом, моя служебная нагрузка была очень велика. При этом все происходило не в какой-то последовательности, когда одно дело заканчивается и можно заняться другим, а одновременно возникало много вопросов, которые надо было сразу же решать. У меня всегда было чувство, что я нахожусь за пределами своих возможностей.

Всю жизнь работая юристом, я засиживался допоздна, поздно ложился, поздно вставал и поздно приходил на работу, по сравнению с представителями других профессий, в целом у меня был более размеренный жизненный темп, когда я все делал поздно. И было очень сложно перестроиться на ускоренный жизненный темп, когда нужно встать еще затемно и мчаться на официальный завтрак. Несмотря на то что я рано вставал, я все время поздно ложился, поэтому никогда не высыпался.

Обычным делом было, когда сонливость одолевала тех, кто на совещании старался уследить за обсуждением темы, которая уже вышла из зоны их ответственности. В первый год службы глава администрации президента Мун Хисан и старший секретарь по политическим вопросам Ю Интхэ прославились тем, что часто засыпали во время совещаний. Глава администрации Мун Хисан часто дремал, потому что принимал в то время лекарства от аллергии. Ю Интхэ же настаивал на том, что он не спал, а просто сидел с закрытыми глазами, хотя со стороны было очевидно, что он спал. Тем не менее было удивительно, как подробно и точно они знали содержание обсуждений на собрании.

Бывает такое, что журналисты пишут отвратительные вещи, один раз подловив тебя и сделав кадр с закрытыми глазами,

поэтому я старался не спать. Что же касается президента, то он никогда не дремал на совещаниях. Это было достойно восхищения. И это несмотря на то, что президент всегда присутствовал на собраниях, заранее просмотрев материалы совещания и доклады, и так как он уже все знал, ему, наверное, было очень скучно. Один раз я поинтересовался, как ему это удается, а президент мне ответил: «Наверное, старший секретарь Мун, когда дело доходит до Ваших обязанностей, Вы не спите». И действительно, мои обязанности относились только к определенной сфере, а вот президента касалось все, что обсуждалось на собрании.

Однажды я даже заснул в действительно экстремальных условиях, когда сидел в стоматологическом кресле с широко открытым ртом, а дантист расковыривал мой коренной зуб. И врач даже отругал меня, выкрикнув: «Не спите!», так как, погрузившись в сон, я мог непроизвольно на мгновение закрыть рот, и тогда бормашина могла меня сильно поранить.

Несколько раз бывало такое, что я с кем-то разговаривал, и, сидя напротив собеседника и слушая его монотонную речь, засыпал. Я переживал, что будет невежливо, если собеседник это заметит, и действительно боялся заснуть от переутомления.

Было удивительно, что я набирал вес, несмотря на ужасное переутомление. Работая в Голубом доме, я набрал примерно 10 кг. Сначала я думал, что это связано с отсутствием физической нагрузки и спортивных упражнений. Но причиной было то, что я ел жирную пищу и ел много. В рабочее время у меня совершенно не было возможности проводить внешние встречи или совещания, поэтому зачастую мы встречались во время обеда или ужина.

Такие встречи назывались «официальный обед» или «официальный ужин». Они проводились исключительно в ресторанах с отдельными залами, при заказе которых стол ломился от изысканных блюд. Я твердо усвоил, как меня учили в детстве, что еду оставлять нельзя, поэтому всегда очень много ел, хотя лучше бы я этого не делал. Как только после отставки я перешел на привычную простую еду, такую как соевый суп, мой вес быстро вернулся к прежнему уровню.

Мое здоровье сильно ухудшилось именно в первый год службы. И не только у меня. Все подорвали свое здоровье из-за напряжения и твердого стремления сделать хорошо то, чего никогда раньше не делали в ситуациях, в которых никогда раньше не были. К тому же президент был трудоголиком, настолько увлеченным своей работой, что практически не заботился о своих подчиненных. Наверное, никто не смог бы выдержать этого. Примерно через год все были крайне истощены

и падали с ног от усталости. Сейчас я думаю, что не стоило так выматывать себя. Надо было следить за физическим состоянием, более ответственно относиться к своему будущему. Когда перед отставкой во время передачи дел я встречался с будущим главой администрации правительства Ли Мёнбака господином Рю Уи-ком, у него от усталости уже губы высохли и потрескались. И, говоря о своем опыте, я дал ему совет: было бы хорошо думать о будущем и заботиться о своем здоровье.

Осенью 2003 года, в первый год после вступления в должность, в Голубом доме прошло мероприятие, посвященное донорству крови. В присутствии телекамер и фотожурналистов президент должен был сдавать кровь. По просьбе секретариата я был следующим в очереди за президентом.

Однако предварительный анализ крови президента показал плохой результат. Плазма крови оказалась слишком жидкой, по сравнению с нормой, а это один из симптомов сильного переутомления. Говорят, такое может произойти, если человек слишком устает. Меня смутило, что фото, на котором президент первым в качестве собственного примера сдает кровь, не было сделано. Мы не могли объявить, что из-за переутомления плазма президента слишком жидкая и он не смог сдать кровь. После краткого обсуждения мы решили сказать, что он забыл о сдаче крови в тот день и утром принял лекарство, поэтому не смог сдать кровь.

Однако необходимо было сделать хотя бы снимок со мной, так как я был следующим в очереди, но, как и следовало ожидать, я тоже не прошел проверку. У меня оказалось слишком высокое артериальное давление. Я сказал, что этого не может быть, потому что за всю жизнь у меня ни разу не повышалось давление. На медосмотре, который проводился в Голубом доме несколько месяцев назад, оно тоже было в норме. Мне снова измерили давление, после того как я выпил стакан холодной воды и несколько минут просидел, стараясь успокоиться, но результат был таким же. Я поехал в больницу, где выяснилось, что всего за несколько месяцев мое давление так сильно подскочило.

Обычно чем выше твоя профессиональная ответственность, тем меньше у тебя работы как таковой, но в Голубом доме наоборот: чем выше твоя должность в иерархии «рядовой сотрудник – старший чиновник – секретарь – старший секретарь», тем больше у тебя работы. В первый год работы я потерял десять зубов. И не только я, но и еще несколько человек из Управления по гражданским делам, включая секретарей Ли Хочхоля и Ян Ынсика, лишились нескольких зубов. Забавно, но случайно так получилось, что, начиная с меня, чем выше звание, тем больше

зубов человек потерял. Мы смеялись, что это верный признак взаимосвязи количества зубов с количеством работы.

Аудит транша в КНДР

В самом начале работы правительства случилось очень болезненное событие, вызвавшее серьезные трудности. Это был вопрос специальной проверки перевода денежных средств в Северную Корею (аудит транша)* в целях осуществления межкорейского саммита. Эта проблема возникла еще в период функционирования Президентского переходного комитета. Причиной послужило разглашение некоторыми причастными представителями корпорации «Хёндэ» информации, которая стала большой проблемой. Они доложили, что во время межкорейского саммита 15 июня 2000 года* был произведен очень крупный перевод денежных средств, и бремя выплаты легло на плечи «Хёндэ». Жалоба состояла в следующем: якобы договоренность заключалась в том, что сначала «Хёндэ» заплатит, а правительство позже компенсирует потраченную сумму через бизнес-каналы, но в итоге компенсации не последовало. В конце концов была даже названа конкретная сумма, и подозрения настолько распространились, что трудно было отрицать передачу денег. Пока прокуратура медлила, партия «Ханнара» инициировала специальную проверку. Это произошло на следующий день после инаугурации. Так как дело касалось юридической сферы, то компетентным органом стало Управление по гражданским делам администрации президента.

Первая возможность, которую мы рассматривали, заключалась в том, чтобы не проводить расследование, а продолжать идти дальше. Даже если факт денежного перевода в Северную Корею и нарушал действующее законодательство, не было никаких сомнений в том, что это было сделано в качестве особой меры для урегулирования межкорейских отношений. Кроме того, вследствие этого удалось провести первый в истории межкорейский саммит и составить историческую Совместную декларацию Республики Корея и КНДР от 15 июня. Если смотреть шире, то все это можно было признать правильным и справедливым шагом.

По решению президента Но я рассмотрел возможность наложения вето* на процесс специальной проверки и выпуска специального указа президента о запрещении расследования в прокуратуре. Конечно, о трудном положении необходимо было сообщить гражданам посредством пресс-конференции с журналистами. Единственной причиной и единственным оправданием для наложения вето было утверждение «прерогативы суверенной власти»* президента Ким Дэчжуна в

целях содействия великой перемене в межкорейских отношениях. Конечно, концепция «прерогативы суверенной власти», которая не может быть предметом судебного спора – это теория устаревшего закона авторитаризма, которая в современных юридических кругах не признается. Отстаивание правительством, которое позиционирует себя как демократическое и реформаторское, теории акта «прерогативы суверенной власти» было само по себе огромным бременем. Это было, мягко говоря, притянуто за уши, но другого пути не было.

Конечно, мне не добавлял оптимизма тот факт, что в случае прорыва оппозиционного фронта на меня падет бремя завершения всего дела. Прежде всего, партия «Ханнара» приложит все усилия для того, чтобы довести до конца дело со специальной проверкой, включая право повторного обсуждения в Национальном собрании*, и политическая ситуация будет настолько парализована, что правительство с самого начала своей деятельности будет лишено возможности заниматься другими делами. В случае если мы продолжим терпеть, есть вероятность, что все это станет больше, чем просто незаконным денежным переводом, и отразится на гражданах, как будто что-то было сделано умышленно со злыми намерениями. Что касается прокурорского расследования, то даже если полномочное разбирательство будет приостановлено посредством президентского указа, способов помешать расследованию, которое начнется в случае подачи исков или обвинений причастных лиц или представителей партии «Ханнара», не было.

Тем не менее президент Но Мухён решил поступить именно так. Однако было всего лишь одно условие на случай, если бы он решил отстаивать «прерогативу суверенной власти». Необходимо было признать тот факт, что все было сделано по указанию президента Ким Дэчжуна, или по крайней мере он заранее был оповещен и согласился на указанные действия либо допустил их. Только в таком случае можно было настаивать на «прерогативе суверенной власти» в соответствии с решением президента.

До этого момента со стороны Ким Дэчжуна все объяснялось тем, что он ничего не знал заранее. Президент Но Мухён приказал главе администрации Мун Хисану передать его соображения представителям президента Ким Дэчжуна. Однако через некоторое время Ким Дэчжун повторил на пресс-конференции, что ничего не знал заранее. В действительности я не знаю, почему он так сказал: потому, что на самом деле ничего не знал, или же потому, что его соратники беспокоились, не повредит ли это происшествие репутации президента. Мы рассудили, что даже если Ким Дэчжун скажет, что он лично

приказал сделать это или же дал свое разрешение на такие действия, то это не причинит ему никакого вреда. И даже наоборот, мы думали, что это еще больше подчеркнет и представит в выгодном свете его политическую силу и решительность. Как бы там ни было, после заключительной пресс-конференции президента Ким Дэчжуна пропала всякая возможность настаивать на акте «суверенной власти» по решению президента. Очень жаль.

Единственное, что теперь оставалось, – это выбор между расследованием специальной комиссией или расследованием в прокуратуре. Со стороны Тонгё-дон* поступила просьба о наложении вето на законопроект о создании специальной комиссии. Если бы мы действовали в соответствии с данным требованием, то можно было сразу же избежать обвинений в обманутом политическом доверии. Однако если бы началось расследование в прокуратуре, не было бы никакой гарантии, что можно будет контролировать этот процесс. Расследование должно было ограничиться выяснением обстоятельств процедурного правонарушения, связанного с переводом денег в Северную Корею, но такой гарантии не было. Мы беспокоились о том, что если прокуратура будет расследовать, на какой счет был сделан перевод и как с того счета деньги утекли на Север, то все это подорвет основу межкорейских отношений. Кроме того, в случае если они будут выяснять, как был сформирован этот капитал, то вероятность того, что в ходе расследования будет организована также проверка «смазочных фондов» компании и финансовых махинаций*, была очень высока. В случае если прокуратура раскроет счета всех причастных к делу, также нельзя было отрицать вероятность того, что фокус внимания расследования перейдет на какие-то политические фонды, о существовании которых мы даже не знали, или личные неправомерные поступки. Такие вещи было невозможно контролировать. И даже если представить, что каким-то образом контроль можно было установить, то нельзя было спрогнозировать, когда все это рванет, если в руках прокурора окажутся такие данные.

С другой стороны, цель и область спецрасследования определены в соответствии с законопроектом о создании специальной комиссии. К тому же в случае если специальным прокурором станет человек, который не подвержен честолюбию и думает о возможном влиянии происходящего на межкорейские отношения, будучи преданным только цели специального расследования, то можно было надеяться на то, что расследование будет более сдержанным. К счастью, тогда в исполнительном органе Корейской ассоциации адвокатов,

который должен был рекомендовать независимого следователя, были люди, достойные доверия. Если рассматривать расследование само по себе, то совершенно очевидно, что специальная комиссия была бы предпочтительнее. Тем не менее об этом сложно было судить из-за политического характера вопроса. Соратники Ким Дэч-жуна требовали вето на специальное расследование, но политические последствия этого могли быть слишком серьезными. Конечно, немаленькими были и бремя наложения вето на первый же после начала работы правительства законопроект, проведенный Национальным собранием, и вытекающая из всего этого конфронтация с партией «Ханнара», которая имела большинство в парламенте, и политическое бремя застоя в стране. В Голубом доме почти все, кроме главы секретариата администрации президента по политическим вопросам Ю Интхэ, поддерживали принятие специального расследования. Возможно, потому что мы знали о текущей политической ситуации и понимали, о чем стоит беспокоиться.

С другой стороны, в Кабинете министров преобладала иная точка зрения. Особенно сильной была оппозиция со стороны министра объединения Чон Сехёна. Президенту Но Мухёну нелегко было принять решение. Выслушав мнения соратников на заседании старших секретарей и советников, он пришел к выводу, что окончательное решение будет принято на заседании Кабмина. Мы подготовили два текста обращения президента к народу: на случай принятия Закона о создании специальной комиссии и на случай наложения вето.

На заседании Кабмина большинство проголосовало против. Выслушав все замечания, президент сказал, что благодарен за честное высказывание мнений. А министру объединения Чон Сехёну, который выступил с сильнейшей критикой, он сказал: «Я думаю, что для министра объединения выступать против – это естественное действие в такой ситуации. Если бы министр объединения не возражал, то я бы как раз подумал, что он халатно относится к своим обязанностям».

Однако в итоге президент решил принять Закон о создании специальной комиссии.

Хотя президент и не сказал этого в тот день на заседании Кабмина, он считал, что самое важное – это не уничтожить основы межкорейских отношений посредством расследования. И с этой точки зрения он пришел к выводу, что специальная комиссия будет лучше, чем расследование в прокуратуре.

К счастью, как и ожидалось, Корейская ассоциация адвокатов представила на пост специального прокурора выдающегося человека, который проводил специальное расследование, не

отклоняясь от его цели и уделяя большое внимание влиянию, которое ситуация могла оказать на межкорейские отношения. Специальный прокурор Сон Духван проводил расследование только с точки зрения процессуальной незаконности перевода денежных средств и установил очень осмотрительные, осторожные связи со СМИ. Ему удалось минимизировать негативное влияние расследования и избежать подрыва межкорейских отношений. Мы чувствовали себя неловко перед теми, кому пришлось страдать из-за этого дела, но, как только форма расследования была определена, они тут же были амнистированы. Я думаю, прокурор Сон Духван сделал лучший выбор в имеющейся ситуации.

Из-за этой проблемы президент Ким Дэчжун и его окружение в течение долгого времени были опечалены. Даже когда я в статусе старшего секретаря по гражданскому обществу снова навестил его, то президент Ким Дэчжун признался мне, что ему очень обидно и досадно. Каждый раз, когда мне предоставлялся шанс, я объяснял ему, в чем состояли наши намерения и что мы действовали искренне. Я думаю, что позже он, в общем-то, понял. Из-за политической ситуации раскола Демократической партии и партии «Ёллин Уридан» политические деятели Демократической партии то и дело критиковали эту проблему. Я думаю, что политическая цель была велика.

И сейчас есть те, кто утверждает, что принятие «Правительством участия» Закона о создании специальной комиссии исходило из обстоятельств, связанных с «Народным правительством», или же ради установления различий с ним, или же являлось отрицанием политики «солнечного тепла», проводимой «Народным правительством». Из-за этого некоторые говорят, что межкорейские отношения перешли в фазу стагнации с самого начала работы «Правительства участия». Все это неправда, и поэтому я хочу обо всем рассказать, чтобы прекратить это недоразумение.

Тогда, вероятнее всего, именно мнение Управления по гражданским делам администрации президента, которое было ответственным подведомственным органом, оказало наибольшее влияние на суждения и решения президента Но Мухёна. Дело в том, что именно Управление по гражданским делам подробно сообщило о вышеупомянутых факторах, которые следует учитывать. И именно поэтому если решение президента Но Мухёна и было вдруг неверным, то ответственность лежит на мне, как на старшем секретаре по гражданским делам, а не на президенте – потому что моя помощь была неэффективной. Управление по гражданским делам стало ответственным

подведомственным органом в этом вопросе на основании того, что эта проблема относилась к правовым спорам, хотя в действительности это был сугубо политический вопрос. Это было дело, которое позволило испытать, насколько сложно принимать решения в политической сфере. Это был очень трудный вопрос.

Комментарии

* Перевод денежных средств в Северную Корею (транш). 대북송금사건. Инцидент, в ходе которого в 2003 году Национальное собрание инициировало специальную проверку, выдвинув подозрения о переводе «Народным правительством» денежных средств в адрес КНДР с целью оказания экономической помощи Северу для успешного завершения переговоров в процессе проведения межкорейского саммита 2000 года.

* Специальная проверка (аудит). 특검. Сокращенное название «Системы специального инспектирования». Независимый следственный орган, который временно берет на себя обязанности прокуратуры по расследованию и возбуждению судебного дела при выявлении подозрений в коррупции или незаконных действиях высокопоставленных чиновников. Назначается президентом по предложению Национального собрания.

* Межкорейский саммит 15 июня 2000 года. 6 15 남북정상회담. Первые в истории после разделения Кореи межкорейские переговоры на высшем уровне, проведенные в 2000 году между президентом Республики Корея Ким Дэчжуном и председателем Государственного комитета обороны КНДР Ким Чениром.

* Право вето. 거부권. Право президента отказаться утверждать закон, одобренный парламентом.

* Прерогатива суверенной власти. 통치행위 (統治行爲). Политические действия президента, связанные с основами государственного управления. Ввиду высокой политизированности они не подлежат судебной проверке со стороны Министерства юстиции.

* Право повторного обсуждения в Национальном собрании. 국회재으]. Процедура повторного рассмотрения и принятия решения Национальным собранием по утвержденным вопросам повестки дня.

* Тонгё-дон. 동교동. Термин, использующийся в политических кругах и означающий президента Ким Дэчжуна или его окружение. Причиной, по которой окружение президента Ким Дэчжуна получило такое название, является тот факт, что бывший

президент проживал в районе Тонгё-дон.

* Финансовые махинации. 분식회계 (粉飾會計). Намеренное преувеличение активов или прибыли компании путем предоставления ложных данных бухгалтерского учета в процессе расчета.

Реформирование прокуратуры

Начало президентского срока. Насущным открытым вопросом остается конфликт с прокуратурой. 6 марта 2003 года, после начала работы правительства, Министерство юстиции представило глав окружных прокуратур. Прокуратура массово протестовала против новых назначений. СМИ называли это «хаосом в прокуратуре», «неповиновением коллективу». Отправной точкой была подготовка беседы президента с прокурорами*.

В то время вынесение коллективной жалобы прокуратуры на назначения выглядело абсурдно. До того момента, по сложившейся в прокуратуре традиции, если младший коллега обгонял по карьерной лестнице старшего, то старший, которого обогнали, снимал с себя все регалии. В случае, когда на место генерального прокурора назначался новый человек, все остальные сослуживцы, принятые на работу одновременно с ним, также должны были уйти с постов. Такая традиция существует и до сих пор. Однако в «Правительстве участия» эту культуру сочли нежелательной. Сам я не хотел идти по этому пути. Наоборот, я считал, что следует устранить казарменную культуру. Это также не совпадало с общим курсом реформ прокуратуры, который планировало провести «Правительство участия».

Президент посредством диалога с молодыми прокурорами хотел разрешить недоразумения, вызванные кадровыми назначениями в прокуратуре, и провести непринужденную беседу о планах реформ прокуратуры.

Мы думали, что если хотим сохранить политический нейтралитет прокуратуры, то, чтобы это работало, даже если бы прокуроры не стали следовать предлагаемой политической линии, необходимо было сохранять их статус. То же самое относилось и к гарантии срока должности генерального прокурора. Президент Но Мухён даже после начала работы правительства не планировал заменять генерального прокурора Ким Кагёна, который был назначен прежним правительством. Однажды генеральный прокурор Ким Кагён пришел ко мне, чтобы спросить о скрытых намерениях президента Но Мухёна. Но таковых не было, поэтому я сказал ему, что его должность сохранится за ним.

Однако в то время высокопоставленное руководство прокуратуры все неправильно поняло и решило, что его как-то ущемят. Казалось, руководство полагало, что новое правительство сместит весь состав, как людей с устаревшими взглядами. В основном жалобы по поводу кадровых назначений сыпались от тех, кто был исключен из списка назначений на пост окружных прокуроров. Даже молодые прокуроры неправильно расценили

происходящее и поддержали коллективное возражение. На этом фоне большую роль сыграло и неприятие назначения госпожи Кан Гымсиль на пост министра юстиции.

Этот вопрос был делом времени. Возникшую проблему можно было решить просто по министерской линии. Но президент думал иначе. Он решил прорвать оппозиционный фронт. Кроме того, президент и молодые прокуроры решили использовать этот процесс в качестве спускового механизма для изменений в сторону достижения консенсуса по вопросу реформы прокуратуры.

Была еще одна причина, подтолкнувшая президента к таким мыслям. Еще до того, как начались коллективное вынесение жалоб по поводу кадровых назначений, внутри прокуратуры на совещаниях рядовых прокуроров был представлен план реформирования прокуратуры после начала работы правительства. Среди внутренних предложений также было много таких, которые совпадали с направлением, о котором мы думали. Поэтому президент посредством диалога с молодыми прокурорами хотел разрешить недоразумения, вызванные кадровыми назначениями в прокуратуре, и провести непринужденную беседу о планах реформ прокуратуры. Поэтому подготовленная платформа была диалогом президента и прокуроров. Что касается проблем, поднятых или обсуждаемых молодыми прокурорами на этой платформе, президент пообещал принять все те пункты, которые могут быть приняты, и рассмотреть также все остальные. Эта платформа также могла стать возможностью обращаться с просьбой к молодым прокурорам об усилиях и стремлениях ради обеспечения политического нейтралитета. Таким образом, президент хотел воспользоваться возможностью пообещать и показать людям общность его суждений и взглядов со взглядами представителей прокуратуры на проводимые реформы. Идея заключалась в том, чтобы использовать сам диалог с прокурорами в качестве движущей силы реформы прокуратуры.

Я не присутствовал при решении вопроса о проведении проблемного мероприятия. Это был день, когда у министров и старших секретарей администрации президента было рабочее собрание. Но в тот день я не присутствовал на нем, а поехал в Пусан, чтобы убедить монаха Чи Юля прекратить одиночную голодовку из-за тоннеля в горе Чхонсонсан. Президент звонил мне с рабочего собрания и спрашивал, что бы я сделал, если бы проводил такое мероприятие. Я сказал, что мероприятие хорошее, но призвал не торопиться и добавил, что было бы хорошо все урегулировать заранее. Однако обо всем было объявлено и сразу

назначена дата.

Подготовка началась молниеносно. Все думали, что когда диалог начнется, то благодаря объяснениям президента можно будет решить недоразумения и погасить недовольство по поводу кадровых назначений. А в оставшееся время планировалось представить и подробно обсудить план реформ. Президент также заранее тщательно рассмотрел и изучил подготовленные нами материалы, связанные с реформированием прокуратуры.

Мероприятие началось, и это было невыносимое зрелище. Молодые прокуроры обсуждали только проблемы кадровых назначений и без конца задавали вопросы о них. Один человек уже спросил про кадровые назначения, и президент достаточно подробно все объяснил, но следующий оратор точь-в-точь повторил тот вопрос, который только что обсуждался. И президент был вынужден повторять одно и то же снова. Не было прокуроров, которые помимо кадровых жалоб пришли с подготовленными вопросами о реформе прокуратуры. Можно сказать, что все вышло «по-прокурорски».

В действительности при подготовке мероприятия министра юстиции попросили не препятствовать прокурорам в высказывании кадровых жалоб. В то же время было озвучено мнение, что было бы здорово создать платформу для обсуждения темы реформирования прокуратуры, чтобы поставить этот вопрос и в достаточной мере осветить план реформ, который уже активно обсуждался в первых прокурорских эшелонах. Но в итоге все вышло совсем иначе. Прокуроры, принимавшие участие в собрании, были разделены на группы в зависимости от региона, и от каждой группы был избран представитель, который и задавал вопросы. Это были однотипные кадровые жалобы. К тому же казалось, что выступавшие получили требование не тушеваться перед президентом и твердо выяснить все вопросы, связанные с кадровыми назначениями. Не было никакого распределения ролей относительного того, что они скажут. Каждый из них повторял одни и те же слова, преданно транслируя запросы группы.

Между тем самообладание президента было действительно удивительным. Хотя ситуация неимоверно злила, но если бы он злился, как мы, то нормальный разговор нельзя было бы продолжать до тех пор, пока не утихнет злость, поэтому он прилагал большие усилия, чтобы диалог не прерывался. Во рту у меня ощущался неприятный горький привкус. С точки зрения старшего товарища по юридическому делу, молодые прокуроры не могли быть такими глупыми.

Этот абсурдный диалог продолжался, и атмосфера

окончательно испортилась. Президент попытался сменить тему, но так и не смог поговорить о реформе прокуратуры, которую в действительности и хотел обсудить. Хотя высказывания типа «президент давит на прокуроров», «очень по-прокурорски» и им подобные продолжали звучать, это никак не помогло. С точки зрения обычных граждан, все выглядело очень жалко. Президент тоже был очень раздосадован этим событием. Мы с президентом как следует подготовились к обсуждению реформы прокуратуры, хотя у нас почти не было времени до мероприятия, но оказалось, что все впустую. Мы упустили такую хорошую возможность представить гражданам верное видение реформы прокуратуры и ее применения на практике. Очень грустно, что все так вышло.

Независимо от этого реформа прокуратуры продвигалась в соответствии с планом. В это время была осуществлена большая часть предложений по реформам со стороны гражданских организаций, таких как «Юристы за демократическое общество» и «Народная солидарность представительной демократии». В то время мы с президентом рассматривали политический нейтралитет прокуратуры в качестве исходного рубежа для ее реформы. Другими словами, сутью реформы мы видели отход от «политического преследования». В действительности эта цель рассматривалась не как недостаток системы, где политическая власть самостоятельно ограничивала желание прокуратуры использовать обвинение для целей правительства, а как «культурный вопрос», где прокуратура сама решала без оглядки на правительство.

Конечно, такое положение вещей не может укорениться в течение срока работы одного правительства. Чтобы оно прижилось как «культура», оно должно действовать по крайней мере при двух-трех правительствах подряд. Мы же решили заложить фундамент для этого.

Президент при каждом удобном случае прямо или косвенно транслировал нам это намерение. Управление по гражданским делам также не направляло и не координировало крупные дела прокуратуры. Этот принцип тщательно соблюдался в период работы «Правительства участия». При расследовании источника финансирования президентских выборов прокуратура получила все разрешения, даже когда расследование коснулось ближайшего окружения президента. Это было сделано в целях соблюдения наших принципов и воззрений. Хотя мы и преодолевали боль, будто бы нас резали по живому, мы позволили сохранить нейтралитет и независимость прокурорского расследования. Таким образом, мы хотели, чтобы в будущем прокуратура самостоятельно следовала принципам независимости и

нейтралитета, которые были заложены в этот период.

Сделаю небольшое отступление. Когда я был назначен на новую должность, у Управления по гражданским делам администрации президента была горячая линия с прокуратурой. В Голубом доме есть прямая телефонная линия общего пользования, которая соединяет с правительственными учреждениями. Но линия для связи с прокуратурой была только в Управлении по гражданским делам. Я должен был избавиться от нее. Также в Управлении по гражданским делам были транспортные средства, предоставленные прокуратурой. Это было традицией прошлого, когда прокуратура обеспечивала удобство, так как в Голубом доме не хватало служебного транспорта. Я отправил их все обратно. Эта мера кажется незначительной, но я думал, что она может подорвать политический нейтралитет прокуратуры.

Что касается ликвидации Центрального следственного управления Генеральной прокуратуры, то это было важной задачей для разделения политических и прокурорских кругов. Однако, как ни парадоксально, именно из-за требования политического нейтралитета мы не могли приступить к делу. Именно Центральное следственное управление сильнее всего влияет на превращение прокуратуры в политизированную структуру. Все отделы Генеральной прокуратуры, включая Уголовное управление, Управление по особо тяжким преступлениям насильственного характера, Управление общественной безопасности, руководят следственным процессом региональной и окружной прокуратуры. Единственный департамент, который напрямую выполняет непосредственно разыскные и следственные функции, – это Центральное следственное управление. Поэтому некоторые из особых дел, а именно политические, расследует Центральное следственное управление Генеральной прокуратуры самостоятельно. Так самопроизвольно возникает политизированность Генеральной прокуратуры. Политическим силам также сложно противостоять соблазну использовать Центральное следственное управление, если у них нет твердой воли сохранять политический нейтралитет прокуратуры. Поэтому в мире больше нет примеров таких структур, как наше Центральное следственное управление Генеральной прокуратуры.

В Японии есть Специальные управления при региональных прокуратурах, которые расследуют политические дела, но такого органа, как Центральное следственное управление при Генеральной прокуратуре, нет. Специальное управление региональной токийской прокуратуры в Японии действует без

оглядки на политические власти. Оно известно тем, что, по сравнению с нашим Центральным следственным управлением, достигло значительных успехов в расследовании крупных политических коррупционных дел, тщательно сохранив при этом нейтралитет. Более того, именно безукоризненный политический нейтралитет сделал это возможным. Поэтому упразднение Центрального следственного управления стало важнейшей целью реформы прокуратуры.

Однако общая ситуация сделала это невозможным. Перед проведением стандартного обсуждения по вопросу упразднения Центрального следственного управления было инициировано расследование источников финансирования президентской предвыборной кампании. Это расследование проводило Центральное следственное управление. Президент и Голубой дом позаботились о том, чтобы в соответствии с их решениями расследование проводилось максимально независимо от властных структур. Благодаря этому расследованию прокуратура получила большую поддержку простых граждан. Из-за этого план ликвидации Центрального следственного управления провалился. Если бы мы в такой ситуации попробовали добиться упразднения Центрального следственного управления, то с большой долей вероятности это выглядело бы возмездием за расследование источников финансирования предвыборной президентской кампании. Мы упустили момент и не смогли воспользоваться шансом. Очень печальный эпизод. А ведь таким образом мы стремились сохранить независимость и политический нейтралитет прокуратуры.

Однако, как только в права вступила администрация президента Ли Мёнбака, прокуратура мгновенно вернулась к прошлым традициям. Абсурдно и прискорбно, что вместе с запуском правительства Ли Мёнбака они все разом регрессировали. И это не просто жалость. Президент Но, который, не пытаясь каким-либо образом воздействовать на прокуратуру, стремился обеспечить ее политический нейтралитет и независимость, подвергся расследованию, проведенному прокуратурой в политических целях. Вряд ли в мире найдется еще один пример настолько же безосновательного обвинения.

Комментарий

* Беседа президента с прокурорами. 대통령과검사와의대화. Открытая платформа диалога президента Но Мухёна с рядовыми прокурорами, организованная из-за продолжительных протестов

прокуроров против реформы прокуратуры, планируемой на ранних этапах работы «Правительства участия». Диалог проходил посредством прямой телевизионной трансляции по всей стране.

Реформа Национальной разведывательной службы

По сравнению с реформой прокуратуры, реформа Национальной разведывательной службы была значительно меньшим бременем. НРС представляет собой политическую структуру, находящуюся в прямом подчинении у президента, кроме того, так как она практически не имела никакого административного воздействия на простых граждан, ее было легко реформировать по воле президента. А его намерение реформировать НРС было очень сильно. Наверное, это было так, потому что, когда он работал адвокатом по правам человека, его приводили в сильное негодование слежка, расследования и инспекции с применением пыток со стороны Агентства по планированию национальной безопасности – АНБ.

Традиционной задачей реформирования НРС было полное прекращение незаконной деятельности по сбору информации, которая в ходе расследований нарушала права человека. В этой части прогресс был значительным уже во время работы «Народного правительства». «Правительство участия» предприняло попытку полностью исключить возможность нарушения прав человека в процессе расследования. Для этого право НРС расследовать преступления о нарушении Закона о национальной безопасности было ограничено только делами, связанными с Северной Кореей. С одной стороны, предлогом, который позволил в полной мере расквитаться с НРС за незаконные действия и прослушивание, послужил так называемый инцидент с секретными файлами АНБ*, хотя он и произошел в период работы прошлого правительства. Так или иначе, в период работы «Правительства участия» не было ни одного случая, чтобы НРС проводила расследование с нарушениями прав человека или же использовала незаконные методы и прослушивание.

Реформа, которой «Правительство участия» уделяло больше всего внимания, заключалась в деполитизации НРС и ее отходе от властных структур. Президент потребовал полностью исключить политику из сферы деятельности НРС. Когда дело доходило до разведывательных отчетов, он крайне не любил политические отчеты в духе «какой-то депутат о чем-то что-то сказал». Во время работы «Правительства участия» практически вся такая информация исчезала, но если вдруг что-то такое всплывало из-за инерции прошлого, то президент, бесспорно, отмечал это и

оставлял без ответа. Для обеспечения деполитизации деятельности НРС ее сотрудникам было запрещено посещать ведомства и учреждения СМИ.

Для отхода НРС от властных структур президент, конечно, не намеревался использовать НРС для целей режима, а также старался не предоставлять ей дополнительные юридические и иные полномочия. Это означало отказ от еженедельных очных и неофициальных отчетов НРС. Вместо этого президент решил, что информация, представленная в отчете НРС, должна быть доступна не только ему и Голубому дому, но ее также следует отправлять в соответствующие ведомства и министерства. Это делалось для того, чтобы все правительство владело информацией НРС.

Позже, для подтверждения передачи информации, во время отчета каждое соответствующее ведомство, в которое будет направлена определенная информация, помечалось как «получатель». Если вдруг обнаруживалось, что какое-либо ведомство, которое должно ссылаться на соответствующую информацию, выпадало из списка получателей, то отправлялся запрос с указанием направить информацию в соответствующее учреждение.

Я поддерживал президента в решении исключить еженедельные очные отчеты и неофициальные консультации со стороны НРС. Однако, с другой стороны, я беспокоился, что такие меры могут деморализовать НРС и пошатнуть ее организационный контроль, так как в кулуарах НРС стали раздаваться беспорядочные голоса, спрашивающие, должны ли сотрудники продолжать представлять отчеты президенту, если он ими не интересуется. Внутри НРС тот факт, что президент не получал напрямую отчеты НРС, рассматривался как потеря смысла существования разведывательного органа.

Президент также сказал, что не будет принимать только еженедельные отчеты и отчеты после неофициальных консультаций, в случае же если возникнет необходимость для внеочередного отчета, он в любое время готов его принять в присутствии соответствующего старшего секретаря администрации. Раз в месяц я подготавливал такую внеочередную встречу, чтобы начальник НРС мог фактически представить на ней месячный отчет. Также, если начальник НРС хотел отчитаться строго конфиденциально, мы прибегали к искусству администрирования, когда сотрудник, который должен был присутствовать на встрече, не сразу приходил на нее, предоставляя небольшой промежуток времени для фактически неофициального отчета. Но даже в таких случаях президент

зачастую требовал присутствия хотя бы одного человека, говоря что-то вроде: «Старший секретарь по гражданским делам, останься».

Президент был сильно обеспокоен моральным духом НРС. Метод президента Но Мухёна состоял в том, чтобы вместо получения еженедельных или конфиденциальных отчетов лично приезжать в НРС и заслушивать служебный отчет, а также беседовать с сотрудниками. Таким образом, за период президентской службы он дважды посещал НРС, и оба раза я сопровождал его. Я чувствовал кожей, что сотрудники НРС действительно с радостью приветствовали визит президента и им это нравилось.

Желание президента деполитизировать НРС и отстранить ее от власти было настолько сильно, что доходило до степени одержимости. В Голубом доме некоторые рекомендовали меня на пост главы НРС и даже лично предлагали это президенту. Однако президент даже слышать об этом не хотел. Он считал, что если человек, преданный президенту, захочет помочь ему, взяв на себя управление НРС, – это неизбежный путь к гибели. И даже во время назначения начальника НРС и его заместителя по внутренним делам, во время беседы после вручения приказа о назначении он дал напутствие: «Никогда не допускайте даже мысли о том, чтобы выслуживаться перед президентом».

Я всегда призывал новоиспеченного начальника НРС, в случае если у него была информация о нарушениях со стороны сотрудников Голубого дома, сразу же присылать мне ее, не теряя времени, чтобы выяснить ее достоверность. Начальник НРС посылал такую информацию в запечатанном конверте с пометкой «Старшему секретарю по гражданским делам лично в руки»* или «Главе администрации президента лично в руки». Среди этих писем даже была секретная информация, содержавшая слухи обо мне, которые распространялись по городу в желтой прессе (так называемых ччираси). После проверки выяснялось, что было много неправды, но иногда сама по себе проверка помогала поддерживать уровень нравственности в Голубом доме.

Комментарии

* Инцидент с секретными файлами АНБ. 안기부 X 파일사건. Серия инцидентов незаконного подслушивания произошла, когда репортеры МВС доложили о наличии аудиоленты с материалами прослушивания Агентства национальной безопасности (нынешней НРС). Во время президентских выборов в 1997 году

высшее руководство «Самсунг Групп» и владелец издательства газеты «Чунан Ильбо» при личной встрече вошли в сговор с целью предоставления незаконного финансирования конкретным кандидатам во время президентских выборов.

* Лично в руки. 친전 (親展). Отметка, которая делается на внешней стороне письма с целью, чтобы адресат лично получил и открыл его.

Реформа контрольно-надзорных органов

Суть реформы Национальной налоговой службы (ННС) была в том, чтобы впредь не использовать ННС в качестве средства политического давления или так называемого инструмента возмездия путем налогового инспектирования или выбора мишени для налогового расследования. В действительности «Правительство участия» никогда не привлекало ННС для этих дел. Жаль, что правительство Ли Мёнбака вернуло эту службу к ее прежнему виду, сделав из нее «способ поддержания режима».

Вместо того чтобы считать Национальную налоговую службу средством политического управления, правительство вернуло ее к истинной функции – справедливому исчислению налогов. Поначалу активно продвигались существенные реформы налоговой системы посредством совместной народно-государственной подготовки плана реформ. В мае 2003 года был создан Комитет по продвижению реформ в сфере налогообложения. Председателем комитета со стороны гражданского населения стал адвокат Пак Вонсун. В первую же сессию верхний предел представительских расходов был установлен в размере 500 тысяч вон, а посещения полей для гольфа и развлекательных заведений были вовсе исключены из списка представительских расходов компаний. Система расписок в получении наличных денежных средств также смогла обеспечить прозрачность денежных капиталов.

В то же время активно продвигался специальный Закон о проституции, выдвинутый депутатами Национального собрания, и он также подвергался критике за усложнение реального положения дел на рынке. Даже президент беспокоился, не являются ли меры по установлению верхнего предела представительских расходов слишком радикальными, но я настаивал на том, что эти меры необходимо сделать принудительными. В то время велись полушутливые разговоры о том, что «Правительство участия» привело к краху трех очень распространенных отраслей предпринимательства. Эти утверждения заключались в следующем: бизнес власти рухнул, когда исчезли так называемые черные смазочные фонды, бизнес на представительских расходах рухнул, когда был установлен верхний предел представительских расходов, а секс-индустрия умерла, когда был введен специальный Закон о проституции.

В Управлении по экономическим вопросам Голубого дома изо дня в день собирали ежедневные данные по обороту в особых отраслях бизнеса, изучали их и выявляли их влияние на реальную

конъюнктуру рынка. По большей части распространяющиеся слухи были пустой болтовней. Однако если смотреть более глобально, то в определенный период времени эти изменения действительно оказали значительное влияние на конъюнктуру рынка. Но они были необходимы для прозрачности экономики нашей страны, и мы не могли поступить как-то иначе.

Также ясным было направление реформы контрольно-ревизионного управления (КРУ). В период функционирования Президентского переходного комитета был определен курс, в соответствии с которым КРУ должно было отойти от практики аудита по предварительной договоренности и переключиться на своего рода профилактические, оценочные, системные и политические проверки. В этом отношении президент также стремился к реформам.

До этого контрольно-ревизионное управление осуществляло проверку выполнения служебных обязанностей отделами каких-либо учреждений или ведомств уже постфактум, а также фокусировалось на «проверках нарушений», в ходе которых выявлялось наличие или отсутствие нарушений законов или нормативных актов. Но это было не то, чего хотел президент. Например, он требовал провести комплексную проверку в случае если в какое-либо направление политики планировалось вложить бюджет размером в несколько триллионов вон: насколько целесообразно использование такого бюджета, насколько эффективно вложение такой суммы; если все пройдет хорошо, то каков проект систематизации проекта для смежных областей, каков альтернативный план для смежных областей при неудачном вложении и тому подобные вопросы. Он считал, что такие принципы очень важны для контрольно-ревизионного управления. Он был убежден, что нельзя изменить сущность КРУ выговорами и выяснениями, были ли в процессе ведения дел нецелесообразные издержки размером в несколько триллионов или десятков миллионов вон, как это было раньше. Такие проверки были в значительной степени переданы на собственный аудит каждого ведомства.

Рассматривался также план по передаче руководящей функции контрольно-ревизионного управления Национальному собранию. Это тоже было идеей президента. Например, в США при Конгрессе существует ревизионный орган, который выполняет аудиторские функции профессионально и в нейтральном ключе независимо от смены администрации. В таком случае полностью гарантируются независимость и нейтралитет. Но мы не смогли провести преобразования по такой модели из-за политической ситуации в Южной Корее.

Фракция большинства должна была пытаться руководить контрольно-ревизионным управлением по своей воле, стараясь отстранить председателя секретариата Национального собрания, и поэтому сомнения по поводу того, сможет ли управление действительно сохранить нейтралитет, было очень высоко. Мы посчитали, что такие меры преждевременны для политической культуры нашей страны, и бросили эту идею. Вместо этого мы сосредоточились на изменении структуры учреждения при помощи политической проверки. Причиной нашей одержимости этой идеей была мысль, что улучшение структуры государственных органов, таких как контрольно-ревизионное управление, является основой для реформ, которые должно провести «Правительство участия».

Был один человек, который с головой погрузился в исследование этой темы. Это был профессор Юн Сонсик. В книге «Видение и стратегия правительственных реформ» он утверждал, что необходимо изменить роль контрольно-ревизионного управления: так, КРУ из «контрольного органа» должно было преобразоваться в «оценочный орган». Также он подчеркивал, что правительственные реформы будут невозможны без реформ контрольно-ревизионного управления. Президент поручил ему и внутренней целевой группе по реформированию контрольно-ревизионного управления разработать план реформирования. И когда срок полномочий начальника контрольно-ревизионного управления Ли Чоннама закончился, на его место неофициально был назначен профессор Юн Сонсик. Каких-либо личных причин, чтобы его не брать, не было. Но на слушании партия «Ханнара» отклонила его кандидатуру только по причине его принадлежности к Переходному комитету. Из-за этого он не смог в полной мере раскрыть свое видение реформ контрольно-ревизионного управления. Для проведения оценочной и политической проверки в рамках контрольно-ревизионного управления было создано Управление оценки, однако его работа была не такой активной, как мы ожидали вначале.

Управление социальными конфликтами

Еще одной важной профессиональной задачей, которая встала передо мной, было управление социальными конфликтами, возникавшими из-за долгосрочных незавершенных национальных проектов. Нужно было внимательно прислушиваться к тому, что говорили субъекты спора, заинтересованные стороны. Поэтому следовало искать компромиссный план по урегулированию путем диалога и согласия в рациональном ключе.

Это было связано с тем, что неизбежное затягивание долгосрочных национальных проектов приводило к возникновению серьезных конфликтов. Кто бы ни пришел к власти, от него всегда ожидают лучшего. Естественно, все постоянно откладывалось. Такими проектами были возвращение права оперативного командования в военное время*; перемещение американской военной базы Ёнсан в Пхёнтхэк; вопрос с местом захоронения радиоактивных отходов*; проблема, связанная с тоннелем Сапхэсан* и тоннелем Чхонсонсан*. Это вопросы, которые не сдвигались с мертвой точки в лучшем случае пять лет, а в худшем – десятки лет.

Президент имел твердое намерение сделать так, чтобы «Правительство участия» не уклонялось от решения этих незакрытых вопросов, а приложило максимум усилий к их разрешению. Основная идея состояла в том, что нужно разрешить вопросы по возможности быстро и справиться со всем, что в наших силах. Это принцип, который начал действовать уже в период Переходного комитета. Поэтому, как только «Правительство участия» было запущено, мы всерьез взялись за дело. Работа по урегулированию конфликтов в этих процессах была передана Управлению по гражданским делам.

Что касается проблемы тоннелей Сапхэсан и Чхонсонсан, то президент во время предвыборной кампании пообещал пересмотреть маршрут. И в соответствии с обещанием была сформирована Комиссия по пересмотру маршрута движения. Были собраны эксперты из обоих лагерей: и те, кто выступал за пересмотр, и те, кто был против, и они занялись вопросом пересмотра существующего маршрута и поиском альтернативных направлений. В случае с тоннелем Сапхэсан рекомендации экспертов разделились поровну, поэтому специалисты не смогли прийти к единому выводу, настаивая каждый на своем мнении. По вопросу тоннеля Чхонсонсан Комиссия по пересмотру с трудом приняла решение, но те, кто выступал против, не

подчинились.

Альтернативные решения по обоим тоннелям были неподходящими. Не были найдены меры, способные уменьшить ущерб окружающей среде, по сравнению с ущербом от существующего маршрута. Так как строительство остальных участков, за исключением рассматриваемого, уже значительно продвинулось, то выбора особо не оставалось. Я приезжал на место несколько раз. В свои выходные дни я брал машину и доезжал до места, в случае с Сапхэсан я даже специально совершил горную прогулку и спустился с горы. В случае с Сапхэсанским тоннелем перед входом в него уже была проложена мостовая опора эстакадной дороги, и плиты верхнего покрытия были уже почти уложены. В этом состоянии строительство было приостановлено на длительный срок для проведения пересмотра маршрута. Поэтому в случае изменения маршрута демонтаж уже возведенных опор и дороги был не таким уж простым делом.

Я искал содействия в буддийских кругах. Даже представители буддийского сообщества, участвовавшие в движении за защиту окружающей среды, согласились с тем, что в реальности трудно будет изменить маршрут. После нескольких обсуждений с тогдашним президентом ордена Чоге монахом Попчаном и представителем Буддийского общества движения за защиту окружающей среды монахом Сугёном президент решил нанести официальный визит основоположнику ордена Чоге* монаху Попчону и попросить его о содействии.

5 декабря 2003 года президент, лично посетив храм Хэинса и встретившись с монахом-основателем ордена Попчоном, извинился за то, что не смог сдержать обещание о пересмотре маршрута. Монах-основатель в целом принял это известие и дал указание религиозной общине оказать поддержку по вопросу национального проекта. Таким образом, проблема тоннеля Сапхэсан была решена.

Что касается вопроса тоннеля Чхонсонсан, то монах Чиуль, который с момента начала работы правительства проводил голодовку и возглавлял оппозиционное движение, не сменил свою позицию, несмотря на указание монаха-основателя и общий курс действий религиозной общины. За время работы «Правительства участия» он четырежды объявлял голодовку в связи с этим вопросом. Сначала он голодал в Пусане, а затем проводил голодовку прямо перед Голубым домом. Четвертая по счету голодовка длилась более ста дней и действительно представляла собой большой риск для его жизни и здоровья. Все общество очень волновалось по поводу его голодовки, и у всех ёкало в груди, как бы не случилось чего-то плохого. Каждый раз,

когда он проводил голодовку, я приходил к нему, пытаясь его отговорить и убедить, но все было бесполезно.

Одним из самых важных дел, которыми должно было заняться правительство, было урегулирование конфликтов. Даже если правительство уверено в проводимой политике, необходимо прилагать усилия, чтобы убедить оппозиционно настроенных, если альтернативное мнение существует. Если же оппозиционные настроения преобладают, то это необходимо делать обязательно.

Возможно, из-за того, что на период работы «Правительства участия» пришлось время разрушения системы авторитаризма, вспыхнуло много серьезных социальных конфликтов. Я чувствовал, что на национальном уровне существует острая необходимость в подготовке системы, которая могла бы рационально регулировать такие конфликты и примирять противоборствующие стороны.

Проблема захоронения радиоактивных отходов представляла собой очень острый нерешенный вопрос. Вначале мы воспринимали его не слишком серьезно, но, когда этот вопрос перешел в зону ответственности ведомственных органов, ситуация значительно усложнилась. В качестве меры компенсации тем областям, которые подали заявки на создание радиоактивных захоронений, было решено не только выделить региональные субсидии в размере 300 миллиардов вон, но и произвести работы по установке протонного ускорителя* и перемещению головного офиса организации «Корейская гидро– и атомная энергетика»*. Кроме того, мы подумали, что для развития таких регионов и роста благосостояния их жителей большую помощь окажет возведение объектов социального капитального строительства, таких как дороги. Мы думали, что в итоге все останутся в выигрыше: и правительство, и указанные регионы.

Заявку подал уезд Пуан в провинции Северная Чолла. Как выяснилось позже, не всем жителям была предоставлена возможность высказать свое мнение. И промахом ведомства, занимающегося опросом, было то, что они не выяснили детально этот факт. Казалось, все наивно полагают, что любой регион хочет развития, учитывая колоссальную поддержку. Голубой дом не знал об этом и думал, что решение найдено. Министр торговли, промышленности и энергетики Юн Чинсик посетил уезд Пуан и доложил, что реакция региона была очень доброжелательной и стремление принять участие в проекте было сильным. Видимо, он не заметил назревающего конфликта. Президент очень обрадовался, что все так удачно вышло как раз в то время, когда он раздумывал, какие стимулирующие проекты

для оживления экономики провинции Северная Чолла можно запустить. Все было решено.

Все общество очень волновалось по поводу его голодовки, и у всех ёкало в груди, как бы не случилось чего-то плохого. Каждый раз, когда он проводил голодовку, я приходил к нему, пытаясь его отговорить и убедить, но все было бесполезно.

Однако все стало запутываться. В ситуации с заявкой уезда Пу-ан-гун был и некоторый аспект произвола. Застопорилось даже решение уездного совета. Сопротивление местных жителей было довольно серьезным, и когда представители организации «Корейская гидро– и атомная энергетика» принялись убеждать местных жителей, многие из предпринятых ими шагов свидетельствовали о недостатке опыта. Кроме того, протестующих поддерживали люди из движения за защиту окружающей среды. По мере нарастания конфликта с противниками Голубому дому ничего не оставалось, как вмешаться в ситуацию.

В действительности мы до этого уже занимались Пуаном. В отличие от отчета Министерства торговли, промышленности и энергетики, в котором было сказано об отсутствии проблем, доклад, который был представлен в Управление по гражданским делам, вызывал ощущение тревожности. Никого не зная в Пуане и

не имея поддержки, мы вместе с женой, сменяя друг друга за рулем машины, поехали на выходные в этот город, чтобы выяснить всю ситуацию. Пуан, который мы увидели, был действительно прекрасным местом. Жители красивейшего региона с удивительной природой очень гордились той природной средой, в которой они жили. Так как они понимали всю ценность природы, то и чувство ответственности за защиту окружающей среды у них было повышенное. Я тут же подумал, что с самого начала ответственные лица не приняли во внимание такие чувства и требования.

По мере того как оппозиционное движение жителей Пуана усиливалось, правительство пыталось усмирить недовольство народа, увеличив масштабы оказываемой поддержки, которая осуществлялась в виде денежной компенсации. После нескольких обсуждений было решено расширить объемы инвестиций в социальное капитальное строительство до двух триллионов вон посредством расширения дороги в Пуан. Однако обратить вспять разгоревшиеся оппозиционные настроения не получилось. В итоге сопротивление жителей Пуана усилилось и переросло в общественные беспорядки, в ходе которых многие жители получили ранения, а некоторые даже понесли уголовное наказание. Делать было нечего: гражданские организации взяли на себя роль третейских судей, и решение было принято на голосовании местных жителей. И вследствие сильнейшего сопротивления жителей Пуана было принято решение отказаться от первоначального плана сооружения радиоактивного захоронения в этом регионе. В итоге после получения заявки от другого региона и проведения голосования местных жителей было принято решение в пользу Кёнчжу. Ущерб, причиненный жителям Пуана в этом процессе, был очень велик. За это дело мы действительно чувствовали вину.

Мы получили хороший урок, столкнувшись с проблемой захоронения радиоактивных отходов, но плата за него была очень высока. Прежде всего, в вопросах, где потенциально может возникнуть конфликт или сопротивление, решения и суждения должны приниматься только после предварительного разрешения или минимизации конфликта или сопротивления. В случае с Пуаном необходимо было обязательно пройти процедуру согласования с уездным советом.

Когда выяснилось, что префект уезда самовольно подал заявку в обход процедуры согласования, для принятия дальнейших решений нужно было вернуться в исходную точку. Однако на тот момент правительство в одностороннем порядке оптимистично полагало, что жители согласятся, учитывая помощь

в сотни миллиардов вон и дополнительные инвестиции в капитальное строительство, направленное на социальное благосостояние. И даже после того, как выяснился факт своевольной подачи префектом заявки в обход согласования с уездным советом, правительство только активно проталкивало проект.

К тому же я считаю, что необходимо было ехать на место. Даже по одному и тому же вопросу настроения населения разных регионов могут сильно различаться. Фактически захоронение радиоактивных отходов – это место, где утилизируются только низко-и среднеактивные отходы типа рабочей одежды, перчаток и обуви, которые использовались при работе на атомных электростанциях. Кроме того, в то время еще было возможным временное хранение отработанного ядерного топлива. Но несмотря на все это, уровень риска так низок, что захоронения радиоактивных отходов нельзя даже сравнивать с оборудованием АЭС, которые применяют «живое» ядерное топливо.

Таким образом, жители тех регионов, где есть действующие атомные электростанции, привыкли к близости ядерного оборудования, и их настороженность относительно захоронений ядерных отходов может быть значительно меньше. С другой стороны, жители таких регионов, как Пуан, для которых АЭС – это что-то совершенно чуждое и которые очень гордятся природной средой, могут опасаться создания захоронения радиоактивных отходов. И не считаться с чувствами представителей таких регионов было большой ошибкой.

Что я обязательно хочу отметить – это культуру разделения служебных обязанностей между Голубым домом и бюрократическим обществом. Было бы хорошо, если бы с самого начала важнейшие социальные или национальные вопросы обсуждались сообща разными департаментами с привлечением коллективного разума, но так не происходило.

Захоронение радиоактивных отходов также было огромной проблемой, которая вызывала множество конфликтов и которую государство не могло решить на протяжении нескольких десятилетий. С самого начала в обсуждениях должны были участвовать не только Министерство торговли, промышленности и энергетики и даже не только Министерство внутренних дел, Министерство окружающей среды, Правительственное информационное агентство и Управление по политическим вопросам в Голубом доме, но и Управление по гражданским делам и Управление по информационным вопросам. Если бы изначально существовало разделение на меры общественного мнения, меры информирования, меры экологических

организаций, меры по убеждению, то ситуация могла бы развиваться совершенно иначе.

Но так не было сделано. И только подойдя к границе, когда Министерство торговли, промышленности и энергетики и Управление по политическим вопросам не смогли никаким образом справиться с процессом обсуждения и реагирования на ситуацию, был наконец расширен круг участников обсуждения. Поскольку ко всему было причастно и Управление по гражданским делам, то навыки информирования Министерства торговли, промышленности и энергетики и организации «Корейская гидро– и атомная энергетика», которым до этого было поручено информирование, были действительно очень посредственными, по сравнению с навыками экологических организаций, которые организовали движение сопротивления. Среди жителей активно распространялось ошибочное мнение, что в регионе будет осуществляться временное хранение отработанного ядерного топлива и даже в итоге его повторная переработка. На самом деле после транспортировки низко– и среднеактивных ядерных отходов с АЭС во временном хранилище оставалось много свободного места, поэтому острой необходимости в перевозке отработанного ядерного топлива не было. После отказа от проекта в Пуане, при выборе нового места захоронения ядерных отходов, с самого начала было совершенно очевидно, что оно не будет использоваться для хранения отработанного ядерного топлива, так как хранилище было определено как «сооружение для захоронения низко– и среднеактивных радиоактивных отходов».

Точно так же обстояли дела с проблемой отправки войск в Ирак и соглашением о свободной торговле между Южной Кореей и США. Так как с политической точки зрения эти вопросы крайне важны, то с самого начала необходимо было привлекать к их обсуждению и политиков, занимающихся внутренними делами государства, но решение было принято после внутреннего обсуждения между департаментами Министерства иностранных дел и безопасности. Позже, когда ситуация ухудшилась, завершать все и устранять последствия пришлось сотрудникам департаментов политических дел.

Наверное, это беспрецедентный случай, когда начальник Управления по гражданским делам Голубого дома лично встречался с заинтересованными сторонами конфликта и пытался их уговорить и примирить. Конечно, были внутренние возражения. Я считал, что кто-то обязательно должен это сделать, пусть даже не я. Кто-то, кто, с точки зрения общества, не получает повышенного внимания, но хоть где-то хочет рассказать об очень

важных социальных проблемах. Очень жаль, что такие разговоры не передают в правительство. Я считал, что если такое случается часто, то это не соответствует образу «Правительства участия», которое уже установило канал связи с гражданами. Мы должны были пойти и выслушать. С другой стороны, я считал, что одна из обязанностей старшего секретаря администрации президента по гражданским делам – успокаивать людей, которые испытывают страдания. То же самое относится и к старшему секретарю по делам гражданского общества. Я полагал, что должен проявить инициативу без оглядки на свой статус и ранг.

Но было и много людей, которые думали, что будет очень хорошо, если я лично встречусь с ними и хотя бы успокою их. Мне всегда было жаль, что во многих случаях я не мог сделать этого, оставаясь на стадии подготовки к работе. Я слышал, что очень трудно приходится семьям военнослужащих, ставших жертвами второго морского сражения в Желтом море сражения за Ёнпхёндо. Я всегда заранее говорил президенту, что собираюсь встречаться с этими людьми, но президент так ни разу и не смог лично присутствовать на встречах. Положение некоторых из них было настолько тяжелым, что мы даже содействовали им в трудоустройстве.

То же самое касалось и семьи покойного директора корпорации *Daewoo Engineering* & *Construction Co* Нам Сангука. Я обязательно хотел встретиться с ними и по возможности утешить, но в итоге не смог. Было очень жаль, что мне не удалось их навестить, так как дело дошло до Голубого дома. Как бы мы ни хотели, чтобы у нас все проходило гладко, но на душе всегда было тяжело. Позже я слышал, что его дочь была воспитанницей школы старшего секретаря Чо Кисук, поэтому косвенно наши соболезнования были переданы.

Комментарии

* Возвращение права оперативного командования в военное время. 전시작전통제권환수. Право осуществлять контроль над военными операциями РК в случае возникновения чрезвычайных ситуаций на Корейском полуострове. В условиях мирного времени Республика Корея самостоятельно осуществляет право оперативного командования, однако в экстренных случаях управление передается командующему Объединенными силами РК и США. В 2006 году «Правительство участия» согласилось передать право оперативного командования военными операциями США, однако в 2010 году администрация президента

Ли Мёнбака и правительство США отложили передачу указанного права на 2015 год.

* Место захоронения радиоактивных отходов. 방폐장. В корейском написании это сокращение от «места захоронения радиоактивных отходов». Они называются коллекторами ядерных отходов, то есть радиоактивных материалов или загрязненных вещей, и обеспечивают безопасное обращение с такими отходами.

* Тоннель Сапхэсан. 사패산터널. Тоннель в горе высотой 552 метра над уровнем моря, находящейся в провинции Кёнги-до между городами Ыйчжонбу и Янчжу в уезде Чанхын-мён. Экологические организации выступали против строительства тоннеля, соединяющего транспортные развязки Сончху и Ыйчжонбу на скоростной автомагистрали Сеульского внешнего кольца.

* Тоннель Чхонсонсан. 천성산터널. Тоннель в горе высотой 922 метра над уровнем моря в Янсане, провинция Южная Кёнсан. Экологические группы выступали против прокладки тоннеля через гору Чхонсонсан, которая планировалась в рамках второго этапа проекта высокоскоростной железной дороги Кёнбу, соединяющей города Тэгу и Пусан.

* Основоположник ордена Чоге. 종정 （宗正） 스님. Духовный лидер буддийского ордена. Звание, символизирующее священный статус в корейских буддийских кругах, в особенности в ордене Чоге.

* Работы по установке протонного ускорителя. 양성 자가속기 사업. Работы по установке высокотехнологического устройства для ускорения протонов в целях определения свойств и структур материи и исследования новых материалов. Протонный ускоритель используется в области изучения и производства сверхтонких устройств, устройств информации и связи, биотехнологии, космических ракет и при разработке новых материалов. В работах задействованы высокотехнологичные исследовательские центры стран с высоким научным уровнем.

* «Корейская гидро– и атомная энергетика». 한국수력원자력. Публичная компания, отделившаяся в 2001 году от компании KEPCO (Korea Electric Power Corporation) и специализирующаяся на проектах гидроэнергетики и атомной энергетики.

Трудовые споры

Трудовыми спорами занимался секретариат по трудовым вопросам, который находился в ведении Политического управления. Однако президент разрешил сложную ситуацию следующим образом: служебные обязанности секретариата по трудовым вопросам, связанные с политикой, исполнялись согласно указаниям начальника Управления по политическим вопросам в соответствии с нормами и правилами, а обязанности реагирования, связанные с трудовыми спорами и конфликтами, – согласно указаниям старшего секретаря по гражданским делам. Скорее всего, он думал, что такие обязанности имеют большую связь с ответственностью Управления по гражданским делам, нежели Политического управления. Это было связано с тем, что понимание нерешенных вопросов, встречи с профсоюзными организациями и трудовыми обществами, а также служебное сотрудничество с прокуратурой и полицией были ближе к обязанностям Управления по гражданским делам. Возможно, он также учел, что я хорошо разбираюсь в ситуации, так как долгое время работал адвокатом по правам человека.

В соответствии с таким указанием президента я отвечал за реагирование в рамках крупных трудовых споров, таких как забастовка учителей, в первый же год работы «Правительства участия», после введения системы NEIS*, забастовка работников железных дорог, забастовка Союза дальнобойщиков, забастовка работников банка «Чохын». И по этой причине в СМИ меня даже называли «первым среди старших секретарей».

Также я слышал критику, что реагирование на незаконные забастовки было чересчур мягким. Работа была слишком трудной, потому что к и без того специфическим обязанностям Управления по гражданским делам была добавлена еще и обязанность реагирования на трудовые инциденты. Объем работы значительно увеличился не только для меня, но и для сотрудников Управления по гражданским делам.

Но, с другой стороны, было действительно досадно. Например, в случае забастовки Союза дальнобойщиков причиной послужила сама система, вызвавшая чрезмерно низкую стоимость перевозки. В прошлом существовала единая стандартная система тарифов на грузовые перевозки, которая не позволяла стоимости фрахта опускаться ниже установленного уровня. Однако эта система исчезла на начальном этапе отмены регулирования в период «Народного правительства». После преодоления кризиса МВФ все работники реструктурированных предприятий были

загнаны в частные транспортные компании, и количество грузовых автомобилей резко увеличилось. И в условиях жестокой конкуренции тарифы на транспортные расходы сильно снизились. К тому же из-за многоуровневой организации структуры грузоперевозок 20–30 % от тарифа вычиталось за организацию транспортировки грузов. Согласно нашему пониманию ситуации, эти факторы наслоились друг на друга, и теперь плата, которую фактически получали водители, составляла менее 60–70 % от того, что предполагалось стандартной тарифной системой несколько лет назад.

Для принципиального, фундаментального решения этого вопроса надо было возродить систему стандартных тарифов и применить такой политический подход, при котором станет возможно снизить количество грузовых автомобилей, улучшив многоуровневую структуру перевозок. И это не входило в обязанности Управления по гражданским делам. Я сообщил об этих проблемах президенту и попросил передать политический аспект в ведение Политического управления или соответствующих ведомств, но впоследствии мне было очень досадно, что в мои обязанности не вошло участие в этом процессе.

Президент сильно злился из-за попыток Союза дальнобойщиков удовлетворить свои претензии путем выдвижения лозунга «Давайте менять мир, если это мешает грузопотоку» и создания препятствий для экспорта и импорта в порту Пусана.

Он поручил мне провести жесткое реагирование и активно заняться решением этой проблемы вплоть до замены водителей на военнослужащих.

Также проблемой была реакция правительства, которая привела к возникновению забастовки Союза дальнобойщиков. В течение очень длительного времени Союз дальнобойщиков

заявлял правительству о существующих проблемах и требовал начать диалог, но правительственные органы ни разу не прислушались к нему и все время избегали общения. Министерство строительства и транспорта, которое должно было быть назначено в качестве ответственного департамента, посчитало, что этот вопрос относится к трудовым спорам, и отложило его до рассмотрения в Министерстве труда. Но Министерство труда не посчитало этот вопрос входящим в сферу его обязанностей по причине того, что дальнобойщики как индивидуальные предпринимателине являлись наемными работниками и, соответственно, не могли состоять в профсоюзе.

Президент сильно злился из-за попыток Союза дальнобойщиков удовлетворить свои претензии путем выдвижения лозунга «Давайте менять мир, если это мешает грузопотоку» и создания препятствий для экспорта и импорта в порту Пусана. Он поручил мне провести жесткое реагирование и активно заняться решением этой проблемы вплоть до замены водителей на военнослужащих. И это как раз совпало с визитом Но Мухёна в Штаты. И когда он уезжал в США, он особо меня проинструктировал и даже во время самого визита ежедневно контролировал ситуацию, а также повторно поручил мне рассмотреть возможность замены водителей на военнослужащих. Однако категоричное и решительное реагирование оказалось невозможным в ситуации, когда абсолютное большинство перевозок осуществлялось через порт Пусана, а доля железнодорожных перевозок была несравнимо мала. Поскольку трейлеров, которые были в наличии у военных, было совсем немного, то даже если задействовать всю армию, военные смогли бы только перемещать контейнеры в пределах пусанского порта или в пределах контейнерных площадок. Кроме того, привлечение военнослужащих или же иных сторонних автомобилистов для вождения транспортных средств, которые были оставлены на дороге Союзом дальнобойщиков, было бы нарушением закона. Единственным возможным путем в решении проблемы представлялось объявление президентом о введении чрезвычайных мер. Конечно, если бы порт Пусана оказался парализованным, мы должны были это сделать. Однако мы оставили этот вариант на крайний случай и вынуждены были провести переговоры с Союзом дальнобойщиков.

В итоге забастовка Союза дальнобойщиков была урегулирована путем достижения консенсуса. Хотя это звучало как «приход к консенсусу», на самом деле правительство просто приняло все требования. И по-другому поступить было невозможно, поскольку количество грузов в порту Пусана

продолжало постоянно расти и места оставалось только на пару дней. Большинство требований Союза дальнобойщиков были приняты. Была достигнута договоренность о принятии незамедлительных мер и начат процесс продвижения мер, которые требуют времени. Точно так же, как и обычным профсоюзам, Союзу дальнобойщиков было позволено ежегодно вести переговоры с организациями транспортных компаний и ассоциациями владельцев грузов. Это был большой успех Союза дальнобойщиков. Его социальный статус повысился, а число членов Союза выросло.

Однако, даже добившись такого успеха, они начали вторую волну забастовок всего через два-три месяца. В отличие от первой волны, причины которой можно объяснить тяжелым положением, вторая волна была действительно необоснованной. Правительство не всегда может идти навстречу бастующим. В отличие от первой волны забастовок, когда все было парализовано, во время второй волны способы реагирования правительства уже улучшились, а объемы складирования грузов в Пусане были заранее снижены, поэтому сила реагирования возросла. Мы вынуждены были реагировать жестко в соответствии с принципами и законом. Очень печальное событие. В результате руководство Союза дальнобойщиков было арестовано. Диалог с правительством о фундаментальном улучшении системы также был прерван.

Такая же ситуация была с забастовкой железнодорожников. В апреле 2003 года, когда с момента начала работы «Правительства участия» не прошло и двух месяцев, была объявлена всеобщая забастовка. Мы восприняли это как ожидание и требование от нового правительства решения тех вопросов, с которыми не смогли справиться предыдущие правительства: это в первую очередь восстановление в должности уволенных рабочих и прекращение приватизации. Несмотря на критику «слишком мягкого реагирования», большинство требований было принято. Однако, несмотря на это, всего через два месяца была организована вторая волна забастовок, в ходе которой работники настаивали на сопротивлении национализации. На этот раз правительство было вынуждено отреагировать решительными мерами, применив публичное право. Многие были арестованы и уволены. И вплоть до конца периода работы «Правительства участия» проблема с восстановлением уволенных в должности не была решена.

Из-за таких столкновений правительства с трудовыми кругами, возникавших уже на первых этапах работы «Правительства участия», отношение к трудовой политике не

задалось с самого начала. Вполне возможно, что рабочие ожидали от «Правительства участия» слишком многого, поэтому очень спешили и с самого начала выдвигали завышенные требования. Но возможно, что и «Правительство участия» не смогло соответствовать высоким ожиданиям трудящихся. Как бы там ни было, я думаю, что в результате произошедшее не только не способствовало реформам «Правительства участия» в сфере труда, но даже наоборот, подорвало их потенциал.

Руководящий состав Ассоциации учителей, с которым я встречался по вопросу NEIS, был действительно предан своей позиции и облику. Однако в ситуации, когда скапливается много задач по фундаментальным реформам системы образования, которые должно провести «Правительство участия», в какой-то момент мы столкнулись с неким патетическим отношением к вопросу NEIS, который сам по себе являлся лишь технической задачей. Я был даже готов сравнить это с ситуацией, когда люди, живущие под открытым небом в степях Маньчжурии, борются за независимость.

Как бы там ни было, в важный период начала работы «Правительства участия» Министерство образования и Ассоциация учителей были связаны по рукам и ногам и не смогли ни на шаг продвинуться в решении вопроса. Потребовалось много времени и усилий, чтобы решить эту проблему. Однако министр образования, который был назначен в первый состав Кабинета министров и который, как считалось, имел очень передовое мышление, ушел в отставку, так и не проявив своих реформаторских способностей. Когда так случилось, мы, естественно, склонились к назначению более стабильного кандидата на эту должность. Я думаю, это одна из причин, по которой «Правительству участия» не удалось реформировать систему образования в той мере, как это было задумано.

Комментарий

* Система NEIS. 나이스 (NEIS). Общенациональная информационная система управления в сфере образования, которая создает высокотехнологичную компьютерную среду для совместного пользования информацией, связанной со сферой образования, путем подключения через интернет начальных и средних школ по всей стране, а также столичных и провинциальных департаментов в сфере образования и Министерства образования и развития человеческих ресурсов.

Позиция по отношению к США

В связи с инцидентом на автостраде в Янчжу* и так называемой демонстрацией со свечами отношения с США обострились еще с 2002 года, когда Но Мухён был только кандидатом в президенты. К тому же южнокорейско-американские и межкорейские отношения являются сторонами одной медали. После того как Но Мухён победил на президентских выборах, в качестве основных направлений во внешней политике и безопасности он определил мирное решение ядерного вопроса Северной Кореи, продолжение политики сотрудничества и примирения по отношению к Северу, альянс Республики Корея и США, сбалансированную внешнюю политику и национальную оборону.

Он по-прежнему считал традиционные отношения в рамках южнокорейско-американского альянса очень важными, но при этом стремился отойти от чрезмерной склонности к США и взять курс на сбалансированную внешнюю политику. В соответствии с этим направлением на пост министра иностранных дел был назначен Юн Ёнгван, а кресло заместителя секретаря Совета национальной безопасности Республики Корея* занял Ли Чжонсок.

При назначении министра обороны важнейшим критерием в выборе кандидата было его намерение провести реформу армии и системы национальной безопасности. Президент считал, что полномасштабная реформа возможна при назначении министра из числа гражданских лиц. Поэтому вначале он сделал назначение традиционным образом, а во второй половине президентского срока он предполагал назначение на пост министра обороны гражданского кандидата. Но кандидата, который бы полностью соотвествовал ожиданиям и требованиям, у нас не было.

Среди кандидатов началось соперничество, и в итоге список был сокращен до двух человек. После этого президент направил указание советнику по кадровым назначениям Чон Чханёну лично встретиться с обоими кандидатами и выяснить их намерения насчет реформы армии и системы национальной безопасности. Согласно отчету советника Чона подходящим кандидатом оказался Чо Ёнгиль.

Я хорошо запомнил первый визит президента Но Мухёна в США в мае 2003 года. В начале работы правительства возник серьезный кризис, связанный с ядерной политикой Северной Кореи. Среди американских неоконсерваторов* то и дело

слышались разговоры о бомбардировке со стороны КНДР. Целью визита президента Но Мухёна в США была встреча с президентом США Джорджем Бушем и поиск мирного решения проблемы.

В опубликованном тогда проекте совместного южнокорейско-американского заявления позиция США по отношению к Северной Корее была сформулирована следующим образом: «Не исключены любые варианты». Проще говоря, эта формулировка означала готовность к любым мерам, включая войну. Безусловно, США тоже не стремились применять военную силу. Но включение этого варианта в список возможных способов противодействия могло помочь в вопросе сдерживания Северной Кореи. Однако, так как такая возможность была в принципе упомянута, беспокойство возросло и возник большой риск негативного влияния ситуации на экономику Южной Кореи, что могло спровоцировать отток иностранных инвестиций. Фактически из-за того, что в США начались разговоры об ударе по Северной Корее, агентство Moody's* понизило на один пункт кредитный рейтинг Республики Корея.

Команда по вопросам безопасности предпринимала бесчисленные попытки изменить это предложение на мирное решение путем диалога. Для проведения переговоров на эту тему за два дня до проведения южнокорейско-американских переговоров на высшем уровне в Вашингтон были отправлены представители Совета безопасности и Министерства иностранных дел Республики Корея. Даже министр Юн Ёнгван раскритиковал нежелание Америки принимать нашу просьбу. Однако президент ценой неимоверных усилий отстоял нашу позицию. В итоге на саммите наш запрос был принят. Президент вздохнул с облегчением. Но Мухён с большой благодарностью думал о президенте Джордже Буше. Все заявления о важности южнокорейско-американского альянса и о том, что «без помощи США нам было бы трудно выжить во время Корейской войны», сделанные на следующий день в Вашингтоне, были выражением благодарности. Эти замечания вызвали осуждение в лагере прогрессистов. И я это понимаю. В ситуации, когда дело дошло до обсуждения удара по Северной Корее, дипломатическая риторика, выражающая признательность США, которые согласились на принципы мирного урегулирования, была, конечно, излишней.

Хотя президент и подчеркнул важность альянса между Республикой Корея и США, он придерживался твердого мнения, что Южная Корея должна стремиться обеспечивать национальную самооборону самостоятельно в соответствии с возросшей государственной мощью. В ноябре 2002 года администрация Джорджа Буша инициировала обсуждение возможного

сокращения численности американского военного контингента на территории Южной Кореи и потребовала пересмотра южнокорейско-американского альянса. В период работы Переходного комитета будущий президент посетил военную базу в Керёне* и задал там вопрос, который затем появился в заголовках газет: «Если внезапно американский военный контингент будет сокращен или выведен, какие подготовительные меры предпримет корейское военное командование?»

Для того чтобы избежать полемики по поводу этих высказываний, пресс-служба немного смягчила основной смысл и тезисы выступления будущего президента Но Мухёна. Однако президент преднамеренно высказал такие замечания, чтобы выявить проблемы нашего общества. Когда я услышал его слова, я сообщил в пресс-службу, что они зря так беспокоились. Будущий президент также знал об этом и сделал выговор команде пресс-службы.

Вопросы, связанные с южнокорейско-американским альянсом и американским военным контингентом в Республике Корея, создали несколько острых проблем в первый год президентского срока Но Мухёна. Администрация Джорджа Буша постоянно подкидывала новые повестки дня. Вокруг планов мероприятий продолжались жаркие споры между соответствующими министерствами, между министерствами и Голубым домом и между различными секретариатами Голубого дома. Были и конфликты. В один из них я, как старший секретарь администрации президента по гражданским делам, тоже был вовлечен. Этот конфликт касался переговоров о материальной стороне перемещения американской военной базы, реагирования на проблему стратегической обусловленности нахождения американского военного контингента в Южной Корее, к которой апеллировали США, и трансформации «Общей концепции 5029»* в «Оперативный план 5029»*.

Подобные проблемы безопасности вызвали большие разногласия в Голубом доме, так как вопросы были чрезвычайно важными. Перед сотрудниками Голубого дома стояла сложная задача: сократить различия в позициях Голубого дома и ведомств, а также примирить ведомства между собой. Позже, когда я стал главой администрации президента, я играл такую же роль в координационном совете по вопросам политики безопасности, совещания которого проходили на уровне министров каждый четверг во второй половине дня.

Сильной стороной «Правительства участия» я считаю то, что мнения сотрудников Голубого дома и ведомств были очень

разнообразными, а также то, что посредством прямолинейных дебатов, на которых высказывались эти разнообразные мнения, мы приходили к единому выводу. Интересно, что на координационном совещании по вопросам политики безопасности Министерство объединения и Национальная разведывательная служба сошлись во мнении, что надо попытаться понять позицию Северной Кореи, в то время как Министерство иностранных дел и Министерство обороны высказали иное мнение: что альянс США и Республики Корея стоит на первом месте. В конце дебатов лица министра объединения и министра иностранных дел даже сильно раскраснелись. Администрация президента во всем этом играла роль миротворца и регулировщика.

Комментарии

* Инцидент на автостраде в Янчжу. 효순미선양사건. Инцидент в июне 2002 года, когда две корейские ученицы средней школы были раздавлены насмерть бронетранспортером американских войск. В процессе урегулирования конфликта вопрос неравенства Республики Корея и США в рамках соглашения о статусе сил (SOFA) стал огромной социальной проблемой.

* Совет национальной безопасности Республики Корея. NSC. Высший совещательный орган по вопросам национальной безопасности, объединения и внешней политики Республики Корея. Несмотря на то что Совет безопасности был упомянут в Конституции, он существовал лишь номинально. «Правительство участия» значительно укрепило его статус.

* Неоконсерваторы. 네오콘 (Neocons). Сокращение от названия neoconservatives. Термин, относящийся к неоконсерваторам или неоконсервативным силам в США во главе с Республиканской партией.

* Агентство Moody's. 무디스. Международное рейтинговое агентство в США.

* Военная база в Керёне. 계룡디L Объединенная база сухопутных войск, авиации и флота в городе Керён провинции Южная Чхунчхон.

* «Общая концепция 5029», «Оперативный план 5029». 개념계획 5029, 작전계획 5029. Концепция американской армии, предполагающая внезапные изменения в КНДР, такие как перевороты, массовое бегство и крах северокорейского режима. 5 – это номер, присвоенный американскими военными операциям на Корейском полуострове. В отличие от «Общей концепции

5029», которая была несколько абстрактной, «Оперативный план 5029» включал в себя вполне конкретные меры, такие как мобилизация и развертывание войск в случае чрезвычайной ситуации на Корейском полуострове.

Мучительное решение: отправка войск в Ирак

Первый год президентского срока. Самым мучительным решением для президента было решение об отправке южнокорейских войск в Ирак. Вся администрация президента испытывала ужасную душевную боль. Голубой дом и сотрудники Министерства иностранных дел, Министерства обороны и Министерства безопасности настаивали на том, что необходимо принять запрос США и отправить войска. Когда США сделали запрос об отправке корейских войск, официально они не говорили о масштабах. Но в соответствии с секретной информацией численность войск должна была составлять пять-семь тысяч солдат боевых пехотных частей. Руководители Министерства иностранных дел, Министерства обороны и Министерства безопасности пошли дальше и настояли на том, чтобы отправить более 10 тысяч солдат боевых пехотных частей. Они утверждали, что численность наших войск должна равняться по меньшей мере составу дивизии, чтобы они могли провести независимую военную операцию на отведенном отдельном участке. Они сказали, что в противном случае наши солдаты будут подчиняться американскому командованию.

Но, с другой стороны, советники администрации президента по государственным делам выступили против отправки войск в Ирак. Я тоже был против. Трудно было считать эту войну справедливой, и я полагал, что будет нелегко справиться с критикой общественности, если после отправки войск солдатам придется принести себя в жертву.

Соображения президента ничем не отличались от моих. Идея отправки войск ему очень не нравилась. Нашу позицию против отправки войск в Ирак многие поддержали и приняли. Но в то время Южная Корея отчаянно нуждалась в сотрудничестве с США ради мирного разрешения северокорейского ядерного кризиса. В США стала активно обсуждаться тема удара по Северной Корее и ограниченной атаки на КНДР. Это обсуждение было инициировано неоконсерваторами. Также поднимался вопрос о мерах сдерживания, в том числе о блокаде Северной Кореи. Над Корейским полуостровом нависла мрачная тень войны. По причине нестабильности на Корейском полуострове агентство Moody's понизило кредитный рейтинг Южной Кореи, что вызвало отток иностранных инвестиций и в результате негативно сказалось на экономике.

Конечно, президент недвусмысленно заявил США о своем твердом возражении против силового решения северокорейской ядерной проблемы. Мнение президента о том, что этот вопрос следует решать только посредством дипломатического диалога, было непоколебимо. Но для того, чтобы пойти по выбранному пути, необходимо было содействие со стороны американского правительства. И в этом случае нам ничего не оставалось, кроме как в некоторой степени удовлетворить их требования. И президент, и мы были сильно этим обеспокоены.

Глава Совета национальной безопасности Ли Чонсок, который лучше других знал о сомнениях президента, предложил блестящую идею. Его план заключался в следующем: мы принимаем требование США, но численность отправляемых войск будет минимальна. Мы отправим три тысячи солдат небоевых частей. Целью отправки войск будет не проведение боевых операций, а помощь в послевоенном восстановлении. На совещании премьер-министр Ко Гон четко определил характер отправляемых военных сил как группы поддержки в мирном восстановлении. Президент, который находился в глубоких раздумьях по этому вопросу, утвердил этот план. Такое действие с нашей стороны было верным способом минимизировать потери во имя дружеских отношений. Также участок, на который отправлялись войска, должен был быть минимально опасной территорией. В таком случае мы смогли бы предотвратить невосполнимые жертвы среди наших солдат. Президент поручил мне убедить в принятии этого плана сперва оппозицию в Голубом доме, а затем лагерь гражданского общества. Я согласился с этой стратегией.

Текст плана отправки войск в Ирак подготовило для обнародования Министерство иностранных дел. Черновик текста объявления содержал такие слова: «Эта война, которая началась из-за иракского оружия массового поражения, является справедливой войной, и наши войска, следуя достойной цели послевоенного восстановления, окажут также большую помощь и с экономической точки зрения». Но президент сказал: «Я не уверен, что эта война является справедливой», – и вычеркнул это выражение из речи. Также он сказал: «Мы не знаем, будет ли это экономически полезным или нет, но мы не можем пожертвовать бесценными жизнями наших молодых соотечественников ради экономической выгоды». Он говорил о том, что экономическая выгода не может быть причиной отправки войск. Вместо этого он дал указание искренне объявить гражданам, что войска будут отправлены из-за понимания действительности, в которой мир на Корейском полуострове зависит от южнокорейско-американского

альянса.

Хотя это было трудное и мучительное решение, но благодаря отправке войск в Ирак решение ядерного вопроса КНДР пошло по тому пути, которого желал президент Но Мухён. Благодаря поддержке США была создана многосторонняя дипломатическая структура под названием «шестисторонние переговоры». Посредством шестисторонних переговоров северокорейская ядерная проблема могла быть решена дипломатически, путем диалога. Также, смягчив жесткую линию неоконсерваторов, которые говорили даже о возможном ударе по Северной Корее, можно было преодолеть наступивший кризис. Учитывая все это, отправка войск в Ирак оказала нам большую пользу. Потом президент, вспоминая об этом событии, скажет: «Если бы я принимал решение, как обычный человек, то я был бы против. Но, как президент, я не мог поступить иначе». Он также добавил: «Это был неправильный выбор, но он был неизбежным».

Представители лагеря либералов и реформаторов до сих пор приводят отправку войск в Ирак в качестве главного примера ошибок президента Но Мухёна и «Правительства участия». Я с этим не согласен. Возражения представителей лагеря либералов и реформаторов во время обсуждения отправки войск в Ирак помогли правительству принять решение об отправке минимального количества солдат небоевых частей. И если рассматривать сопротивление представителей лагеря либералов и реформаторов в таком ключе, то получается, что оно внесло решающий вклад в урегулирование северокорейского ядерного кризиса посредством шестисторонних переговоров, поэтому даже сейчас я не могу согласиться с негативной оценкой отправки корейских войск в США. Конечно, война в Ираке не была справедливой, и поэтому было бы лучше, если бы нам не пришлось отправлять войска. Но войска можно отправить, если это необходимо для достижения более важных национальных интересов. Это и есть управление страной. Я считаю, что лагерь либералов и реформаторов тоже должен был так рассудить ради национальных интересов.

Боль

Самыми болезненными инцидентами для внутренней администрации были инцидент о подкупе банком «Нара»* и расследование источников денежного капитала на предвыборную кампанию. Эти события, конечно, коснулись соратников президента, таких как Ан Хичжон, и других высокопоставленных чиновников, которые вместе с ним прошли президентские выборы и теперь по очереди должны были нести свой крест. Президент сказал, что расследование этих аспектов должно проводиться открыто. Мы решили своими силами положить конец обычаям, которые существовали ранее в избирательной системе. Как говорится, мы сами отрезали у себя кусок плоти. Однако президент решил поступить именно так. Президент поручил провести расследование независимо от прокуратуры. Так или иначе расследование было бы проведено, и именно из-за сложившейся ситуации его неизбежно перенесли бы на более ранний срок.

В то время процесс вызова в прокуратуру был настоящей проблемой. В случае Ан Хичжона ордер на арест был сначала отклонен. Позже, пока не был выпущен новый ордер, по которому его заключили под стражу, в течение почти целого месяца его открыто срамили и позорили. И это было не просто общественным порицанием – это было больше похоже на охоту на ведьм. Если даже нам – хотя мы только наблюдали за происходящим – было очень страшно и у нас действительно болела душа, то каково было ему? У его родных сердце просто разрывалось. Я до сих пор не могу забыть, как он явился в прокуратуру. Как будто бы какой-то ужасный преступник наконец был доставлен на суд. Многочисленные журналисты, протискиваясь вперед и расталкивая всех остальных, выхватили его образ из толпы и представили всю ситуацию в самом позорном и непривлекательном виде. В него полетели все камни, как будто он на глазах всего общества совершил ужасное преступление. И такое личное унижение и оскорбление повторялось несколько раз. Более того, там речь не шла даже о соблюдении прав человека. В результате этого, когда главного подозреваемого вызвали в прокуратуру, были предприняты минимальные меры по защите прав человека. Корреспондентам нельзя было заниматься сбором материала внутри здания прокуратуры, а снаружи была установлена ограничительная линия для фоторепортеров.

Такой способ продолжает использоваться и сейчас. Однако

даже это не является фундаментальным решением. Подозреваемый под следствием не является виновным. Таким образом, у него нет причин терпеть нарушения прав человека со стороны СМИ, которые в период дознания подвергают подозреваемого нападкам. Нельзя оправдывать нарушение прав человека свободой деятельности СМИ или правом граждан на информацию. Я считаю, что необходимой мерой является защита прав человека от СМИ, по крайней мере до тех пор, пока прокуратура не возбудит дело.

После окончания мероприятий в честь первой годовщины в стране были проведены выборы в органы местного самоуправления, на которых кандидаты, которые продолжили следовать ценностям Но Мухёна, показали хорошие результаты. Восстановление чести и достоинства Ан Хичжона было очень радостным событием, в первую очередь, с человеческой точки зрения, так как из политики к тому моменту я ушел. Думаю, Но Мухён, который к тому моменту уже находился на небесах, тоже был бы рад.

Положение всех, кто подвергся судебному расследованию, было тяжелым и несправедливым. И это особенно верно в отношении Ан Хичжона. Конечно, после того как разразился инцидент со взятками банка «Нара», вероятность того, что он окажется под прицелом как человек, который во время предвыборной кампании отвечал за денежные фонды, была очень

высока. И чтобы не компрометировать каким-либо образом президента, он даже не вошел в состав президентской администрации. В тот раз ему даже предлагали уехать за границу. Однако он сказал, что, несмотря на то что не принадлежит к президентской администрации, он не будет бежать от этой ситуации. И когда он лицом к лицу столкнулся с ней, то это было действительно жестоко. Его привлекали даже по тем делам, которые не входили в его сферу ответственности. Болезненный процесс коснулся и членов его семьи. Мое положение тоже было просто отвратительным, так как я был старшим секретарем администрации президента по гражданским делам и должен был наблюдать за происходящим. Меня мучает совесть, когда я думаю о тех людях, которым пришлось пережить подобные трудности: это не только Ан Хичжон, но и Кан Кымвон, Ём Донён, Чон Тэчхоль, Ли Сансу и Ли Чэчжон.

Я тоже был начальником предвыборного штаба в Пусане во время предвыборной кампании. Не такая уж большая разница, да? Единственное отличие заключалось в том, что, находясь на этой должности, я лично не касался денег, потому что у нас был отдельный человек, ответственный за бухгалтерию. Но фактически принципиальной разницы между мной и теми, кого привлекли к судебному разбирательству, нет. И поэтому мне еще обиднее за всю эту ситуацию.

Все пожертвовали собой, чтобы защитить президента. Это благородные люди, которые радостно несли свой крест в знак уважения к стремлению президента избавиться от некоторых обычаев и пережитков прошлого. Именно благодаря их жертве изменилась избирательная культура и стала возможна революция в системе выборов.

Если продолжать разговор о болезненных событиях, то дело Ян Гильсына, первого заместителя главы администрации президента в период работы «Правительства участия», было точно таким же. Он поехал в командировку, чтобы провести церемонию возвращения президента в резиденцию Чхоннамдэ*, а потом после окончания рабочего дня его пригласили в бар, который держали знакомые. Но кто-то тайком сфотографировал его, и ситуация с этим баром внезапно разрослась до такой степени, что о ней говорили как об «инспекции подготовки к всеобщим выборам частной организацией» и «месте, которое организовало банкет по просьбе сомнительных личностей».

В конце августа, когда это произошло, я ушел в отпуск. Отпуск длился неделю, но я планировал отдохнуть всего три дня. Вместе с супругой я отправился в небольшое путешествие в город Мунгён в провинции Северная Кёнсан. Мне нравится это место.

Целый день я провел в храме Понанса, а там мобильный телефон не работал. И как только я на следующий день оказался в зоне действия сети, мне тут же поступил звонок от репортера. Поэтому я узнал первым. И даже появились статьи, критикующие меня за то, что я уехал в отпуск и не выходил на связь.

С точки зрения фактов еще можно говорить о том, что посещение питейного заведения – это неподобающее поведение для первого замглавы администрации президента, но больше его не в чем было винить. И даже если признать, что его поступок был неуместным, то критиковать его надо ровно настолько, насколько он был неуместным, а ему тоже пришлось испытать охоту на ведьм. К тому же он сам все рассказал. Так как его вызвали в суд, то он тоже подвергался унижениям и оскорблениям, как последний преступник. СМИ даже высказывали подозрения о незаконном присвоении им средств президентской администрации. Это было полным абсурдом.

Пресса изгалялась как могла, и в администрации президента даже были люди, которые столкнулись с такими событиями впервые, и они, не зная достоверных фактов и веря сообщениям СМИ, клеймили и обвиняли его. Мне было невыносимо обидно, поэтому для того, чтобы прояснить факты инцидента, я впервые отправил сотрудникам президентской администрации электронное письмо с заголовком: «Мнение старшего секретаря администрации президента по гражданским делам о проведении расследования по подозрению в незаконном присвоении средств в отношении первого заместителя главы администрации президента Ян Гильсына». Даже в Голубом доме не понимали несправедливости по отношению к своим же коллегам. И так СМИ, сильно подтасовывая факты, отдавали все на суд общественности. Позже суд обнародовал истинную версию событий, но этого оказалось недостаточно, чтобы восстановить его запятнанную репутацию.

Комментарии

* Инцидент о подкупе банком «Нара». 나라종금사건. Инцидент, состоявший в том, что бывший председатель «Посон Групп» Ким Хочжун, являвшийся главным акционером банка «Нара», в который были привлечены вложения государственных фондов в размере двух триллионов вон, в 1999 году, перед отставкой, передал рычаги лоббирования Ан Хочжону и Ём Донъёну.

* Резиденция Чхоннамдэ. 청남대 (靑南臺). Президентская

резиденция, занимающая площадь примерно в 550 тысяч пхён и построенная неподалеку от плотины Тэчхон в уезде Чхонвон-гун провинции Северная Чхунчхон. Название «Чхоннамдэ» появилось благодаря названию резиденции в Сеуле – Чхонвадэ (Голубой дом), где слог «нам» означает «юг». Здание использовалось как резиденция президента начиная с периода Пятой республики, но 18 апреля 2003 года, во время работы «Правительства участия», было трансформировано в санаторий для общегражданского пользования.

Президент, вопрос о повторном доверии

С 6 по 9 октября 2003 года президент Но Мухён совершил визит в Индонезию для участия в саммите «АСЕАН + 3». За это время в Южной Корее разразился скандал со «смазочным фондом» компании SK. Прокуратура заявила о соучастии бывшего заместителя главы администрации президента по общим вопросам Чхве Досуля и о начале расследования дела. В СМИ день за днем публиковались мрачные статьи о подозрении бывшего помощника президента Чхве Досуля во взяточничестве. На самом деле факт его соучастия в преступлении уже давно был обнаружен Управлением по гражданским делам и информация об этом была передана президенту. Во время кадровых назначений в августе 2003 года уход бывшего помощника президента Чхве Досуля из президентской администрации – якобы по причине подготовки к выдвижению своей кандидатуры на выборы в Национальное собрание – был своего рода предварительной мерой пресечения со стороны Управления по гражданским делам.

То, чего мы ожидали, приближалось. Но, когда это произошло, мы были действительно шокированы. Чхве Досуля даже называли «вечным приказчиком президента», потому что он отвечал за бухгалтерский учет и помогал президенту на протяжении всего периода его политической деятельности. Моральные устои «Правительства участия» пошатнулись.

Кажется, просматривая на острове Бали в Индонезии местные газеты, президент глубоко размышлял над этой проблемой. Вернувшись из заграничной поездки, он без конца принимал на чаепитие в своей резиденции помощников и старших секретарей, которые приходили, чтобы поприветствовать его после возвращения. Это была также возможность провести ненавязчивую беседу и доложить о самых важных событиях, которые произошли за это время в стране. Поздно вечером 9 октября, когда президент вернулся после визита в Индонезию, в его резиденции собрались все ведущие сотрудники. И конечно, главным предметом разговора стал небольшой отчет о деле бывшего помощника президента Чхве Досуля. В итоге президент сказал, что было бы хорошо, если бы Чхве Досуль выразил свою позицию лично. Больше он не сказал ничего – ни о самой позиции, ни о том, как она должна быть выражена. Все решили, что он хочет принести публичные извинения и еще раз высказаться о проблеме денежных средств на президентскую кампанию. И советники стали отговаривать его, утверждая, что президенту не следует высказывать свою позицию, пока еще идет

расследование прокуратуры. Однако Но Мухён закончил этот разговор словами: «Я сделаю так, как считаю нужным», – и завершил встречу.

Когда я уже уходил из резиденции, президент неожиданно остановил меня. «Давай поговорим еще немного, если у тебя нет срочных дел». Было уже очень поздно. Наверное, все подумали, что президент хочет услышать более подробный отчет об инциденте с его бывшим помощником от старшего секретаря по гражданским делам. Когда все ушли и в резиденции стало тихо, президент спросил: «Что ты думаешь о том, чтобы провести народный референдум по вопросу восстановления доверия?» Я очень удивился. Эти слова стали для меня настоящим шоком. Хотя я мог понять президента, который считал, что дело бывшего помощника Чхве Досуля относилось к сфере его ответственности, но тем не менее я считал, что референдум – это уже слишком. Если бы что-то пошло не так, страна могла бы погрузиться в неописуемый хаос. Я ответил так, как думал. Президент кивнул и сказал: «Пока я был в Индонезии, я все время размышлял, и, кажется, другого пути нет». То есть он не спрашивал моего мнения. Он уже все решил. Значит, возражать было абсолютно бесполезно.

Хотя многие думают, что президент Но Мухён был очень упрямым человеком, на самом деле это не так. Зачастую, если через какое-то время снова выразить несогласие с его позицией, он менял свое мнение. И поэтому иногда требовалось дополнительное время. Я сказал: «Если Вы хотите спросить народ о повторном доверии, то другого способа, кроме проведения общенационального референдума, нет, но условия, при которых можно проводить общенациональный референдум, определены в Конституции, поэтому все это может вызвать в стране недовольство и хаос. Необходимо сначала проверить, можно ли провести референдум. И даже если Вы решите провести его, то, так как расследование прокуратуры еще не закончено, придется просто наблюдать за ситуацией, по крайней мере пока не будет предъявлено обвинение». Казалось, президент согласился. Я думал, что я выиграл немного времени.

На следующий день после десяти утра из секретарской поступил экстренный звонок. По телефону сообщили, что президент собирается пойти в пресс-центр «Чхунчхугван»* и провести пресс-конференцию о вопросе повторного доверия. Я сказал, что нужно любыми способами помешать этому. Я предупредил, что выезжаю и попытаюсь перехватить президента как можно раньше, и дал указание задержать его до того момента, пока я не приеду. Тогда Управление по гражданским

делам находилось не в здании Голубого дома, а временно размещалось в здании Министерства иностранных дел и торговли. Приехав, я сразу же вбежал в зал «Чхунчхугван», но президент уже начал пресс-конференцию.

Для пресс-конференции, о проведении которой президент не предупредил, не был подготовлен даже черновой вариант речи. Однако слова президента задели всех за живое. «Чхве Досуль помогал мне и поддерживал меня примерно двадцать лет, вплоть до недавнего времени. Хотя результаты расследования выявят истину, но я не могу сказать, что не знаю о подозрениях. Если он виновен, то я возьму ответственность на себя. Я прошу прощения у граждан. И в довершение всего я отвечу за все. Когда расследование закончится, независимо от его результатов я проведу референдум, чтобы узнать уровень недоверия граждан в связи со всеми накопившимися за это время событиями, включая и настоящий инцидент. Я отказался от всех политических уловок. Только доверие, основанное на нравственности, может являться основой для государственного руководства. Я полагаю, что теперь необходимо смиренно отдать себя на суд граждан, так как мы находимся в опасной ситуации. <…> И в таком положении мне сложно самостоятельно управлять государством. Настроения СМИ ужасные, атмосфера в Национальном собрании ужасная, народные настроения в регионах крайне неутешительные. Для того чтобы преодолеть все это, мне необходима не чрезмерная жажда власти, а моральное удовлетворение от того, что я делаю. Я думаю, что все проблемы, вызванные делом бывшего помощника президента Чхве Досуля, привели к настоящей, беспрецедентно сложной ситуации для меня, в которой мне сложно испытывать гордость и уверенно продвигать государственные задачи».

Я, как соратник президента, был в смятении. На этой пресс-конференции не присутствовали сотрудники президентской администрации. Иногда бывало такое, что президент Но Мухён не давал шанса возразить ему и поступал крайне решительно, если понимал, что соратники будут против его планов, или точно знал, что его решение не найдет поддержки. Такое происходило чрезвычайно редко, но объявление о вопросе повторного доверия было именно таким случаем, как и предложение о создании правительства «Большой коалиции»*. Возможно, это происходило потому, что ему сложно было отстаивать свои идеи, когда он начинал слушать мнения несогласных соратников. В любом случае в таких ситуациях результат, как правило, был не очень хорошим.

Комментарии

* Пресс-центр АП «Чхунчхугван». 준주관. Помещение для пресс-конференций с представителями СМИ в Голубом доме. Здесь проходят интервью или беседы с президентом, брифинги с представителями администрации и другие мероприятия, а также помещение используется для сбора материалов и ведения записи журналистами.

* «Большая коалиция». 대연정. Коалиционное правительство, которое состоит из объединенных основных партий, имеющих большинство в парламенте. Попытка создания коалиционного правительства посредством объединения мелких партий называется «Малая коалиция».

«Я свободен!»

Наступил декабрь 2003 года, и началось активное обсуждение всеобщих выборов, которые должны были пройти в апреле следующего года. В действительности во время кадровых перестановок и реорганизации в августе того года из Голубого дома заранее были уволены те, кто собирался принять участие в выборах в Национальное собрание. Так же, как и при прошлом режиме, это было стандартной практикой в момент приближения всеобщих выборов, так как кандидаты либо в максимальной степени наслаждались тем, что они имели опыт работы в администрации президента (так называемый премиум Голубого дома), либо, наоборот, совершенно не допускали влияния всеобщих выборов на служебные обязанности в Голубом доме. Тогда из администрации президента ушли старший секретарь Информационного управления Ли Хэсон, секретарь по политическим вопросам Мун Хакчин, секретарь по связям с общественностью Ким Хёнми, глава ведомства пресс-центра администрации президента Ким Мансу, глава административного отдела Управления по гражданским делам Пэк Вону. И когда наконец начались выборы, в партии стали слышны разговоры и о моем уходе, что совершенно не соответствовало моим намерениям. Обсуждали также и старшего секретаря Чон Чханёна. Речь шла о том, что для стабильного управления государством президенту необходимо иметь абсолютное большинство в парламенте и что все конкурентоспособные добровольцы должны выдвинуть свои кандидатуры на выборах в Национальное собрание и помочь президенту. И так как особенно мало кандидатов от партии «Ёллин Уридан» в юго-восточной провинции Кёнсан, то такие люди, как я, выдвигаясь на выборы, должны поднять волну. Это было трудно принять, но это требование можно было полностью понять.

Как только я объявил, что это по-прежнему не имеет смысла, уровень требований партии и способ их выражения настолько ужесточились, что стали уже в некоторой степени злыми. Конечно, никто не говорил мне ничего прямо в лицо, но через сообщения в прессе на меня активно давили. Позже даже дошло до появления откровенной грубой критики типа: «Хочешь наслаждаться просмотром фильма, а не жертвовать собой?» Догадаться о подтексте не составляло труда. При таких обстоятельствах некоторым пришлась по вкусу идея выдворить меня из Голубого дома. Моя принципиальная позиция в Управлении по гражданским делам была во многих отношениях

неудобной. И это было понятно. Я и до этого слышал жалобы, что не содействую расследованиям прокуратуры, не принимаю должным образом просьбы о кадровых назначениях со стороны партии и тому подобное.

Однако в тот момент все это казалось непосильным, потому что даже на посту старшего секретаря по гражданским делам у меня не оставалось времени на личную жизнь. К тому же я совершенно не собирался заниматься политикой. Скорее, я думал уйти с поста старшего секретаря по гражданским делам и завершить карьеру. Президент ничего не говорил прямо, но было очевидно, что он хочет, чтобы я выдвинул свою кандидатуру на выборах. Хотя он и не говорил открыто, это чувствовалось. Я не мог принять эту идею, но подумал, что будет неправильно, если я, отчетливо зная настроения президента, буду просто терпеливо ждать. И я сказал о своем намерении уйти под предлогом проблем со здоровьем. В итоге, когда СМИ и представители оппозиционной партии выдвинули совершенно абсурдные подозрения по делу о фонде Мин Кёнчхана*, я использовал это как предлог, чтобы уйти в отставку. 12 февраля я официально покинул свой пост.

Уходя, в качестве формального объяснения отставки я произнес эмоциональные слова. Сказав, что я очень устал от постоянных непрекращающихся подозрений и разоблачений, от связанной с ними напряженности, как будто введено чрезвычайное положение, от неспособности реагировать и неадекватных методов реагирования, я выразил свое сожаление относительно нелепых подозрений по делу главы секретариата Ян Гильсына и по делу о фонде Мин Кёнчхана. Я также открыто сказал о проблемах со здоровьем и о выдвижении кандидатуры на выборах. «Мое здоровье сильно ухудшилось. И усилившееся в последнее время давление по поводу выдвижения моей кандидатуры на выборах причиняет мне страдания, с которыми мне сложно справляться. По разным причинам мои физические и душевные силы истощены, и поэтому я хочу сложить с себя непосильную профессиональную ответственность и вернуться в исходную точку».

Освобождение наступило практически через год после того, как я пришел в Голубой дом. Я чувствовал вину перед президентом и оставшимися сотрудниками, но ничего не мог поделать.

Воздух снаружи был действительно свободным. Эта свобода была похожа на мечту, которую я держал в себе долгое время. Мы сразу же отправились с супругой в поездку в провинцию Канвондо. Я хотел проехать на машине по тем местам, куда хотел

попасть уже давно. Мы посетили Ён-воль, Чонсон, Инчже, храм Пэктамса и горы Сораксан. Меня ничто не связывало, поэтому я ходил, куда хотел, и ночевал там, где хотел остановиться. Как в рекламе с Чхве Минсиком, мне хотелось кричать: «Я свободен!»

Комментарий

* Дело о фонде Мин Кёнчхана. 민경찬펀드사건. Произошедший в начале 2004 года инцидент, когда в адрес шурина старшего брата президента Но Мухёна Мин Кёнчхана возникли беспочвенные подозрения в том, что он основал фонд размером в 65 миллиардов долларов.

Гималаи

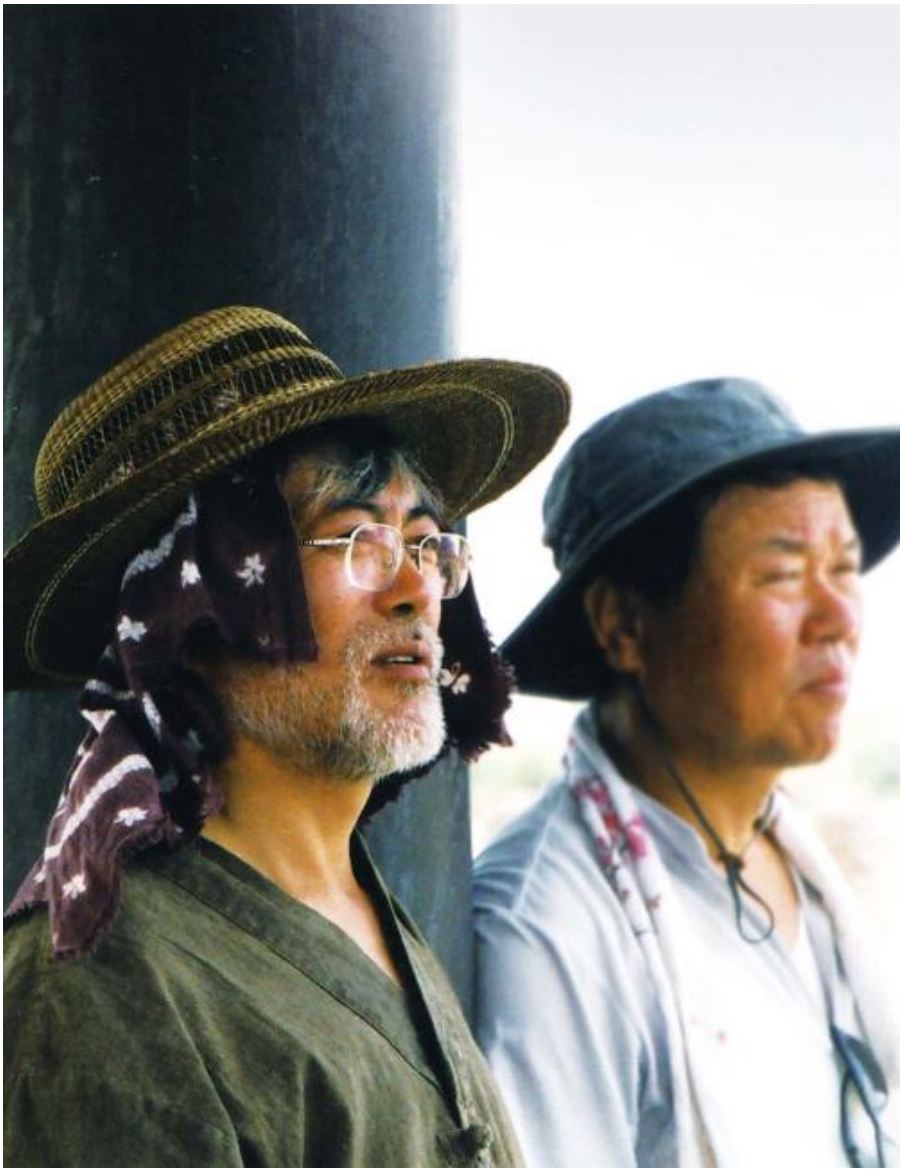
28 февраля мы отправились в Непал, в Гималаи. Я покинул Голубой дом, и у меня не было планов на будущее. Я посчитал, что какое-то время не буду возвращаться к адвокатской деятельности, что хорошо бы насладиться спокойной жизнью, пока не вернусь в юриспруденцию. Я решил, что попытаюсь во время восхождений в горы Непала, Тибета и Северной Индии, о которых я так давно мечтал, очистить свою душу и решить, как жить дальше и что делать в будущем.

В юридической фирме, в которой я работал, были оплачиваемые отпуска для сотрудников. За десять лет службы давали три месяца отпуска, а за двадцать лет работы – полгода. Когда минуло десять лет с начала моей работы, я был слишком занят и не использовал свой отпуск. И таким образом, в 1997 году, когда с момента начала работы адвокатом прошло пятнадцать лет, я взял трехмесячный отпуск. Тогда я совершил восхождение на гору Эверест в Непале, а также путешествовал по индийскому Ладакху, описанному в книге «Древнее будущее» шведской активистки по защите окружающей среды Хелен Норберг-Ходж. И мы путешествовали вдвоем с пастором моего возраста, который тоже находился в годичном отпуске, без проводников или экскурсоводов, используя лишь карту. Было просто замечательно. Затем я снова захотел отправиться в трекинг-путешествие, как только у меня появится свободное время, поэтому я собирал все материалы по трекинговым маршрутам, которые мне попадались. И наконец мне выпал шанс. В прошлый раз я ходил к базовому лагерю Эвереста, а в этот раз моей целью стал горный массив Аннапурна.

Обстановка в Непале, где я не был уже очень давно, сильно отличалась от того, что я видел в прошлой поездке. Атмосфера была довольно напряженная: в столице страны, Катманду, повсюду стоял патруль с ружьями наперевес и проводились обыски. В то время в королевском дворце во время перестрелки погибли действующий король и его сын, а престол унаследовал младший брат короля. Многие меры по демократизации, принятые бывшим королем, были отменены, и поэтому общественные настроения в стране были довольно негативными. Говорили, что в результате таких общественных настроений активизировалась деятельность маоистов – антиправительственных вооруженных мятежников, поэтому центр города патрулировали солдаты с оружием.

Пока мы с супругой были в Непале, маоисты устроили

всеобщую забастовку, к которой призвали и простых граждан. Казалось, что во всей стране, за исключением столицы Непала, города Катманду, практически все последовали призыву к всеобщей забастовке. На дорогах не было никакого транспорта, кроме военной техники и машин скорой помощи, а также туристических автобусов с табличкой *Only tourist* («Только туристы»). Хотя всеобщая забастовка не добралась до Катманду, столица тоже испытала на себе сильный удар, так как из провинциальных регионов не завозились продукты питания и овощи. По словам нашего гида, правительство активно распространяло информацию о том, что забастовка была такой массовой только потому, что повстанческая армия принимала репрессивные меры в отношении тех, кто не принимал участия во всеобщей забастовке.



Отправным пунктом трекингового маршрута вокруг Аннапурны обычно является второй по величине город Непала – Покхара. Он находится в субтропическом климатическом поясе на высоте около 900 метров над уровнем моря, и это делает его климат очень мягким на протяжении всего года. Это поистине прекрасное место, где природное озеро Пхева окружено отелями и горными шале.

Так как действительно были случаи применения карательных мер, атмосфера была тревожной. Однако даже если рассматривать ситуацию с этой точки зрения, единение в

провинции было очень сильным. Казалось, что если правительство не сможет совладать с народными настроениями посредством решительных мер, направленных на демократизацию, то монархия будет на грани краха.

Отправным пунктом трекингового маршрута вокруг Аннапурны обычно является второй по величине город Непала – Покхара. Он находится в субтропическом климатическом поясе на высоте около 900 метров над уровнем моря, и это делает его климат очень мягким на протяжении всего года. Это поистине прекрасное место, где природное озеро Пхева окружено отелями и горными шале. В феврале-марте в садах при отелях пышно расцветают южные цветы и при этом открывается удивительный вид на заснеженные горы – фантастическая гармония противоположностей. Это отличное место, где хорошо остановиться и просто отдохнуть, не спеша куда-то еще. Несколько десятилетий назад писательница Пак Вансо, которая недавно скончалась, выпустила путевые заметки о поездках в Непал и Тибет под названием «Осквернение». После того как я прочитал описание Покхары, я всегда хотел побывать там.

Изначально целью трекинга вокруг Аннапурны был подъем к базовому лагерю, который находится на высоте 4700 метров над уровнем моря. Во время похода к базовому лагерю Эвереста и по долине реки Марха в 1997 году я поднялся на высоту 5900 метров над уровнем моря. Я хотел просто подняться до базового лагеря и не стремился взять новые высоты. Однако я не был уверен в своих силах, и мы выбрали несложный горный маршрут по плато, которое находилось на высоте 3500 метров над уровнем моря. Он был бы идеальным для семидневного похода, но мы сократили наш план до пяти дней. Мое физическое состояние ужасно ухудшилось, поэтому для меня это было очень сложно.

Через туристическое агентство нам определили гида, и также мы запросили услуги шерпов. Гид имел опыт работы в Корее, поэтому он прекрасно говорил по-корейски. Так как мы путешествовали в холодное время года, ночевали в спальных мешках и у нас было много вещей с собой, то мы наняли двух шерпов. Но когда мы пришли к начальной точке нашего маршрута, то увидели только одного. Мы думали, что, увидев, сколько у нас багажа, он захочет позвать еще одного помощника. Он сказал, что однажды даже участвовал в качестве шерпы в восхождении на Гималаи с корейскими альпинистами. Хотя он и казался крепким, но по комплекции он был очень маленьким.

Оценив внимательно наш багаж, он сказал, что сможет справиться со всем один. Как сказал гид, в трудовом законодательстве Непала вес багажа, который может нести шерпа,

ограничивается 20 кг, но эта норма не соблюдается, и обычно каждый несет по 30–40 кг. Он сказал, что, с его точки зрения, один шерпа может унести наш общий багаж, и мы даже можем отдать ему все наши вещи, если доплатим. Нашим багажом были пуховики и спальники – они казались объемными, но были совсем не тяжелыми. В общем, мы согласились. Тем не менее казалось, что общий вес нашего багажа намного больше 20 кг. Размер всего багажа был почти таким же, как весь наш шерпа. Нам было неловко, что мы все свалили на него, а сами шли налегке по горным тропам. Со словами «я ношу доброе имя корейского мужчины» я решил сам нести половину своего багажа. Это был рюкзак весом не более 10 кг, но во время восхождения он казался невообразимо тяжелым. Но я не мог передать его обратно на полпути, и не мог взвалить на плечи жене… Поэтому я донес его до конца, но это было ужасно тяжело. А шерпа, неся за спиной багаж размером с него самого, шел очень легко, как будто ему было совсем не тяжело. Он так и не смог дождаться нас, постоянно отстающих от него, и ушел вперед. Супруга, за которую я волновался, казалось, тоже была в полном порядке. Единственное, что действительно заставляло меня страдать, – это то, что я всегда называл альпинизм своим хобби и гордился тем, что в моем послужном списке есть даже восхождение на высоту 5900 метров. Трекинг заставил меня прикусить язык. Однако в качестве вознаграждения мне было достаточно пейзажа Гималаев, красоты горного поселения, звезд на ночном небе и чистого воздуха.

Этот поход принес еще одну большую пользу. Во время трекинга вокруг Аннапурны я бросил курить. Я курил со времен старшей школы. Вообще-то я должен был бросить еще когда начал работу в Голубом доме, если следовать правилу, согласно которому во всех общественных зданиях курение запрещено. Но я этого так и не сделал. Более того, я тогда впервые выкурил сигарету вместе с президентом, хотя из-за этого было неловко, так как это противоречит этикету. Но президент сам предложил закурить. Он сказал: «Старший секретарь Мун, дай мне, пожалуйста, сигарету», – и взял у меня сигарету, поэтому вариантов не закурить вместе с ним у меня не было. К тому же президент часто слышал упреки со стороны своей супруги по поводу курения. Я всегда думал, что бросить курить – это единственно верное решение, но пока я работал в Голубом доме, бросить курить у меня не получалось. Да что говорить, я всю жизнь курил максимум полпачки в день, а во время работы в Голубом доме я выкуривал больше целой пачки.

Момент, когда я особенно остро почувствовал необходимость

бросить курить, наступил, когда я увлекся подводным плаванием. Сначала мы занимались им вместе с супругой, и я заметил, что трубка от маски моей жены после нескольких месяцев выглядела как новая. А моя трубка всего после пары месяцев использования вся пожелтела от никотина. Ко мне пришло осознание, что я выдыхаю никотин не только во время курения, но и просто когда дышу – он уже смешался с моим дыханием, то есть, просто выдыхая воздух в обычное время, я выдыхаю никотин. С того момента я твердо решил завязать с курением. И наконец мне это удалось во время трекинга вокруг Аннапурны.

Я выкуривал одну сигаретку во время отдыха после преодоления сложной горной тропы, наслаждаясь прекрасным видом. И стыдно признаться, но в эти моменты я больше всего наслаждался курением. Однако воздух был настолько чист, что, выдыхая сигаретный дым, я чувствовал, будто совершаю преступление. Я не уверен, но возможно, что к общей нагрузке во время трекинга добавился еще и абстинентный синдром. Как бы там ни было, тогда я бросил курить.

Когда я говорю о Гималаях, все спрашивают про горную болезнь. Я не могу ничего сказать про восхождения профессиональных альпинистов на высоту 8000 метров, но, по моему опыту, если подниматься на доступную обычным людям высоту, то можно с легкостью адаптироваться, если идти медленно. Горная болезнь обычно ощущается уже на высоте более 3000 метров над уровнем моря. Это происходит, если подниматься с большой скоростью – неважно, на машине, самолете или же пешком. Поэтому если посмотреть на пояснения к маршруту для европейцев, то вы увидите, что маршрут построен так, чтобы подниматься очень медленно, проходя пешком все выделенные вехи в Гималаях.

А ведь в нашей стране многие очень любят заниматься альпинизмом, и их скорость подъема обычно тоже высокая. Те наши соотечественники, кто восходит в Гималаи, являются продвинутыми альпинистами. Поэтому установленный для европейцев маршрут для корейцев обычно сокращается примерно вдвое. И получается, что мы движемся по маршруту гораздо быстрее. Степень тяжести горной болезни варьируется в зависимости от телосложения, и ее симптомами могут быть головная боль, рвота, диарея. Интересно, что как только спускаешься, то все симптомы сразу проходят. Поэтому, как только вы почувствуете симптомы горной болезни, нужно остановиться и немного адаптироваться или же, если это не помогает, спуститься ниже. Но разве мы не волевые корейцы? Как бы ни было мучительно, мы продолжаем идти, стиснув зубы. Так

происходит еще и потому, что мы не хотим доставлять неудобства другим путешественникам. Но затем симптомы становятся все сильнее, вплоть до того, что человек уже не может сам подняться. Вот и в тот день, когда мы подошли к подножию Аннапурны, двух корейцев эвакуировали вертолетом. И гид сказал, что такое чаще всего происходит именно с корейцами из-за особенности нашей культуры делать все «палли-палли»[17]. Он несколько раз повторил слова «палли-палли». Разве не прекрасно подниматься, размеренно наслаждаясь горами?

Я рассуждал точно так же, когда был в горах в 1997 году. Со стороны Эвереста повсюду, до самой вершины, разбросаны горные деревушки, а некоторые лоджи* находятся даже на высоте 5800 метров над уровнем моря. Возможно, поэтому в нескольких местах стали открываться подобия высокогорных деревенских базаров. Один из них известен во всем мире – это Намче-Базар, который находится в поселке Намче на высоте 4000 метров над уровнем моря. В то время он открывался еженедельно, кажется, в среду, и туда из других деревень, которые находились и выше, и ниже, привозили товары местного производства, еду и сувениры. На этот рынок стоило посмотреть. Жители горных поселений собирали в заплечные мешки огромных размеров разные товары, которые они надеялись продать. И было очень странно наблюдать, как они шли по горным дорогам и несли эти мешки, не надев ремешки на плечи, как мы носим рюкзаки, а повязав ремень на лоб. Европейцы могли даже специально ждать по несколько дней, чтобы увидеть этот рынок. Однако так как корейцы заинтересованы только в подъеме как таковом, то обычно просто продолжают путь, не дожидаясь рынка, если прибыли в неурочное время. Я подумал, что было бы здорово сделать целью путешествия посещение такого рынка, потому что меня интересовал не только трекинг, но и разные культурные особенности.

Мы решили, что после окончания трекинга вокруг Аннапурны мы отправимся в Национальный парк Читван в Покхаре, где поедем на сафари на слонах и понаблюдаем за птицами. Этот процесс заключается в том, что можно проехаться верхом на слоне по лесным тропкам парка, наблюдая за субтропическими птицами и дикими животными, такими как носорог. Можно сплавиться на длинных лодках типа каноэ вниз по реке и увидеть крокодилов и диких птиц. Для того чтобы перебраться оттуда в Катманду, мы поехали в ближайший аэропорт, но именно в тот момент повстанцы издали указ о проведении всеобщей забастовки. Даже автобусы перестали курсировать, и до аэропорта было невозможно добраться. Гид в срочном порядке разыскал

джип, и мы поехали в аэропорт; с нами было еще несколько человек. На лобовом стекле красовалась табличка, где крупными буквами было написано *Only tourist,* которая сообщала, что в машине находятся только туристы. Пока мы ехали в аэропорт, на дорогах не было видно других машин, кроме автомобилей скорой помощи и военных грузовиков. Изредка попадались машины с такой же, как у нас, надписью *Only tourist.*

То тут, то там возле дороги были видны костры из деревьев и старых покрышек, и повсюду стояли люди, которые останавливали и проверяли проезжающие машины. Атмосфера была пугающей. Каждый раз, когда нам встречались «контролеры», водитель джипа каким-то образом объяснялся с ними, но, когда нам оставалось всего несколько десятков километров до аэропорта, он сказал, что дальше не поедет. В итоге гид привел нам рикшу*, у которого к велосипеду была прицеплена кабина для перевозки людей, и мы ехали еще целых два часа до аэропорта.

Комментарии

* Лоджи. 돗지] . Домик в горах для туристов.

* Рикша. 릭人샤 (Rickshaw). Распространенный вид транспорта в Юго-Восточной Азии, включая Индию и Бангладеш. Повозка, которую тянет человек, или коляска, которая прицеплена к индивидуальному транспорту.

Импичмент, о котором мы узнали в Катманду

Новость об импичменте* я узнал случайно, когда у нас с супругой было немного свободного времени в Катманду и мы прогуливались по местным рынкам и осматривали храмы. Покинув Голубой дом, я просто отдыхал и не интересовался новостями. Я принял такое решение с самого начала. Когда периодически связываешься с кем-либо по телефону или даже встречаешься с кем-то, то обязательно кто-нибудь да обратится к тебе с просьбой. Но те, кто меня о чем-то просил, тут же понимали, что меня сразу же нужно внести в список тех, кто не помогает. И даже когда я был в Непале, я не звонил никуда, даже в консульство, и не взял с собой телефон. Я уже давно не слышал никаких новостей из Кореи.

В отеле в Катманду каждое утро в качестве бесплатной услуги гостям раздавали газеты на английском языке. Я помню, что это была *International Herald Tribune*. Я завтракал, просматривая эту газету, но так как мои познания в английском были, в общем-то, неглубокими, то чаще всего я просто пробегался взглядом по заголовкам. И вдруг мне в глаза бросились напечатанные крупными буквами слова: *South Korea President Roh* («Президент Южной Кореи Но»). И после было написано слово impeached. Я не знал, что значит это слово. Прочитав внимательно статью, я смог предположить, что оппозиционная парламентская партия выдвинула на рассмотрение законопроект о проведении процедуры отстранения от должности президента Но Мухёна. Я был шокирован.

Но я не думал о том, что это серьезный кризис. Партия «Ханнара» начала говорить об импичменте, когда с момента инаугурации президента Но Мухёна не прошло и месяца. Незадолго до моего ухода лидер фракции Демократической партии в парламенте Чо Сунхён также говорил об импичменте. Это была политическая наступательная тактика, которая постоянно повторялась. И сейчас я думал, что это очередной акт политической агрессии. Я даже не думал, что дело действительно дойдет до реализации решения начать процесс импичмента. Однако я догадывался, что политическая ситуация в стране очень тяжелая, потому что даже если это всего лишь очередное политическое наступление, то в этот раз дело дошло до реального предложения о начале процедуры импичмента, хотя раньше все было только на словах. В такой ситуации было сложно просто

продолжать путешествовать. Мы решили, что сначала ненадолго вернемся и оценим ситуацию, а затем снова отправимся в путешествие. Между Катманду и Сеулом тогда еще не было прямых рейсов, поэтому нам пришлось лететь с пересадками в Бангкоке и Гонконге. Мы провели несколько часов в аэропорту Бангкока в ожидании пересадки, и в это время я заметил англоязычную газету *Bangkok Post,* на первой полосе которой была статья про импичмент.

Вскоре после моего возвращения президент провел пресс-конференцию. Если рассматривать статьи в интернете, то подавляющее большинство их авторов были против отстранения президента от должности, и они даже настаивали на отмене решения об импичменте, если президент принесет свои извинения. И я подумал, что следует провести конференцию примирения и согласия, на которой президент по меньшей мере выразит свое сожаление перед оппозиционными партиями, чтобы создать повод для отмены решения об импичменте.

Однако все вышло иначе. Показав сильную и принципиальную позицию, президент, наоборот, только еще больше укрепил намерения оппозиционной партии. Это было очень по-номухёновски. На этой пресс-конференции в полной мере раскрылся характер президента, благодаря которому он в трудных ситуациях показывал свой волевой нрав и шел напролом. Бесспорно, советники призывали его пойти по пути компромисса, но в моем воображении отчетливо вырисовывался образ президента, который даже слушать об этом не будет. Как бы там ни было, говорить о компромиссе было уже поздно. Президент сказал все, что хотел, и теперь оставалось только ждать.

Ложкой дегтя в бочке меда стало то, что в тот день на пресс-конференции прозвучало имя бывшего директора *Daewoo Engineering* & *Construction* Нам Сонгука, и это стало причиной его самоубийства. Позже, когда я указал на то, что было неправильным упоминать этого человека, президент не смог даже вспомнить об этом. Он сказал, что не называл его имени. Когда я ответил, что уверен в своих словах, то он заставил меня принести стенограмму пресс-конференции и только тогда убедился. Хотя в самом начале президент не называл имен, но потом, отвечая на вопросы журналистов, он в итоге указал конкретное имя. После того как факт был подтвержден, президент сильно раскаивался в своих словах.

Комментарий

* Импичмент. 탄핵. Полусудебная процедура, предусматривающая от ставку или наказание должностных лиц, статус которых находится под защитой, таких как президент, премьер-министр или судья, по обвинению Национального собрания в недопустимых действиях. Решение может быть принято только большинством членов Национального собрания, при этом согласие должны выразить как минимум две трети членов Национального собрания. Судебное решение выносится Конституционным судом и требует, чтобы не менее шести членов судебной комиссии проголосовали за.

Поверенный в деле об импичменте

В конце концов Национальное собрание одобрило решение о начале процедуры импичмента. Президент попросил меня создать адвокатскую группу и полностью взять на себя ответственность за юридическое реагирование по вопросу импичмента. Я созвал группу адвокатов. И даже сейчас я думаю, что это был лучший состав, который мы только могли обеспечить в то время. В качестве членов адвокатской группы я решил собрать только тех людей, которые были нейтрально настроены и обладали хорошей репутацией и большим опытом.

После обсуждения с некоторыми людьми, кто же подойдет, я приезжал к каждому из кандидатов лично и объяснял свою просьбу. Все, кого я просил, с радостью соглашались. И только один человек отказался наотрез. Он сказал, что хорошо знаком с председателем Конституционного суда, поэтому его могут неправильно понять и он только испортит всю картину. Он сказал, что вместо этого обязательно поможет, если надо будет оказать поддержку так, чтобы это не стало явным. И он действительно поддерживал нас и давал нам много советов за стенами суда. Все были ему очень благодарны.

Я взялся за дело основательно. Я подал заявку на возобновление частной адвокатской практики. Когда я вошел в состав администрации президента, я приостановил адвокатскую деятельность, но сейчас был вынужден снова подать заявку на возобновление деятельности. Это был второй случай после дела компании *Daewoo Shipbuilding,* когда отношения между мной и Но Мухёном перешли в категорию отношений между адвокатом и подзащитным. Я не вел юридическую деятельность в Сеуле, поэтому у меня не было офиса. Но я нашел временный офис в районе Сочхо-дон. Все те, кто объединился в качестве защитников по делу об импичменте, были известными в юридических кругах людьми, которые хорошо знали друг друга и имели схожие взгляды на жизнь. Все они обладали такой превосходной юридической компетенцией, что могли быть довольны друг другом. Когда мы впервые собрались, все были преисполнены уверенности и решимости. Мы были убеждены, что обязательно победим, если будем действовать по закону. Импичмент был просто актом произвола, принятым большинством голосов, но с юридической точки зрения он был совершенно несостоятельным. Это был переворот, инициированный партийным большинством, который шел вразрез с общественным мнением. Это был кризис демократической Конституции. Если бы мы не исправили все в

тот момент, будущее конституционного правления сделалось бы весьма мрачным.

Мы разделили роли. Адвокат Ю Хёнсок взял на себя роль председателя. Адвокат Хан Сынхон сводил все результаты. Оставшиеся разделились на команды по направлениям в соответствии с предметом спора. За какие-то направления был ответственным Ли Ёнхун, за другие – Пак Сихван. В соответствии с предметами спора они лично проводили исследования, составляли соответствующие документы и прошения.

Также мы разделились для защиты в суде. Мы тщательно готовились к каждому судебному заседанию: определяли количество и порядок выступающих адвокатов, детально прорабатывали речи выступлений, обсуждали, как реагировать на неожиданные повороты дела.

Адвокаты Чо Ёнхван и Пэк Сынхон, известные своим тщательным подходом к работе и высочайшей квалификацией в гражданских делах, самоотверженно занялись юридическими исследованиями и оказывали практическую поддержку, вместо того чтобы выступать в качестве защитников в суде. Они вдвоем на ранних этапах, когда группа защитников еще не начала работать в полную силу, провели исследование системы судебного разбирательства в рамках процесса импичмента и выстроили модель юридического реагирования с нашей стороны. Им также помогал адвокат Ким Сонсу. Они не выступали в суде, так как считалось, что появление адвокатов, работающих в сфере гражданского права, в качестве защитников в суде нежелательно.

Я же занимался рабочими вопросами в качестве ассистента, а также был ответственным за связи с общественностью. Общественное мнение было для нас очень важно. Роль ответственного за контакты со СМИ предполагала мучительную и тяжелую работу. Каждый раз перед тем как войти в здание Конституционного суда в день заседания я должен был рассказывать журналистам о предметах спора и объяснять нашу позицию, стоя под прицелами фотокамер. И при выходе из суда после завершения заседания я говорил о процессе и давал комментарии. Хотя была определена специальная фотозона и установлены ограничительные линии, но журналистов было так много, что у меня кружилась голова. Из-за вспышек камер не было видно самих журналистов. Для меня все это было тяжело, так как мне не приходилось заниматься этим раньше. Я на себе прочувствовал, как это сложно – стоять в фотозоне. Если присутствовать на фотоколле настолько тяжело для защитника по делу об импичменте, то как же невыносимо трудно стоять перед репортерами в день заседания суда, будучи подозреваемым?

Несмотря ни на какие СМИ и право граждан знать о происходящем, разве у нас есть право заставить отвечать человека, который этого не хочет, насильно поставив его под прицелы фотокамер? И даже сейчас в таких ситуациях я думаю, что наше общество должно стать таким, в котором проявляют уважение к чести другого человека.

Но помимо этого я пытался также привлекать мнения юристов и ученых в области права, в первую очередь – именно специалистов в области конституционного права, которые выступали против импичмента. Я делал это для того, чтобы обеспечить нам превосходство, основанное на мнении специалистов, так как дела, рассматриваемые в Конституционном суде, должны иметь политический характер. Многие добровольно проводили сбор мнений и оформляли совместные ходатайства или заявления от имени научных обществ. Что касается важнейшего для нас сообщества специалистов по конституционному праву, то центральную роль сыграл профессор юридического колледжа Сеульского национального университета Ан Гёнхван, а практически все молодые ученые согласились с его мнением.

Я также часто ходил на так называемые протестные демонстрации со свечами, которые проходили в перерывах между заседаниями суда. Как гражданин, я хотел лично поддержать силу демонстраций при свечах. Учитывая политический характер судебного процесса по импичменту и консервативный настрой конституционных судей, необходимо было, чтобы общественное мнение могло пересилить эти факторы. Это было важно, так как могло использоваться и на защите в суде. Если исходить из того, что воля народа – это и есть Конституция, то эта позиция помогала подготовить речь в защиту. Вид толпы со свечами в руках, заполнявшей день ото дня дороги перед зданием мэрии, был величественным и торжественным. Он напоминал об Июньском противостоянии, в котором я участвовал вместе с президентом. Люди тоже назвали демонстрации со свечами против импичмента Вторым июньским противостоянием. О демонстрациях со свечами писали в СМИ. Нас с женой тоже сфотографировали в рядах демонстрантов. Я думал, что это также может воодушевить протестующих. В каком-то интернет-издании даже опубликовали мое мнение о происходящем: «Что такое Конституция? Разве это нечто находящееся где-то в верхах власти, далеко от меня? Конституция – это символическое выражение самых общих, базовых желаний граждан относительно демократии. Соответственно, толкование Конституции также должно исходить из осознания простыми гражданами демократии

и ее юридического понимания. И это должно быть отражено в Конституции. В таком случае разве многочисленные гражданские демонстрации со свечами против импичмента не показали еще направление, в котором должно двигаться судебное разбирательство?»

При подготовке к судебному заседанию адвокаты встретились с президентом. Таким образом президент хотел выразить свою благодарность. Говорить о подготовке к суду, в общем-то, не было необходимости. Максимум – мы обменялись мнениями о вопросе личного присутствия президента, так как он обратился с заявлением о личном участии в заседаниях Конституционного суда. Президент сказал, что нет веских причин, по которым он не мог бы участвовать в заседаниях, поэтому он будет присутствовать лично. Мы высказали мнение, что, хотя это может помочь делу, но острой необходимости нет. Позже Конституционный суд отклонил его заявление. Хотя президент уже был измотан и очень устал от долгой жизни в заточении, он не терял чувства юмора. Уже в конце встречи я сказал президенту:

– Если Вы хотите еще о чем-то спросить или что-то сказать группе адвокатов, то сделайте это сейчас.

Президент резко встал и сказал:

– Пожалуйста, сделайте меня снова президентом, – а затем попрощался со всеми. Встреча могла быть тяжелой, но все расстались с улыбками на лице.

Я занимался рабочими вопросами в качестве ассистента, а

также был ответственным за связи с общественностью. Общественное мнение было для нас очень важно. Роль ответственного за контакты со СМИ предполагала мучительную и тяжелую работу. Каждый раз перед входом в здание Конституционного суда в день заседания я должен был рассказывать журналистам о предметах спора и объяснять нашу позицию, стоя под прицелами фотокамер.

15 апреля, в период судебного разбирательства по делу об импичменте, состоялись 17-е всеобщие выборы в Национальное собрание. Уже в конце выборов я поддержал предвыборную кампанию в нескольких округах в Пусанском регионе. По результатам выборов партия «Ёллин Уридан» получила 152 места из 299 и стала партией большинства в парламенте. Демократическая рабочая партия также получила восемь мест по системе пропорционального представительства и таким образом совершила большой скачок вперед с общим количеством в 10 мест, став третьей по численности партией в парламенте. Если бы на финальной стадии выборов не появилось препятствия в виде «заявления старика», прозвучавшего от внезапно появившегося председателя Чон Донёна, то партия «Ёллин Уридан» могла бы получить еще больше мест и стать партий абсолютного большинства. Можно было просчитать, судя по результатам обычного наблюдения, что партия могла получить еще несколько мест в юго-восточном регионе. Одним словом, это был страшный народный приговор делу об импичменте. Я думал, что результаты этих выборов поставят крест на решении Конституционного суда по делу об импичменте.

14 мая наконец-то было принято окончательное решение Конституционного суда. В проведении импичмента было отказано. Все адвокаты, принимавшие участие в процессе, разделили эту радость друг с другом, сжимая коллег в крепких объятьях. Журналисты спрашивали о том, что мы чувствуем. Я рассказал о своих впечатлениях: «Я так рад, что даже не могу говорить. Я надеюсь, что наша политическая культура сделала еще один шаг вперед в своем развитии и стала источником единения всех граждан. Так как все-таки в Конституционном суде было вынесено решение о частичном признании причин для импичмента, нам необходимо уважать это решение и со смирением его принимать. Постановление Конституционного суда было в целом ожидаемым результатом. Я считаю, что это юридическое выражение здравого смысла граждан».

Но были и грустные моменты. Адвокат Ю Хёнсок, который взял на себя роль председателя группы защитников, совсем

обессилел после финальной защиты, и в итоге он скончался 25 мая, так и не оправившись от удара. Он прожил свою жизнь как адвокат по правам человека и зажег последний яркий огонь на суде по делу об импичменте. В день принятия решения Конституционным судом группа адвокатов посетила больничную палату и попыталась сообщить радостные новости, но он уже находился в коме, поэтому мы не смогли к нему попасть и вынуждены были передать новости его семье. На его похоронах я присутствовал уже в качестве старшего секретаря по вопросам гражданского общества и передал соболезнования президента.

Я также часто ходил на так называемые протестные демонстрации со свечами, которые проходили в перерывах между заседаниями суда. Как гражданин, я хотел лично поддержать силу демонстраций при свечах. Учитывая политический характер судебного процесса по импичменту и консервативный настрой конституционных судей, необходимо было, чтобы общественное мнение могло пересилить эти факторы.

Что касается судебного процесса по импичменту, есть один аспект, о котором надо задуматься. К счастью, иск об импичменте президента Но Мухёна был отклонен. Но как все вышло бы, если бы он был одобрен? Фактически трое из конституционных судей выступили за импичмент. И если бы суждения большинства судей совпали, то президент был бы смещен с поста. Но кто им дал

такое право? В чем легитимность права, согласно которому можно объявлять импичмент президенту, избранному народом? К тому же народ не избирал этих людей в качестве конституционных судей. И являются ли они лучшими судьями во всей Республике Корея? Спорный вопрос. Трое из девяти конституционных судей избираются Национальным собранием, трое назначаются президентом, то есть как минимум шестеро назначаются политиками.

Сейчас ситуация значительно улучшилась, но в прошлом часто назначали людей, которые внесли значительный вклад в работу политических партий, и даже были примеры назначений на пост конституционного судьи, вызванных чувством заботы о тех, кто выпал из списка кандидатов. Система импичмента является конституционным инструментом высшего уровня, направленным на защиту Конституции и демократии, но при этом судьи, которые в действительности ответственны за конституционное судебное разбирательство, могут быть назначены исключительно в соответствии с политическими интересами. И таким образом, посредством своих заключений и решений они могут сместить с поста избранного гражданами президента. Поэтому система может использоваться как орудие уничтожения демократии и Конституции. Система импичмента, безусловно, необходима. Но я считаю, что нынешняя система назначения конституционных судей очень опасна.

Старший секретарь по вопросам гражданского общества

Спустя три дня после окончания судебного процесса по импичменту я снова вернулся в Голубой дом. В этот раз в качестве старшего секретаря по вопросам гражданского общества. Президент настойчиво просил меня об этом. Во время реорганизации структуры президентской администрации существующее на тот момент Управление гражданского участия было реорганизовано в Управление по вопросам гражданского общества, и его функции были расширены. Президент Но Мухён сказал, что это было сделано с учетом моего будущего участия и что я непременно должен принять на себя обязанности старшего секретаря. Конечно, это не было правдой. Это была реорганизация структуры, чтобы посредством выхода за рамки существующего Управления гражданского участия попробовать более эффективно взаимодействовать с гражданским обществом. Однако такие слова совершенно обезоруживают, и возможности отказать уже не остается.

Когда президент заново создал Управление по вопросам гражданского общества и возложил на меня обязанности старшего секретаря, это открыло для нас обоих новый смысл. «Правительство участия» начало свою работу благодаря усилиям гражданского общества. Президент Но Мухён был в большей степени обязан победой на выборах поддержке гражданского общества, нежели помощи Демократической партии, в которой он тогда состоял. Однако из-за таких проблем, как отправка войск в Ирак, инцидент с уездом Пуан, вопрос дамбы Сэмангым и передислокация американских военных в Пхёнтхэк, значительно пострадали отношения с гражданским обществом. Многие отвернулись от нас, так как были разочарованы.

Однако затем гражданское общество снова объединилось на демонстрациях при свечах и освободило президента Но Мухёна от цепей импичмента. И благодаря этому партия «Ёллин Уридан» стала партией большинства на всеобщих выборах 15 апреля. Настало время снова объединиться с гражданским обществом и начать заново. Как раз тогда популярностью пользовалось слово governance («государственное управление»). Нашей мечтой было осуществление государственного управления вместе с гражданским обществом. Президент даже советовал сотрудникам Голубого дома читать книги, связанные с темой «Принципы управления».

Президент назвал меня первым квалифицированным специалистом по гражданскому обществу, так как долгое время моя деятельность была связана с гражданским обществом в регионе Пусан, а во время работы на посту старшего секретаря по гражданским делам мне удалось хорошо узнать и некоторых представителей гражданского общества в Сеуле. Я прилагал усилия, чтобы оправдать его ожидания. Важнейшие задачи в области социальных конфликтов были разделены по соответствующим секретариатам, чтобы администрация президента могла непосредственно контролировать их выполнение. Для урегулирования общенациональных конфликтов был создан специальный орган – Президентская комиссия по устойчивому развитию. Для легитимизации процессов началась работа по утверждению рамочного Закона об урегулировании конфликтов. Также было значительно расширено участие гражданского общества в политических совещательных органах: не только в Президентской комиссии по устойчивому развитию, но и в Комитете по национальной энергетике и других.

Оглядываясь назад, я понимаю, что наших усилий было недостаточно. Однако направление было задано верно. Направление, в котором правительство не разрастается слишком сильно в стремлении стать «государством всеобщего благосостояния», а передает некоторые функции народу. Также это способ помочь гражданскому обществу стать здоровым.

Однако так как служебные обязанности и функции Управления по делам гражданского общества, в отличие от других управлений, не имели полностью установленной и определенной формы, то было очень много разночтений в зависимости от того, кто и как управлял процессами. И задача состояла в том, чтобы определить, как преодолеть эту проблему.

Особенно запоминающимся моментом за время работы в должности старшего секретаря по вопросам гражданского общества была встреча моей матери со своими родственниками в рамках встреч разделенных семей. В июле 2004 года моя мать была выбрана для участия во встрече разделенных семей Севера и Юга, и в горах Кымгансан она смогла увидеться со своей младшей сестрой. Сестра была единственным оставшимся кровным родственником моей матери, которая была старшей из шести детей, а ее сестра – самой младшей. Хотя моя мать подавала заявления еще со времен работы правительства Ро Дэу, но ее заявление ни разу не было принято, а в тот раз встреча прошла, потому что на Севере было выбрано заявление ее младшей сестры. Выбор нас в качестве семьи для воссоединения пришелся на тот период, когда я не работал в Голубом доме, но само

мероприятие состоялось уже после того, как я стал старшим секретарем по вопросам гражданского общества. Я был очень рад отвезти маму в горы Кымгансан и встретиться со своей тетей. Тетя знала, что я работаю в Голубом доме, и спросила меня о моей должности. Конечно, я ответил, что занимаю пост старшего секретаря по вопросам гражданского общества, но, как я ни старался, я никаким образом не смог объяснить тете, чем же занимается человек на этой должности.

Особенно запоминающимся моментом за время работы в должности старшего секретаря по вопросам гражданского общества была встреча моей матери со своими родственниками в рамках встреч разделенных семей. В июле 2004 года моя мать была выбрана для участия во встрече разделенных семей Севера и Юга, и в горах Кымгансан она смогла увидеться со своей младшей сестрой.

Чего я никогда не смогу забыть – это волнений по поводу назначения Ли Кичжуна на пост вице-премьера в сфере образования*. Это был самый большой кадровый провал в период работы «Правительства участия». Не то чтобы о его недостатках не стало известно в процессе кадровой проверки. Но даже после того, как они подтвердились в ходе расследования, эти слабые места не были признаны основанием для признания его некомпетентности.

Именно то кадровое совещание, на котором принималось решение по Ли Кичжуну, я пропустил. За время работы в Голубом доме я пропустил только одно еженедельное кадровое совещание, и это было как раз то самое. Совещание по кадровым вопросам

было самым важным из всех собраний, поэтому я никогда его не пропускал. Но в тот день у меня были важные дела в провинции и я не успевал вернуться ко времени начала совещания. Если бы я с самого начала знал, что опоздаю, то попросил бы перенести время совещания, но я не мог предугадать, что так выйдет. Кроме того, если бы я был старшим секретарем по гражданским делам, который является ответственным за кадровые проверки, то все ждали бы, пока я не приеду, но так как я занимал пост старшего секретаря по вопросам гражданского общества, то все решения на собрании были приняты без меня.

Если бы я присутствовал, то я бы возражал против такого назначения – вот что было самым обидным. Произошедшее не отвечало моим стандартам. К тому же я хорошо помнил, как его мошеннические схемы стали причиной серьезных проблем в Сеульском национальном университете и как их раскритиковали в СМИ. Если бы я просто указал на эти проблемы, то, вероятнее всего, все бы согласились с моим мнением. Но Ли Кичжун был хорошим знакомым главы администрации президента, который его и порекомендовал, поэтому никто не рассматривал вопрос детально и его оставили без особого внимания. Позже из-за всего произошедшего все члены Комитета по кадровым рекомендациям, включая главу администрации президента, старшего секретаря по гражданским делам, старшего секретаря по кадровым назначениям, старшего секретаря по связям с общественностью и меня, подали прошение об отставке. Все закончилось уходом старшего секретаря по гражданским делам и старшего секретаря по кадровым назначениям, но нам всем было тяжело пережить произошедшее, так как мы не смогли должным образом оказать поддержку президенту.

За исключением этого случая, в целом системой кадровых рекомендаций и инспекций при «Правительстве участия» можно было гордиться. Это была система взаимных ограничений, которая подразумевала разделение рекомендаций и инспекций и вынесение коллегиального решения на совещании. Самым главным было стремление президента уважать эту систему.

Если ставить в приоритет предпочтения президента, то система быстро развалится. Президент Но Мухён уважал последовательное соблюдение правил системы. Были моменты, когда при назначении кого-либо президент просил провести инспекцию по этому человеку. Безусловно, иногда он давал высокую оценку каким-то людям. Те, кто был близок с президентом, естественно, знали его мнение относительно тех или иных людей. Конечно, мы тоже старались учитывать его предпочтения, если это было возможно, и включали в число

кандидатов тех людей, которые ему понравились или которым он дал высокую оценку.

Однако при проведении кадровой инспекции или при вынесении последующей оценки никаких исключений не делалось. Из числа кандидатов исключались все, у кого были низкие оценки или выявились проблемы при инспекции: и те, кто прошел проверку по указанию президента, и те, кто был включен в список кандидатов в соответствии с предпочтениями президента. Если мы докладывали президенту о причинах исключения кандидата, то он всегда принимал этот факт и ни разу не упорствовал в своих предпочтениях. Именно поэтому система кадровых назначений при «Правительстве участия» работала должным образом.

Комментарий

* Волнения по поводу назначения Ли Кичжуна на пост вице-премьера в сфере образования. 이기준교육부종리인사파동. Вице-премьер Ли Кичжун вступил в объединенную должность министра образования и человеческих ресурсов в январе 2005 года и ушел в отставку уже через два дня из-за того, что он критиковал общественное мнение и обладал спорными моральными принципами, которые проявились во время его работы ректором Сеульского национального университета и отражались в проблемах совмещения основной должности ректора с должностью внешнего директора и сопутствующего нецелевого использования бюджета, а также в вопросе двойного гражданства его сына.

«Большая коалиция». Страдания президента

В январе 2005 года я перешел на новую должность. Я снова стал старшим секретарем по гражданским делам. После начала работы правительства прошло уже много времени, и уровень требовательности естественным образом снизился, а в соответствии с этим и атмосфера смягчилась. И в такой атмосфере были отстранены от должностных обязанностей и ушли в отставку старший секретарь по гражданским делам и старший секретарь по кадровым назначениям. Это произошло из-за волнений по поводу назначения Ли Кичжуна вице-премьером в сфере образования. Я вернулся как новичок и решил, что необходимо снова взять под контроль общий настрой в управлении, поэтому мне и поручили это дело.

В то время, когда я снова работал старшим секретарем по гражданским делам, в «Правительстве участия» произошло самое болезненное событие. Президент внес проект о создании «Большой коалиции». Хотя реформа избирательной системы, направленная на преодоление регионализма, и была уже утверждена, президент внес предложение, в соответствии с которым предполагалось объединение с партией «Ханнара» и передача ей права на формирование состава Кабинета министров. Это предложение испугало всех наших сторонников, которые, выйдя на демонстрации со свечами против импичмента президента, смогли сделать партию «Ёллин Уридан» партией большинства. Лагерь гражданского общества тоже был обескровлен. В провинции Чолла все считали это предательством Хонама. Многие сотрудники администрации, в том числе и я, были против, поэтому, поддерживая президента и оставаясь ему преданным, я не разделял его мнение. Мы сами не были убеждены в том, что говорим, поэтому не могли убедить других людей. Позже президент признал, что это было самой большой ошибкой за все время работы «Правительства участия».

В действительности предложения о создании «Большой коалиции» начали поступать, еще когда президент не планировал этого. В то время для проведения регулярных совещаний между правительством, правящей партией и президентской администрацией по вопросу текущих государственных дел каждую неделю в пятницу вечером в официальной резиденции премьер-министра проводился ужин, в котором участвовали восемь ключевых фигур из правительства, правящей партии и

президентской администрации во главе с премьер-министром. От партии участвовали председатель партии и руководитель партийной фракции в парламенте; от правительства обычно присутствовали два-три министра: это могли быть Чон Донён, Ким Гынтхэ, а также Чхон Чонбэ или Чон Сегюн; а представителями президентской администрации были глава администрации, его заместитель по политическим вопросам и я. Хотя совещание называлось «собранием восьми человек», но, так как состав участников не был четко определен, бывало так, что приходили еще один или два человека (из влиятельных членов партии). И изредка на совещание приходил сам президент – без предупреждения, со словами: «Давайте посмотрим на лица присутствующих».

Так в конце апреля 2005 года президент неожиданно появился на собрании. И в процессе разных обсуждений он вдруг заговорил о «Большой коалиции», создание которой предполагалось в рамках реформирования избирательной системы, направленной на ликвидацию регионализма. Вообще-то сказанные президентом слова уже звучали в прошлом. Но тогда ситуация была иной. В прошлом правящая партия имела слишком явное меньшинство, поэтому такие призывы можно было понять, но понять их, когда речь идет о партии большинства, было сложно. Хотя абсолютное большинство было потеряно, так как на дополнительных выборах мы потеряли много мест, тем не менее у нас было большинство при условии сотрудничества с Демократической рабочей партией. Все были неприятно удивлены словами президента. Это произошло настолько внезапно, что мы слушали президента, не вступая в дискуссию. Сказав: «Это дело не сиюминутное, поэтому подумайте», – президент встал. Когда президент ушел, все согласились, что это большая проблема. Премьер-министр Ли Хэчхан сказал, что сказанное не должно стать достоянием общественности, поэтому он призвал всех не разглашать этот разговор, как будто его и не было вовсе.

Однако через несколько дней слова президента были напечатаны в газете в разделе специальных новостей. Можно было предположить, что проговорился кто-то из представителей партии. Прочитав эту статью, сотрудники президентской администрации, включая меня, предложили замять это дело, сказав, что эта тема обсуждалась лишь на уровне идей. Однако президент решил выступить с официальным предложением создания коалиции и разослал открытые письма членам партии. Сотрудники администрации были против, но он лично написал письмо и разместил его на главной странице сайта Голубого

дома. Это вызвало очень сильный резонанс, с которым было трудно справиться.

Зачастую, когда президенту приходила в голову какая-то идея, он рассказывал о ней своим приближенным, выслушивал их мнения и затем совершенствовал ее. Таким образом идеи упорядочивались, корректировались, а иногда президент даже отказывался от изначального замысла. По этой причине те, кто не был хорошо знаком с формулировками президента, иногда ошибочно принимали его неотредактированную речь за его истинные намерения. Именно так обстояло дело со словами, сказанными на ужине в тот день. Замысел президента находился в самой начальной, зачаточной стадии и не был еще до конца оформлен. И в соответствии с тем, что я слышал от президента позже, он слишком чувствительно отнесся к изменившейся политической конъюнктуре, когда партия «Ёллин Уридан» потеряла большинство и снова установилась система «правящая партия в меньшинстве, у оппозиционной партии большинство», а вдобавок ко всему партия «Ханнара» вынесла на рассмотрение предложение об отставке действующего тогда министра обороны Юн Гвануна. В любом случае с большой долей вероятности президент сам бы не дал ход этой идее. Но даже в случае если бы он захотел осуществить свой замысел, то после обсуждения с сотрудниками администрации он бы взвесил все с точки зрения политической своевременности. И в таком случае он, скорее всего, изменил бы свое решение. В крайнем случае, если бы он сказал, что не изменит своего мнения, то, вероятнее всего, идея могла бы быть реализована в гораздо более подходящий момент и в скорректированной и законченной форме. Однако из-за эффекта неожиданности президент вдруг засомневался в искренности своих действий. Реакция партии и общественное мнение также вышли за рамки обычного обсуждения, сделав его невозможным. Даже если допустить, что часть предложений президента, согласно которым требовалось подготовить проект создания коалиции, была проигнорирована, то само предложение о создании коалиции могло бы возыметь эффект, только если бы его преподнесли как реформу избирательной системы в целях ликвидации регионализма. Но даже этого не удалось сделать.

Зачастую, когда президенту приходила в голову какая-то идея, он рассказывал о ней тем, кто был близок к нему, выслушивал их мнения и затем совершенствовал ее. Таким образом идеи упорядочивались, корректировались, а иногда президент даже отказывался от изначального замысла.

В действительности это был не первый случай, когда президент предложил связать создание коалиции и реформу избирательной системы для ликвидации регионализма. 26 декабря 2002 года, через несколько дней после победы на президентских выборах, будущий президент Но Мухён участвовал в предварительном собрании представителей Центрального избирательного комитета Демократической партии и предложил провести переговоры о реформе избирательной системы с целью отхода от регионализма, сказав: «Чтобы преодолеть структуру регионального противостояния, я планирую пойти на уступки, какими бы они ни были, даже если мне придется вполовину сократить свои президентские полномочия». 18 января 2003 года избранный президент Но Мухён заявил во время телевизионного интервью: «Если в любом регионе запретить одной политической партии получать более 70–80 % голосов и таким образом попытаться преодолеть регионализм, в этом случае решение об избрании премьер-министра может приниматься той политической силой, которая имеет большинство голосов, как это происходит во Франции».

Также 3 апреля 2003 года, в своем первом выступлении в

парламенте после вступления в должность президента, он еще больше развил эту мысль и сказал следующее: «Регионализм однозначно должен быть аннулирован. В существующей ситуации наша политика не сможет продвинуться вперед ни на шаг. Я надеюсь, что правящая и оппозиционная партия достигнут согласия в отношении внесения в Закон о выборах поправок, которые запретят, начиная со всеобщих выборов следующего года, определенным партиям занимать более 2/3 мест в парламенте в определенных регионах. Если мой план реализуется на 17-х всеобщих выборах, то я передам полномочия формирования Кабинета министров партии, имеющей большинство мест в парламенте, и политическим объединениям. Результатом этого станет делегирование половины или даже большей части полномочий президента. Такое решение соответствует также требованиям граждан о более децентрализованной форме президентской республики. Может показаться, что это противоречит Конституции, однако это возможно и в рамках существующей системы, если президент будет по-прежнему утверждать состав Кабмина, но при этом с уважением относиться к праву премьер-министра предлагать свои кандидатуры. Это серьезное предложение, которое я делаю для будущего нашей страны. Пожалуйста, примите его».

И в итоге он предложил создать «Большую коалицию».

Реформа избирательной системы с целью ликвидации регионализма – это та идея, на которой президент последовательно настаивал. Заявления о готовности распределить президентские полномочия в случае реализации предложения создания «Большой коалиции» были нацелены на форсирование реформы избирательной системы. Президент был готов разделить с членами коалиции полномочия по принятию решения о кандидатуре премьер-министра, по формированию Кабинета министров, по созданию коалиционного правительства и другие. Однако политические круги не давали никакого ответа на неоднократные требования президента Но Мухёна о реформе избирательной системы. Молчал и лагерь гражданского общества. Граждане были согласны с президентом и говорили, что это правильные слова и необходимое дело, но не прилагали никаких особых усилий для его реализации. На мой взгляд, сеульский лагерь гражданского общества просто не интересовался такими вопросами, как ликвидация регионализма, локализация в политическом процессе, децентрализация и сбалансированное развитие страны. Все были согласны, что это правильно, но не думали, что это насущный вопрос. Они даже говорили: «Разве это такая уж приоритетная проблема? – и давали следующие

оценки: – Сейчас неотложной задачей является ликвидация социальной поляризации, но президент, кажется, больше поглощен решением менее приоритетных проблем, таких как преодоление регионализма». Думаю, эти высказывания свидетельствуют о настоящем положении дел лагеря прогрессистов и реформистов в нашей стране.

Введение в силу права на управление расследованием

В октябре прокуратура начала расследование инцидента о нарушении Закона о национальной безопасности профессором университета Тонгук Кан Чжонгу*. Хотя тогда можно было проводить расследование, и если бы возникли подозрения, то можно было даже возбудить уголовное дело, но сложность заключалась в определении способа, который позволил бы потребовать ордер на арест. Министр юстиции Чхон Чонбэ ввел в силу право на управление расследованием*, которое предписывало генеральному прокурору Ким Чонбину вести расследование без ареста. Это было сделано в соответствии с положениями Закона о прокуратуре, которые гласят, что президент дает распоряжения и указания непосредственно генеральному прокурору в отношении конкретных судебных дел.

Введение в силу права министра Чхон Чонбэ на управление ходом расследования не было просто целесообразным решением, благодаря которому расследование этого дела должно проходить без арестов, – оно было следствием твердого убеждения, что процесс уголовного судопроизводства в нашей стране должен основываться на принципе отсутствия предварительного заключения во время проведения расследования, что соответствовало духу Уголовно-процессуального кодекса. Было очевидно, что решение вопроса, будет ли данное конкретное дело расследоваться без предварительных арестов, станет важной вехой и поворотным моментом для создания тенденции к проведению следственных действий без предварительного заключения. Однако генеральный прокурор Ким Чонбин выразил протест против введения в силу министром юстиции права на управление следственным процессом и подал в отставку. И хотя некоторые сотрудники, включая заместителя генерального прокурора Чон Санмёна, который в будущем станет генеральным прокурором, пытались его удержать от этих действий, и я также уговаривал его, но мы не смогли сломить его упорство. СМИ, враждебно настроенные к «Правительству участия», изобразили его как настоящего героя.

Я не мог понять его поведения и до сих пор не понимаю. И еще больше не понимаю, когда сравниваю «Правительство участия» с предыдущим правительством, а также с нынешним. До «Правительства участия» министр юстиции давал генеральному прокурору те или иные распоряжения, и это было обычным

делом. И для этого даже не требовалось права на управление расследованием. Достаточно было просто сказать об этом. А что же насчет нынешнего правительства? Хотя министр юстиции может давать распоряжения только генеральному прокурору, всем известно, что министр юстиции, а также чиновники министерства напрямую звонят окружному прокурору или следователю и дают указания относительно хода расследования. В «Правительстве участия» таких случаев никогда не было. Поэтому использовались только методы, установленные законом. Следовательно, именно право управления расследованием особенно явно демонстрировало полное невмешательство министра юстиции в рутинную работу генерального прокурора.

В случае генерального прокурора, если кто-то тайно снизу оказывает на него давление и настойчиво требует того, что ему сложно принять, то он может смело обнародовать информацию о происходящем и сложить с себя обязанности. Это необходимо для сохранения политического нейтралитета прокуратуры. Однако министр Чхон Чонбэ следовал всем процедурам официально и публично. Это заключалось в том, что генеральный прокурор должен был руководствоваться указаниями министра юстиции, даже если они противоречат его собственным убеждениям. Возразить было невозможно, как бы сильно ни различались их убеждения. И это не относилось к разряду подрыва репутации или же нанесения ущерба гордости генерального прокурора или прокуратуры в целом. И более того, это был отличный шанс установить традиции обязательного соблюдения всех формальных процедур по использованию права управления следственным процессом в тех случаях, когда министр юстиции давал распоряжения генеральному прокурору относительно определенных судебных инцидентов. Из-за негативной реакции генерального прокурора Ким Чонбина все вернулось к недостойной практике прошлого. Кроме того, важной системой, задуманной для сохранения политической независимости прокуратуры, была система ограничения срока полномочий генерального прокурора. Само по себе соблюдение срока полномочий было очень важным делом. Мне и сейчас сложно понять, почему генеральный прокурор отказался от своих полномочий по такой причине и тогда, когда система ограничения срока службы еще не была утверждена.

Конечно, остается вопрос, было ли введение в действие министром юстиции Чхон Чонбэ права на регулирование хода расследования мудрым шагом. Начиная с министра Кан Гымсиль, все министры юстиции, которые не были выходцами из прокуратуры, считали это целесообразным в рамках реформ

Министерства юстиции и прокуратуры. Однако проблемой было отсутствие согласованности с прокурорскими учреждениями. Сложность представляло проведение реформ при одновременном осуществлении руководства прокуратурой. Именно по этой причине министр, который не был выходцем из прокурорских кругов, не мог постоянно находиться на посту. Генеральный прокурор также был человеком, который верил в реформы и стремился к ним, но сталкивался с теми же трудностями. И на фоне всего этого из-за проблемы права управления следственным процессом произошел еще больший разрыв с прокуратурой. Согласованность с прокуратурой так и не была достигнута, и продвижение реформ прокуратуры сильно осложнилось. Если рассматривать с этой точки зрения, то жертвы, которые пришлось принести вследствие введения права на управление следственным процессом, были очень велики.

Комментарии

* Инцидент о нарушении Закона о национальной безопасности профессором университета Тонгук Кан Чжонгу. 강정구교수국가보안법 위 반 사건. Инцидент, произошедший в октябре 2005 года, когда профессор университета Тонгук Кан Чжонгу был привлечен к суду за нарушение Закона о национальной безопасности после своего заявления, сделанного посредством сети Интернет, о том, что «Корейская война является освободительной войной северокорейского руководства ради объединения родины».

* Право на управление следственным процессом. 수사지휘권. Положение ст. 8 Закона о прокуратуре, которое гласит: «Министр юстиции является руководителем, осуществляющим надзор за деятельностью прокуратуры, и в рабочем порядке осуществляет контроль и руководство, а в отдельных случаях дает распоряжения и указания непосредственно генеральному прокурору».

Предпосылка к судебной реформе

Проблема проведения судебной реформы, которая началась, когда я в первый раз находился в должности старшего секретаря по гражданским делам, все еще не была решена к тому моменту, когда я вернулся на этот пост, и оставалась самым главным открытым вопросом, который должен был взять на себя старший секретарь по гражданским делам. К счастью, «Правительству участия» удалось успешно завершить проект судебной реформы и принять большинство мер на законодательном уровне. Благодаря этому правовая система нашей страны сделала большой шаг вперед. Несмотря на значительные усилия правительств Ким Ёнсама и Ким Дэчжуна, в тот период все закончилось только обсуждениями. Конечно, мы тоже смогли сделать не все, что было задумано. Так, был создан план по проведению реформы системы военного законодательства, но из-за недостатка времени он не получил законодательного закрепления. Также в ходе обсуждений мы не смогли достичь консенсуса по вопросу «политической юстиции» Верховного суда. Но мы добились определенного прогресса, и если когда-нибудь к власти придет правительство с аналогичными стремлениями, то оно сможет продолжить процесс уже с той точки, до которой дошло «Правительство участия». Так как реформа касается правовой системы, то я не уверен, что люди, не имеющие отношения к этой сфере, могут прочувствовать всю проблематику этого вопроса. Однако я как юрист считаю крайне важным то, что сумел справиться с судебной реформой и преуспел в этом процессе.

Судебная реформа должна быть реализована совместно с Верховным судом, поэтому продвигать ее отдельно правительству тяжело. По этой причине судебная реформа не была одним из официальных обещаний, выдвинутых во время президентской предвыборной кампании, и не была включена в список задач государственного реформирования, определенных во время работы Переходного комитета. Если задуматься, то поводом для начала судебной реформы послужило случайное стечение обстоятельств. Конечно, этот случайный повод был создан динамичным развитием истории. Можно сказать, что возможность проведения реформ «Правительством участия» была результатом ожиданий, которые возникли в каждой из областей.

В августе 2003 года произошел конфликт с Верховным судом. Из-за проблем с назначением членов Верховного суда Голубой дом и Верховный суд оказались в весьма затруднительном положении. Тогда в юридических кругах, а также и за их

пределами, было популярно мнение о том, что при назначении Верховных судей и судей Конституционного суда должно обеспечиваться социальное разнообразие, в том числе должны быть соблюдены права человека и гарантирована защита женщин и меньшинств. Даже среди молодых судей многие полагали, что современный подход к кадровым назначениям должен отражать дух социального разнообразия, который соответствует направлению реформ и изменений, а не следовать модели карьерного роста в соответствии со стажем. Именно на этом направлении всегда настаивал президент. Когда в Верховном суде началась кадровая работа в целях выдвижения кандидатов для нового назначения на пост верховного судьи, я передал Верховному суду суть стремлений президента. Я сказал, что президент намерен рассмотреть представления, соответствующие духу обеспечения социального разнообразия в структуре Верховного суда, включая защиту прав человека, в том числе женщин и меньшинств. Но Верховный суд представил кандидата в соответствии с традиционным методом получения должности за выслугу лет. Возможно, в Верховном суде не до конца поняли намерения президента. Рекомендуемый кандидат был выдающимся человеком с точки зрения традиционных стандартов, но многие выступили против его назначения из-за требований времени, которые заключались в стремлении к социальному разнообразию. Министр юстиции Кан Гымсиль и председатель Корейской ассоциации адвокатов Пак Чэсын, которые состояли в рекомендательной комиссии на совещании по кадровым назначениям в Верховном суде, не одобрили кандидатуру и даже покинули совещание в знак протеста. Этот вопрос подняли также и молодые судьи, не говоря уже о неправительственных юридических кругах. Заместитель главного судьи Сеульского центрального районного суда Пак Сихван, который снискал доверие и популярность благодаря своему стремлению к преобразованиям, подал в отставку. Некоторые молодые судьи выступили против процедуры выдвижения кандидатов в члены Верховного суда и стали собирать через интернет подписи в поддержку коллективного волеизъявления.

В действительности отозвать рекомендацию было очень непростым делом для председателя Верховного суда. Но, даже несмотря на это, ситуация осложнялась тем, что президент не мог просто принять рекомендацию членов Верховного суда по кадровому назначению, если она не отражала дух социального разнообразия. Однако даже если бы он отклонил рекомендацию, то суд столкнулся бы с идеологическим противоречием и подвергся серьезным испытаниям. В этом безвыходном

положении бывший председатель верховного суда Юн Гван выступил за примирение двух сторон и предложил вынести решение по этому вопросу после обсуждения с представителями судейских кругов. Он сказал: «Если вы примете рекомендации по назначению членов Верховного суда, даже если президент не полностью удовлетворен ими, то, во-первых, Верховный суд поддержит судебную реформу и будет продвигать ее вместе с Голубым домом. Во-вторых, начиная с того момента, когда будет назначен следующий кандидат на пост председателя Конституционного суда, который, в свою очередь, имеет право представления председателя Верховного суда, следующие кандидатуры членов Верховного суда будут отвечать стандартам социального разнообразия. А также необходимо созвать национальное собрание судей, чтобы провести опрос и публично пообещать, что следующие кадровые назначения членов Верховного и Конституционного судов будут проходить в соответствии со стандартами социального разнообразия». Судьи согласились с его словами, и план был принят.

Так в нашей стране появилась первая женщина – член Конституционного суда и первая женщина – член Верховного суда. После этого «Правительство участия» прилагало большие усилия для обеспечения социального разнообразия в Верховном и Конституционном судах и достигло значительного прогресса в этом вопросе. Была даже сделана попытка выдвинуть женщину на пост председателя Конституционного суда, но из-за политической оппозиции партии «Ханнара» она не удалась.

Но, с другой стороны, в октябре 2003 года после нескольких предварительных обсуждений Верховный суд и Голубой дом создали совместную Комиссию по вопросу судебной реформы и начали долгий путь реформирования судебной системы. Председателем Комиссии по вопросу судебной реформы был назначен адвокат Чо Чунхи. После окончания обсуждений в Комиссии Верховный суд и Голубой дом сформировали совместный Комитет по продвижению судебной реформы, чтобы законодательно закрепить предложения, выдвинутые в ходе обсуждения в Комиссии. Председателем комитета был назначен адвокат Хан Сынхон.

Разбор событий прошлого

Среди дел, которые были начаты во время моего первого срока нахождения на посту старшего секретаря по гражданским делам, одной из важнейших задач был пересмотр событий прошлого. После долгих проволочек Национальное собрание наконец одобрило Основной закон о пересмотре событий прошлого. Также была учреждена Комиссия по установлению истины и примирению в отношении событий прошлого. В этом процессе решающее значение имела сила гражданского общества, которое приложило значительные усилия для пересмотра событий прошлого.

В этот процесс было вложено так много сил и времени, и хотя из-за противодействия партии «Ханнара» идеи были законодательно закреплены не сразу, а изначальное их содержание сохранилось лишь частично, но само по себе одобрение законопроекта уже имело большое значение. Конечно, только посредством ограниченной по времени работы Комиссии, которая была создана в соответствии со специальным законом, невозможно было объять необъятное и пересмотреть все события прошлого. И мы нашли способ решения этой проблемы. Различные учреждения в правительстве оказывали поддержку в пересмотре событий прошлого, в то время как финальную инспекцию проводила Комиссия по установлению истины и примирению.

Основная цель задуманного состояла в том, чтобы правительственные учреждения параллельно выполняли определенную самостоятельную работу по пересмотру событий прошлого, а затем Комиссия по установлению истины и примирению обобщила бы все результаты. Это был очень эффективный метод. В Национальной разведывательной службе, полиции, армии – в тех структурах, которые более всего нуждались в пересмотре событий прошлого, – были созданы отдельные Комиссии по установлению истины и примирению. Хотя внутри правительства многие выступили против, но мы смогли успешно их убедить. В итоге самостоятельная работа по пересмотру событий прошлого, проведенная этими учреждениями, принесла прекрасные результаты.

Суд также внес свою лепту в пересмотр событий прошлого посредством повторного рассмотрения дел и вынесения новых решений. В соответствии с решением Комиссии об установлении истины в ходе пересмотра судебных дел многие приговоры были отменены и были вынесены новые решения, и этот процесс до сих

пор продолжается.

Единственное учреждение, которое до сих пор не осуществило пересмотр событий прошлого, хотя он крайне необходим, – это прокуратура. В то время прокуратура не могла реализовать пересмотр параллельно с другими учреждениями в связи со сложной обстановкой. Дело в том, что, согласно установленной процедуре, расследования по делам, которые были сфальсифицированы или нарушали основные права человека в связи с установками государственной власти, проводились сначала полицией или разведывательными службами, а прокуратура была ответственна за предъявление обвинений. По этой причине прокуратура не могла нарушить последовательность, в соответствии с которой сначала пересмотр событий прошлого в отношении фальсифицированных судебных дел должны были осуществить Национальное агентство разведки и полиция, затем суд посредством пересмотра дела должен был вынести решение о невиновности, и только затем прокуратура могла сама начать процесс пересмотра. Однако за время работы «Правительства участия» последняя стадия так и не была достигнута. В итоге выяснилось, что многие дела были сфабрикованы, и суд установил невиновность обвиняемых. Однако сложилась ситуация, в которой государство несет ответственность за выплату огромных компенсаций за нанесенный ущерб, а прокуратура остается будто в стороне от происходящего.

При пересмотре одного из дел президенту пришлось лично выступить от имени правительства, чтобы разрешить эту болезненную историю. Я говорю о восстании на Чечжудо*, которое началось 3 апреля 1948 года. Хотя это событие было лишь одним из звеньев в цепи требующих пересмотра событий прошлого, но о нем стали говорить еще при «Народном правительстве» Ким Дэчжуна. Люди желали восстановления чести и достоинства. Во времена «Правительства участия» вышел общий отчет о деле, который сам по себе уже являлся в некоторой степени воплощением этих чаяний.

Однако президент не собирался останавливаться на достигнутом. Он считал это пробным камнем в деле пересмотра событий прошлого. Извинения были принесены дважды. Сначала премьер-министр участвовал в проведении памятной церемонии в честь годовщины со дня начала восстания и принес официальные извинения от имени правительства. Президент и этим не был полностью удовлетворен, и во время своих визитов на остров Чечжудо в 2003 и 2006 годах принес извинения от имени главы государства. Семьи погибших выплеснули перед президентом все

те слезы и печаль, с которыми им приходилось жить и которые им приходилось скрывать в течение десятилетий.

Президент и этим не был полностью удовлетворен, и во время своих визитов на остров Чечжудо в 2003 и 2006 годах принес извинения от имени главы государства. Семьи погибших выплеснули перед президентом все те слезы и печаль, с которыми им приходилось жить и которые им приходилось скрывать в течение десятилетий.

За пять лет Комиссия установила истину в отношении более чем 8000 инцидентов. Объектами пересмотра были случаи массовых жертв среди гражданского населения, которые возникли во время антияпонского движения, а также до и после Корейской войны, история и оценка жизни соотечественников за рубежом, нарушения прав человека вследствие антидемократических и антигуманистических действий, а также инциденты насилия, зверских убийств и смерти при невыясненных обстоятельствах. В частности, расследование «резни Лиги Бодо», в ходе которой во время Корейской войны погибли несколько тысяч сторонников левого движения, выявило факт незаконных карательных операций армии и полиции в отношении граждан по всей стране до и после Корейской войны.

Также были выявлены случаи убийства граждан

представителями левого крыла и Народной армии. Это было большим успехом в установлении исторической истины, которая была скрыта раньше.

Я много думал, анализируя нашу работу в процессе пересмотра событий прошлого. В самом деле, государство совершило действительно ужасные действия в отношении многих людей и даже полностью разрушило жизни некоторых из них. Сфабриковав дело, они сажали за решетку еще совсем молодых людей. И эти люди провели всю свою жизнь в тюрьме, состарившись там до седых волос. Жизни их семей, не говоря уже об их собственных жизнях, были разрушены. Родственники «шпионов», не могли устроиться на работу, не говоря уже о получении государственной должности. Казалось бы, ошибочные решения, которые заставили семьи терпеть осуждение со стороны своего окружения и буквально уничтожили их жизни, в действительности были не чем иным, как самоуправством государства.

Если государство признает свою вину в этих инцидентах, восстановит доброе имя жертв и выплатит материальную компенсацию, разве это вернет им отобранные жизни? Самое важное – чтобы государство искренне признало свою вину. Подлинное примирение между виновным и жертвами возможно только в том случае, если государство принесет искренние извинения за свои ошибки, восстановит честь и доброе имя безвинно пострадавших. Также примирение и единство среди самих граждан может быть достигнуто только после проведения такого пересмотра событий. Именно поэтому мы выбрали такое название ответственного органа – «Комиссия по установлению истины и примирению в отношении событий прошлого». Цель состояла в том, чтобы объединить не совместимые в той ситуации понятия «истина» и «примирение». И в какой мере цель была достигнута?

Меня утешает тот факт, что наши достижения – это уже огромный прогресс в истории нашей страны. Многие страны, так же как и Корея, сталкиваются с болезненными событиями прошлого. И все страны, у которых в прошлом были подобные исторические события, проводят работу по их пересмотру. И лишь немногие из них смогли достичь в процессе работы по установлению истины и примирению такого же успеха, как Корея. В такой же ситуации оказались Испания, ЮАР, Аргентина. И жаль, что работа по пересмотру была приостановлена с приходом правительства Ли Мёнбака.

В Законе о пересмотре событий прошлого рассматриваемый период четко определен. Временной промежуток также

установлен и в других подобных законах, например в Законе об установлении истины в отношении случаев гибели при невыясненных обстоятельствах и Законе о компенсации жертвам событий в Кванчжу. Однако позже в эти законы были внесены поправки, и уже во втором и третьем издании временной период, по которому можно было подавать заявления на пересмотр дел, был расширен. Мы должны были дать шанс тем людям, которые были связаны с пересмотром событий прошлого, но не могли подать заявление на повторное рассмотрение дел. Но, как только власть сменилась, все закончилось.

Комментарии

* Восстание на Чечжудо. 34. Народное восстание на острове Чечжудо, проходившее с 3 апреля 1948 года по 21 сентября 1954 года. Оно возникло в ходе противодействия социальным проблемам американской военной администрации, взявшей на себя функции управления в южной части Корейского полуострова после освобождения Кореи от японского колониального господства, и учреждению сепаратного правительства на юге Корейского полуострова. В процессе подавления восстания силами американской военной администрации и полиции многие люди были жестоко и несправедливо убиты. Точной статистики жертв нет, но, по примерным подсчетам, их число составило от 25 до 30 тысяч человек.

Управление по расследованию инцидентов злоупотребления должностными полномочиями со стороны высокопоставленных чиновников и Закон о национальной безопасности

Есть несколько вещей, о которых я сожалею, так как не успел их закончить за два срока нахождения на посту старшего секретаря по гражданским делам. И как раз такими делами являются осечка в создании Управления по расследованию инцидентов злоупотребления должностными полномочиями со стороны высокопоставленных чиновников* и ликвидация Закона о национальной безопасности.

Во время предвыборной кампании оба кандидата в президенты: и Но Мухён, и Ли Хвечхан – дали одинаковые обещания о создании Управления по расследованию инцидентов злоупотребления должностными полномочиями со стороны высокопоставленных чиновников. И, как ни удивительно, обещание Ли Хвечхана даже в большей степени совпадало с законопроектом, который продвигало «Правительство участия». Ли Хвечхан предлагал сделать Управление по расследованию инцидентов злоупотребления должностными полномочиями высокопоставленными чиновниками подведомственной структурой Антикоррупционного комитета. Позже мы решили отнести его в ведение Независимой комиссии по борьбе с коррупцией, и тем самым предвыборное обещание Ли Хвечхана оказалось ближе к истине.

Глядя на злоупотребление политическим влиянием и коррупционную деятельность, в которую были втянуты сыновья президентов в конце периода работы правительств Ким Ёнсама и Ким Дэчжуна, граждане пребывали в гневе и требовали решительных альтернативных мер. Обещание о создании управления как раз отражало ожидания граждан в то время. Несмотря на поддержку со стороны общества и данные обоими кандидатами обещания, в процессе создания законопроекта возникли некоторые сложности. Причиной было определение лиц, в отношении которых управлению следует начать расследование. Основными возможными подозреваемыми были представители окружения президента, его родственники и близкие люди, соратники из администрации, которые были подвержены риску злоупотребления политическим влиянием.

Также под подозрение попадали и все высокопоставленные чиновники – конечно, включая депутатов Национального собрания. Для Национального собрания это было недопустимо.

На рассмотрении законопроекта в Национальном собрании практически началась забастовка. Хотя это и было несправедливо, но, даже допуская, что депутатов Национального собрания проверять не будут, именно этот законопроект необходимо было продвигать. Если бы мы поставили целью утверждение законопроекта, то пришлось бы учесть необходимость исключить депутатов из числа подозреваемых в расследовании. Так как депутат был выборной должностью, то их можно было не приравнивать к остальным госслужащим. Протест Национального собрания был проблемой, но я думаю, что и нашей стороне не хватило гибкости.

Еще одним болезненным вопросом был Закон о национальной безопасности*. Конечно же, мы настойчиво пытались ликвидировать этот закон. Мы приложили чрезвычайно много усилий для этого. Даже лично президент направил свои силы на решение данного вопроса. Правящая партия начала детальную проработку данного вопроса сразу после заявления президента о том, что он собирается отменить Закон о национальной безопасности. Но дальнейший ход событий нас крайне разочаровал. Представители правящей партии заявили, что предложат альтернативный закон но не только не смогли дать какое-либо решение, а вовсе распустили целевую группу. Это было сделано под предлогом утечки внутренних документов и «заигрывания с прессой» со стороны некоторых депутатов, но на самом деле им не удалось прийти к единству мнений внутри партии. Даже несмотря на то, что в то время правящая партия была близка к обладанию большинством мест в парламенте, внутри самой партии не был найден консенсус. Не удалось договориться и с оппозиционной партией. Также партия не смогла должным образом обратиться с призывом к гражданам и склонить на свою сторону СМИ. Я ни в коем случае не возлагаю всю вину на этих людей. Мы все должны винить самих себя за это. Этот инцидент показал нашу некомпетентность.

Во время работы «Народного правительства» я также активно критиковал его за то, что Закон о национальной безопасности не был отменен. Критиковал, потому что считал, что они приложили недостаточно усилий. И какой же бессодержательной оказалась эта критика! Я рассматриваю невозможность отменить Закон о национальной безопасности как символ общей некомпетентности представителей лагеря прогрессистов и реформистов того времени.

Комментарии

* Управление по расследованию инцидентов злоупотребления должностными полномочиями со стороны высокопоставленных чиновников. 고위 공직 자비 리 수사처. Отдельный полномочный орган, который профессионально расследует случаи взяточничества или злоупотребления должностными полномочиями со стороны высокопоставленных чиновников.

* Закон о национальной безопасности. 국가보안법. Специальный закон уголовного права, принятый с целью «обеспечения национальной безопасности, благополучия и свободы граждан путем регулирования антигосударственной деятельности, угрожающей национальной безопасности». Фактически он используется как средство обеспечения стабильности режима и идеологического контроля. В связи с этим вопрос об ограничениях прав человека поднимался не только внутри страны, но и в Комиссии ООН по правам человека.

Увольнение по собственному желанию

В мае 2006 года я подал в отставку с поста старшего секретаря по гражданским делам. Решение об увольнении, к которому я пришел уже несколько месяцев назад, было принято, потому что я должен был помочь в проведении предстоящих выборов в органы местного самоуправления. Я действительно перепугался, что стал объектом обвинения и критики, когда поехал в Пусан с намерением помочь в выборах. Это был единственный случай за пять лет работы в администрации президента и за время моего отсутствия в Голубом доме, когда меня начали осуждать. Я стал думать, что политика – это еще страшнее, чем я себе представлял, и практически разочаровался в ней.

Пусанское отделение партии «Ёллин Уридан» организовало пресс-конференцию, и меня попросили приехать. Местная предвыборная кампания находилась в печальном состоянии, поэтому меня просили сделать заявление, чтобы поддержать предвыборную гонку. Совместное участие в пресс-конференции приняли ответственный за связи с общественностью от пусанской фракции партии и уполномоченный представитель партии. Репортер задал вопрос: «Что Вы ожидаете от нынешних выборов в органы местного самоуправления и какими бы Вы хотели видеть эти выборы?» Я твердо решил, что буду критиковать регионализм граждан Пусана, и сказал: «Я ожидал, что победа Но Мухёна на президентских выборах приведет к ослаблению регионализма в Пусане, но, к моему сожалению, регионализм только усилился. Поскольку президент родом из Пусана и питает к этому месту особую любовь, жители этого города думают, если хотите, что это пусанский режим, но разве это так и есть? Я не могу понять, почему граждане Пусана считают “Правительство участия” пусанским режимом. Я надеюсь, что настоящие выборы в органы местного самоуправления станут выборами, которые сломают прочные основы регионализма». Наверное, я выразился не очень ясно, но в общих чертах я обрисовал основной посыл.

Так как на пресс-конференции присутствовали только журналисты из Пусанского региона и представители новостного агентства «Ёнхап», то поначалу они лишь коротко передали смысл моего сообщения. Но на следующий день после заявления газеты, представителей которых не было на брифинге, выдернули из всей моей речи только словосочетание «пусанский режим» и стали придираться ко мне: якобы я говорю о пусанском режиме, подстрекая тем самым к регионализму.

Представители партии «Ёллин Уридан», увидев эти статьи, восприняли все серьезно, и, сильно разозлившись, стали открыто критиковать меня. Они говорили, что мое заявление поощряет пагубный для страны регионализм, что оно оскорбляет граждан, что оно неуместно и показывает, что я забыл, какую поддержку в начале работы «Правительства участия» нам оказали жители провинций Чолла и Кванчжу. После этого практически все СМИ стали наперебой обвинять меня, и в одно мгновение все переросло в огромный скандал.

Я чувствовал себя растерянным и сожалел о произошедшем. Я сожалел, что возникло множество недоразумений по поводу «пусанского режима», что я выразился неоднозначно, что я вообще пошел на эту пресс-конференцию, пообещав помочь с предвыборной кампанией. Но еще больше я переживал за партию «Ёллин Уридан». Несмотря на то что пресс-конференция была подготовлена пусанской фракцией партии и на ней присутствовали сотрудник по связям с общественностью и уполномоченный представитель, никто не спросил заранее о сути и основном посыле моего сообщения. Вместо этого все сразу стали критиковать меня, когда увидели обвинительные статьи, даже несмотря на то, что сама возможность поощрения регионализма в юго-восточном регионе Ённам провинции Кёнсан нами, тоже пострадавшими от этого явления, просто противоречит здравому смыслу.

И хотя удивленная пусанская фракция партии поспешно выпустила пресс-релиз, в котором говорилось, что суть заявления была совсем иной, все было бесполезно. Даже если допустить, что я оговорился, но если есть коллективная товарищеская поддержка, было бы логично, особенно в период выборов, минимизировать шумиху, принеся извинения и оправдания, заявив, что посыл был неправильно понят… Но еще больше раздувать конфликт?! Этого я не мог понять.

За всю жизнь меня никогда так не обвиняли и не критиковали, и этот инцидент оставил глубокий шрам в моей душе. Я еще больше возненавидел политику и еще сильнее стал бояться ее. Я слышал, что кандидаты из юго-западного региона, которые противостояли Демократической партии, использовали шумиху вокруг моего высказывания как орудие атаки, что вызвало немало трудностей в ходе предвыборной кампании. Мне было очень жаль. Я прошу прощения у тех, кто пострадал из-за этого недоразумения.

В оставшийся период работы «Правительства участия» я отказался от возвращения к адвокатской деятельности и решил просто отдохнуть. Вскоре после этого президент назначил меня

специальным советником по государственным делам, и я совсем потерял желание снова работать адвокатом. Это только звучит хорошо – «специальный советник», но эта должность не предполагала ни зарплаты, ни вознаграждения, ни машины, ни кабинета, ни даже служебного мобильного телефона. Впрочем, реальной деятельности тоже не было, как и требований. Я сделал визитную карточку, но мне ни разу не пришлось ею воспользоваться. До того момента, как я впоследствии стал главой администрации президента, я был специальным советником по государственным делам, и единственное, что я сделал в этой должности, – отправился в качестве специального посланника в Эквадор для участия в церемонии инаугурации президента Рафаэля Корреа.

В этой командировке у меня не было других задач, кроме как принять участие в качестве специального посланника президента в церемонии вступления в должность нового главы государства. Однако со стороны Эквадора меня встречали как высокопоставленного чиновника, считая, видимо, что мое звание специального советника соответствует должности специального советника в американском Белом доме.

Или, может быть, наш посол преувеличил важность должности специального советника – я точно не знаю. Мне оказывали особые почести, которые были несравнимы даже с приемом действующих министров из других стран. Всех министров перевозили коллективно на автобусах, а я ехал на выделенном мне легковом автомобиле такого же класса, как у вице-президента страны. И на церемонии инаугурации в порядке приветствия и рукопожатия с президентом я стоял следующим после президентов и вице-президентов других стран, даже перед госсекретарем США.

И на следующее утро после инаугурации в качестве первого выполнения официальных обязанностей президент Рафаэль Корреа пригласил меня на личный прием. Главы государств, прибывшие на инаугурацию, завершили серию приемов за день до проведения церемонии, и я был первым среди тех, кто занимал более низкие посты. Наша беседа длилась очень долго, более получаса. И я понял, что он очень тщательно готовился к разговору со мной.

Прежде чем приступить к официальному разговору об экономическом сотрудничестве и поддержке, мы приятно побеседовали.

В этой командировке у меня не было других задач, кроме как принять участие в качестве специального посланника президента в церемонии вступления в должность нового главы государства. Однако со стороны Эквадора меня встречали как высокопоставленного чиновника, считая, видимо, что мое звание специального советника соответствует должности специального советника в американском Белом доме.

Я подчеркнул дружеский настрой и важность отношений, указав на то, что фамилия президента Корреа схожа по звучанию с названием нашей страны. Он также подчеркнул особые связи с нашей страной, сказав: «В далеком прошлом некоторые корейцы, которые переехали в Италию, использовали фамилию Корреа, и я иногда задаюсь вопросом: не было ли у моих предков каких-либо связей с тем регионом, что я ношу такую же фамилию?» Также мы говорили о профессоре Чан Хачжуне. Президент сказал, что они учились в одном и том же университете, а также очень лестно отозвался о книге профессора «Отбрасывая лестницу: стратегия развития в исторической перспективе», которую недавно прочел. Я увидел, как он заранее готовился к нашей беседе и раздумывал о ее содержательной части, и это дало мне возможность осознать, что международный статус нашей страны значительно повысился. По пути обратно я заехал в Парагвай и встретился во время протокольного визита с министром иностранных дел Парагвая. Мне был оказан такой же особый прием. Я почувствовал, что

южноамериканцы очень высоко оценивают государственный статус нашей страны.

Если сложить два срока пребывания в должности старшего секретаря по гражданским делам, один срок в должности старшего секретаря по вопросам гражданского общества и период пребывания в должности главы президентской администрации, то в целом я провел в Голубом доме четыре года, но за это время я ни разу не принимал участия в президентских визитах. Должности старшего секретаря по гражданским делам и старшего секретаря по вопросам гражданского общества не связаны с проведением таких визитов. Хотя можно было найти повод, например, нанести визит обществу соотечественников за рубежом, но «Правительство участия» не знало, как это можно организовать.

Когда я стал главой президентской администрации, то в период отсутствия президента я отвечал за управление делами Голубого дома. Следовательно, я был так загружен работой и срочными делами, что о том, чтобы поехать куда-то, речи не шло. И, когда я находился в номинальной должности специального советника, мне удалось один раз воспользоваться случаем.

13 октября 2006 года, во время моего отдыха от работы в Голубом доме, пришла приятная новость: бывший министр иностранных дел Пан Гимун был избран Генеральным секретарем ООН. Так как процесс его продвижения начался, еще когда я работал в администрации президента, то я с интересом следил за событиями, и я был очень рад, что усилия принесли свои плоды.

Это вовсе не означает, что президент и Голубой дом с самого начала прилагали какие-то дипломатические усилия с расчетом, что Пан Гимун станет Генеральным секретарем. Изначально об этой должности мечтал посол Республики Корея в США Хон Сокхён. Так как ожидалось, что следующим Генеральным секретарем ООН должен стать представитель Азиатского региона, то Хон Сокхён активно продвигал свою кандидатуру. Однако затем он неожиданно выбыл из предвыборной гонки из-за инцидента с записью прослушанных им «секретных материалов Агентства национальной безопасности Республики Корея». Из-за этого случая кандидатом стал министр Пан Гимун, и в целом ему очень повезло. С начала работы «Правительства участия» он приложил все возможные усилия в области международных отношений. Он поддерживал президента практически во всех зарубежных поездках. То же самое касалось и зарубежных визитов премьер-министра. Президент также поручал Пан Гимуну поддержку главы Политического управления Голубого дома во время его визитов в качестве специального посланника в

ключевые страны. Кроме того, он часто совершал телефонные звонки главам других государств.

И такие усилия не могли не принести результата. Однако решающую роль сыграла все же не дипломатическая война в высших кругах. Околоправительственные дипломатические действия были эффективными лишь на заключительном этапе. Победа Пан Гимуна стала возможной благодаря сбалансированной внешней политике, которая проводилась странами-участницами. Для того чтобы стать

Генеральным секретарем ООН от Азиатского региона, необходимо было получить поддержку Китая. Китай высоко ценил баланс внешних связей, который неизменно поддерживали президент Но Мухён и «Правительство участия», и доверял южнокорейскому правительству. Если бы «Правительство участия» не придерживалось баланса в сфере международных отношений, то получить поддержку Китая было бы очень сложно. Аналогичную точку зрения имели и другие страны третьего мира. Конечно, победа была бы невозможна без помощи США и стран Запада. Однако мы могли рассчитывать на широкую поддержку США, так как благодаря нескольким важным факторам, включая отправку войск в Ирак, Южная Корея пользовалась доверием Америки в сфере союзнических отношений.

Республика Корея получила значительное содействие со стороны Китая не только в вопросе избрания Пан Гимуна Генеральным секретарем ООН, но и в решении северокорейской ядерной проблемы и организации шестисторонних переговоров. Без поддержки Китая убедить Северную Корею было бы очень сложно. Но все имеет свою цену. Например, вопрос о визите в Южную Корею далай-ламы*. Если рассуждать с точки зрения обычной ситуации, то Республика Корея является суверенным государством и может разрешать такие визиты. Но в тот момент сотрудничество с Китаем было настолько жизненно необходимым, что визит был запрещен.

Президент был очень рад услышать новость об избрании Пан Гимуна на должность Генерального секретаря ООН. Но Мухён поздравил его по телефону и пожелал успешной работы. И на этом все. Казалось бы, президент должен был гордиться тем, что его усилия принесли богатые плоды, но он не позволял такого поведения в Голубом доме или других правительственных ведомствах. Он распорядился соблюдать сдержанность как в обсуждении усилий, приложенных правительством и им лично в ходе этого процесса, и связанных с этим фактов, так и в признании своих заслуг и организации праздничных мероприятий по этому поводу.

Он даже призвал правительство не принимать активного участия в подготовленном телерадиокомпанией KBS «Открытом концерте», который был организован в честь этого знаменательного события. На то была одна-единственная причина. Необходимо было позволить Пан Гимуну, как лидеру мирового уровня, почувствовать твердую уверенность и создать ему комфортные условия для работы. Президент продемонстрировал всю глубину мысли и проницательность, когда думал о том, что, чем больше правительство будет принимать участие в таких делах, тем скованнее будет чувствовать себя Пан Гимун.

Комментарий

* Далай-лама. 달라이라마. Духовный лидер Тибета, основавший правительство в изгнании, или Центральную тибетскую администрацию. Он развернул и продолжал поддерживать движение за независимость Тибета, решительно выступая за ненасильственные методы взаимодействия с КНР. Получил Нобелевскую премию мира в 1989 году.

Последний глава администрации президента

В марте 2007 года, который был последним годом президентского срока Но Мухёна, президент снова вызвал меня. Он назначил меня последним главой президентской администрации в период работы «Правительства участия». Я уже в третий раз поступал на работу в Голубой дом. По правде говоря, я не хотел этого назначения. Я хорошо знал, что последний глава президентской администрации должен анализировать ситуацию на несколько шагов вперед, предполагая, что произойдет уже после его отставки. Я искренне хотел быть свободным и вернуться наконец к своей обычной жизни. Однако президент находился в очень сложной политической ситуации, когда смена власти была уже очевидной. И тем важнее становилось завершение действующего режима. В последний год кадровые назначения вообще всегда проходят тяжело. Президенту было непросто сделать новый выбор. И я подумал: «Хорошо. Завершим вместе с президентом».

Мне ничего не оставалось, как принять предложение с готовностью. Судя по опыту прошлых правительств, вначале они поддерживали тонус и сохраняли первоначальный дух и дисциплину. Однако с приближением второй половины срока дисциплина и тонус падают и происходит общее ослабление режима. Поэтому правительство все чаще встречается с неудачами. Нашей основной задачей было не повторить этих ошибок. Я считал, что очень важно до самого конца сохранять собранность и первоначальный дух.

Произнося речь при вступлении в должность, я указал сотрудникам на три вещи: «Во-первых, давайте будем испытывать гордость за достигнутые результаты и уверенность в успехах “Правительства участия’ : Во-вторых, вплоть до последнего дня президентского срока Но Мухёна мы не будем тратить впустую ни одного дня и не будем легкомысленно упрощать свою работу. В-третьих, давайте до конца сохраним наши морально-нравственные принципы, – затем я добавил: – Вторую половину должностного срока часто сравнивают со спуском с горы. Я с этим не согласен. В “Правительстве участия’ нет спуска. Это путь, по которому мы должны идти все время вверх и в последний день работы остановиться на вершине». Я считаю, что все сотрудники работали именно с таким настроем вплоть до момента своей отставки.

Должностные обязанности главы администрации президента сильно отличались от того, что я делал в должности старшего секретаря по гражданским делам или на посту старшего секретаря по вопросам гражданского общества. Даже когда я был старшим секретарем по гражданским делам, я чувствовал, что двигаюсь в одном направлении, так как, будучи юристом, я на протяжении всей своей жизни был связан с законами. Так как в течение долгого времени моя деятельность была связана со сферой гражданского общества, во время работы старшим секретарем по вопросам гражданского общества я также ощущал близость и длительную связь с людьми из этой области. Исходя из этого, я чувствовал, что могу справиться с задачами на этой должности, потому что, имея опыт, понимал, в каком направлении мне необходимо двигаться.

Роль главы администрации крайне важна с точки зрения государственного управления. В то время в Голубом доме была досрочно ликвидирована должность старшего секретаря по политическим вопросам и его функции перешли к главе администрации президента. По моему мнению, эта должность была самой ответственной и обременительной для меня, и у меня не было уверенности, что я смогу хорошо выполнить свои должностные обязанности.

Оглядываясь назад, я не думаю, что ликвидировать должность старшего секретаря по политическим вопросам было хорошей идеей. Хотя таким образом проявлялось стремление президента четко разграничить партию и президентскую администрацию, я думаю, что необходимо было поддерживать тесные контакты с политическими кругами для взаимопомощи и поддержки, а в особенности с правящей партией, пусть и не в такой форме, как раньше. С ликвидацией должности старшего секретаря по политическим вопросам общие функции, связанные с политическими вопросами и государственными делами, были переданы главе администрации президента, а обязанности по коммуникации с партией и Национальным собранием относительно законодательного закрепления политического курса были переданы начальнику Политического управления. И я не думаю, что это решение было эффективным.

Действительно, в ситуации, когда партия и президентская администрация разделены, поддерживать отношения с партией было очень сложно. Как только президент вступил в должность, он стал настаивать на принципе разделения партии и президентской администрации. Разделение также было и официальным обещанием президента во время предвыборной кампании 2002 года. Оно было проявлением новой политики,

основой политической реформы. Основной целью было изменить ситуацию, когда политика всего государства становится зависимой или даже исчезает как таковая при сильной власти президента-императора, управляющего по-имперски. Также это должно было послужить отправной точкой для партийной демократии. И это было не просто предвыборное обещание, основанное на убеждениях президента, – это было требование граждан в тот период.

Мне ничего не оставалось, как принять предложение с готовностью. Судя по опыту прошлых правительств, вначале они поддерживали тонус и сохраняли первоначальный дух и дисциплину. Однако с приближением второй половины срока дисциплина и тонус падают и происходит общее ослабление режима. Поэтому правительство все чаще встречается с неудачами. Нашей основной задачей было не повторить этих ошибок.

Президент с самого начала последовательно шел к разделению партии и администрации. И его стремление четко соблюдать этот принцип было очень велико, так как разделение было одновременно и философией, и обещанием. Ядром идеи разделения были отказ президента от права назначения ответственного за определение политического вектора партии и от права выдвижения кандидатов на выборах в пользу кого-то иного. Президент сказал, что по-прежнему будет оставаться важным членом партии. В соответствии с обещанием он не участвовал в партийных назначениях, выдвижениях кандидатов на выборах, определении политической идеи партии и решениях

партии о законодательном закреплении идей. Но зато он очень внимательно относился к проводимым на партийных собраниях или заседаниях обсуждениям между партией и Голубым домом относительно политического курса и законодательного закрепления идей.

Достичь взаимопонимания стало возможным благодаря диалогу партийного руководства и депутатов Национального собрания, а также встречам на различных уровнях, а не посредством неофициальных консультаций, как это было раньше. Но, несмотря на это, все равно было много жалоб типа «это не обмен мнениями, это игра в одни ворота со стороны Голубого дома». Структура коммуникации в партии была большой проблемой. Возможно, что серьезной причиной послужила и слабость политического администрирования со стороны штатных сотрудников Голубого дома.

Позже президент также высказал некоторые сожаления по поводу решения о разделении партии и администрации президента: «Наверное, это было преждевременно для нашей действительности». И тогда, и сейчас у меня тоже были и остаются сомнения. Хотя партия «Ёллин Уридан» и стала партией большинства после событий, связанных с импичментом президента, и даже поначалу могла удерживать большинство мест, но ее работа не была эффективной. И она не смогла обрести могущество. Она не смогла четко организовать выработку нового политического курса и законодательное закрепление реформ. Я сожалею, что тогда для более решительного и быстрого проведения реформ нам было необходимо установить отношения взаимопомощи с оппозиционной партией.

Во время своей работы я смело поручал дела старшим секретарям, если речь не шла о серьезных вопросах, которые необходимо было решать после совместного обсуждения. Обсуждение важных вопросов происходило не только совместно со старшими секретарями, но и с соответствующими рядовыми секретарями, и в процессе обмена мнениями мы приходили к общему решению. Если бы мы не поступали таким образом, то работа накапливалась бы, и из-за этого была вероятность не справиться с ней.

Даже в последний год моей работы на посту главы администрации президента возникало много политических проблем. В январе 2007 года президент внес проект «поправки к Конституции из одного пункта». Он выдвинул на рассмотрение следующие предложения: «обсуждение поправки в Конституцию о введении одинаковой продолжительности сроков для президента и депутатов Национального собрания» и «возможность

повторного избрания президента сроком на четыре года». Этот вопрос был крайне затруднительным. Естественно, что проект поправки вызвал некоторый политический шок, так как инициатива исходила от президента. Но на самом деле это не было чем-то из ряда вон выходящим. Дело в том, что президент имеет только право на внесение предложения о поправке к Конституции, и, соответственно, если политические круги согласны с поправкой, то делу будет дан ход, если же нет – то так или иначе ничего не выйдет. И даже если президент, предложив поправку, в дальнейшем отказался бы от этой идеи из-за несогласия политических сил, то в целом это не смогло бы подорвать его авторитет. К тому же ранее СМИ уже заявили о необходимости внесения поправок в Конституцию.

Внести поправку, которая уравнивала бы сроки нахождения у власти президента и депутата Национального собрания, было бы сложно в какой-либо другой период, к тому же, учитывая выгодное положение самого президента Но Мухёна, время было самым подходящим. Сама по себе «поправка из одного пункта», предложенная президентом, была необходимой с точки зрения государственного управления. Об этом также говорили и СМИ.

В администрации президента все быстро поддержали идею о необходимости и значимости предложения и внесении поправки в Конституцию. Однако те, кто лично ратовал за поправки в Конституцию, начинали игнорировать вопросы, когда их спрашивали, когда же поправки будут внесены. СМИ прибегали к политическим уловкам. И даже правящая партия не проявляла большой заинтересованности, не говоря уже о партии «Ханнара».

В партии «Ханнара» считали, что следующий режим будет под эгидой их партии, если все пойдет благополучно и своим чередом, и поэтому, безусловно, избегали всего, что может привнести изменения. Представители партии поступали так даже в той ситуации, когда перемены стали бы выгодны для них самих в случае, если они придут к власти. У правящей партии, наоборот, усилилось нежелание прикладывать максимум усилий, чтобы сделать благое дело для партии «Ханнара». Очень жаль, что из-за политических междоусобиц мы все упустили шанс сделать необходимое для государства.

В апреле того же года, одновременно с началом работы Национального собрания 18-го созыва, президент отозвал предложение о внесении поправок в Конституцию в соответствии с договоренностью с правящей и оппозиционной партиями об их самостоятельном продвижении этого законопроекта. Однако Национальное собрание не стало соблюдать договоренность. И СМИ даже не обратили внимания на это нарушение. Очень

странное поведение как со стороны политических кругов, так и со стороны СМИ.

Еще одной острой проблемой, связанной с ситуацией вокруг президентских выборов, был вопрос с пресс-центрами. К тому моменту, когда я получил назначение, рассмотрение и обсуждение вопроса объединения пресс-центров уже прошли и проект уже находился на стадии подготовки к реализации. Впервые я узнал обо всем, когда Управление по связям с общественностью и Го сударственно е информационное агентство уже представили подробный план президенту. Основной посыл и содержание проекта были очень хорошими. Цель состояла в том, чтобы распахнуть двери для еще большего количества журналистов и репортеров путем расширения и объединения ведомственных пресс-центров, проводивших работу исключительно с авторитетными СМИ, в общий конференц-зал, а также в том, чтобы заново пересмотреть правила сбора материалов для журналистов. Эти цели были всем понятны.

Но проблемой было время. Даже понимая, что это все закономерный ход событий, следовало признать, что период работы «Правительства участия» подходит к концу. И реализовать этот проект было непросто, к тому же расходы на его осуществление были значительными. Я считал, что это нецелесообразно с многих сторон. Я трижды просил президента пересмотреть проект. Но президент был настроен решительно. Он был уверен в том, что необходимо сформировать базовую систему, которая смогла бы как минимум сдерживать сращивание власти и СМИ, следование пережиткам прошлого и акты произвола прессы. Я не смог его убедить. Мне сложно было что-то добавить, потому что я не был специалистом в этой области.

Позже, увидев, что ситуация усложняется, я пожалел, что не был более настойчив и не смог убедить президента. Если бы я имел более ясное и четкое понимание, я мог бы расширить обсуждение, подключив к нему сотрудников тех управлений, которые были связаны с политическим и государственным администрированием. Если бы старшие секретари дали совместную рекомендацию, то, возможно, президент прислушался бы. Цена, которую пришлось заплатить за неудачу, была очень высокой как для президента, так и для Голубого дома в целом. За последний год мы потеряли гораздо больше, чем приобрели.

В последний год, когда мне доверили должность главы администрации, Голубой дом стремительно завершал свою работу. Хотя было много крупных и мелких нерешенных вопросов, мы сами подталкивали все дела к последнему этапу. Рабочая атмосфера и обстановка внутри Голубого дома сильно

отличались от того, что было в начале. Когда я слышал разговоры опытных сотрудников, то все как один говорили, что раньше в Голубом доме последний год работы назывался «работа спустя рукава». Заключительный период еще называли «формально работа – фактически отдых». Это выражение указывало не на лень сотрудников, а на невозможность работать в ситуации сильного давления и критики со стороны СМИ, партии и общественности, которые обрушивались на сотрудника перед самым его уходом с поста.

Я думаю, что «Правительство участия» смогло не следовать этой модели, потому что вплоть до самого конца мы сохранили моральные принципы. Как бы там ни было, это энергия, которая не могла ослабеть. Кроме того, президент был тверд в своем стремлении до последнего момента прилагать все возможные усилия для осуществления реформ, которые «Правительство участия» должно было провести в период своей работы.

Многие говорят, что власть должна справиться со всеми возможными реформами в начале своей работы, когда правительство еще полно сил. Также они говорят, что если реформы не были проведены в первые несколько лет, то во вторую половину срока они тоже не будут завершены. В этом есть резон. Такие слова отчасти верны, но не все вопросы, касающиеся государства и политики, можно решить быстро. Начав простое дело на первом этапе работы, его можно быстро завершить. Но бывает такое, что некоторые вопросы обсуждаются в течение всего срока работы правительства и результаты обсуждения передаются уже следующему правительству. Таким образом, утверждение, что правительство работает в течение первых одного или двух лет, а затем в течение последующих лет только завершает начатое в предыдущий период, расходится с тем, что собой представляет реальное государственное управление. Кто бы что ни говорил, но мы без лишних слов делали все, что от нас требовалось в соответствии с поставленными задачами и основополагающими принципами государственного управления.

Соглашение о свободной торговле между Республикой Корея и США

Вокруг южнокорейско-американского соглашения о свободной торговле, проект которого активно продвигался в конце президентского срока, было много споров. Общество предельно четко разделилось на тех, кто за, и тех, кто против. Президент и «Правительство участия» и в начале, и в конце своей работы руководствовались национальными интересами. Во время правительства Ли Мёнбака этот принцип был нарушен, и из-за различных дипломатических соображений основополагающий принцип верховенства национальных интересов был уничтожен. По моему мнению, тот факт, что правительство Ли Мёнбака пошло на значительные уступки в соответствии с требованиями США, является свидетельством правильности решения «Правительства участия» не позволять США загонять себя в угол на переговорах.

Нельзя не сказать о роли Ким Хёнчжона, который в то время был начальником Главного управления торговли и переговоров. Однажды, когда Но Мухён находился еще в статусе избранного президента, до официального вступления в должность, он присутствовал на представлении краткого доклада Ким Хёнчжона. И в большей степени, чем красноречие, его привлекло содержание сообщения. Президент был крайне доволен докладом и подумал, что было бы неплохо, чтобы такой человек работал в Главном управлении торговли и переговоров. У Ким Хёнчжона не было опыта работы чиновником, и к тому же, учитывая его прошлую профессиональную деятельность и возраст, было неразумно назначать его сразу начальником Главного управления. Поэтому он получил должность заместителя начальника. Я попросил его считать это назначение процессом адаптации и своеобразным испытательным сроком в Главном управлении торговли и переговоров.

Он всегда выступал в качестве представителя на международных переговорах, и в Главном управлении о нем отзывались положительно. После того как его компетенция получила достаточное подтверждение, он был назначен начальником Главного управления торговли и переговоров. Едва заняв эту должность, он объявил о своем плане «продвижения южнокорейско-американского соглашения о свободной торговле». И после этого он не смог участвовать в процессе обсуждения соглашения. И только после того, как переговоры достигли

определенного прогресса, он в связи с протестами гражданского населения был допущен к обсуждению.

Президент всегда настаивал на «логике коммерсанта»: «Делайте то, что на 100 % будет удовлетворять национальным интересам. Мы будем делать, если это принесет нам выгоду, если же нет – мы не будем ничего делать. Во время переговорного процесса хорошо бы не противоречить национальным интересам. Если условия неподходящие, то в любой момент можно прекратить переговоры». Он всегда подчеркивал эти утверждения. Такой подход президента сильно приободрил участников переговоров. Благодаря этому они смогли вести переговоры упорно и хладнокровно. Президент собрал всех участников переговоров за день до их отъезда на Ближний Восток и заявил: «Конечно, будет хорошо, если на переговорах будет достигнута договоренность, но если же нет, то отвечать за неудачу буду я и за успех тоже отвечать буду я. Начальник Генерального управления должен проводить переговоры последовательно и в соответствии с логикой коммерсанта, не думая о союзнических отношениях Республики Корея и США или о политических факторах. Я беру на себя всю политическую ответственность». Благодаря такой логике президента нашей делегации удалось последовательно поддерживать основную мысль в этом труднейшем процессе перетягивания каната: «Сегодня вечером американская делегация отступит. Нам не о чем сокрушаться». Хотя у нас были заготовлены «козыри с уступками», которые мы могли разыграть в случае, если переговоры зайдут в тупик, но нам удалось завершить переговоры, не используя их.

Но мы ничего не могли поделать с теми, кто изначально принципиально был против «политики открытых дверей». Однако, признавая неизбежность открытости, многие были против из-за предубеждения относительно того, может ли наше правительство вести диалог с США на равных и на переговорах соблюдать национальные интересы Южной Кореи. Я хотел бы сказать этим людям: «На переговорах с США мы проявили смелость и поставили на первое место наши интересы. Мы действительно это сделали».

Межкорейский саммит

Самым большим событием во время моей работы в должности главы администрации президента стал межкорейский саммит, который прошел в октябре 2007 года. Основным принципом «Правительства участия» в отношении межкорейского саммита было его официальное продвижение через государственные организации, которые имеют отношение к Северной Корее, такие как Национальная разведывательная служба и Министерство объединения. Как и прежде, президент твердо придерживался установки не использовать для продвижения переговоров тайные или неофициальные способы. Кроме того, он неукоснительно следовал правилу не проводить переговоры, которые не гарантируют результата или в которых результатом будет сама по себе встреча. Поэтому он придерживался мнения, что провести межкорейский саммит возможно только после достижения соглашения по северокорейской ядерной проблеме посредством шестисторонних переговоров. Он был убежден, что крайне нежелательно создавать путаницу и продвигать проведение межкорейского саммита до того, как будет достигнута общая договоренность на шестисторонних переговорах.

До открытия межкорейского саммита было проделано много работы. В июне 2005 года, к пятой годовщине с момента подписания Совместной декларации Севера и Юга, президент Но Мухён направил в Пхеньян в качестве специального президентского посланника министра объединения Чон Донёна для встречи с председателем Ким Чениром. Также президент направил в Пхеньян собственноручно составленную записку, в которой говорилось: «Прошу Вас чистосердечно обсудить все вопросы со специальным посланником Чон Донёном, который прибудет с визитом в Пхеньян вместо меня». Во время визита специальный посланник Чон Донён передал заветное желание президента Но Мухёна о возобновлении шестисторонних переговоров для мирного решения северокорейской ядерной проблемы и о закреплении полученных на переговорах результатов посредством проведения межкорейского саммита. У председателя Ким Ченира было очень хорошее настроение. И он предложил назначить дату, когда наступит подходящее время.

Наконец, как только в сентябре 2005 года четвертый раунд шестисторонних переговоров завершился принятием «Совместного заявления от 19 сентября», направленного на решение ядерной проблемы КНДР, мы стали ждать ответной

телеграммы из Пхеньяна о проведении саммита. Однако когда администрация Буша изменила политический курс после принятия «Совместного заявления от 19 сентября», американское правительство заморозило северокорейские счета в банке «Дельта Азия»* в Макао, который являлся основным банком для совершения внешнеторговых сделок КНДВ и тем самым свело на нет значимость «Совместного заявления». Несмотря на многосторонние усилия южнокорейского правительства, США и КНДР не смогли найти пути решения вопроса, связанного с банком «Дельта Азия». В июле 2006 года КНДР произвела испытательный запуск ракет, а в начале октября провела ядерные испытания. Эти события отодвинули момент проведения межкорейского саммита на долгое время.

Перед проведением межкорейского саммита сближение с КНДР начали Ан Хичжон и Мун Сонгын, каждый по отдельности. Ан Хичжон первым отправился в КНДР, чтобы выяснить, есть ли у Севера предложения и планы, которые стоит обсудить. Это было осенью 2006 года. Согласно отчету Ан Хичжона, он не почувствовал особой заинтересованности у КНДР Это и было передано в НРС.

Мун Сонгын посещал Северную Корею осенью 2003 года, задолго до описанных событий. Во время своего визита он передал северокорейскому руководству письмо, написанное лично президентом Но Мухёном. Целью этого жеста было не продвижение саммита – он скорее давал понять искренность и серьезные намерения президента Но Мухёна в вопросе межкорейских отношений. Я уверен, что такие контакты помогли сформировать подходящую атмосферу.

В ноябре 2006 года глава НРС Ким Манбок заявил президенту Но Мухёну о своем стремлении продвигать проведение межкорейского саммита. Президент попросил его не делать эту задачу первоочередной и не переусердствовать с принимаемыми мерами. 17 мая 2007 года был теплый солнечный день, когда мы вместе с президентом ездили в Корейский национальный дендрарий в Кванныне. В резиденции президента дожидался глава службы безопасности администрации президента Пэк Чончхон. Он доложил, что межкорейский саммит может быть успешно проведен примерно 15 августа, через два-три месяца, которые уйдут на подготовку. Президент поручил главе администрации, главе службы безопасности и главе НРС прицельно работать над развитием событий. Их встречи проходили еженедельно по четвергам и назывались «встречи в долине». В качестве ответственного делопроизводителя на этих встречах присутствовал только один человек – секретарь по

вопросам стратегии и безопасности Пак Сонвон. Глава службы безопасности Пэк Чон-чхон решил начать с урегулирования проблемы с замораживанием счетов в банке «Дельта Азия» и возобновления шестисторонних переговоров, а начальник НРС Ким Манбок заявил о необходимости сближения с Северной Кореей.

В обоих направлениях дела продвигались быстро и успешно. В начале июня под нашим руководством была решена проблема со счетами в банке «Дельта Азия». Во время межкорейских переговоров на уровне министров глава НРС Ким Манбок через представителя КНДР передал северокорейской стороне сигнал, что президент Но Мухён намерен отправить специального посланника в КНДР для обсуждения вопросов, связанных с проведением межкорейского саммита. Поначалу Пэк Чончхон и Ким Манбок разделяли позицию, что в случае получения письменного ответа от КНДР в качестве специального посланника должен поехать я. Я же выразил мнение, что нужно поступать рационально и в соответствии с ситуацией. Каждый раз, когда мы добивались какого-то конкретного прогресса, мы в устной форме докладывали о нем президенту. С середины июля мы все находились в ожидании, так как нам казалось, что в конце месяца должно прийти какое-то сообщение с северокорейской стороны.

Однако вечером 17 июля пришло экстренное сообщение из Афганистана. В нем говорилось, что 24 человека, совершавших миссионерскую деятельность под эгидой пресвитерианской церкви, в том числе пастор, проповедники, миссионеры и верующие, были похищены талибами. 22 июля глава службы безопасности Пэк Чончхон, который ожидал новостей с Севера, был срочно отправлен в качестве специального посланника президента в Афганистан. Однако в конце июля из Северной Кореи все же пришло сообщение с предложением встречи. Я должен был руководить решением проблемы с захватом заложников в Афганистане, поэтому в КНДР поехал глава НРС Ким Манбок.

Из Северной Кореи Ким Манбок привез новости о согласии КНДР участвовать в продвижении межкорейского саммита. Затем все происходило стремительно. Хотя мы пытались обеспечить максимальную безопасность, но тем не менее к работе присоединились еще несколько человек, и мы начали активную подготовку. Мы развивали и практические рабочие контакты. В итоге была определена дата проведения саммита. Переговоры были назначены на 28 августа. Дата была очень близкой. Прежде всего мы проинформировали граждан о факте и дате проведения саммита. После официального объявления практически все

сотрудники Голубого дома включились в процесс практической подготовки мероприятия.

Когда подготовка к переговорам была в самом разгаре, из Северной Кореи пришли новости о сильном наводнении. Север предложил отложить переговоры. Было обидно, но зато мы смогли более усердно подготовиться к саммиту. Между тем для обсуждения необходимых приготовлений в Сеул приехал начальник отдела единого фронта Ким Янгон. Однако в его повестке дня практически отсутствовали те важные предложения, которые мы выдвигали. Президент открыто выразил свое разочарование и поручил нам разработать и передать для рассмотрения представителями КНДР те положения с позиций Северной Кореи, на которых настаивала наша сторона. К счастью, позже многое из нашего проекта было принято северокорейской стороной, что стало залогом очень успешного проведения переговоров.

Комментарий

* Банк «Дельта Азия». BDA *(Banco Delta Asia)*. Мелкий банк в Макао. Играл роль единственного для Северной Кореи центра расчетов в иностранной валюте и использовался для совершения внешнеторговых сделок с 1970-х годов. В 2005 году счета были заморожены по подозрению КНДР в отмывании денег. Подозрения исходили со стороны США.

Пересекая желтую линию

После решения о проведении переговоров один из наиболее важных вопросов состоял в том, каким образом президент поедет в Северную Корею. Во время проведения межкорейского саммита 16 июня 2000 года президент Ким Дэчжун полетел в КНДР на самолете. Сцена рукопожатия с председателем Ким Чениром, прибывшим для встречи Ким Дэчжуна в аэропорт, стала символом тех переговоров. Мы хотели выбрать способ, который мог бы содействовать прогрессу в межкорейских отношениях. Самым желанным способом была железная дорога. Тогда южнокорейская железная дорога была соединена с северокорейской до Кэсона, и по ней осуществлялись грузовые перевозки, но пассажирских перевозок пока не было. Если бы президент прибыл в КНДР на поезде, то, соответственно, открылось бы разорванное железнодорожное сообщение между Севером и Югом. Мы настаивали на использовании железной дороги для визита в КНДР. С северокорейской стороны была проведена тщательная инспекция. Но в отчете было сказано, что линия от Кэсона до Пхеньяна находится в плохом состоянии. Также в нем говорилось, что экстренный ремонт не сможет решить проблему. Выхода не оставалось. Мы были вынуждены удовлетвориться соглашением, что позже, во время проведения Олимпийских игр в Пекине, совместная группа болельщиков Севера и Юга отправится в Северную Корею по железной дороге.

Оставшийся путь был проделан по суше. Было бы очень знаменательно, если бы президент пересек демаркационную линию по суше и на глазах жителей Северной Кореи доехал бы до Пхеньяна на автомобиле. Однако проблема состояла в том, что вид президента, который на легковом автомобиле пересекает демаркационную линию, казался слишком обыденным.

Даже если дополнить эту картину приветственной речью президента для граждан перед демаркационной линией, это бы не изменило ощущения обыденности происходящего. Этот вопрос вызывал беспокойство, но администратор протокольного отдела администрации президента О Сыннок, который входил в состав консультативной группы, предложил хорошую идею. Она заключалась в том, чтобы президент пересек демаркационную линию пешком.

Это была отличная идея, позволяющая изменить замысел. Я спросил, как выглядит демаркационная линия и есть ли вокруг нее колючая проволока. Он ответил, что ничего нет и это обычная асфальтированная дорога. О Сыннок сказал, что невозможно

узнать, где конкретно находится демаркационная линия. Я спросил, как в таком случае мы покажем, что президент пересек ее пешком, и он поинтересовался, подойдет ли вариант временной разметки на небольшом участке демаркационной линии по предварительному соглашению с Севером. Тогда я задал вопрос, согласится ли на это северокорейская сторона, и он ответил, что пока не узнавал, но в целом Север проявляет большую готовность к достижению совместных договоренностей. Я подумал, что если внутренние консультации зайдут в тупик, то эту проблему можно будет решить, попросив начальника НРС согласовать предложение с начальником отдела единого фронта КНДР Таким образом, направление действий было определено.

Оставшаяся проблема заключалась в характере президента, так как он и в обычной жизни терпеть не мог мероприятия, в которых все было спланировано и происходило по заданному сценарию. Он сказал, что в период проведения межкорейского саммита он не будет участвовать ни в каких мероприятиях, приуроченных к его отъезду, из-за возможного влияния на конечный результат. Более того, он заявил, что даже не сделает устного объявления для граждан Республики Корея, когда будет отправляться в поездку в КНДР. Это означало, что нельзя, поднимая шумиху вокруг отъезда на переговоры, результат которых был еще неизвестен, создавать впечатление, будто сами по себе переговоры уже являются результатом. Сколько бы людей, включая меня, ни говорили ему: «Встреча лидеров Юга и Севера сама по себе является огромным достижением, так как важно, чтобы диалог на высшем уровне продолжался», – это не имело эффекта.

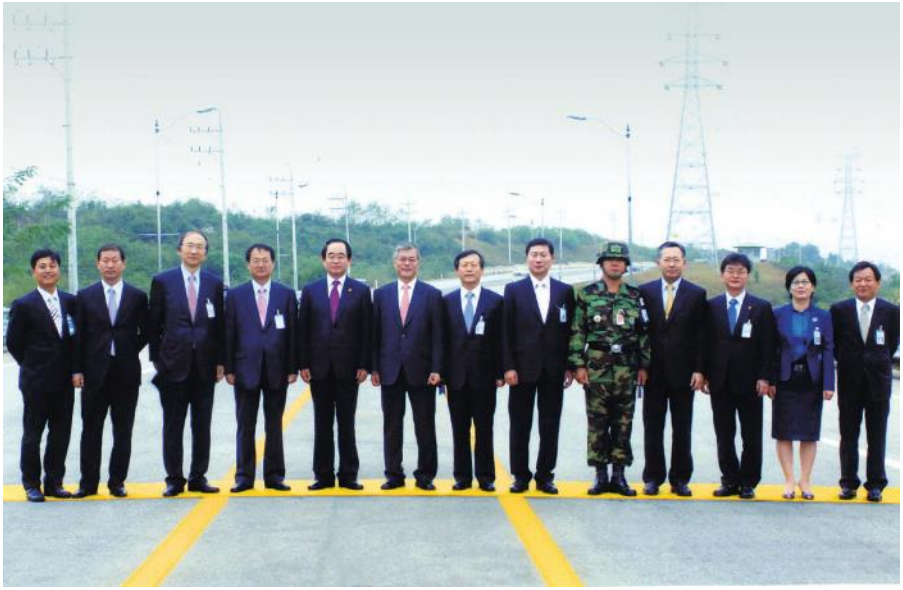
Он несколько раз подчеркнул, чтобы мы не организовывали никаких мероприятий во время его отъезда, и даже упрекнул нас, когда мы все-таки внесли подобное предложение. Все переживали, что президент не собирается делать заявление перед отъездом. В действительности, когда секретарь отдела протокола впервые сказал об идее с демаркационной линией президенту Но Мухёну, то столкнулся лишь с недовольством. Мне ничего не оставалось, кроме как взять это дело на себя, и на рабочей встрече, на которой также присутствовал президент, я сообщил, что все уже согласовано с северокорейской стороной. И только тогда президент с большой неохотой принял предложение. К счастью, впоследствии Север одобрил разметку демаркационной линии и ее пешее пересечение, поэтому мой обман прошел незамеченным.

Вид президента, пешком пересекающего границу и переступающего через желтую линию в тот день, был

незабываемо впечатляющим. Перед линией Но Мухён сказал о своих чувствах: «В этот раз я пересекаю разграничительную линию как президент. Я надеюсь, что после моего визита еще больше людей смогут преодолеть эту границу. И в конечном счете разграничительная линия постепенно сотрется». Затем перед линией он помахал нам на прощание, переступил через нее и отправился на Север. Мы с южной стороны наблюдали за тем, как президент и его супруга принимают приветствия и цветы от представителей КНДР. После того как президентский кортеж скрылся из глаз на северокорейской территории, мы со словами: «Давайте и мы попробуем наступить на демаркационную линию» решили сделать памятную фотографию, встав на желтую разметку. При этом мы старались соблюдать осторожность и волновались, не возникнет ли международного скандала, если мы случайно переступим черту.

Эффект от пешего пересечения демаркационной линии президентом был огромным. Линия была нарисована желтой краской, и это добавило драматизма происходящему. Пока президент не вернулся после окончания переговоров, эту сцену несколько раз показывали по телевизору. И в особенности на Севере, до того, как перейти к другим новостям, постоянно крутили именно кадры пересечения демаркационной линии. Сопровождающие президента в поездке на Север также сказали, что, прибыв во дворец Пэкхвавон в Пхеньяне, они увидели эту сцену по телевизору и были очень тронуты, так как по всем каналам говорили только об этом событии. На ведущих международных каналах, не говоря уже о южнокорейском телевидении, эту сцену постоянно показывали как заставку к главным новостям часа. В итоге эта сцена стала символическим изображением саммита 2007 года по всему миру.

Когда президент вернулся из поездки, он был очень доволен этой сценой. Позже, при награждении сотрудников за заслуги при подготовке межкорейского саммита 2007 года, особо был выделен администратор протокольного отдела О Сыннок, который первым предложил эту идею. Администратор О Сыннок, получая из рук президента медаль за заслуги, сказал, что это честь для нас всех. То, что я внес свою лепту в это историческое событие, несомненно, стало предметом гордости для меня, как для сотрудника администрации президента.



Вид президента, пешком пересекающего границу и переступающего через желтую линию в тот день, был незабываемо впечатляющим. Перед линией Но Мухён сказал о своих чувствах: «В этот раз я пересекаю разграничительную линию как президент. Я надеюсь, что после моего визита еще больше людей смогут преодолеть эту границу. И в конечном счете разграничительная линия постепенно сотрется».

В первую годовщину со дня гибели президента Но Мухёна 50 влиятельнейших художников провели в Сеуле мемориальную выставку. Эта выставка получила название «Пересекая желтую линию». Я присутствовал на церемонии открытия и говорил приветственную речь, во время которой вспомнил то глубокое впечатление, которое произвела сцена пересечения президентом желтой демаркационной линии, а также рассказал о неизвестных ранее фактах, связанных с этим событием.

По правде говоря, мое желание последовать за президентом в Пхеньян и понаблюдать за ходом переговоров было очень велико. Однако, как председатель Комитета по подготовке межкорейского саммита, я должен был подготовить повестку дня и обобщить все пункты, которые необходимо было включить в текст совместного заявления и соглашения. К тому же я был вынужден следить за работой Голубого дома и временно исполнять обязанности президента, пока он находился в поездке. Я должен был быть готов справиться с любой чрезвычайной или неожиданной ситуацией. С большим нетерпением, которое смешивалось с волнением и напряжением, я ждал новостей из КНДР.

За несколько часов до подписания соглашения на саммите

мне позвонил глава службы безопасности Пэк Чончхон. К тому времени мы уже получили проработанный с представителями Северной Кореи проект соглашения. Прочитав его, я понял, что это успех. Глава службы безопасности сказал, что нужно будет внести небольшие корректировки.

Пэк Чончхон получил указание дополнить текст следующим пунктом: «На обратном пути президент хочет заехать в промышленный комплекс Кэсон. Если возможно, то вместе с председателем Ким Чениром, если нет, то с председателем Ким Ённамом». Через несколько часов пришли последние согласования. Большинство предложений, которые мы упоминали в повестке дня, были учтены и внесены в текст соглашения. Мне хотелось куда-нибудь выйти одному и закричать: «Ура!» Я был очень взволнован. Почти все наши пожелания были учтены. Если чего-то и не хватало, то только пункта об установлении периодичности встреч на высшем уровне.

На самом деле президент с самого начала заметил, что не следует заходить так далеко в своих требованиях. Однако я предположил, что если следующее правительство не сможет достигнуть такого прогресса, как мы, в межкорейских отношениях, то только благодаря такой мере отношения между нашими странами не смогут регрессировать. Я высказал эту мысль президенту, также я убедительно просил Пэк Чончхона и Ким Манбока, но это не увенчалось успехом. Когда они вернулись, я спросил: «Почему?» Они сказали, что на Севере не одобрили наше предложение. Когда разговор зашел об установлении периодичности встреч на высшем уровне, на повестку дня было вынесено предложение об очередности посещения Севера и Юга лидерами двух стран, но северокорейская сторона уточнила, что председатель Ким Ченир пока не собирается приезжать с визитом в Республику Корея. Встречное предложение о посещении Юга председателем Ким Ённамом было раскритиковано, так как представители КНДР ответили, что тогда фактически встречу нельзя будет назвать саммитом глав государств. Это означало, что председатель Ким Ченир не хочет, чтобы на него оказывали давление относительно ответного визита в Сеул. Я посчитал неправильным договариваться о том, чтобы южнокорейская сторона всегда приезжала в КНДР до тех пор, пока Пхеньян не захочет изменить это. Таким образом, выхода у нас не оставалось.

Так как мероприятие на железнодорожной станции Дорасан затянулось, по сравнению с указанным графиком возвращения, время прибытия президента в Голубой дом также сместилось. Президент добрался до Голубого дома только поздно вечером, но,

казалось, он совсем не устал и был в хорошем расположении духа. Все приветствовали и поздравляли его. Мы без остановки разговаривали, и президент вплетал в свой рассказ многочисленные интересные эпизоды и анекдоты, начиная с эмоционального повествования о том, как председатель Ким Ченир предложил ему провести еще несколько дней в КНДР, и заканчивая «тайной желтой линии» демаркационной разметки.

Через некоторое время мы с грустью поняли, что межкорейский саммит должен был состояться раньше. И в целом это было возможно. В тот момент, когда шестисторонние переговоры успешно завершились и все было готово для проведения встречи на высшем уровне, замораживание Минфином США северокорейских счетов в банке «Дельта Азия» привело и к приостановке процесса продвижения межкорейского саммита. Из-за этого случился разрыв в целый год. Если бы не было этого разрыва и саммит состоялся бы раньше, то, скорее всего, прогресс в межкорейских отношениях был бы еще более впечатляющим.

И еще печальнее говорить о ратификации соглашения Национальным собранием. Саммит закончился успешно, но до конца президентского срока оставалось немного времени. Перед тем как передать власть новому правительству, необходимо было официально сообщить и закрепить результаты переговоров. Если соглашение между главами Республики Корея и КНДР закрепляется юридически, то оно носит характер официального договора между двумя странами. Совместная декларация от 4 октября соответствовала категории договоров, накладывающих серьезные финансовые обязательства на государство и граждан. Поэтому я настаивал на получении ратификации соглашения Национальным собранием. В то время общая атмосфера была настолько располагающей, что можно было получить одобрительную резолюцию на Генеральной Ассамблее ООН. В таких условиях, если бы в Национальное собрание был представлен проект ратификации, то даже партии «Ханнара» было бы сложно противостоять ему.

Однако действующий в то время премьер-министр Хан Доксу не завершил это дело. Он настаивал на том, что будет не поздно обратиться в Национальное собрание после заключения более конкретных последующих соглашений и определения размера финансовых расходов. Таким образом, мы упустили время и шанс. В итоге, когда власть сменилась, соглашение между лидерами двух стран кануло в Лету.

Глядя на многочисленные результаты саммита, я вспоминаю о нескольких крайне неприятных инцидентах в межкорейских

отношениях, с которыми столкнулось правительство в начале своей работы. Фактически основной проблемой, которая в течение пяти лет осложняла работу президента и нас всех, был северокорейский ядерный вопрос. Я считаю, что в этом случае высочайшей оценки заслуживают выдержка, политическая сила и философия президента Но Мухёна, который смог урегулировать ядерный вопрос мирным дипломатическим путем. Невольно начинаешь думать, что в некотором смысле мудрое руководство спасло страну в тот период.

Как только Но Мухён был избран президентом, северокорейская ядерная проблема стремительно вошла в критическую фазу. Вслед за прекращением поставок мазута из США КНДР вышла из Договора о нераспространении ядерного оружия, возобновила ядерную программу и выслала инспекторов МАГАТЭ… Неоконсервативно настроенные представители администрации Буша из Республиканской партии настаивали на жестких мерах. Вплоть до удара по КНДР.

Еще во время пребывания в статусе избранного президента, до официального вступления в должность, Но Мухён решительно отстаивал свою позицию, хотя и не имел в то время особого дипломатического влияния: «Северокорейская ядерная проблема должна решаться дипломатическим путем посредством диалога. Нельзя даже упоминать об ударе по КНДР или его возможности. Нельзя предпринимать никакие военные действия без согласия Южной Кореи». К тому же он явно дал понять, что выступает против американской политики сдерживания.

Представители лагеря консерваторов, а также консервативно настроенные СМИ всячески критиковали такой подход и раздували шумиху, как будто мнение, отличное от мнения США, может привести к серьезным последствиям, но при этом никаких действий не предпринимали.

Президент Но Мухён был настроен настолько решительно, что в итоге ни администрации Джорджа Буша, ни сторонникам жесткого курса не оставалось ничего, кроме как отказаться от своей политической линии. В итоге все встало на рельсы дипломатического урегулирования путем диалога. В ходе этого процесса мы смогли подготовить основу для шестисторонних переговоров, повысив уровень доверия путем добросовестной помощи США в виде отправки войск в Ирак. Посредством шестисторонних переговоров было достигнуто всестороннее соглашение о денуклеаризации, а отказ КНДР от всех ядерных программ способствовал созданию платформы для обсуждения вопроса об установлении мира на Корейском полуострове в целях достижения мира во всей Северо-Восточной Азии. Проведение

межкорейского саммита также стало возможным благодаря успешному урегулированию ядерной проблемы КНДР посредством шестисторонних переговоров.

Результатом бесконечной терпеливости и укрепления взаимного доверия с Северной Кореей в течение всего длительного процесса урегулирования конфликтов является проведение межкорейского саммита. Мир между Югом и Севером может быть достигнут благодаря доверию. Если вы не верите друг другу, то вы не можете сделать ни шагу вперед. На финальной стадии подготовки к саммиту я почувствовал, что уровень доверия между Южной и Северной Кореей удивительно возрос. Помимо проведения межкорейского саммита, в период работы правительства участия активное развитие получили регулярные контакты и обмены с Севером.

Что называется политикой?

Волнение после межкорейского саммита длилось недолго. В стране началась полномасштабная предвыборная гонка. Возникало много неприятных, с точки зрения Голубого дома, ситуаций, о которых мы даже докладывали президенту. Всем доставалось от политических активистов. Мы были бессильны в этой ситуации, и оставалось просто терпеть.

Самым болезненным было так называемое отделение от президента, которое инициировала правящая партия. Оно началось задолго до проведения межкорейского саммита. Какой бы политизированной ни была ситуация в стране, в тот момент казалось, что исчезли даже минимальное политическое доверие и простой здравый смысл, что уж говорить о нравственных нормах и моральных принципах. С виду казалось, что уровень поддержки президента и «Правительства участия» заметно снизился, и, так как перспектива на следующих президентских выборах уже не была такой радужной, чиновники на руководящих позициях начали искусственно создавать ситуацию конфронтации между президентом и «Правительством участия». Таким образом они рассчитывали укрепить свои личные позиции за счет отделения от президента и «Правительства участия». Конечно, президент был недоволен этим и чувствовал обиду.

В 2002 году, когда проводились очередные президентские выборы, уровень поддержки действующего тогда президента Ким Дэчжуна тоже был очень низким. Намного ниже, чем в конце президентского срока Но Мухёна. Многие пытались укрепить свое положение за счет указания на необходимость преобразований, а также за счет прицельных нападок на Ким Дэчжуна и нарочитого отделения от его взглядов. Президент Но Мухён всегда был против такого подхода. Он ни разу не совершал открытых нападок на Ким Дэчжуна и не высказывал грубых замечаний в его адрес.

В какой-то момент можно было даже подумать, что граждане охотно поддерживают так называемое отделение, но это мимолетная мысль. В итоге люди видят ситуацию более широко и глубоко. Безусловно, в таком поведении обиднее всего видеть предательство. Это похоже на самоотречение, которое съедает тебя изнутри. И хотя президент Но Мухён не принадлежал к окружению Ким Дэчжуна, он всегда держал себя в руках.

На этот раз те, кто вместе с президентом составляли ядро партии «Ёллин Уридан», поступили особенно жестоко. Будучи президентом, Но Мухён чувствовал сильнейшее предательство с

человеческой точки зрения. Поэтому его раны были еще глубже. Особенно болезненными стали для него действия бывшего председателя Чон Донёна, на которого президент возлагал самые большие надежды.

Президент действительно был очень привязан к бывшему председателю и питал серьезные надежды на его счет. Он всегда помнил, что Чон Донён в условиях предвыборной гонки оставался рядом с ним до самого конца, и был благодарен ему за это. Он пытался помочь Чон Донёну во всем. И когда Чон Донён был председателем партии, и когда занимал пост министра, если речь заходила о необходимости оказания ему помощи, то президент всегда говорил сотрудникам Голубого дома, что нужно оказать максимальную поддержку.

На этот раз те, кто вместе с президентом составляли ядро партии «Ёллин Уридан», поступили особенно жестоко. Будучи президентом, Но Мухён чувствовал сильнейшее предательство с человеческой точки зрения. Поэтому его раны были еще глубже.

Когда партия «Ёллин Уридан» столкнулась с кризисом из-за раскола, президент провел важную встречу с бывшим

председателем Чон Донёном. Об организации встречи Чон Донён попросил меня. Я до сих пор не понимаю, почему он так поступил тогда. В то время депутаты Национального собрания, которые были сторонниками председателя Чон Донёна, стали выходить из партии. В этой ситуации Чон Донён предложил президенту встретиться, и я думал, что он на этой встрече представит президенту Но Мухёну какой-либо план действий, чтобы избежать катастрофы, и попросит о содействии. И даже если бы это было не так, я был уверен, что они смогут откровенно поговорить друг с другом и тем самым прийти к единству мнений о том, как разрешить имеющиеся проблемы.

Однако, когда встреча в итоге состоялась, все произошло иначе. На вопрос президента о том, покинет ли Чон Донён партию, он отвечал только: «Я думаю, что партийные проблемы – это не главное». Эти слова означали, что он покинет партию. И в итоге оказалось, что целью встречи и было сообщить о своем выходе. На этом их разговор прервался, и встреча закончилась на грустной ноте. Я присутствовал при беседе, и мне было очень обидно, что в этот важный период разговор этих двух людей закончился абсолютно безрезультатно. Вначале, когда они разговаривали на разные темы, я иногда вклинивался в беседу, чтобы направить ее в более спокойное русло, но, когда был поднят вопрос о выходе из партии, вмешиваться уже не имело смысла. Даже если Чон Донёну ничего не оставалось, кроме как объявить президенту, который и так был крайне обеспокоен распадом партии «Ёллин Уридан», о своем выходе, я не мог понять, зачем он просил о встрече. Кроме того, после завершения встречи было решено оставить факт ее проведения в тайне, но по какой-то причине Чон Донён раскрыл СМИ информацию о состоявшемся разговоре и высказал мнение о содействии в организации визита Ким Дэчжуна в Северную Корею. По этой причине встреча оставила очень неприятный осадок.

В тот день президент хотел услышать от Чон Донёна: «Я никогда не покину партию. Я буду служить партии “Ёллин Уридан” до конца», – но этого не произошло. Возможно, разговор мог бы продолжиться, если бы он хотя бы выразил сомнения, как один из тех, кто играл главную роль при создании партии, или если бы он ответил: «По крайней мере, развал партии не начнется с меня» или же «Я не буду первым, кто выйдет из партии». Но я слышал его ответы в тот день. Было ясно, что он скоро выйдет из партии. Однако до того момента, как он фактически покинул партию, прошло примерно два месяца. И учитывая этот факт, мне неясно, почему он так спешил разорвать отношения с президентом. Последняя возможность остановить развал нашего

политического лагеря была так печально упущена. Тогда я полагал, что только если эти два человека объединят свои силы, можно будет с достоинством выступить на президентских выборах. И в особенности это было необходимо, если Чон Донён, выставив свою кандидатуру на выборах, планировал получить необходимое число голосов в юго-восточном регионе Ённам провинции Кёнсан. Но после того дня такая возможность исчезла. Очень жаль, что с какого-то момента отношения этих двух людей пошли не по тому пути, что возникло недопонимание, которое они не смогли преодолеть.

Президент очень переживал из-за раскола партии «Ёллин Ури-дан». Он даже принимал это на свой счет и считал личным провалом в своей политической карьере. И оказалось, что возможный провал на президентских выборах, который президент всегда считал самым трагическим событием, которое может произойти, вовсе не был таковым. Но Мухён считал так: «Ты можешь провалиться, если ты недостаточно силен или же если обстоятельства сложились не лучшим образом. Однако, даже потерпев неудачу, мы должны оставаться верными своим ценностям, чтобы обрести надежду на будущее. Если мы отречемся от наших ценностей, которые сейчас кажутся невыигрышными, то мы не только испытаем провал, но и потеряем надежду». В то время президент смотрел на то, как политический лагерь подрывает основы партии «Ёллин Уридан», именно с такими мыслями. Но Мухён всегда подчеркивал: «Быть честным политиком, который действует бескорыстно, – это лучший путь в долгосрочной перспективе, даже с точки зрения личной выгоды».

Он на личном примере подтвердил правильность этих слов. Если смотреть в долгосрочной перспективе, то граждане ясно понимают это, но невозможно понять, почему этого не видят политики.

Также президент подчеркивал: «Вы можете проиграть на президентских выборах. Победа – это здорово, но невозможно побеждать постоянно. Однако если вы проиграете, то вы должны сделать это так, чтобы после поражения у вас осталась надежда на будущее. И в таком случае необходимо участвовать в президентских выборах, оставаясь верным своим принципам и моральному долгу. В особенности это касается моральных обязательств. Сложно победить, если вы идете на выборы, отбросив свои принципы и моральный долг. После поражения вы потеряете и надежду».

Партия «Ёллин Уридан» преодолела регионализм Демократической партии и стала продвигаться по пути

превращения в партию всей страны, но в итоге отступила, сведя на нет все достигнутые успехи и вернувшись к прошлым реалиям. Президент считал, что в таком случае нельзя подарить людям надежду. Но, даже мысля таким образом, он останавливал тех, кто собирался отчаянно бороться за спасение разваливающейся партии. Он делал так потому, что, несмотря на убежденность в том, что распад партии «Ёллин Уридан» был не только ошибочным выбором, но и тем выбором, который не найдет поддержки у граждан, в душе он желал, чтобы наш политический лагерь не раскололся.

Проблема импорта американской говядины

Главный представитель Республики Корея на южнокорейско-американских переговорах по импорту говядины при администрации Ли Мёнбака, а ныне исполняющий обязанности заместителя министра иностранных дел, Мин Донсок, в своей книге «Жизнь госслужащих Республики Корея» утверждал, что президент Но Мухён нарушил обещание об открытии корейского рынка говядины в соответствии с международными стандартами, которое он дал президенту Джорджу Бушу во время встречи 29 марта 2007 года. Это неправда.

Ниже приведен точный и полный текст заявлений президента Но Мухёна, адресованных Джорджу Бушу в тот день, по вопросу импорта говядины:

«И теперь, если говорить о вопросе импорта говядины, то в отношении условий ввоза, связанных с санитарными нормами импорта говядины, мы уважаем рекомендации международных органов по эпизоотии и имеем принципиальное намерение открыть рынок до разумного предела. К тому же, несмотря на наличие установленного порядка предварительной проверки, мы не намерены умышленно нарушать условия карантинного досмотра, напротив, мы собираемся приложить все усилия и всячески благоприятствовать завершению установленных процедур в разумные сроки.

Ранее в процессе импорта говядины наши ведомственные органы, связанные с вопросами земледелия и лесоводства, приняли в некоторой степени излишние меры в выявлении обломков костей в мясе, из-за чего у США появились подозрения в отношении Республики Корея, и они поставили под сомнение наши добрые намерения. Я могу это понять, однако мы стремимся урегулировать этот вопрос на уровне президента, чтобы в дальнейшем все подобные процедуры были определены в разумных границах.

Поэтому я придерживаюсь принципиальной позиции о необходимости решения вопроса импорта говядины, и в соответствии с этим хотел бы обратиться к Вам* с двумя просьбами. Прежде всего, я хотел бы сказать Вам, что так же, как и для Вас, вопрос об импорте говядины является очень важным, он остается очень болезненным и для меня, и для корейской политики в целом в преддверии президентских выборов в конце года. В связи с чем, уважая Ваше мнение, прошу дать мне

возможность выступить прежде от корейской стороны, чтобы обращение исходило не от Вас, а от моего имени и было передано в Конгресс США. Это необходимо в целях рационального и разумного решения этой задачи. Прошу Вас дать распоряжение о том, чтобы процедура проходила именно в таком порядке.

Мы будем вести переговоры в соответствии с рекомендациями Всемирной организации по охране здоровья животных, но так как этот вопрос является очень болезненным с точки зрения национальной гордости, в итоге жители нашей страны сравнивают условия соглашения с условиями, которые есть у Японии, Тайваня, Гонконга, и при этом очень болезненно реагируют на сравнение. К тому же, возможно, политические партии могут сделать такое сравнение яблоком раздора на предстоящих президентских выборах. Поэтому, несмотря на то что такие вопросы решаются в большинстве своем посредством переговоров между Республикой Корея и США, и пусть даже Республика Корея немного забегает вперед в процессе переговоров, я прошу принять стратегический план по сбалансированному открытию рынков примерно в тот же период, когда его примут и другие страны Азиатского региона».

Текст этого заявления остался в записи телефонных бесед лидеров РК и США.

Резюмируя, надо сказать, что обещание президента Но Мухёна президенту Джорджу Бушу состояло не в том, что Республика Корея безоговорочно примет стандарты Всемирной организации по охране здоровья животных и в соответствии с ними будет неукоснительно осуществлять импорт говядины, а в том, что, уважая эти стандарты, южнокорейское руководство имеет «принципиальное» стремление к «открытию рынка в разумных пределах».

Другими словами, это обещание не слепого следования стандартам Всемирной организации по охране здоровья животных, а определения времени и масштабов открытия рынка в разумных пределах после обобщения сведений о текущей ситуации с кормовыми нормами для крупного рогатого скота в Америке, об уровне доверия корейских граждан к американской говядине, о санитарных стандартах на импорт согласно внутреннему законодательству в дополнение к стандартам Всемирной организации по охране здоровья животных.

Президент Но Мухён пошел еще дальше, открыто заявив об условии обязательного соответствия периода и масштабов открытия рынка Республики Корея и других важнейших рынков в Азиатском регионе, таких как Япония, Тайвань и Гонконг, так как, несмотря на стандарты Всемирной организации по охране

здоровья животных, Республика Корея не может быть страной, которая первая полностью откроет рынок для импорта.

В мае 2007 года, после этого телефонного разговора, Всемирная организация по охране здоровья животных классифицировала США как «государство, осуществляющее контроль риска коровьего бешенства». Однако даже после этого, 1 августа 2007 года, в импортной американской говядине были обнаружены осколки костей позвоночника, которые были классифицированы как «материалы специфического риска», из-за чего карантинные меры на ввоз говядины из США были приостановлены. 5 октября 2007 года в мясе снова были обнаружены спинные кости, и в связи с этим был снова отменен карантинный осмотр. В такой ситуации доверие к соблюдению Америкой санитарного контроля в отношении говядины не только не укрепилось, а, наоборот, заметно ослабло.

Кроме того, в то время Япония импортировала только говядину, в том числе и костную часть, не старше 20 месяцев, а Тайвань и Гонконг разрешили только ввоз бескостной говядины не старше 30 месяцев. Эти страны не расширяли масштабы импорта до декабря 2007 года. Не было даже переговоров о расширении, не говоря уже о самом расширении.

Но, несмотря на это, некоторые чиновники, включая премьер-министра Хан Доксу и начальника Главного управления торговли и переговоров Ким Чонхуна, постоянно настаивали на расширении масштабов импорта американской говядины в течение срока работы «Правительства участия». Конечно, сотрудники сферы государственного администрирования в Голубом доме были против.

Президент Но Мухён 24 декабря 2007 года провел совещание соответствующих министров и высказал окончательную позицию «Правительства участия» по этому вопросу. На этом собрании начальник Главного управления торговли и переговоров Ким Чонхун представил план по расширению масштабов импорта, согласно которому меры по его увеличению следовало разделить на два этапа: первый этап подразумевал импорт говядины, срок годности которой не превышает 30 месяцев, тем самым частично соблюдая стандарты Всемирной организации по охране здоровья животных. Второй этап предполагал принятие стандартов этой организации в полной мере после того, как правительство США объявит об усилении мер санитарного контроля по ограничениям в составе кормов для животных (ожидалось, что это произойдет в феврале-марте 2008 года).

Однако после обсуждения на совещании окончательное решение президента выглядело следующим образом.

К отмене ограничений на ввоз говядины старше 30 месяцев следует подходить очень осторожно, принимая во внимание осведомленность граждан о коровьем бешенстве, соглашения соседних государств, общие тенденции и др.

Так как разрешение импорта говядины с костями возрастом старше 30 месяцев уже является большой уступкой, то вести переговоры с США, в случае их согласия, возможно будет только в рамках оговоренных условий.

Так как обсуждение соглашения о ввозе говядины старше 30 месяцев неприемлемо на настоящей стадии, то оно должно быть исключено из повестки дня.

Окончательное решение вопроса о ввозе говядины не может быть вынесено до ратификации соглашения о свободной торговле, так как в таком случае остается обеспокоенность по поводу негативного влияния решения на ратификацию соглашения о свободной торговле и невозможности досрочной ратификации со стороны США.

Даже после того, как официальная позиция правительства была четко определена на совещании министров, премьер-министр Хан Доксу и начальник Главного управления торговли и переговоров Ким Чонхун направили мне и главе Политического управления еще одно обращение о пересмотре вопроса о расширении импорта говядины из США. И затем начальник Главного управления торговли и переговоров продолжал проводить рабочие консультации с американской стороной, хотя посол США в Республике Корея, который являлся основным партнером на рабочих встречах, занял еще более жесткую, чем раньше, позицию.

21 января 2008 года, после того как я отчитался президенту, я созвал совещание сотрудников, связанных с вопросами государственного администрирования, для обсуждения проблемы ввоза американской говядины. В ходе обсуждения было решено сохранить в первоначальном виде все решения, достигнутые на совещании министров 24 декабря 2007 года. В своей книге Мин Донсок также настаивал на том, что глава администрации президента сильно исказил как смысл обещания президента Но Мухёна главе США, так и позицию правительства, определенную на совещании министров. Какое абсурдное заявление!

Между тем Ли Мёнбак во время нахождения в должности избранного президента не менее двух раз посещал Голубой дом с целью визита к президенту Но Мухёну. Он просил президента Но Мухёна оказать содействие в ратификации южнокорейско-американского соглашения о свободной торговле и закрыть вопрос с американской говядиной до конца президентского срока

Но Мухёна.

Президент Но Мухён разъяснил Ли Мёнбаку всю ситуацию и сказал, что в то время как в стране 70 % населения выступает за соглашение о свободной торговле, те же 70 % – против импорта говядины. Он указал на то, что в телефонном разговоре с Джорджем Бушем он упомянул об условиях сохранения разумных границ импорта и баланса с соседними государствами, при этом наша сторона выполнила все договоренности на установленном уровне, в то время как Америка выдвинула дополнительные требования, из-за чего вопрос и остается нерешенным.

Кроме того, президент высказал мнение, что, если первым делом решать вопрос о ввозе говядины, это может стать огромным препятствием для ратификации соглашения о свободной торговле Национальным собранием, поэтому желательно сначала провести ратификацию соглашения, отодвинув на задний план вопрос об импорте говядины. И добавил, что в обмен на проведение ратификации соглашения США должны предоставить стратегию переговоров по вопросу ввоза говядины. Во время той встречи избранный президент Ли Мёнбак выразил свое согласие со словами президента Но Мухёна.

Если рассматривать последовательность событий, которая приобрела характер цепной реакции, очевидно, что шумиха вокруг вопроса об импорте говядины, возникшая во время правительства Ли Мёнбака, была инициирована сторонниками расширения масштабов импорта еще в конце срока работы «Правительства участия». И длительное победоносное наступление премьер-министра Хан Доксу и начальника Главного управления торговли и переговоров Ким Чонхуна, которые стояли у истоков этого процесса, во время работы правительства Ли Мёнбака не выглядит случайностью.

Комментарий

* Вы. 각하. Вежливое дипломатическое обращение, которое используется по отношению к собеседнику в официальной беседе или при переписке двух глав государств.

В тот год, зимой

12 декабря я пришел лично поздравить избранного президента Ли Мёнбака от лица главы администрации действующего президента. Избранный президент Ли Мёнбак очень тепло встретил меня. Он заверил, что сделает все возможное, чтобы не запятнать честь бывшего президента, и попросил передать эти слова Но Мухёну.

После этого на двух личных встречах в Голубом доме Ли Мёнбак повторил эти слова Но Мухёну. Я надеялся, что он говорил искренне. Я думал, что, несмотря на то что два президента относились к разным политическим блокам, у них были какие-то точки соприкосновения. Я полагал, что так же, как опыт президента Ким Дэчжуна стал для нас опорой во время проведения межкорейского саммита, наш собственный опыт сможет помочь правительству Ли Мёнбака. Я думал, что именно так образуется политическая преемственность.

Но эти ожидания начали разрушаться, когда Президентский переходный комитет правительства Ли Мёнбака только начал свою работу. В действительности план переустройства структуры правительства, который активно продвигал Президентский переходный комитет правительства Ли Мёнбака, конечно, не мог получить одобрения с нашей стороны, но даже в такой ситуации мы не стали выяснять, кто прав, кто виноват. Проблема заключалась в том, что они попросили президента Но Мухёна обнародовать законопроект о реформировании структуры правительства, с которым мы не могли согласиться. Из-за этого возник конфликт между «новым» и «старым» правительствами. Я считаю, что эта просьба выходила за рамки допустимого. В результате ситуация повернулась таким образом, что «Правительство участия» поставило правительство Ли Мёнбака в безвыходное положение.

На самом деле мы искренне старались передать дела следующему правительству в максимально законченном виде. В этом плане очень важной была работа по упорядочиванию и передаче огромного количества записей и материалов, которые были сделаны во время нашей работы. Мы считали, что наша деятельность важна с точки зрения истории, но в первую очередь мы полагали, что это будет необходимо для следующего правительства. Нашей целью было предотвращение неэффективности в обеспечении политической преемственности, и мы делали это от всей души.

В материалах, которые передало «Правительство участия»,

содержалась информация и о ходе развития политики, и о процессе ее обсуждения. Причиной было то, что когда мы начали работу, то увидели, что многие аспекты политического курса прошлого правительства «по наследству» перешли к нам, и в тот момент нам зачастую было интересно увидеть истоки и процесс обсуждения этого политического курса. И даже те результаты политической деятельности, которые были достигнуты во время работы предыдущего правительства, зачастую служили для нас опорным материалом. Безусловно, все правительства сталкиваются с одинаковыми социальными и экономическими явлениями, и в такие моменты, конечно, принимаются схожие меры по решению возникших проблем. Во всяком случае, огромный свод материалов, которые мы передали, был прежде всего предназначен следующему правительству.

В свод переданных документов было включено руководство по осуществлению кадровой проверки в «Правительстве участия». С приходом к власти гражданских чиновников каждое последующее правительство после раскрытия информации об имуществе чиновников сталкивалось с упреками со стороны общественности из-за кадровой проверки. Пройдя через это испытание, «Правительство участия» разработало свое руководство по кадровой проверке. Но, конечно, даже неукоснительно соблюдая эту инструкцию, можно было совершить какой-либо просчет из-за того, что правительство не сталкивалось с подобной ситуацией. Даже в конце работы «Правительства участия» президент Но Мухён поручил Независимой комиссии по борьбе с коррупцией разработать обновленную и улучшенную инструкцию, которая должна была дополнять руководство по кадровой инспекции «Правительства участия».

Это было связано с тем, что критерии проверки не могут быть всегда одинаковыми, а суждения о том, что важно, а что нет, могут варьироваться от эпохи к эпохе. В феврале 2008 года, накануне отставки, Независимая комиссия по борьбе с коррупцией предоставила президенту отчет о составлении нового руководства по кадровой проверке. Это было руководство, созданное для следующего правительства. Конечно, одной из причин необходимости такого руководства является и то, что оно имеет целью эффективное проведение проверки, но, с другой стороны, должностные лица и те, кто надеется стать высокопоставленным чиновником, могут осуществлять самоконтроль только при условии наличия заранее объявленных стандартов проверки. Однако правительство Ли Мёнбака проигнорировало переданное им «Правительством участия»

руководство по кадровой проверке.

Я бы понял это, если бы они разработали собственное руководство по кадровой инспекции. Но правительство Ли Мёнбака, до того как произошел инцидент с кандидатом на пост премьер-министра Ким Тхэхо, вообще не имело никакой инструкции по кадровой инспекции. И говорят, что только после исключения Ким Тхэхо из списка кандидатов правительство Ли Мёнбака составило некую инструкцию, в том числе и чек-лист из двухсот вопросов. Даже сталкиваясь с очевидными кадровыми провалами с самого начала работы правительства, они не обращались к руководству – мне было сложно это понять. То же самое касалось и личного самолета, которым пользовался президент.

Мы очень старались по возможности не оставлять следующему правительству проблемных дел или щекотливых вопросов. В начале работы правительства возникает временной разрыв между назначением премьер-министра и новых министров. Так как и мы столкнулись с этой проблемой, мы попытались ее устранить, восполнив институциональные пробелы. И даже когда победа Ли Мёнбака на президентских выборах была официально подтверждена, он не обеспокоился этим вопросом.

В довершение всего мы даже обустроили небольшую ванную комнату в Голубом доме, несмотря на осуждение со стороны сотрудников администрации президента, и облагородили тропинку, которая ведет к резиденции президента. С мыслями о том, что с конца 2007 года к работе приступит новое правительство, и оно не сможет сразу заняться текущими техническими вопросами, мы спешно провели ремонтные работы. Мы понимали, что создание сплоченного и единого правительства занимает много времени. К тому же это большая нагрузка на бюджет. И своими действиями мы пытались уменьшить финансовое и моральное бремя, возложенное на новое правительство, взяв на себя решение подобных вопросов. Однако все было впустую.

Отставка

После проведения президентских выборов до дня отставки действующего правительства оставалось два месяца, поэтому президент был очень занят текущими делами. И в этих заботах он больше думал об историческом процессе, нежели о собственной выгоде. Он поручил нам максимально тщательно и аккуратно завершить упорядочивание всех материалов и записей, чтобы по возможности не передавать незавершенные дела.

В итоге все, что останется от этих пяти лет, промелькнувших как вспышка, – это записи. Поэтому президент настолько трепетно относился к записям и материалам с самого начала своего срока. Конечно, пятилетняя история успехов и неудач, зафиксированная документально, не только послужит материалом для исторической оценки, но, я надеялся, будет эффективно использована следующим правительством. Руководить этим процессом должен был я. Со стороны секретарей и административных чиновников поступало очень много жалоб, потому что, хотя все понимали глубокий смысл задачи, нам пришлось не спать в течение нескольких недель из-за огромного объема работы. Многие задавались вопросом: не будут ли наши непосильные труды в конце года напрасными? Но президент лично подбадривал нас, и в итоге мы смогли закончить работу.

С другой стороны, у Но Мухёна также было много дел, связанных с подготовкой к жизни после отставки. Президент уже давно решил, что после отставки отправится в родную деревню Понха. Но Мухён с самого начала считал, что будет хорошо, если после отставки он сможет быть полезным с точки зрения развития политики региональной сбалансированности. Поэтому он имел твердое намерение после ухода из Голубого дома отправиться в провинцию.

Примерно с 2005 года он был в поиске подходящего места. Он хотел выбрать одну из деревень, которая была бы уютным местом для жизни. Так как он питал большой интерес к лесохозяйственной деятельности, то попросил начальника Лесной службы Республики Корея посоветовать ему подходящее место.

Однако необходимо было принять во внимание и практические вопросы, такие как, например, необходимость покупки земли для строительства дома и подготовки всего необходимого для жизни. И в итоге он решил поехать в родные края. Решив, что подходящим местом будет деревня Тэдон в ближайшем регионе Кимхэ, он даже начал активно искать там участок, но в конце концов все же остановил свой выбор на

родной деревне Понха. Это было примерно во второй половине 2006 года.

Разработкой проекта дома Но Мухён попросил заняться архитектора Чон Гиёна. К сожалению, сейчас он уже ушел из жизни. Хотя земля была очень дешевой, по сравнению с Сеулом, из-за расходов на строительство президенту пришлось даже взять кредит в банке. Я считал, что президент сможет полностью выплатить кредит, если после отставки напишет книгу или будет проводить лекции.

Я тоже постепенно готовился к жизни после отставки. Мысли остаться в Сеуле у меня не было с самого начала. Я считаю серьезной проблемой то, что высокопоставленные чиновники после своей отставки не возвращаются на родину. Например, в прошлых правительствах было много выходцев из Пусанского региона, но если говорить о тех, кто вернулся в Пусан, то, насколько я знаю, это сделал только бывший министр морских дел и рыболовства, который сейчас является ректором Корейского морского университета. На уровне министров таких людей только двое – он и я.

Хотя возвращение в Пусан было для меня в целом закономерно, я хотел уехать в сельскую местность в окрестностях Пусана даже больше, чем в сам город. Я был истощен как физически, так и морально. Мне в голову приходили мысли, что мое усердие было совершенно бессмысленным. Вне зависимости от того, признаем мы это или нет, по факту оценка «Правительства участия» была безжалостной. Уровень поддержки президента был крайне низким, партия раскололась. В попытке воссоздать политическое единство нас ждал абсолютный провал. Лагерь прогрессистов рухнул в одночасье. Конечно, самая большая ответственность за это лежала на нас, как на тех, кому доверили государственное управление. Я хотел скрыться от этого мира и жить в тишине и спокойствии. Я как будто сам себя отправлял в ссылку, поэтому искал убежища в сельской местности.

На мое решение повлияло также и финансовое положение. Хотя у меня никогда не было больших сбережений, но за время работы в Голубом доме я растратил все окончательно. Также я хотел на время оставить и адвокатскую деятельность, но я не мог этого сделать из-за жизненной необходимости. Мне надо было найти такой район, чтобы я мог добираться до адвокатской конторы. И я выбрал местечко Мэгок возле города Янсан, где живу и сейчас.

Моя супруга из Сеула и любит жить в большом городе, но, несмотря на это, она согласилась, что лучше будет поехать в

уединенное тихое место и немного отдохнуть, так как в тот момент мне было очень тяжело. Я купил старенький дом. Это было помещение, которое пусанские художники и скульпторы использовали как мастерскую. Под жилую комнату был отведен крохотный уголок, а все остальное пространство использовалось для работы, поэтому в целом дом был не очень пригоден для жизни. С тех пор как я переехал сюда, я все время что-то ремонтирую. Однако здесь очень просторный двор и прекрасные окрестности.

Я думал, что если поеду в Янсан, то смогу время от времени навещать в Понха президента. Я предполагал, что так как я был последним главой президентской администрации, то мне придется присутствовать или сопровождать Но Мухёна на официальных мероприятиях как президента в отставке. Но я даже не мог представить, насколько часто мне надо будет это делать.

День, в который я покинул Голубой дом

Последние несколько дней перед отставкой были полны хлопот. Мы сделали совместную памятную фотографию с коллегами: со старшими секретарями, секретарями, административными работниками, сотрудницами Голубого дома. Это люди, которым я благодарен до слез. Хотя те, кто не связан с Голубым домом, в большинстве своем подумают, что это прекрасное место, видя только одну сторону медали, но эти люди составляли администрацию президента Но Мухёна, поэтому они видели и обратную сторону: им приходилось быть осторожными, терпеливыми, выслушивать упреки и критику и при этом усердно работать. И единственное, что я мог для них сделать, – это оставить памятную фотографию. Я подумал, что мне нечего больше желать, кроме того, чтобы однажды посмотреть на фотографию и с гордостью вспомнить о тех временах.

Поздно вечером 24 февраля президент пригласил в Голубой дом всех сотрудников министерского ранга на прощальный ужин. После того как ужин закончился, я вернулся в резиденцию главы администрации президента. Моя супруга упаковала все вещи для переезда и первой отправилась в Янсан. Последняя ночь существования «Правительства участия», которую я провел наедине со своими мыслями о жизни и переживаниями о том, как я буду жить дальше, была полна печали.

Поздно вечером 24 февраля президент пригласил в Голубой дом всех сотрудников министерского ранга на прощальный ужин. После того как ужин закончился, я вернулся в резиденцию главы администрации президента. Моя супруга упаковала все вещи для переезда и первой отправилась в Янсан. Последняя ночь существования «Правительства участия», которую я провел наедине со своими мыслями о жизни и переживаниями о том, как я буду жить дальше, была полна печали.

25 февраля 2008 года мы вместе с Но Мухёном должны были присутствовать на инаугурации нового президента, которая состоялась в здании Национального собрания на острове Ёыйдо. Мероприятие посвящено инаугурации нового президента, но за неимением церемонии отставки оно в то же время представляет собой и печальный момент ухода прошлого президента. Когда я ездил в качестве специального посланника на церемонию вступления в должность президента Эквадора, церемония ухода с должности предыдущего президента состоялась за день до инаугурации. И в ней приняли участие большинство приглашенных на инаугурацию. Правда, речь оставляющего свой пост президента, которая состояла из перечисления его заслуг, была очень долгой и скучной. Тем не менее отдельное проведение церемонии ухода с должности создавало очень приятное впечатление. И по сравнению с этой церемонией, культура

проводов покидающего свой пост президента в нашей стране выглядит очень бессодержательно.

Я пошел к официальной резиденции президента и остановился перед главным входом рядом с супругой Но Мухёна. От входа в резиденцию и вплоть до главных ворот Голубого дома всю улицу заполонили сотрудники Голубого дома, которые приехали выразить президенту свое почтение. Затем мы отправились к актовому залу. Я шел позади тех, кто аплодировал президенту, кто махал ему рукой, кто приветствовал его низким поклоном, и тех, кто расставался с ним со слезами на глазах.

После того как мероприятие закончилось, мы поехали на Сеульский вокзал. Мы с президентом должны были уехать на поезде КТХ. На вокзале собралось много людей, чтобы проводить нас.

После того как мероприятие закончилось, мы поехали на Сеульский вокзал. Мы с президентом должны были уехать на поезде КТХ[18]. На вокзале собрались многие, чтобы проводить нас. Среди огромной толпы сильно выделялась группа людей, которые прощались с президентом, рыдая во весь голос. Это были соотечественники из Китая. Разве на дворе был 2003 год? Когда у них были тяжелые времена и они устраивали голодовки с призывом обратить внимание на их положение, Но Мухён лично поехал к ним, чтобы поддержать, невзирая на протесты различных ведомств, в том числе и Министерства юстиции. И из благодарности за тот поступок они приехали проводить

президента на Сеульский вокзал.

Президент скромно поприветствовал тех, кто пришел его проводить, и сел в поезд. Многие коллеги, которые решили проводить его до деревни Понха, ехали с нами вместе. Президент, конечно, говорил, что в этом не было необходимости, но многие бывшие и нынешние сотрудники Голубого дома и представители политических кругов отправились в путь вместе с нами. Я пытался не унывать, хотя в душе чувствовал лишь смятение. Президент тоже переходил из вагона в вагон, чтобы развеселить всех попутчиков, он много смеялся и шутил. Уже на станции Мирян было много людей, которые приветствовали Но Мухёна, а в самой деревне Понха собралась огромная толпа. Казалось, настроение президента даже улучшилось благодаря тому, что пришло столько людей. В конце своей речи на церемонии приветствия президент прокричал: «Эй, у меня отличное настроение!» Мысленно я тоже кричал: «Эй, я тоже свободен!»

Я отправился домой, только когда увидел, как супруга президента заходит в дом. До Янсана я добрался уже глубокой ночью. Передо мной предстало печальное зрелище. Так как я был очень занят до последнего дня работы в правительстве, до дома, в который я собирался переезжать, у меня руки уже не доходили. Внутри дома ремонт был не закончен, поэтому даже не было возможности распаковать вещи. Даже спать было негде. Но все равно мне понравилось. Я был рад уже просто потому, что наконец ощущал свободу.

Деревенская жизнь

Мы решили обосноваться на совершенно новом месте в Янсане, однако дом был в плачевном состоянии. Из-за того, что внутри дома еще ничего не было подготовлено для жизни, в нем нельзя было есть и спать. Поэтому почти полтора месяца мы провели в крохотной комнате в пристройке около ручья. На дворе все еще была зима, и нам приходилось топить небольшую печку в углу комнаты. Туалета и умывальника у нас не было, поэтому мы мылись в ручье, и по нужде тоже ходили на улицу. Это действительно было похоже на ссылку. Бывало, что соседи приносили нам приготовленный рис и закуски. А моя супруга, взяв с собой тток[19] и свинину, ходила в сельсовет, чтобы подать заявление на регистрацию.

К адвокатской деятельности я вернулся через несколько месяцев. Хотя в целом я не относился к тем, кому после службы на высоком посту в суде или прокуратуре оказывали особый почет за прошлые заслуги после отставки*, но все равно я посчитал, что нежелательно бывшему старшему секретарю по гражданским делам и главе администрации президента сразу же открывать свою адвокатскую контору. Несколько месяцев я практически не выходил за пределы нашего участка: я ухаживал за садом и разбил скромный огород около дома. И после ремонта, который завершился примерно через полтора месяца после моего приезда, мы наконец смогли въехать в дом и начать в нем жить.

Сейчас наша семья выросла, и теперь у нас есть еще три собаки, две кошки и восемь кур. Мой день начинается с того, что я должен их покормить и вынести за ними помет. Собак мы завели, еще когда жили в Пусане, а кошек нам оставила дочь, когда вышла на работу и следить за домашними животными ей стало трудно.

Кур мы держим для того, чтобы они помогали истреблять многоножек, которые постоянно залезают в нашу комнату. К тому же они несут экологически чистые яйца, и иногда очень интересно наблюдать, как они высиживают яйца и выводят цыплят. Иногда к нам на участок заползают змеи, и, чтобы избавиться от них, мы разбрызгиваем промышленные сульфаты вокруг двора. Также мы выращиваем овощи. Конечно, наш огород совсем небольшой, но нам на двоих с лихвой хватает.

У нас большой участок, поэтому каждое лето мы воюем с травой. Если пропустить пару выходных из-за того, что мы заняты чем-то посторонним, то за это время успевает скопиться огромное количество дел по участку. Некоторые спрашивают меня, каким

спортом я занимаюсь, на что я отвечаю, что я занимаюсь не спортом, а трудом. Так как я в этом деле неопытен и не знаю никаких хитростей, то работа в саду и по дому занимает много времени и дается тяжело. Тем не менее я очень доволен, так как это жизнь, о которой я мечтал. Иногда меня посещают мысли, которые больше напоминают мечты: «Может быть, стать фермером и начать зарабатывать на всем этом?»

Комментарий

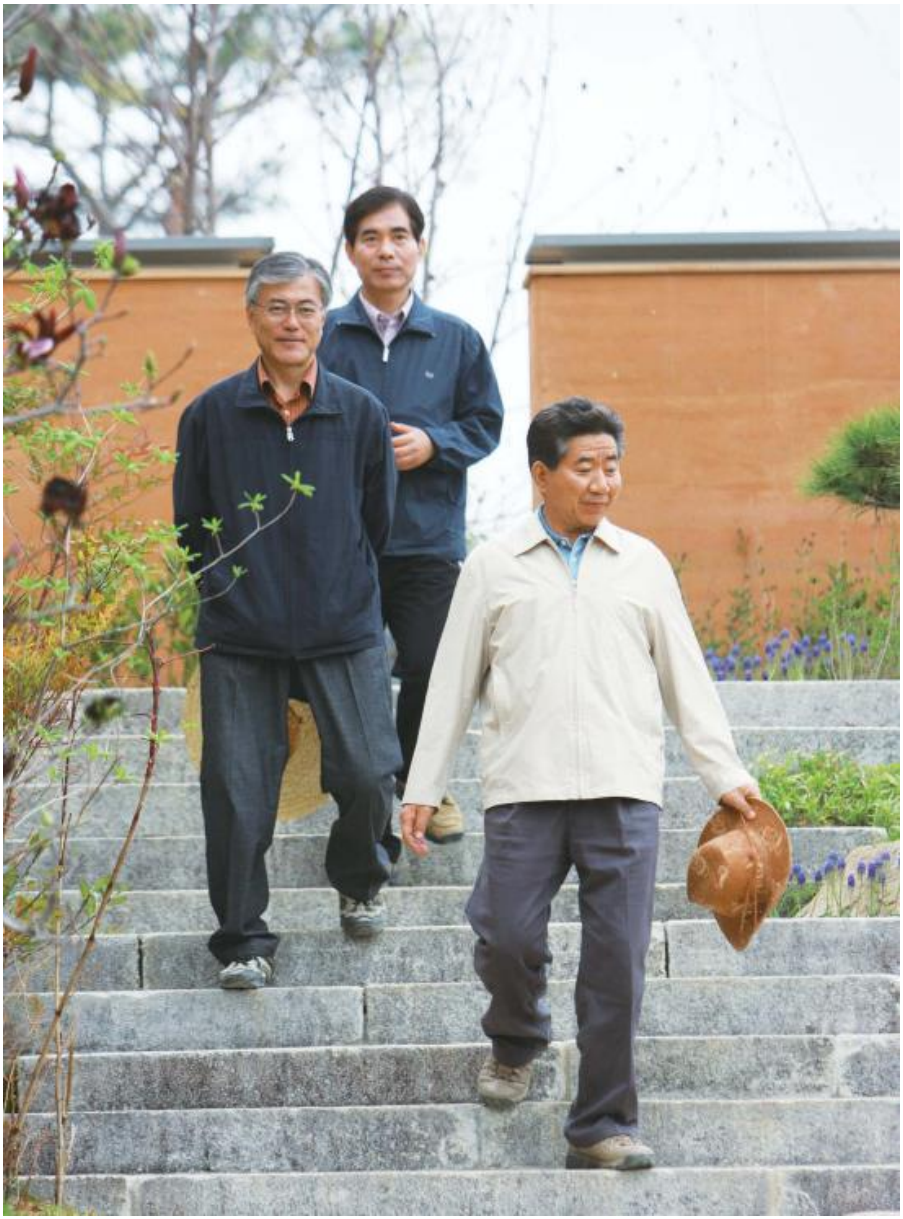
* Почет за прошлые заслуги после отставки. 전관예우 (前官禮遇). Уважение и почет, которые после отставки оказывают бывшим высокопоставленным чиновникам уровня министра, как если бы они все еще находились в должности.

Земледелец Но Мухён

Президент Но Мухён, который обосновался в Понха, тоже жил хорошо и преуспевал в земледелии. Иногда он заглядывал к нам, если был в Янса-не. Время от времени, когда к президенту кто-нибудь приезжал с визитом и порядок требовал моего присутствия, я приезжал к нему. Иногда я сопровождал его на официальные мероприятия. В такие моменты я всегда приезжал в Понха по его просьбе, чтобы поддержать репутацию президента.

Я всегда ездил с удовольствием. С каждым днем количество посетителей только увеличивалось. Им нравилось громко звать президента, радостно выкрикивать приветствия и фотографироваться. Президента несколько раз на дню могли попросить выйти из дома. Хотя приветствовать всех посетителей было довольно утомительно, но президенту это нравилось.

Но еще больше, чем встречать и приветствовать посетителей, Но Мухёну нравилось разговаривать с ними. За беседой время проходило незаметно. Бывало, что он разговаривал с посетителями больше часа. Иногда он очень долго говорил на сложные темы, как будто читал лекцию в университете. Если бы президент не скончался, то, мне кажется, он бы жил простой жизнью, занимаясь земледелием, откровенно разговаривая с обычными людьми, читая интересные лекции студентам и аспирантам.



Когда Но Мухён говорил об экологически чистом сельском хозяйстве, о высадке лесов, о возрождении экологического парка Хвап-хочхон, он весь расцветал, что особенно было видно по его лицу. Он хотел модернизировать всю деревню Понха, создать формулу успеха «процветающего села» и «деревни, в которой хорошо жить».

Но Мухён, будучи простым гражданином, но при этом бывшим президентом, имел несколько замыслов, которые могли оказать дополнительную помощь стране. Прежде всего, это

открытие сайта «Демократия 2.0». Он хотел внести вклад в развитие общества, создав пространство для прогрессивных дискуссий и сознательных дебатов в области демократии. Но в результате идея провалилась. Хотя на сайт активно загружались тексты, но высокоинтеллектуальной дискуссии не получалось, и культура дебатов оставляла желать лучшего. Обсуждения представляли собой сплошную критику правительства Ли Мёнбака, и альтернативные мнения не принимались. Все вышло совсем не так, как ожидал Но Мухён. Президент даже написал: «Даже если вы критикуете, вы должны делать это достойно и иметь аргументы», – но это оказалось бесполезно. В итоге сайт закрыли.

Президент активно занимался и движением за очистку экологического парка Хвапхочхон, и разведением уток с заботой об окружающей среде. Это то, что президент действительно любил. Действительно, такая жизнь выглядела как возвращение в родные края, но, конечно, во многом она была некомфортной как для самого Но Мухёна, так и для его семьи. Когда происходило что-то плохое, к его дому стекались СМИ, и даже выйти на улицу было сложно. Но, несмотря на различные трудности, президент находил счастье в таких вещах, как экологически чистое сельское хозяйство и спасение парка Хвапхочхон. Но больше всего такой образ президента в отставке нравился обычным людям.

Счастье в Понха длилось недолго. Новые планы, огромное количество посетителей, рост популярности Но Мухёна после его отставки – все было негативно истолковано с политической точки зрения правительством Ли Мёнбака. Это было предвестником предстоящих несчастий. Однако в тот момент мы еще ничего не знали.

Я всегда ездил с удовольствием. С каждым днем количество посетителей только увеличивалось. Им нравилось громко звать президента, радостно выкрикивать приветствия и фотографироваться. Президента несколько раз на дню могли попросить выйти из дома. Хотя приветствовать всех посетителей было довольно утомительно, но президенту это нравилось.

Сумрак политического отмщения

Из-за вопроса импорта американской говядины по всей стране начались демонстрации со свечами. В то время президент Но Мухён старался быть очень сдержанным и осторожным. Он проявлял уважение к действующему президенту, хотя, очевидно, его сердце разрывалось из-за сыпавшихся одно за другим заявлений чиновников и представителей правительства Ли Мёнбака, перенявшего бразды правления из рук «Правительства участия». Но Мухён публично раскритиковал призывы к смене власти и требования об «отставке президента», которые звучали во время демонстраций со свечами, как неподобающие. Также он открыто выразил обеспокоенность по поводу продвижения демонстрантов к дверям Голубого дома.

Ни президент, ни мы даже представить не могли, что реакция, последовавшая за проведением демонстраций со свечами, будет орудием политического отмщения, острие которого будет направлено на нас. О возникших тогда ненависти и неприязни правительства Ли Мёнбака по отношению к Но Мухёну и «Правительству участия» мы узнали уже намного позже. О подозрениях, что мы якобы стояли за организацией демонстраций со свечами, мы тоже узнали много времени спустя. Удивительное воображение и странное представление об ущербе.

Началом политического отмщения было проведение безосновательных тайных расследований в отношении представителей «Правительства участия». Стало известно, что тайные расследования начались в отношении бывших премьер-министров Ли Хэчхана и Хан Мёнсук. Вслед за этим прошел слух, что спецслужбы пытаются выяснить слабые места бывшего главы президентской администрации Ли Пёнвана и бывшего вице-премьера в области образования Ким Пёнчжуна, задерживая с этой целью людей из их окружения. И они были не единственными. Нам также передали, что спецслужбы прикладывают отчаянные усилия, чтобы найти повод придраться к некоторым секретарям из поколения 386[20]. И если они не выявляли никаких скрытых недостатков, то начинали без разбора арестовывать всех представителей окружения и оказывать на них сильное давление.

Все слышали и о тех трудностях, с которыми пришлось столкнуться Но Мухёну и его близким. Но сам он ничего не говорил. Наоборот, он попросил по возможности не приезжать к нему в Понха. Тем самым он хотел сказать, что с ним все в порядке и лучше не ездить попусту, чтобы не попасться на глаза

тем людям. Позже я узнал, насколько сильно он страдал и был подавлен. Как же больно и трудно ему было, если он написал об этом в предсмертной записке? Он писал: «Из-за меня некоторым людям пришлось столкнуться с неимоверными страданиями».

Постепенно президент становился мишенью для стрелы мести. Все началось с того, что Но Мухёна поставили к позорному столбу из-за президентских записей и материалов. Новое правительство разыграло комедию о том, что президент, который оставил больше всего материалов за всю историю, якобы был бессовестным человеком, который скрывал материалы и записи.

Спор возник из-за недоработок юридического характера: дело в том, что из-за институционального упущения экс-президент не имел доступа к записям и материалам, сделанным в период его нахождения у власти. Но, несмотря на это, новое правительство без конца продолжало распространять ложную информацию. Я даже беседовал с начальником службы безопасности президента Лю Уиком, чтобы объяснить всю ситуацию. Также с нашей стороны дополнительно подробное объяснение предоставил бывший секретарь президента по административным вопросам Чон Санмун, беседуя с действующим секретарем президента по административным вопросам Ким Пэкчуном. Выслушав наши комментарии, они полностью с ними согласились. Как же бессердечно они воспользовались ситуацией!

Это был простой вопрос, который можно было бы с легкостью решить, если бы в качестве способа урегулирования бывшему президенту предоставили доступ к материалам и записям, сделанным во время его пребывания в должности. Но они выбрали другой путь: не решать проблему, а поднять вокруг нее шумиху. Все это было выставлено как серьезное правонарушение.

Суть Закона о контроле над президентскими записями и материалами заключалась в их передаче в отдел президентского архива, который входит в состав Национального архива, с целью их использования государством. Все оригиналы были переданы, однако из-за несовершенства системы, не позволяющей иметь доступ к материалам, с них была сделана одна копия. И это ни в коем случае не было посягательством президента Но Мухёна на контроль государства над материалами и записями.

С точки зрения законодательства то, что, по их утверждению, являлось правонарушением, де-юре не относилось к положениям закона. К тому же предоставление экс-президенту доступа к материалам и записям, сделанным в период его президентского срока, действительно было насущной необходимостью. Как можно подготовить лекцию или что-то написать, не имея доступа к архивам?

Президент Но Мухён и мы считали, что с юридической точки зрения это также очевидно, поэтому были готовы доказать свою правоту. Однако в итоге президент поднял белый флаг и принял унизительные требования действующего правительства. Все, кто был связан с процессом сбора материалов во время работы «Правительства участия», стали объектами расследования и были вызваны на допрос. Для президента ситуация была невыносимой. Но Мухён решил защитить всех причастных, публично заявив: «Все было сделано по моему указанию. Если кто и виноват, то это я».

Во время расследования дела о президентских архивах я остро почувствовал, что все старания прошлой администрации передать будущему правительству как можно больше материалов в конце срока своей работы были напрасными. Воодушевляя сотрудников на эту работу, я заставлял их не спать ночами. Прилагая множество усилий и передавая материалы в Национальный архив для их использования новым правительством, я не знал, что благодарностью за это будет политическое отмщение.

Раньше перед отставкой правительства и президента все материалы и записи уничтожались, или же экс-президент забирал их к себе домой. И именно Но Мухён стал инициатором разработки Закона о контроле над президентскими записями и материалами. Этот закон был издан из соображений необходимости, так как бывшие президенты с большой долей вероятности будут забирать все материалы и записи, сделанные за время их работы, если не сделать их доступными для просмотра и использования. Очень жаль, что мы не смогли четко соотнести этот юридический пробел и удобство доступа к материалам, но, испытав предательство, мы, конечно, были очень огорчены.

К тому же копию материалов взял лично президент Но Мухён, и утечки содержания этих документов не было. К тому моменту сам Но Мухён еще не успел их просмотреть. Даже если можно говорить об этом как о каком-то правонарушении, то оно не стоило того, чтобы набрасываться на нас, заставляя краснеть от стыда.

Я слышал о подозрениях, что эти записи могут быть использованы для критики правительства Ли Мёнбака. Во всяком случае, я не знаю, кто все это спланировал, но похоже на то, что рассмотрение и оценка таких вопросов, а также указания о методах реагирования были сильно политизированы.

Инцидент с архивами был исчерпан, но затем на повестку дня был вынесен вопрос о субсидиях производителям риса, и нас

снова стали стыдить. Казалось, будто, выставляя напоказ неудачи «Правительства участия», они хотели обелить себя. Именно в тот момент меня посетила мысль: «О, да правительство Ли Мёнбака формирует политическую конфронтацию по отношению к президенту Но Мухёну и его окружению». Увидев, как они пытаются переложить вину на прошлое правительство, я почувствовал, что в этом есть злой умысел. Много времени не понадобилось, чтобы мои предположения подтвердились.

Начало трагедии

Под прицел попали товарищи Но Мухёна и их бизнес. Были проведены налоговые проверки в отношении директоров больницы «Уридыль» Ли Санхо и Ким Сугёна, затем было инициировано расследование и в отношении директора предприятия «Чхансин Текстиль» Кан Гымвона. Впоследствии Кан Гымвон был арестован и приговорен к тюремному заключению. В июле 2008 года налоговой инспекции подверглось промышленное предприятие «Тхэгван Индастрис». Из-за выявления случаев взяточничества при продаже инвестиционной компании «Сечжон Секьюритис» прокурорское расследование набрало новые обороты, и целью теперь стал старший брат Но Мухёна – Но Гонпхён. Как позже стало известно, проблемы начались именно с брата.

Мы должны были уделить внимание проблемам старшего брата уже тогда, когда я еще работал в администрации президента. Дело с продажей инвестиционной компании «Сечжон Секьюритис» и дело Пак Ёнчха были, как говорится, с душком. Во время работы в Голубом доме я услышал неприятную историю. Специальный следственный отдел, относившийся к структуре Департамента по общественным делам Управления по гражданским делам, получил секретные агентурные сведения. Я поручил провести тщательную проверку по этому вопросу. По результатам инспекции, организованной специальным следственным отделом, все причастные к компании «Сечжон Секьюритис» люди решительно отрицали факт передачи взяток. Они утверждали, что таких случаев никогда не было. Мы проверили и старшего брата Но Мухёна. Он говорил то же самое. Как потом выяснилось, никто из них не сказал правды. Но тогда у нас не было способа узнать, что они все лишь делают невинный вид. Мы не могли копнуть глубже, потому что у Голубого дома нет права на проведение расследования. Если бы у нас были хоть какие-то зацепки, или если бы старший брат Но Мухёна сказал правду, то мы бы не стали покрывать их. Мы бы сами возбудили дело.

К тому моменту, когда арест стал неизбежным и прокуратура потребовала ордер, Но Гонпхён настолько увяз в этом деле, что мы уже не знали, как реагировать. Наверное, у нас не было бы чувства сожаления, если бы все вскрылось неожиданно, а мы бы ничего не знали заранее, но из-за того, что мы не смогли докопаться до истины, получив секретные данные, произошедшее для нас стало особенно прискорбным. Вслед за старшим братом

Но Мухёна по обвинению во взяточничестве и злоупотреблении должностными полномочиями был арестован еще и секретарь по административным вопросам Чон Санмун. Он также был посредником для Пак Ёнчха. Все больше людей приезжало в Понха, чтобы получить комментарии по поводу инцидента. Юридическое реагирование взяли на себя бывшие старшие секретари по гражданским делам: я и Чон Хэчхоль, а также адвокат Чон Чэсон.

Госпожа Квон Янсук, которая сильно провинилась перед президентом, не знала, куда девать глаза в нашем присутствии. Хотя на совместных обсуждениях, посвященных разбору инцидента, ей приходилось сидеть вместе с нами, в остальное время она избегала находиться в одном месте с президентом. Если президент приходил, она старалась незаметно уйти, даже если до этого находилась вместе с нами.

В то время президент вел себя немного странно. Тогда он не знал, что конкретно произошло, и мы расспрашивали госпожу Квон Ян-сук о ее реальном участии в деле, и зачастую он узнавал о чем-то одновременно с нами, в процессе того, как госпожа Квон постепенно все более детально рассказывала о произошедшем. Если бы нечто подобное произошло в обычное время, то он был бы очень зол и сильно ругался, но он ни разу так не поступил. Он даже ни разу не повысил голос в нашем присутствии. Для меня это казалось странным, потому что все выглядело так, будто он философски смотрит на проблему, которую никоим образом нельзя рассматривать под таким углом.

Он говорил нам: «В конце концов, это моя вина. Долгое время я был некомпетентен с экономической точки зрения. Разве моя жена и секретарь Чон Санмун поступили так не потому, что не верили в мои силы? Это полностью моя вина». Часто он добавлял: «Я долгое время в политике и уже закалился, но не смог приспособить к этому свою семью».

Хотя все произошло без ведома президента, он пытался взять на себя ответственность не только за свою супругу, но и за секретаря Чон Санмуна. Он заставил Чон Санмуна дать показания, что все было сделано по указанию Но Мухёна. Но тот не послушался президента. И тогда Но Мухён даже написал письменное заявление, в котором говорил, что сам все организовал. Через некоторое время он снова написал нам письмо, в котором говорилось: «Вы должны оставить меня».

Эти слова были искренними. Президент очень стыдился даже просто встречаться с нами. Он сам рассказал мне об этом. Я слишком хорошо знал, насколько трудно принять подобную ситуацию человеку, который был к себе настолько суров, что это

можно было назвать придирчивостью. Я по-прежнему очень сильно переживал, но мне оставалось лишь надеяться, что при любых обстоятельствах он сможет выдержать все с уверенностью, что в итоге невиновность будет доказана.

Терпеть охоту на ведьм и общественное правосудие, которые подогревались одновременно прокуратурой и СМИ, было невыносимо. Президента записали в злостные преступники. Каждые утро и вечер следователь Хон Манпхё проводил официальные совещания в прокуратуре. Прокуроры, которые находились в подчинении начальника Главного следственного управления, также распространяли информацию о ходе расследования в СМИ. К тому же так называемые соломинки для питья – это прозвище относилось к тем, кто каким-либо образом был связан с прокуратурой, – дополняли рассказы еще более красочными подробностями.

Наглядным примером является вымышленная история, озаглавленная как «Часы в рисовом поле», в которой говорится, что президент выбросил в межу на рисовом поле часы стоимостью в сто миллионов вон, которые получил в качестве взятки. Казалось, что президента с помощью СМИ пытались подчинить давлению позорного клейма, так как судебный процесс шел не так, как было запланировано. И СМИ с удовольствием стали соучастниками этого преступления.

Больше всего боли причиняли средства массовой информации, которые называли себя прогрессивными. Их статьи особо не отличались от статей консервативных СМИ, однако их передовицы и первые полосы были настолько страшными, что походили на лезвия, которые глубоко пронзают человеческую плоть. Умирая, буддийский монах Попчон в своем завещании, указывая на то, что это окажет влияние на последующую жизнь, просил не публиковать даже те тексты, которые были красивы и хороши с точки зрения содержания. Но я не видел, чтобы люди, которые своими словами, будто острым оружием, наносили глубокие раны в сердце человека, задумывались над тем, что они пишут, не видел, чтобы они сдерживали себя в написании подобного. У нас же, напротив, не было ни средств, ни желающих реагировать. В Понха не было отдельного секретаря по связям со СМИ. И в этом безвыходном положении мне пришлось давать комментарии прессе. По дороге в адвокатскую контору, а иногда и по дороге в Понха я постоянно отвечал на звонки журналистов, которые готовили очередной репортаж. В то время большинство комментариев, которые появлялись в СМИ, я давал, пока был за рулем.

В тех случаях, когда я не успевал посмотреть отчеты по

прокурорским брифингам или доклады в СМИ, большинство моих ответов на вопросы журналистов типа «Прокурор сказал на брифинге то-то и то-то, что Вы думаете по этому поводу?» или «В такой-то газете представлен такой-то доклад, что Вы думаете по этому поводу?» были импровизацией. Однако если вдруг я не мог ответить на звонок из-за других дел, то наша позиция просто не освещалась в газете. И в такой ситуации мы должны были быть благодарны, что нас хотя бы о чем-то спрашивали.

Я не из тех, кто быстро соображает и быстро говорит. К тому же настроения общества и СМИ создавали очень сложную ситуацию. Когда журналисты задавали мне вопросы, я должен был моментально просчитывать, как нужно представить ситуацию, чтобы мои слова были максимально убедительными для остальных и выгодными для нас. Я всегда отвечал, испытывая сильное беспокойство и опасения, но сейчас, смотря на то, как все вышло, я сожалею об этом.

В то время президенту было о чем беспокоиться: он раздумывал, стоит ли давать не только юридические, но и политические комментарии. Он рассматривал способ реагировать прямолинейно в случаях, когда требовалось указать на обман, и опираться только на истинные политические намерения. Сотрудники Управления по связям с общественностью тоже в целом поддерживали эту позицию. Из этих побуждений мы даже написали «Письмо президенту Ли Мёнбаку», хотя в итоге оно так и не было отправлено. В конечном счете президент все же остановился на исключительно юридическом реагировании, так как он посчитал, что общественность не будет прислушиваться, в связи с чем есть вероятность столкнуться с еще более жесткой критикой.

И президент, и мы давали комментарии относительно происходившего, проявляя недюжинное терпение и выдержку. Пройдя через все это и оглядываясь назад, я понимаю, что сожалею о многих своих комментариях, потому что не уверен, были ли они достаточно подходящими и своевременными. Не слишком ли осторожной была моя реакция? Смог ли я донести то, что президент действительно хотел сказать? Иногда я раскаиваюсь, что мы не смогли проявить действительно соответствующую реакцию, заявив им в лицо: «Это подлое политическое расследование, целью которого является бывший президент!» – и отказаться, например, от проведения расследования.

Конечно, неизвестно, если бы мы так поступили, было бы от этого лучше, придало бы это сил президенту, принесло бы ему облегчение. Во всяком случае, я никак не могу избавиться от

мысли: «Если бы мы знали, что у него на душе, то должны были любыми способами предотвратить это, но…»

День позора

Утро 30 апреля 2009 года. Президент должен был присутствовать на допросе в Верховной прокуратуре в Сеуле. Это был день позора. В тот день в Понха собралось много народа, хоть президент и просил не приходить. Супруга Но Мухёна молча сдерживала слезы, президент был спокоен. Те, кто пришел поддержать его, сами начинали рыдать, не говоря уже о том, что утешить президента они были не в состоянии. Скорее, президент пытался разрядить обстановку и с напускной веселостью шутил, чтобы подбодрить гостей.

Президент вышел из дома. Его супруга долгое время упорно сдерживала себя, но, увидев уходящего президента, не смогла больше выносить этого, и слезы потекли по ее лицу. Президент вернулся и, обняв, успокоил ее.

Над автобусом, в котором ехал Но Мухён, кружил репортерский вертолет, а сзади следовали машины журналистов. Внутри автобуса повисла тяжелая тишина. Все были подавлены, и только президент оставался спокойным всю дорогу.

Мы приехали в прокуратуру. Начальник Главного следственного управления Ли Ингю встретил президента и предложил ему чашку чая. Вид у него был крайне надменным. Говорил он вежливо, но отношение было наглым и высокомерным. Начальник Первого отдела Главного следственного управления начал допрос. Президент отвечал спокойно, насколько это было возможно. Его сдержанность была удивительной. Наблюдая за допросом, я снова смог убедиться, что у прокуратуры не было никаких улик. Кроме, конечно, показаний директора Пак Ёнчха. Показания Но Мухёна и Пак Ёнчха не совпадали, но доказательств, что господин Пак сказал правду, у них не было. Не было даже записей телефонных разговоров, а это означало, что не было и факта звонка.

Самоконтроль президента еще больше удивил меня, когда после допроса мы столкнулись с директором Пак Ёнчха. Прежде всего, самая идея прокуратуры устроить очную ставку Но Мухёна и Пак Ён-чха была полна неуважения к бывшему президенту. Задача прокуратуры – найти объективные доказательства правдивости показаний одного из допрашиваемых, если сказанное ими в чем-то не совпадает. Но решение организовать очную ставку было верхом бестактности. В итоге очная ставка не была проведена из-за возражений адвокатов, но прокуратура подстроила случайную встречу, заставив Пак Ёнчха сначала долго ждать, а затем столкнуться с президентом. Но Мухён тепло

приветствовал господина Пака и даже сказал слова утешения.

Вплоть до своей смерти президент ни разу не выразил неприязни или жалости по отношению к Пак Ёнчха. Он понимал, что тот тоже невольно оказался в трудной ситуации. Но Мухён считал, что когда Пак Ёнчха выйдет на свободу, то сможет рассказать правду. Но была и еще одна причина, по которой президент пытался войти в положение Пак Ёнчха.

Допросу подверглись даже дочери Пак Ёнчха – якобы из-за подозрения в нарушении Закона о контроле операций с валютой. Кроме того, было проведено расследование в отношении средств, полученных «Тхэгван Индастирис» в качестве финансирования оборудования. Безусловно, сложно терпеть происходящее, когда и семью, и бизнес вывернули наизнанку и выставили на всеобщее обозрение. Вот о чем я слышал.

Утро 30 апреля 2009 года. Президент должен был присутствовать на допросе в Верховной прокуратуре в Сеуле. Это был день позора. В тот день в Понха собралось много народа, хоть президент и сказал не приходить. Супруга Но Мухёна молча сдерживала слезы, президент был спокоен. Те, кто пришел поддержать его, сами начинали рыдать, не говоря уже о том, что утешить президента они были не в состоянии.

На обратном пути, после того как допрос в прокуратуре был закончен, в автобусе царила такая же тишина. Все устали от длительного допроса. Казалось, что президент находится в смятении. Но атмосфера не располагала к непринужденной

беседе, которая могла бы вернуть ему душевное равновесие.

Когда прокуратура наконец возбудила дело – а до этого дня было сложно дотерпеть – мы поняли, что исход будет определен в суде. Сколько бы прокуратура и СМИ ни твердили о «суде общественности» и «политическом суде», закон есть закон. Скрыть несостоятельность материалов следствия невозможно. У необоснованного расследования и фальсификации событий тоже есть предел, так как существует сила фактов. И наш случай был как раз таким. Мы могли выиграть. Исходя из этого, президент тоже верил в «силу истины» и «силу неопровержимых фактов».

Вызов президента на допрос в прокуратуру является последним этапом в процедуре. После этого должны последовать процедура задержания, запрос о возбуждении дела без предварительного задержания или же снятие подозрений. Но в нашем случае все было иначе. Даже после окончания прокурорского расследования дело искусственно затягивалось без вынесения решения. Причина была очень проста.

Прокуратура пыталась определить, будет ли поддержан обвинительный акт. Безусловно, в такой ситуации запрашивать ордер – непростая задача. Если заявка на выдачу ордера отклонена, то все расследования, проведенные прокуратурой, прекращаются. Но даже в случае, если вынесено решение о возбуждении дела без предварительного заключения, то определить, последует ли за этим обвинительный акт, очень сложно. И, не имея другого выхода, они просто затягивали расследование, не делая никаких предположений. У них не было иного способа, кроме как продолжать оказывать давление и порочить честь президента посредством СМИ.

Я довез президента домой уже к глубокой ночи, а затем поехал к себе. Я был в смятении. Мою голову сдавливало множество мыслей. Это был ужасный день, мои силы были на пределе из-за бесконечного напряжения. И тем не менее я не мог заснуть.

Как вышло, что президент оказался в таком затруднительном положении? Я не мог понять Но Мухёна. Он был беден. Бедность заставила его погрузиться в учебу, бедность привела его на путь адвоката по правам человека. Если бы он не был беден, то не знаю, заинтересовался ли бы он судьбами людей, которым пришлось столкнуться с трудностями жизни в нищете. Работа адвокатом по правам человека и движение за демократизацию начались просто с того, что он решил помогать бедным и угнетенным людям. И политика была всего лишь продолжением. Его откровенность и искренность по отношению к политике сделали его президентом.

Тем не менее сам он по-прежнему не мог выбраться из бедности. Когда он только начал заниматься адвокатской деятельностью, у него почти получилось это сделать, но затем, погрузившись в рутину помощи бедным и незаслуженно угнетенным, он снова вернулся на путь бедности. Деревня Понха – это далекий уголок, где земля стоит очень дешево, но президенту все равно пришлось взять кредит в банке, чтобы построить дом. Он даже одолжил деньги у Пак Ёнч-ха. Но Мухён однажды сказал мне: «Я сожалею, что в политическом плане я тренировал и закалял только себя и не заставил сделать это свою семью». Однако в итоге все это произошло из-за того, что у президента не было никакого плана о том, чем он будет заниматься после отставки.

Когда после кончины Но Мухёна разговор зашел о наследстве, то выяснилось, что его долг превышал стоимость его имущества на 400 миллионов вон.

Судьба

Мун Чжэин, распорядитель на похоронах

23 мая 2009 года новость о кончине президента Но Мухёна повергла в шок всю страну. Бывшие сотрудники «Правительства участия», узнавшие о происшествии из новостных сводок, начали стекаться в больницу Пусанского университета.

Никто не мог поверить в случившееся, и все бесконечно задавали мне вопросы. Многие сомневались в том, что он сам сбросился со скалы. Каждый раз, когда я рассказывал о произошедшем, меня преследовал кошмарный образ президента, каким я увидел его, когда впервые взглянул на Но Мухёна после падения. Кроме меня, секретаря Мун Ёнука и охранников, никто не видел его таким, каким он предстал до того, как труп в какой-то мере привели в порядок, учитывая тот шок, который могла получить его супруга. Сообщать о кончине президента и рассказывать, как все произошло, – жестоко для всех. Но еще обиднее было то, что эта задача легла на мои плечи.

После того как я получил печальное известие, я не мог перестать упрекать себя. Примерно за неделю до гибели президента я не навестил его в Понха. У меня не было других планов, но и острых вопросов, для решения которых мне необходимо было бы ехать, тоже не было. Президент уже прошел процедуру дознания, и прокуратура никак не могла вынести решение.

Поначалу я часто к нему ездил, чтобы подготовиться на случай запроса ордера на арест. И даже убедившись, что они не смогут потребовать такой ордер, я продолжал наведываться в Понха, чтобы обсудить возможность скорого возбуждения дела без предварительного заключения. Однако, так как прокуратура все тянула с решением, я подумал, что лучше дать президенту отдохнуть и немного расслабиться. К тому же при встрече со мной президент так стыдился, что не знал, куда себя деть. Поэтому я посчитал, что ему какое-то время нужно побыть одному и отдохнуть.

В тот момент и для президента, и для адвокатов было очевидно, что, даже если прокуратура возбудит дело, мы без труда получим заключение о невиновности. Никто не мог даже предположить, что президент был полон решимости все бросить.

Об этом мы услышали позже. Но Мухён провел последние выходные накануне гибели в одиночестве. Он не дописал книгу «Будущее прогресса», которую до последнего старался не выпускать из рук. Утром 19-го числа он сказал секретарям Юн Тхэёну и Ян Чончхолю, которые помогали в написании книги, что

ему пришлось много пережить за последнее время, и после этого он оставил все дела. Встреча с несколькими знакомыми – это был последний раз, когда я его видел. С вечера 19 мая и до утра 23 мая он ни с кем не встречался, не считая того, что вечером 21-го числа к президенту ненадолго заглянул живший неподалеку знакомый, глава артели Ли Чэу. За день до трагедии Но Мухён заглянул в комнату, где сидели секретари, чтобы выкурить сигарету. Он долго и пристально смотрел на всех, как будто прощаясь в последний раз, а затем молча вышел. И на рассвете 23 мая он покинул дом и отправился в самый долгий путь.

Проведя наедине с собой много одиноких и мучительных часов, он утвердился в своем последнем решении, и в это время он никому, включая меня, не позволил быть рядом. Шок, который я испытал, когда впервые увидел предсмертную записку, был невыносим от осознания, что президент шел к этому. Я все время думал: «С какого момента он вынашивал в голове текст предсмертной записки?»

Скорее всего, президент много раз мысленно прокручивал и переделывал содержание предсмертной записки втайне от всех, поскольку это был не тот текст, который можно открыть на экране компьютера и отредактировать.

После того как весь остальной текст был загружен в компьютер, первое предложение – «Я обязан очень многим людям» – было вписано дополнительно. И даже в самый последний момент он прочитал напечатанное и, кажется, снова слегка подкорректировал. Мысль о том, что президент в течение последних нескольких дней жил, прокручивая в голове текст предсмертной записки, и сейчас невыносима для меня.

С какого момента? Но Мухён загрузил на домашнюю страницу фразу «Друзья, вы должны оставить меня», но я все равно не смог догадаться, что творится у него на душе. Как же одинок он был…

Поверят ли другие в то, во что я сам никак не могу поверить? Кажется, ни граждане, ни журналисты – никто не верит в то, что президент сам сбросился со скалы. Я попросил секретаря Ким Кёнсу обнародовать и распространить полный текст предсмертной записки. Первый экземпляр, который я распечатал и принес показать супруге Но Мухёна, я спрятал за пазуху. Я по сей день ношу его предсмертную записку в своем блокноте. Для этого нет особой причины. Я так делаю просто потому, что не могу ее выбросить.

Мы обсуждали с другими, где лучше обустроить место прощания. Было решено не делать его в больнице, а перевезти тело сразу в Понха. Я поручил срочно подготовить временный

морг и комнату для прощания в его родной деревне. Секретарь Ким Чжонхо с помощью жителей деревни начал срочно возводить сооружение в Понха.

Взяв с собой черный костюм и галстук, моя жена приехала в больницу. Она плакала. Теперь я стал распорядителем на похоронах Но Мухёна.

Взяв с собой черный костюм и галстук, моя жена приехала в больницу. Она плакала. Теперь я стал распорядителем на похоронах Но Мухёна.

Мне доложили, что временный морг и комната прощания в Понха готовы. Когда стало смеркаться, мы повезли тело президента в его родную деревню. Не прошло и двенадцати часов, как он снова вернулся туда. Но уже холодным мертвецом.

В Понха собралось много людей, которые уже успели узнать о печальной новости. Времени горевать всем вместе не было. Необходимо было собраться и подготовиться к похоронам. Собрание, на котором мы обсуждали практические вопросы, длилось до рассвета.

Так закончился длинный день 23 мая. Самый долгий день в моей жизни. В тот день я не сожалел о том, что был последним главой администрации президента. Вначале опознание трупа, затем объявление о смерти и, наконец, проведение собрания для проводов президента. Я не мог быть один, я даже не мог плакать.

Отправляя в последний путь

На собрании, состоявшемся на следующий день, бывший премьер-министр Ли Хэчхан предложил доверить роль председателя похоронной комиссии бывшему премьер-министру Хан Мёнсук. Все остальные согласились. Бывший премьер-министр приняла должность. Бесконечно продолжались и собрания, и работа распорядителя траурной церемонии на месте прощания, которую мы выполняли посменно.

Количество пришедших проститься с президентом было поразительным. Каждый день, не говоря уже о том дне, когда все произошло, в Понха приезжали огромные толпы людей. Многие из них провели несколько часов в дороге, чтобы иметь возможность в течение пары минут проститься с Но Мухёном. И по приезде в Понха им тоже приходилось ждать несколько часов. Ни палящие лучи солнца и зной того жаркого мая, ни внезапный ливень – ничто не могло помешать шествию. Это было похоже на величественную религиозную церемонию. Что же, в сущности, заставило их приехать сюда?

Во время обсуждения вопросов, связанных с похоронами, мы должны были многое определить. Ситуация не позволяла проводить собрание, на котором одновременно присутствовали бы и вдова, и другие члены семьи, поэтому я должен был бегать туда-сюда как посыльный.

Первым предметом спора был статус похорон: будут ли это государственные или семейные похороны. Большинство высказалось за проведение государственной церемонии. Однако те, кто настаивал на проведении семейных похорон, были очень упорны. Хотя они и были в меньшинстве, они не были настроены уступать. Сначала родственники покойного, включая сына Конхо, который также был распорядителем, хотели провести семейную церемонию. Но после длительных уговоров их удалось переубедить.

Бывший президент Ким Дэчжун передал через главу президентской администрации Пак Чивона свое мнение о том, что желательно провести государственные похороны. Он изложил все причины в порядке приоритетности: во-первых, президент Но Мухён посвятил свою жизнь демократии и защите прав граждан, во-вторых, он стал президентом благодаря поддержке населения, в-третьих, во время нахождения в должности он также прилагал все усилия для обеспечения благосостояния народа, поэтому необходимо дать гражданам возможность проститься с президентом Но Мухёном. Постепенно идея о проведении

государственных похорон стала превалирующей. В конце концов родственники также согласились.

Но даже после того, как члены семьи покойного приняли предложение о проведении государственных похорон, открытым оставался вопрос о составе похоронной комиссии со стороны правительства. Эта проблема была решена, когда мы совместно с правительством сформировали комиссию и назначили действующего премьер-министра и бывшего премьер-министра Хан Мёнсук председателями комиссии. Тем не менее родственники покойного никак не могли принять тот факт, что в комиссии состоял действующий премьер-министр, который инициировал расследование. Их снова пришлось уговаривать.

Следующим предметом спора был выбор места проведения гражданской панихиды. Принимая во внимание настроение президента Но Мухёна, который после отставки вернулся в родную деревню, и его последнюю волю об организации небольшого надгробия в Понха, я думал, что лучше будет провести гражданскую панихиду и церемонию прощания в родных краях. Если бы Но Мухён скончался не при таких трагических обстоятельствах, то, скорее всего, я бы настаивал на этом мнении до конца.

Однако смерть президента Но Мухёна, по сути, представляла собой самоубийство по политическим мотивам. В этом крылась причина его духовного слома и краха ценностей, вместе с которым рухнули и мечты людей, искавших в нем политический идеал.

Конечно, есть те, кто может увидеть в произошедшем искупление грехов близких и родственников президента или же результат отсталой политической культуры нашей страны. Как бы кто ни смотрел на смерть Но Мухёна, необходимо было, чтобы, присутствуя на похоронах президента, как можно больше людей задумались о значении его гибели. Я подумал, что мы должны предоставить людям, которые словами «простите, что не уберегли» выражают отчаяние, смешанное с сожалением и грустью, возможность всем вместе проводить президента в последний путь.

Для этого важна была и сама церемония гражданской панихиды, но еще более важным было место для церемонии прощания и похоронной процессии, в которых все смогли бы принять участие. В итоге мы решили провести гражданскую панихиду в Сеуле, подразумевая, что прощание пройдет на Сеульской площади. Семья покойного с легкостью согласилась. Решение о проведении гражданской панихиды в Сеуле помогло мне убедить родственников в необходимости проведения

государственных похорон.

Еще одним сложным решением для семьи был выбор места захоронения. Разумно было бы похоронить президента в Понха в соответствии с его последней волей. Однако весомыми были и контраргументы о том, будет ли это в достаточной мере уважительно по отношению к бывшему главе государства. Некоторые утверждали, что из-за обстоятельств гибели бывшего президента его необходимо похоронить на Сеульском национальном кладбище. Но эта идея вызвала у нас сомнения практического характера о том, как мы сможем ухаживать за могилой. Особенно трудно это решение далось супруге Но Мухёна. Однако последняя воля президента не была связана с его душевными переживаниями в тот трагический период. Вернуться в Понха после отставки было давним замыслом и последовательным решением Но Мухёна. Он изначально был человеком, который не любил стандартные официальные церемонии типа похорон на Сеульском национальном кладбище. И госпожа Квон Янсук, и я прекрасно знали его отношение к подобным вещам. В итоге было решено последовать воле президента.

И самым сложным вопросом оставался выбор места погребения в Понха. Нынешнее место не соответствует нашим традиционным представлениям. Семья покойного поручила расположить могилу у подножия горы, слева от пристройки дома, в котором жил Но Мухён. Однако на выбранном месте у нас возникли некоторые трудности в процессе обустройства мемориала, где люди могли бы почтить память усопшего президента. И если уж говорить о месторасположении, то противоположный склон горы казался более подходящим местом для погребения, но нам было бы сложно оформить этот участок в собственность.

В итоге мы выбрали нынешнее место, ориентируясь на важность «пространства для почитания гражданами памяти усопшего». С самого начала при участии граждан было решено, что мемориал будет представлять собой пространство, выложенное каменными плитами. Супруге президента пришлось не по душе, что вдали виднеется скала Пуони, которая и была местом трагедии. Я чувствовал то же самое. Но альтернативных решений не было. После завершения работ родственники Но Мухёна остались довольны конечным видом мемориала.

Когда я смотрю на могилу президента с вершины скалы Сачжа в горах Понхасан, то мне порой кажется, что это уготованное судьбой место, которое будто изначально было задумано для могилы президента.

Поскольку форма участка треугольная, то очертания природного рельефа мемориала, который будто стекает с гор Понхвасан, изящно связывают его с деревней Понха, образуя в вершине треугольника точку контакта с пространством живых людей. Лотосовый пруд, расположенный на противоположной стороне от мемориала, был собственноручно создан президентом после возвращения на родину: Но Мухён сам отыскивал и высаживал в него цветы. Теперь пруд создает вид облагороженной территории возле мемориала. Неужели он заранее все спланировал? Неужели кто-то может знать о закономерностях судьбы?

После того как прояснились основные моменты, нашу работу осложнило несколько ограниченное мышление правительства. Сначала они были против проведения церемонии прощания на Сеульской площади из-за того, что чувства граждан были на пределе и правительство опасалось возникновения масштабных акций протеста. Решение не могли принять вплоть до утра установленного дня похорон. Но нам удалось убедить их следующими доводами: «Даже если вы не допустите организации церемонии прощания, похоронная процессия все равно должна пройти через Сеульскую площадь. И в таком случае, без сомнения, толпы людей преградят путь траурной процессии. И очень высока вероятность, что, пока все будут в замешательстве, граждане начнут импровизированную церемонию прощания. Мало того что это нежелательно, это к тому же создаст трудности для правительства. Поэтому было бы лучше провести церемонию в установленное время организованно под нашим контролем». Эти аргументы заставили правительство изменить свое мнение.

Следующей проблемой стал траурный транспарант*. Мы опасались, что его древко может быть использовано в качестве орудия протеста. Мне представлялось, как он взмывает вверх на глазах у всего народа, разгневанного кончиной президента. Поэтому деревянный флагшток транспаранта был заменен на пластиковый. Было решено, что транспарант будет нести только тот, чьи персональные данные прошли проверку, и после завершения похоронной процессии транспарант будет сразу же изъят. Мы сказали, что если такой способ кажется ненадежным, то правительство может предложить кандидатуру какого-либо чиновника для выполнения этой задачи. Услышав такой вариант, они согласились с нашей позицией. К утру назначенного дня все проблемы удалось решить.

Поскольку форма участка треугольная, то очертания природного рельефа мемориала, который будто стекает с гор Понхвасан, изящно связывают его с деревней Понха, образуя в вершине треугольника точку контакта с пространством живых людей.

Казалось, они просчитывают и взвешивают каждую мелочь. Тем не менее мы больше, чем они, хотели, чтобы церемония гражданской панихиды прошла достойно и организованно. Мы уделили особое внимание тому, чтобы во время проведения гражданской панихиды и церемонии прощания не возникло

никаких демонстрационных движений и чтобы в дальнейшем эта ситуация не могла быть использована в политических целях. Я считал, что в целом ситуация не соответствует искреннему желанию граждан почтить память покойного, и, конечно, такой способ не предполагал мирных и спокойных проводов президента. Мы искали содействия у гражданских общественных организаций в Сеуле. Их взгляд совпадал с нашим. По крайней мере, они признали, что в тот день абсолютно никто не вправе произвести какие-либо действия, направленные против президента.

Я не уверен, но, возможно, правительству просто не нравился сам по себе факт, что на церемонию прощания с президентом собралось много людей. Это было видно по их поведению во время воскурения благовоний в ходе поминального обряда. Если правительство решает провести государственные похороны, то, даже если ему не удалось обязать граждан участвовать в церемонии прощания, следует должным образом воздать почести покойному и создать подходящую атмосферу для того, чтобы граждане также смогли почтить память усопшего. Разве это не обязательно для государственных похорон?

Напротив, обидно было видеть отношение правительства, которое, казалось, пыталось всячески воспрепятствовать почитанию памяти покойного президента. С нашей стороны тоже не обошлось без подобных эксцессов. Для того чтобы выразить соболезнования, в Понха приехали политики, выступавшие за защиту прав женщин: полномочный глава фракции в парламенте партии «Ханнара» Пак Хитхэ, бывший полномочный представитель Пак Кынхе, председатель Национального собрания Ким Хёно, а также сотрудники действующего правительства, включая премьер-министра Хан Сын-су, – но граждане не пустили их, преградив путь. Это было недопустимо, но нам не удалось убедить разгневанную толпу. Президент Ли Мёнбак также сообщил о намерении принести соболезнования в Понха. Однако мы отговорили его, так как была высока вероятность, что прекрасной сцены прощания из этого не выйдет. Однако мы уделили особое внимание тому, чтобы по отношению к траурному венку, который прислал президент, не проявляли неуважение.

В конце концов правительство запретило декламацию бывшим президентом Ким Дэчжуном поминального панегирика на церемонии гражданской панихиды. Это было мое предложение, и все его поддержали. Хотя мы были очень обеспокоены тем, сможет ли он сделать это, учитывая серьезные проблемы со здоровьем, но решили попытать счастья и

обратиться с просьбой. Он с готовностью согласился.

Правительство неожиданно отказало. Причина была в высшей степени неубедительной: отсутствие такого прецедента и, соответственно, несправедливость по отношению к бывшим президентам.

Неужели слова о том, что бывший президент не может почтить память преемника, могут быть правомерными? Ведь то же самое можно сказать и в адрес действующего президента. Вот только действующий президент на государственных похоронах бывшего президента преподнес исключительно венок. Я читал статью о том, что президент США Барак Обама присутствовал на похоронах сенатора Эдварда Кеннеди и произнес памятные слова. В Южной Корее традиция сложилась таким образом, что президент, даже если и посещает похороны, то поминальную речь не говорит. Разве на государственных похоронах бывшего президента действующий президент не может произнести панегирик, даже если они принадлежали к разным партиям или фракциям? Это относится и к другим похоронным церемониям, на которых необходимо вместе с народом почтить память усопшего хвалебными речами.

Когда Ким Дэчжуну было отказано в выступлении на церемонии гражданской панихиды, он посетил место воскуривания благовоний за день до панихиды, прибыв туда на инвалидном кресле в тяжелом физическом состоянии, и произнес памятные слова. Это был не единственный подобный случай. Когда О Ёнхо, представитель новостного агентства *OhmyNews* выпустил книгу под названием «Но Мухён. Последнее интервью», он даже написал текст панегирика, который не мог быть сказан на церемонии гражданской панихиды, в предисловии книги. Это были искренний и сильный панегирик, который начинался со слов «Но Мухён, не умирайте, даже если Вы мертвы» и заканчивался словами «Если мы бодрствуем, то бывший президент Но Мухён не мертв, даже если он умер». Не могу выразить, насколько я благодарен ныне покойному президенту Ким Дэчжуну.

Комментарий

* Траурный транспарант. 만장. Текст, выражающий горесть утраты, а так же подобие флага, который сделан из шелка или бумаги с написанным на нем указанным текстом. Транспарант поднимается за траурным паланкином и проносится во время перемещения тела к месту захоронения.

Море слез

На церемонии гражданской панихиды я просто плакал. Вспоминая об этом, я понимаю, что в течение последних нескольких месяцев у меня не было времени и возможности отпустить груз с души и выплакаться. Конечно, у меня наворачивались слезы, когда я принимал соболезнования в Понха и слышал горестный плач граждан, но мне удавалось быстро взять себя в руки.

Душераздирающий панегирик бывшего премьер-министра Хан Мёнсук вызвал у меня приступ плача. «Господин президент! Где же Вы сейчас?» – и я не смог сдержать слез.

Когда подошла очередь президента Ли Мёнбака возложить цветы, произошел небольшой инцидент. Депутат Национального собрания Пэк Вону, который не смог сдержать своего негодования, внезапно встал и во весь голос закричал президенту Ли Мёнбаку: «Проси прощения за политическое отмщение!» Я мог его понять. Однако для меня, как для распорядителя на похоронах, это был тот случай, за который следовало просить прощения. И в конце церемонии гражданской панихиды, как председатель похоронной комиссии по вопросам управления, я принес свои извинения президенту Ли Мёнбаку. Я поклонился и сказал: «Этот поступок не соответствовал нормам приличия. Это было невежливо по отношению к тем, кто пришел принести соболезнования». Председатель похоронной комиссии, бывший премьер-министр Хан Мёнсук извинялась вместе со мной, так как, наверное, рассуждала так же, как и я. Ли Мёнбак ответил: «Все нормально. Я понимаю. Не беспокойтесь». Позже прокуратура подала иск в отношении депутата Пэк Вону за препятствие проведению церемонии похорон, но в итоге он был оправдан.

Я хорошо помню момент, когда бывший президент Ким Дэчжун после возложения цветов подошел к госпоже Квон Янсук, чтобы утешить ее. Я сидел как раз за ними, поэтому отчетливо все видел. Человек, которого можно было назвать самым опытным и уважаемым политиком в стране, не смог выдержать столкновения с печалью и горечью и был окончательно сломлен. Его лицо было искажено страданиями, и он буквально рыдал. Кроме того, у меня сердце болело еще больше из-за того, что я стал причиной неприятной ситуации, когда обратился к президенту Ким Дэчжуну с просьбой сказать памятные слова во время панихиды, но из-за противодействия правительства все закончилось ничем. И я ощущал эту боль не только в тот день. После того как погиб президент Но Мухён, поведение и отношение, которые

демонстрировал Ким Дэчжун как самый опытный и уважаемый глава государства, были достойны внимания и почтения. И мое сердце снова разбилось на части, когда через некоторое время он скончался. Ким Дэчжун, у которого и так были проблемы со здоровьем, пережил сильнейшее душевное и физическое потрясение из-за всего произошедшего. Участие в многочасовой гражданской панихиде после посещения места воскуривания благовоний на Сеульском вокзале нанесло решающий удар по его здоровью. Я чувствую себя виноватым.

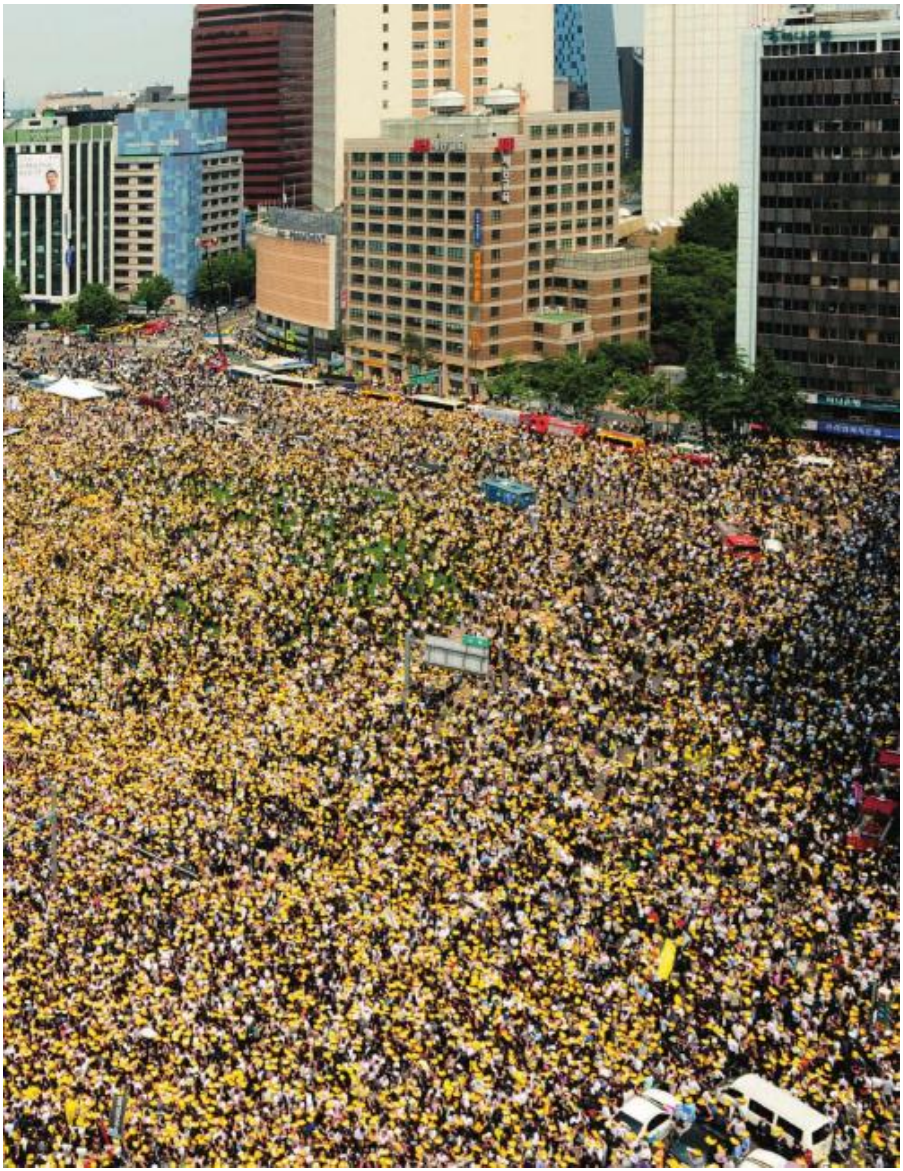
Во время проведения панихиды за религиозные обряды отвечали лидеры четырех религиозных общин: от буддистов – монах, настоятель монастыря Понынса преподобный Мёнчжин, от протестантов – глава Национального совета протестантских церквей в Корее пастор Квон Осон, от католиков – святой отец Сон Киин, от вон-буддистов – глава архиепархии Сеула Ли Сончжон. Каждый из них провел соответствующую церемонию с соблюдением всех правил и канонов. Хотя всех их стоит поблагодарить, особенно совестно мне было перед монахом Мёнчжином. В тот момент он соблюдал пост и медитировал, читая тысячедневную молитву в храме Понынса. До окончания тысячедневного поста ему оставалось всего несколько дней, тем не менее он с радостью принял предложение провести церемонию и прервал молитву, из-за чего я чувствовал себя в высшей степени неловко. Но еще более виноватым я ощутил себя, когда позже монах Мёнчжин подвергся политическому преследованию.

В тот момент, когда после завершения гражданской панихиды похоронная процессия направилась к Сеульской площади, людей было поистине несметное количество. Толпы горожан заполнили центр города, и люди стояли настолько близко друг к другу, что яблоку было негде упасть. Они кричали нам слова поддержки, когда видели, как мы следуем за катафалком. Вслед за похоронными машинами огромная толпа постепенно перемещалась на Сеульскую площадь. Простых людей среднего класса было особенно много. Немало было и молодых женщин. На глаза часто попадались инвалиды и люди с ограниченными возможностями. Без труда можно было почувствовать, насколько нравился обыкновенным людям президент Но Мухён. А поскольку многие хотели хотя бы рукой прикоснуться к катафалку, траурная процессия специально двигалась очень и очень медленно.

На церемонию прощания пришло более полумиллиона человек. Приковав взгляды к сцене, все пели в унисон, кричали и плакали вместе. Я все время плакал и никак не мог прийти в себя, поэтому даже не видел, что происходит на сцене. Я просто вместе

со всеми погрузился в атмосферу происходящего.

Во время церемонии прощания я увидел в небе таинственное радужное облако*. Это было удивительно. В третий раз за всю свою жизнь я стал свидетелем такого загадочного явления.



Когда после завершения гражданской панихиды похоронная процессия направилась к Сеульской площади, людей в тот момент было поистине несметное количество. Толпы горожан заполнили центр города, и люди стояли настолько близко друг к другу, что яблоку было негде упасть.

Я не помню точно, когда впервые увидел его, так как это было давно, но это произошло, когда сотни тысяч католиков собрались на площади Ёыйдо для проведения некоего религиозного съезда. Я не знаю, было ли это, когда Южную Корею посетил папа Иоанн Павел II, или в какое-то другое время. Моя

мама очень хотела пойти, поэтому я пошел вместе с ней. Тогда на небе отчетливо проявился огромный крест. И в течение долгого времени в католических кругах это явление называли чудом.

Второй раз произошел в 2005 году во время панихиды по монаху Попчану, который являлся президентом ордена Чоге. Церемония проходила в храме Чогеса. Я присутствовал в качестве единственного представителя Голубого дома. Я был в некоторой степени связан с покойным, так как во время работы в качестве старшего секретаря по гражданским делам и старшего секретаря по вопросам гражданского общества играл роль «окна для буддизма» и поэтому несколько раз встречался с монахом. Когда «Правительство участия» испытывало сложности с постройкой тоннелей Сапхэсан и Чхонсонсан, он оказал большое содействие в разрешении этих вопросов. Также он произвел сильное впечатление на граждан, когда завещал после своей смерти совершить так называемое пожертвование тела в рамках движения «Поделись жизнью», что шло вразрез с буддийским ритуалом кремации. Еще больше общественность потряс его текст, оставленный вместо последних слов просветления перед уходом в нирвану и гласящий: «У меня есть один мешок, но у него нет ни горлышка, ни дна. Сколько в него ни клади – он не переполнится, сколько из него ни раздавай – он не опустеет». Долгое время он был у всех на устах. В день проведения панихиды во время церемонии вокруг солнца на секунду вспыхнул таинственный ореол. Он был похож на идеально круглое кольцо вокруг светила. Все были очень удивлены. Я думаю, что, когда искренние, чистые и горячие сердца людей объединяются, образуется первозданная энергия, из-за чего могут происходить такие явления.

Приковав взгляды к сцене, все пели в унисон, кричали и плакали вместе.

После завершения церемонии прощания, когда похоронная процессия должна была начать движение, люди снова и снова останавливали катафалк, пытаясь дотронуться до него. Толпы людей по обе стороны дороги какое-то время следовали за процессией и казались бесчисленными. И только после того, как машины выехали за пределы Сеульского вокзала, толпа осталась позади. Когда похоронный кортеж выехал из толпы, я обратился к гражданам от лица всех причастных: «Большое спасибо. Мы не забудем».

В Сувонском крематории президент превратился в горсть пепла, оставив позади людские страдания и соболезнования. Супруга покойного Но Мухёна и их дочь Чонён остались снаружи, а сын Конхо и я завершили весь процесс, получив прах после кремации, который мы переложили в урну.

Около двух часов ночи прах президента был перевезен в павильон Чонтховон[21] в деревне Понха. Мы старались действовать в соответствии с представлениями, что все процедуры должны быть закончены до полуночи, но, к сожалению, из-за того, что похоронной процессии потребовалось очень много времени, чтобы выехать из толпы в центре города, мы не смогли завершить вовремя. Когда прах был возложен в павильон Чистой Земли, было уже около трех часов утра. Так закончились государственные похороны.

Комментарий

* Радужное облако. 채운. Облако с разноцветными вкраплениями. Видение возникает, когда свет преломляется в каплях воды или кристаллах льда и раскрашивает облако в радужные цвета.

Маленькое надгробие, большая душа

Еженедельно в Понха совершались поминальные обряды вплоть до наступления 49-го дня и проведения церемонии захоронения праха усопшего. При этом буддийская община оказывала в этом процессе большую поддержку. После кончины президента Но Мухёна буддийская община оказывала всестороннюю добросовестную помощь. Мы получали активную помощь не только на уровне религиозной общины, но и в крупных храмах: Тхондоса, Помоса, Хэинса. Монахи поочередно приезжали в Понха для проведения ритуалов, и в течение 49-дневного поста они одновременно читали сутры во многих буддийских храмах в Пусанском регионе.

Обряд 49-го дня – это ритуал, в котором объединяются буддийские и конфуцианские идеи. Считается, что он является смешением конфуцианской идеи почитания духов предков и буддийской идеи реинкарнации.

В буддизме считается, что каждые семь дней после того, как человек умирает, мы, воспевая сутры и проводя поминальный ритуал, молимся о том, чтобы усопший осознал все свои грехи, совершенные за время жизни, и переродился в новом мире в лучшем месте. В конфуцианстве же верят, что если в течение 49 дней после смерти человека его потомки преданно и искренне проводят поминальные ритуалы во имя его души, то благодаря их заслугам умершие родители или родственники переродятся людьми в лучшем месте и духи предков будут благословлять своих потомков.

Но разве имеет значение, какой конкретно смысл несет этот ритуал и к какой религии или учению он относится? Сердца людей, скорбящих из-за внезапной кончины президента, станут едины. Что может быть важнее, чем единение в пожелании президенту освобождения от всех душевных терзаний и тяжелого бремени эпохи и обретения вечного покоя и свободы? Хотя я католик, я присутствовал на всех семи поминальных ритуалах, кланялся Будде и усердно молился.

Между церемонией прощания и совершением ритуала захоронения праха прошло совсем немного времени. За этот короткий промежуток нужно было успеть закончить минимальную организацию мемориального комплекса. Мы не осмелились делать это исключительно собственными силами. Эту задачу взяли на себя представители культуры и искусства, имевшие выдающиеся способности, репутацию и запал и сформировавшие «команду мечты» – Комитет очень маленького

надгробия.

Название комитета придумал бывший глава администрации культурного наследия Республики Корея Ю Хончжун, взяв за основу завещание президента. Несмотря на большую ответственность, которую предполагало участие в комитете, Ю Хончжун с радостью предложил свою кандидатуру, заявив, что задачу по формированию мемориала должны взять на себя представители культуры, включая его самого. Он самостоятельно подобрал специалистов из разных областей и сформировал команду.

В нее вошли профессор Ю Хончжун, историк Ан Пёнук, архитекторы Чон Киён и Сын Хёсан, художники Лим Оксан и Ан Кючхоль, ландшафтный дизайнер Чон Ёнсон, поэт Хван Чиу и другие. Я тоже принял участие в качестве члена комитета. Благодаря всем этим людям работать было легко и нынешний мемориал удалось так красиво оформить.

Нелегко было найти ответ на вопрос, как же воплотить в жизнь последнюю волю президента и сохранить дух «очень маленького надгробия». Мнения на этот счет разошлись. Если следовать завету президента буквально, то мы должны были развеять прах и, не возводя могилу, поставить в подходящем месте около его дома один маленький мемориальный камень, и на этом все. Однако последняя воля президента была продиктована лишь скромностью человека, уходящего в мир иной, поэтому многие из нас высказали мнение, что, несмотря на его слова, мы должны как следует о нем позаботиться. Конечно, позже, по прошествии лет могло оказаться, что целесообразнее было следовать воле президента в буквальном смысле. Однако, что делать здесь и сейчас с желанием пяти– или шестимиллионной толпы почтить память покойного?

«Очень маленькое надгробие» должно было стать мемориальным пространством, где люди смогли бы выразить соболезнования и почтить память президента. Поэтому мы организовали захоронение, где предали земле его прах, и вместо могильного холма установили плоский камень, похожий на каменные плиты дольменов. И вместо того чтобы воздвигнуть отдельную надгробную плиту, мы решили, что ее роль будет играть каменная глыба с высеченной на ней эпитафией.

Эта идея принадлежала бывшему главе администрации культурного наследия Республики Корея Ю Хончжуну. Поэт Хван Чиу сказал, что не может быть лучшей эпитафии, чем выгравированные на мостовых камнях отрывки из памятных речей граждан. Итак, мы пришли к выводу, что на каменной глыбе будет высечено только «Президент Но Мухён», без

эпитафии.

10 июля 2009 года в Понха состоялась церемония захоронения праха президента, которая прошла с соблюдением всех канонов. На ней присутствовали десятки тысяч скорбящих. Вплоть до дня накануне в Понха шел проливной дождь. Но рано утром в день церемонии он вдруг прекратился, будто знал, когда все случится. И прах президента Но Мухёна, который хранился в павильоне Чистой Земли, был захоронен в белой фарфоровой урне, помещенной в каменную шкатулку с изображением цветов лотоса.

В каменную шкатулку были помещены еще два важных предмета. Первый – мемориальная видеозапись толпы, скорбящей после кончины Но Мухёна. Второй – DVD-диск с записью пятисерийного документального фильма «Материалы пяти лет „Правительства участия“».

В эту же шкатулку были помещены еще два важных предмета. Первый – мемориальная видеозапись толпы, скорбящей после кончины Но Мухёна. Второй – DVD-диск с записью пятисерийного документального фильма «Материалы пяти лет “Правительства участия”». Мемориальная видеозапись отражала скорбь народа и слезы разлуки. Мы вложили ее, чтобы президент увидел, что граждане не покинули его.

Документальный фильм запечатлел пять лет президентского срока Но Мухёна, в течение которого он делал все, что было в его силах. Он покинул Голубой дом под осуждающие возгласы, которые клеймили его провальным президентом, а «Правительство участия» – провальным правительством. Он слышал критику даже со стороны лагеря прогрессистов, будто он был виновником краха прогресса. Но мы верили, что история расставит все на свои места и даст нам справедливую оценку. И именно материалы этих пяти лет были основанием для такой оценки. Президент ушел, взяв на себя ответственность за все. Он отверг человеческий суд и выбрал суд истории. Но и для суда истории запись этих пяти лет очень важна. Президент всегда подчеркивал это. С такими мыслями мы положили рядом с ним эти предметы.

Последний обряд разлуки был недолгим. Похороны президента закончились установлением над местом захоронения праха подготовленной каменной глыбы. До того момента могила еще не была обустроена, поэтому пространство выглядело пустынным и убогим. У меня защемило сердце. Все, что осталось, – это благоустроить могилу и облагородить прилегающую территорию.

Мемориальные мостовые плиты, на которых высечены чувства народа

В течение примерно десяти месяцев до первой годовщины со дня проведения церемонии захоронения праха все силы были направлены на обустройство мемориала. Пространство около могилы было вымощено плитами, на каждой из которых были высечены памятные слова в общей сложности 18 тысяч граждан. Идея и проект ее воплощения принадлежали архитектору Сын Хёсану. Макет расположения плит был разработан художником Лим Оксаном.

Когда начался прием заявок на нанесение слов на мостовые плиты, то желающие набрались в одно мгновение и прием был окончен очень быстро. Позже стали активно распространяться жалобы от тех, кто не успел подать заявку, поэтому пришлось даже изменить изначальный проект и увеличить количество плит. Строки из фраз, каждая из которых выгравирована на отдельной плите и принадлежит конкретному гражданину, выстраиваются в стройную картину, которая создает сильное впечатление. Как сказал поэт Хван Чиу, разве мог бы хоть один поэт придумать лучшую эпитафию? Даже сейчас можно увидеть людей, которые посещают мемориал со своими семьями, отыскивают плиту, на которой высечены их собственные слова, и внимательно рассматривают высеченные фразы других людей. Я думаю, что в этом и заключается смысл создания мемориала с непосредственным участием граждан.

Мы с супругой тоже зарезервировали одну плитку. Мы поместили на нее только одну строчку: «Покойтесь с миром». Кроме этих слов, мне нечего было ему сказать.

Мы с супругой тоже зарезервировали одну плитку. Мы поместили на нее только одну строчку: «Покойтесь с миром». Кроме этих слов, мне нечего было ему сказать. Боль истерзанных людских сердец после кончины президента уже получила выражение в словах других людей, и я подумал, что мне больше нечего добавить. Я просто сожалел, что жизнь этого человека, начиная от вступления в должность президента и до последнего

вздоха, была наполнена страданием. И тогда, и сейчас у меня нет другого желания, кроме покоя президента.

Когда церемония захоронения праха закончилась, я был в высшей степени смущен тем, что на огромном пустыре не было ничего, кроме плоской каменной глыбы и небольшого ограждения*. Вид был очень убогий, и я чувствовал за это свою вину. Я успокоился, только когда мемориал принял законченный вид к первой годовщине со дня похорон. Наконец у меня с души упал камень, так как мостовые плиты были уложены и мемориал был достроен.

Но, несмотря на это, пока еще это место не дарит чувство покоя и умиротворения, а скорее вызывает ощущение холода и засухи. Скорее всего, так происходит из-за незавершенности окружающего ландшафта. Атмосфера и впечатление станут более приятными, если окрестные земли будут засажены деревьями и там будут разбиты парки. Это и есть задача, которая нам осталась.

Комментарий

* Ограждение. 곡장. Небольшая изгородь, которая окружает места захоронения, такие как усыпальница, гробница или могила

Место, которое он покинул

Когда все похоронные ритуалы были завершены, для увековечивания памяти президента в Понха был образован фонд «Прекрасный Понха», а на общенациональном уровне – фонд Но Мухёна. Я был назначен инспектором фонда «Прекрасный Понха» и постоянным членом правления фонда Но Мухёна. Вплоть до тех пор, пока эта должность не стала моей, мне казалось, что закономерным образом эту работу должен выполнять я.

Для выполнения должностных обязанностей требовалось примерно два дня в неделю. Конечно, мне было неловко перед юристами в адвокатской конторе, но все вошли в мое положение. Раз в неделю ездить в Сеул, живя в Пусане, невыносимо трудно, но результат не заставил себя ждать, так как проекты по увековечиванию памяти президента один за другим претворялись в жизнь.

После окончания мероприятий в честь первой годовщины в стране были проведены выборы в органы местного самоуправления, на которых кандидаты, которые продолжили следовать ценностям Но Мухёна, показали хорошие результаты. Среди них особо впечатляющим был стремительный рывок вперед трех человек: Ким Дугвана, Ан Хичжона и Ли Кванчжэ. Восстановление чести и достоинства Ан Хичжона было очень радостным событием в первую очередь с человеческой точки зрения, так как так как из политики к тому моменту я ушел. Думаю, Но Мухён, который к тому моменту уже находился на небесах, тоже был бы рад.

Теперь многие рассуждают о ценностях и духе Но Мухёна. И я благодарен за это. Однако независимо от того, какое значение придается смерти Но Мухёна, разве это может сравниться с тем, если бы он был жив?

На мероприятии в честь первой годовщины со дня похорон певец Мён Кенам неожиданно зарыдал и воскликнул: «Уж лучше бы Вы просто остались живы!» Именно так. Меня посещают такие же мысли. Тогда президент Но Мухён не смог выдержать не свой провал, а тот удар, который был нанесен всему лагерю прогрессистов и реформаторов. Он также очень переживал из-за страданий, которые пришлось испытать людям по его вине.

Тем не менее если бы можно было посмотреть на проблему в более долгой перспективе, то я уверен, что в итоге истина стала бы явной. И все достоверные факты были бы подтверждены в том числе юридически. Иногда я думаю, что он должен был собраться с силами и выдержать этот натиск. Если бы он справился и был

теперь рядом с нами, то мы бы могли столько еще успеть сделать.

Иногда он приходит ко мне во снах. Однажды это случилось, когда я сильно переживал и много думал о разных вопросах, касавшихся оформления могилы: о мостовых плитах и тому подобном. Мне приснился склад материалов, которые использовались в оформлении мемориала. Мы вместе с президентом Но Мухёном пошли на склад и посмотрели, как идет подготовка, – и остались очень довольны. Хотя это был лишь сон, я истолковал его в пользу для себя: «Оказывается, президент одобряет то, как мы собираемся все сделать». Поэтому в душе я немного успокоился.

Что значит Но Мухён в моей жизни? Я не знаю. Как бы там ни было, он во многом определил мою биографию. Если бы я с ним не повстречался, моя жизнь была бы совершенно иной. В этом и заключается судьба. Однако если вы меня спросите, обязательно ли все случилось к лучшему, наверное, я не смогу легко дать ответ.

Иногда во сне я возвращаюсь во времена работы в Голубом доме. Мне снится, что мы с президентом едем куда-то из-за возникших проблем в ходе кадровой инспекции. Накануне дня вынесения Верховным судом приговора в отношении Ли Кванчжэ я тоже видел сон. И он был очень приятным. Мы встретились с Но Мухёном и читали чей-то перевод ханмунного текста на корейский язык. Перевод одного из отрывков был полной ерундой. Заметив это, президент неоднозначно пошутил, и все вокруг громко рассмеялись и развеселились. Сон был настолько

радостным, что даже после пробуждения со мной осталось приятное чувство. Я подумал: «Что такого хорошего сегодня произойдет?» – а потом осознал, что настал день вынесения Верховным судом приговора Ли Кванчжэ. Я ожидал положительных результатов, но все вышло иначе. Хотя это всего лишь сны, мне нравится снова встречаться с президентом, пусть и в таком формате.

Иногда, когда выпью, я предаюсь воспоминаниям о былых временах. И в такие моменты я спрашиваю сам себя: «Что значит Но Мухён в моей жизни?» Я не знаю. Как бы там ни было, он во многом определил мою биографию. Если бы я с ним не повстречался, моя жизнь была бы совершенно иной. В этом и заключается судьба. Однако если вы меня спросите, обязательно ли все случилось к лучшему, наверное, я не смогу легко дать ответ. Потому что было и очень много трудных и болезненных моментов.

Но что поделать? Хотя долгий совместный путь после встречи с Но Мухёном, а затем и разлука с ним не входили в мои планы, но это было неизбежно. То же самое относится и к настоящим событиям.

Если он оставил нам задание, неужели есть человек, которого это не касается? Не говоря уж обо мне. Нужно прожить остаток жизни, охотно принимая на себя ответственность. Именно по этой причине я в качестве председателя фонда уделял так много внимания работе по увековечиванию памяти Но Мухёна. Конечно, это дело не будет завершено в рамках нашего поколения, но тем не менее, я хочу создать крепкий фундамент, который даст возможность для дальнейшего развития. Я думаю, что нельзя избежать возвращения к размышлениям о пятилетней истории «Правительства участия» и к оценке его роли.

Возвращение к работе адвокатом

Всю жизнь я проработал адвокатом. И это хорошая профессия, если вас не слишком беспокоит финансовая сторона вопроса. Причина проста: вы можете помочь людям, которые попали в трудное положение. Хорошо, если вы решите направить часть своих способностей на общее благо и общую пользу. Такая жизненная позиция приносит удовлетворение прежде всего вам самим, заставляет вас гордиться собой.

Именно исходя из таких убеждений я решил стать адвокатом. К счастью, в своей адвокатской деятельности я преуспел. Я смог снискать хорошую репутацию в качестве адвоката по правам человека, зарабатывая при этом деньги. Мне очень повезло, потому что, с одной стороны, работу конторы удавалось поддерживать, не прибегая к ненавистным практикам вроде платы за посредничество, устройства банкетов для судей и прокуроров за наш счет и выплаты отступных, а с другой стороны, я был на хорошем счету в судебных кругах.

Я жил, считая адвокатскую деятельность своим призванием. За время работы я даже получил опыт работы так называемым специальным прокурором – адвокатом, который отвечает за поддержку обвинительного приговора. И это было даже раньше, чем во время специального расследования «Дела об изнасиловании в полицейском участке в Пучхоне». Это был инцидент применения пыток сотрудником Пусанской таможни, который произошел в комнате дознания. Хотя дело касалось взыскания наказания за ненавистное мне применение пыток, требовать сурового наказания в суде мне было тоже очень нелегко. Положение дел, при котором человек, проработавший на посту государственного служащего более двадцати лет, не только получит наказание, но и при увольнении будет лишен пенсии за выслугу лет, заставляло меня чувствовать себя крайне неловко. И как раз в разгар работы над делом в качестве специального прокурора мне постоянно бросались в глаза «основания для оправдания». И тогда я подумал, что по складу характера я все же адвокат.

За время работы адвокатом я участвовал в бесчисленном количестве дел. И вероятно даже, что нет других адвокатов, которые бы вели столько же трудовых споров и политических дел, сколько и я. И это не потому, что я особенный, а из-за того, что я оказался в таком месте и в такое время. Во время «великого всплеска рабочего движения» я поначалу вместе с Но Мухёном, а затем и один не мог не браться за многочисленные трудовые

споры, возникавшие в Ульсане и Чханвоне – центрах рабочего движения. Если говорить о политических делах, то в основном они возникали в Сеуле, но в столице очень много адвокатов по правам человека, поэтому и дела можно было распределить. Однако в Пусане это было невозможно, поэтому вышло так, что я вел в разы больше таких дел, чем сеульские коллеги.

Строго говоря, термин «адвокат по правам человека» не является подходящим выражением, так как основная миссия всех адвокатов – защищать права человека. Это же прописано и в Законе об адвокатуре. Однако это было непростой задачей в суровых реалиях диктатуры. Неизбежно горстка адвокатов вынуждена была взяться и за эту работу, поэтому их стали называть адвокатами по правам человека.

Мир, в котором такой термин не нужен, – самый желанный. Но каким бы ни был термин, проведение защиты в трудовых спорах и политических делах было для меня поистине благодарным делом, потому что в те моменты, когда угнетенным людям была жизненно необходима поддержка адвокатов, я мог взять на себя эту роль. Кроме того, в тот период деятельность адвокатов по правам человека сама по себе являлась движением сопротивления диктатуре, своего рода движением за демократизацию, которое могли осуществить адвокаты. И я бы хотел сказать своим младшим коллегам, что адвокат – это именно тот, кто работает с таким настроем.

Одновременно с тем, как меня начали называть адвокатом по правам человека, мне естественным образом стали доверять большинство соответствующих дел. И это были не только дела о коллективных увольнениях, но и споры о нарушении «права на солнечный свет» большинства жителей, споры между жителями многоквартирных домов и случаи коллективного ущерба. Так как это были инциденты, которые ставили в трудное положение одновременно множество простых людей, чувства радости и морального вознаграждения, которые я испытывал, когда в тяжелой борьбе дело завершалось успешно, были ни с чем не сравнимы. Быть юристом – это чувствовать, что ты приносишь пользу.

То, что я оставил адвокатскую жизнь и пошел в Голубой дом, действительно было отклонением от системы координат моей жизни. И мне все время было некомфортно. Казалось, эта работа мне не подходит, будто я носил неподходящую одежду. Я жил с мыслью: «Я должен поскорее вернуться на свое место, вернуться к адвокатской деятельности». Тем не менее, покинув Голубой дом в середине срока, я не смог вновь приступить к работе адвокатом. Никто не запрещал мне этого делать. К тому же в то время

адвокаты имели большое преимущество: они могли сразу устроиться в юридическую фирму.

Однако я полагал, что в период работы «Правительства участия» мне не стоит работать адвокатом. Это не значит, что все должны так поступать. Я считал, что из-за своей должности в Голубом доме лично я не должен заниматься адвокатской деятельностью или какой-либо другой работой, приносящей доход. Вот почему я поехал в Непал. За время работы «Правительства участия» я взялся только за одно дело – дело об импичменте президента Но Мухёна.

Когда срок «Правительства участия» закончился, я воскликнул: «Наконец-то свобода!» Я мог вернуться к адвокатской деятельности. Тем не менее я посчитал, что не стоит сразу же открывать свою адвокатскую контору. Это не было связано с особым почетом после отставки, который получают те, кто снял с себя после долгой службы мантию судьи или прокурора, но я полагал, что все равно могут возникнуть нежелательные последствия.

Даже после завершения работы «Правительства участия» я вернулся к адвокатской деятельности только через семь или восемь месяцев перерыва. Я пошел в ту же юридическую фирму, где работал изначально. Когда я вернулся к работе, то понял, что обеспокоенность традицией оказания особого почета за былые заслуги была лишь моей забавной выдумкой. Опыт работы на высокой должности в «Правительстве участия» никак не помогал мне в адвокатском деле, по крайней мере, при администрации Ли Мёнбака. Никакого особого почета не было, скорее, наоборот, казалось, отношение ко мне после отставки стало пренебрежительным.

Во всяком случае, теперь я вернулся на свое место. Конечно, все уже не так, как раньше. Прошли годы, это был довольно долгий перерыв. Не знаю, может быть, в адвокатских кругах я считаюсь уже человеком старой закалки. Раньше были люди, которые тянулись ко мне и считали меня хорошим собеседником и советчиком. Теперь же я чувствую, что это не так. И все равно у меня спокойно на душе. Отличием от прежних времен стало то, что одновременно с адвокатской деятельностью я занимаюсь фондом Но Мухёна. Я считаю, что мне очень повезло, что я работаю адвокатом, так как могу параллельно заниматься фондом.

Оглядываясь на пройденный путь

Кончина президента Но Мухёна и серьезный политический регресс правительства Ли Мёнбака дают гражданам новые темы для обсуждений и размышлений. Многие беспокоятся о будущем страны. У меня тоже есть серьезные опасения и предчувствие надвигающегося кризиса. Мы ведем различные серьезные дискуссии о том, куда же мы должны двигаться. Я думаю, это необходимо. Но мне горько от этого.

Но Мухён делал все возможное в период всего своего президентского срока. Можно допустить, что ему недоставало навыков или его суждения были слишком поспешными, но он всегда был самоотверженным и бескорыстным.

То же самое можно сказать и про меня лично. В самом начале у меня не было никакого опыта в области политики, я даже не знал, чем занимается Управление по гражданским делам. Но я пытался справляться с имеющейся ситуацией, работая усердно и бескорыстно. Такой позиции придерживались все, кто принадлежал к «Правительству участия».

Однако и мы, и президент Но Мухён покинули Голубой дом под возгласы осуждения в адрес «провального президента» и «провального правительства». Меня критиковали прогрессисты, будто я виновен в распаде всего их лагеря. Однажды в момент раскаяния я даже подумал: «Для чего же, в самом деле, мы так старались? Все напрасно».

В чем же была проблема? Чего же нам не хватало? Необходимо спокойно провести самоанализ и разобрать сыгранную партию*. И в результате мы должны вынести новые уроки. Мы должны извлечь уроки успеха и поражений с холодным сердцем, не поддаваясь эмоциям и внешнему влиянию. В противном случае десять лет демократического правления, включая пять лет работы «Правительства участия», действительно будут обесценены и станут «потерянными десятью годами». Такого не может быть.

Поэтому я настаиваю на разборе сыгранной партии пятилетнего срока работы «Правительства участия». Что касается разбора, то эта задача относится не только к тем, кто занимался государственным управлением. Я считаю, что мы должны делать это все вместе: вся оппозиция, лагерь гражданского общества, лагерь рабочего движения и даже лагерь прогрессистов и реформистов. И посредством выполнения этой работы мы должны достичь больших успехов и превозмочь неудачи президента Но Мухёна и «Правительства участия». Как ни печально, но, кажется,

наше общество не замечает этой задачи.

В конце срока работы «Правительства участия» наблюдалась тенденция к осуждению чего угодно как произошедшего «по вине “Правительства участия”» или «по вине Но Мухёна». В этом не могло быть никакого конструктивного анализа. После гибели Но Мухёна настроения немного изменились, и теперь, похоже, все полагают, будто бы нет необходимости в самоанализе.

Теперь мы рассуждаем о новых надеждах. Говорим о методах централизации власти. Но мною овладевает беспокойство. Перед тем как рассуждать о власти сейчас, я думаю о том, насколько же изменился лагерь прогрессистов и реформистов, и мне становится страшно. Насколько же развились способности и навыки государственного управления лагеря прогрессистов и реформистов, по сравнению с 2003 годом, когда к власти пришло «Правительство участия»? Насколько же повысился уровень мудрости наряду со способностями всего лагеря?

Мы должны извлечь уроки успеха и поражений с холодным сердцем, не поддаваясь эмоциям и внешнему влиянию. В противном случае десять лет демократического правления, включая пять лет работы «Правительства участия», действительно будут обесценены и станут «потерянными десятью годами». Такого не может быть.

Я считаю, что даже победа Но Мухёна на президентских выборах в 2002 году не была обусловлена навыками или способностями нашего лагеря. Хотя, конечно, усилия всех имели большое значение, серьезным фактором была поддержка со стороны общественности, которую получал лично Но Мухён. Важную роль сыграли фактор случайности и драматический процесс, которые, казалось, были уготованы самой судьбой. Когда говорят, что победа Но Мухёна стала возможной благодаря силе лагеря прогрессистов и реформистов, я думаю, что это лишь наполовину соответствует действительности.

Если мы собираемся поговорить о надеждах президентских выборов 2012 года, то нам необходимо взглянуть на наше нынешнее положение. Мы должны начать с тщательного пересмотра наших возможностей и ограничений в парадигме успехов и поражений за пять лет «Правительства участия», и даже за десять лет демократического правительства.

Конечно, при проведении анализа и критической оценки в авангарде должны стоять мы – те, кто непосредственно занимался государственным управлением. Мы должны со всей строгостью пересмотреть период нахождения у власти и глубоко поразмыслить о том, сделали ли мы все возможное. Поэтому, когда граждане наделяют правительство властью, оно должно иметь тщательно проработанный план всестороннего государственного управления. Оно должно собрать самых выдающихся людей, не только с точки зрения моральных качеств, но и с точки зрения их способностей. Если меня спрашивают, была ли президентская администрация при «Правительстве участия» в самом деле такой, я со смирением оглядываюсь назад. Тогда у нас, и у меня в первую очередь, не было опыта. У всех нас были стремления и замыслы, достойные похвалы, но если задуматься о том, были ли мы лучшими помощниками с точки зрения способностей, то в таких случаях мы всегда испытывали лишь неловкость перед президентом. Проблему представляли наша недостаточная компетенция, и неопытность, и несовпадение идеалов с действительностью, и многое другое. Невозможно это отрицать или делать вид, что все в порядке.

В таком случае возможно ли только силами политической власти достичь уровня «государства всеобщего благосостояния» и масштабных реформ, которых требует лагерь прогрессистов и реформистов? Я думаю, это нелегко в текущей политической матрице нашего общества. Я думаю, что именно это доказало «Правительство участия», именно это и есть тот урок, который оно нам преподало.

Президент Но Мухён и «Правительство участия», казалось,

были «изолированными островками» в мощных потоках консервативных сил, управляемых общественным мнением и традиционными устоями, которые составляют основу нашего общества. Реформы столкнулись с повсеместным сопротивлением консервативных сил и их законными правами, а в итоге и разбились о них. Несмотря на то что мы проводили политику всеобщего благосостояния в условиях верховенства консервативной идеологии, гласящей: «Меньше госрегулирования – добро, больше – зло», – мы натолкнулись на непреодолимую стену. И даже лагерь прогрессистов и реформаторов, которому не удалось объединиться и выйти за рамки меньшинства, не смог собрать все свои силы в этих обстоятельствах и раскололся в процессе борьбы за гегемонию.

«Правительство участия» было атаковано с двух сторон: и правыми, и левыми. Обычно, если вас критикуют консерваторы, то вы должны получить одобрение со стороны прогрессистов, но прогрессисты тоже отвернулись от нас и осыпали нас упреками. А сейчас исчезли ли или хотя бы уменьшились ли эти стены и это сопротивление? Кажется, такая иллюзия может возникнуть, так как правительство Ли Мёнбака плохо справляется и не пользуется поддержкой. Однако закономерно, что в момент прихода новой власти это сопротивление заиграет новыми красками и усилится. Я хочу подчеркнуть, что если прогрессисты и реформаторы провалятся в деле консолидации своих сил, то любое демократическое реформаторское правительство неизбежно пойдет по тому же пути, каким бы ни было его начало.

В качестве одного из примеров можно привести вопрос отмены Закона о национальной безопасности, который так и остался неразрешенным во время работы «Правительства участия». Хотя за его решение ратовали и президент, и правящая партия, и гражданское общество, но их ждала неудача. Невзирая на критику консерваторов, президент горячо настаивал на том, что Закон о национальной безопасности должен быть отправлен в музей.

Партия «Ёллин Уридан» ставила отмену Закона о национальной безопасности на первое место среди четырех законопроектов о реформах. Гражданское общество также приложило все возможные усилия, включая формирование организации «Солидарность граждан за отмену Закона о национальной безопасности», сбор подписей и проведение сидячей забастовки. К тому же партия «Ёллин Уридан» имела большинство в парламенте, и даже после потери нескольких мест она смогла удержать большинство, объединившись с Демократической партией. И несмотря на все это, закон не был

отменен. В чем же была проблема?

В важный период законодательного закрепления реформ произошла серьезная ошибка в соглашении о составе Национального собрания, которое фактически сделало председателя Комитета по судебному делу и законодательству орудием оппозиционной партии. Совесть не позволила нам поставить вопрос о полномочиях в повестку дня и стала фактором, который застопорил законодательное закрепление реформ. Поскольку из-за этих обстоятельств было трудно полностью отменить закон, нам оставалось только искать решение в разработке проекта по его пересмотру, в первую очередь это касалось статей, которые использовались в целях злоупотребления полномочиями. Однако фундаментализм нашего лагеря не позволил пойти на такой компромисс.

К тому же, даже если бы первоначально прогрессисты и реформаторы объединили свои силы, у них бы все равно не было возможности отменить Закон о национальной безопасности. Такова наша суровая реальность. Хотя партия «Ёллин Уридан» и была партией большинства, немало ее членов выступали против отмены закона, а некоторые были индифферентны. И я считаю, что мы должны принять за отправную точку наше положение в этой настоящей объективной реальности.

Не говоря уже о том, что если лагерь не объединит все свои силы, то, сколько бы усилий правительство ни прикладывало, оно неизбежно достигнет предела в проведении реформ, опираясь исключительно на свои силы.

Реформа прокуратуры становится неразрешимой проблемой нашей эпохи. Прокурорские полномочия, которые непомерно разрослись, стали слишком политизированными и неподвластными контролю, действительно представляют собой серьезный вопрос.

Кажется, приходит понимание того, что передача полиции права расследования обычных инцидентов, как это и делается во всех остальных странах, является фундаментальной мерой реформ, которую и пыталось продвинуть «Правительство участия», но потерпело неудачу. Конечно, остаются вопросы относительно того, был ли метод продвижения реформы со стороны «Правительства участия» оптимальным.

Лично я сожалею, что в рамках проведения судебной реформы нам не удалось разрешить вопрос о регулировании прав прокуратуры и полиции на проведение расследования*. Однако, когда «Правительство участия» выдвинуло данный проект на рассмотрение, гражданские организации, включая «Юристов за демократическое общество» и «Народную солидарность

представительной демократии», не проявили к нему особого интереса. Возможно, причиной послужило закоренелое недоверие к полиции. В условиях безразличия гражданского общества только правительство продолжало прилагать усилия для осуществления реформы, но не преуспело в этом.

То же самое относится и к Управлению по расследованию инцидентов злоупотребления должностными полномочиями высокопоставленными чиновниками. Его создание могло стать планом сдерживания прокуратуры, но, разбившись о стену сопротивления Национального собрания, проект не был закреплен законодательно. Что же касается гражданского общества, то только часть гражданских организаций поддержала проект, но большинство не проявило никакого интереса, в связи с чем они не могли помочь с законодательным закреплением.

«Правительство участия» в максимальной степени обеспечило политический нейтралитет и независимость прокуратуры. Хотя изначально сами представители прокуратуры не имели подобной цели, президент Но Мухён и «Правительство участия», руководствуясь собственными стремлениями и сдержанностью, осуществили этот процесс. И, конечно, это не было той реформой, которой требовало гражданское общество. Однако с приходом к власти правительства Ли Мёнбака ситуация вернулась к тому состоянию, в котором она была до «Правительства участия».

Наше общество не смогло защитить и сохранить политический нейтралитет и независимость прокуратуры, которые обеспечило «Правительство участия». Тем не менее в лагере прогрессистов и реформаторов говорят, что «Правительство участия» потерпело неудачу в реформе прокуратуры. Во времена «Правительства участия» реформа прокуратуры должна была проводиться еще более обширно и еще более фундаментально – действительно, это не удалось. Однако будет ли оценка адекватной, если это будет вменено в вину только лишь «Правительству участия»?

Вероятно, первой причиной, по которой прогрессисты отвернулись от «Правительства участия», была отправка войск в Ирак. Я думаю, возражения представителей гражданского общества против отправки войск в Ирак были естественным следствием. Однако со стороны правительства не оставалось иных вариантов, кроме как принять предложение об отправке войск хотя бы в минимальном количестве, чтобы урегулировать северокорейский ядерный кризис мирным, дипломатическим путем.

Де-факто отправка войск оказала значительную помощь в дипломатическом решении ядерной проблемы КНДР посредством

шестисторонних переговоров. Если бы Совместное заявление по итогам четвертого раунда шестисторонних переговоров от 19 сентября 2005 года было полностью исполнено, то удалось бы достичь полного отказа КНДР от ядерного оружия, денуклеаризации Северной Кореи, нормализации отношений по линиям КНДР – США и КНДР – Япония, а также заключить мирный договор между Югом и Севером, что позволило бы ликвидировать сразу все факторы, угрожающие миру на Корейском полуострове. Эти национальные интересы были несравнимо выше тех, которыми мы поступились, отправляя войска в Ирак.

Несмотря на это, гражданское общество, которое, по сути своей, является защитником базовых принципов, в итоге может возражать против решения правительства об отправке войск. Гражданские организации также могут быть разочарованы правительством, которое приняло решение об отправке войск. Но был ли этот вопрос действительно поводом для того, чтобы перешагнуть грань возражения и разочарования и полностью отвернуться от «Правительства участия»?

Кроме того, отреагировав на возражения гражданского общества, правительство значительно сократило численность войск, которые представляли собой небоевые части для помощи в мирном послевоенном восстановлении и были отправлены в безопасные районы.

Я полагаю, что если прогрессивный лагерь не хочет вечно оставаться меньшинством, то он должен занять более ответственную позицию по отношению к стране в целом, к государственному управлению и, более того, к вопросам международных отношений и безопасности.

В качестве еще одной причины, по которой прогрессисты отреклись от «Правительства участия», назывался неолиберализм правительства. Я не намерен отрицать тот факт, что «Правительство участия» шло в ногу с общемировой тенденцией неолиберализма. Однако то, что президент Но Мухён и «Правительство участия» стремились к неолиберализму, не является правдой.

Я не знаю, что было бы, если бы мы противились тенденции неолиберализма. Тем не менее «Правительство участия» все же не следовало безропотно по пути приобретения всех отличительных признаков либерализма, в том числе рыночного абсолютизма, сокращения госрегулирования, снижения налогов, приватизации и гибкости занятости.

«Правительство участия» четко придерживалось принципов регулирования рынка, включая систему ограничения общей

суммы капиталовложения и разделения активов в золоте. Правительство выступало против сокращения госрегулирования и придерживалось тенденции увеличения налогового бремени на богатые слои населения посредством введения совокупного налога на недвижимое имущество. Также была полностью приостановлена приватизация, которая началась еще в период работы «Народного правительства». Гибкость занятости – это еще одно направление, которое «Правительство участия», конечно, не реализовывало, и даже наоборот, затормозило его посредством введения Закона о защите работников с непостоянной занятостью.

Прогрессисты утверждают, что южнокорейско-американское соглашение о свободной торговле также является продуктом неолиберализма, но я полагаю, что сложно говорить об уместности этого утверждения, поскольку даже правительства левого толка, которые отрицают неолиберализм, осуществляют открытие рынков. Если соглашение о свободной торговле является проявлением неолиберализма, как тогда можно объяснить китайско-индийское ССТ или же соглашение о свободной торговле Европейского Союза?

Повесить ярлык неолиберализма на «Правительство участия», что и сделали прогрессисты, – по сути, то же самое, что заклеймить «Правительство участия» «левым крылом, дружественным КНДР», что, в свою очередь, сделали представители оппозиции.

Я думаю, что во многом «Правительство участия» могло проявить себя намного лучше, но считаю, что сферу образования нельзя назвать характерным примером этой категории. Безусловно, в этом вопросе ответственность «Правительства участия» велика, и даже первична.

Образовательные реформы были инициированы посредством Президентского комитета по образовательным инновациям, но, к сожалению, комитет не смог получить поддержку граждан в проведении реформ. Кроме того, он не смог возглавить процесс скорейшего одобрения проекта реформ, который был подготовлен в ходе длительных обсуждений. Вдобавок ко всему в Голубом доме не было должности старшего секретаря по вопросам образования, поэтому взять на себя руководство реформой было некому.

Гораздо более важным фактором было то, что отношения с Корейской ассоциацией учителей и работников сферы образования, которая должна была стать главным партнером в образовательной реформе, не задались с самого начала из-за конфликта вокруг Национальной информационной образовательной системы (NEIS). Поэтому очень жаль, что первый

год, который мог бы дать самый мощный стимул реформе образования, был потрачен впустую из-за шумихи вокруг проблемы NEIS, а также что в отставку ушел прогрессивный министр.

Хотя, конечно, NEIS была важной проблемой, так как была вероятность нарушения права учащихся на информацию. Однако в тот момент накопилось много гораздо более важных и фундаментальных задач по проведению реформ. Более того, NEIS представляла собой систему, которая могла быть запущена в тестовом режиме, а затем доработана при возникновении проблем.

Каждый раз, встречаясь с учителями из ассоциации, я пытался задержать их и поговорить. Я говорил: «Вы знаете, сколько еще более важных задач по реформированию? Если во главу угла поставить NEIS и поднять из-за нее такой шум, министр потеряет возможность проводить другие реформы, так как бросит все силы на решение этой проблемы. И если таким образом министр будет смещен, то в дальнейшем будет сложно найти прогрессивного министра, и естественным образом выбор падет на более умеренных кандидатов. Поезд образовательной реформы уходит». И все были согласны с моими словами. Многие учителя были обеспокоены упрямством и привередливостью Исполнительного комитета. Однако на этом все заканчивалось. Вновь оказываясь в системе, учителя не могли преодолеть ее инерцию и логику.

Я не собираюсь критиковать президиум Ассоциации учителей и представителей сферы образования. Кажется, эти люди возлагали большие надежды на образовательную реформу «Правительства участия». В действительности во время президентских выборов 2002 года учителя, состоявшие в ассоциации, внесли большой вклад в победу Но Мухёна. Они с энтузиазмом ждали образовательной реформы «Правительства участия». Я хочу сказать, что очень жаль, что у них не получилось выработать стратегически более продуманный подход к осуществлению реформы, которую они сами так хотели.

У меня осталось много сожалений и по поводу процессов в сфере труда. Как только «Правительство участия» начало свою работу, одна за другой последовали крупные забастовки рабочих: забастовка работников железных дорог, забастовка Союза дальнобойщиков, забастовка работников банка «Чохын» и другие. Требования забастовок рабочих железных дорог и Союза дальнобойщиков, выдвигавшиеся в первую протестную волну, были в основном удовлетворены правительством под напором критики общественности. Но, несмотря на это, через некоторое

время возникла вторая протестная волна, которая свела на нет все результаты первой волны.

Кроме того, несмотря на возражения представителей бизнеса и промышленности, правительство продвигало законодательное закрепление 40-часовой рабочей недели и образование профсоюзов госслужащих, но в это время рабочие начали еще более ожесточенные протесты, вплоть до требования отставки властей, хотя в действительности реформы были выгодны им самим. Причина была в недоработанности предложений правительства.

Я понимаю, что, возможно, со стороны рабочих это было вызвано желанием ставить еще более высокие цели, еще активнее стремиться к новым высотам, добиваться еще более значимых результатов в благоприятный период нахождения у власти «Правительства участия». Однако фактом остается то, что нетерпеливость рабочих привела в итоге к ослаблению стремлений правительства. К тому же чрезмерно высокие требования представителей рабочего класса, напротив, даже стали препятствием для проведения реформ.

Реформы «Правительства участия» в сфере труда были результатом дискуссий «Трехсторонней комиссии»*. Однако Гражданская ассоциация профсоюзов не принимала участия в «Трехсторонней комиссии». Вероятно, для этого была веская причина и оправдание. Тем не менее по этой причине многие реформы не могли быть проведены.

Я очень сожалею и о том, как «Правительство участия» отреагировало на проблему поляризации и вопрос нерегулярных работников. Хотя Закон о защите работников с непостоянной занятостью и был создан, правительство не смогло заранее предотвратить уклонения от соблюдения закона в форме получения внешних трудовых услуг. Я считаю, что мерам в отношении поляризации и защиты временных работников должен был быть отдан максимальный приоритет. Но «Правительство участия» и представители рабочих не смогли обменяться мнениями и вместе обсудить необходимые меры даже по столь важным вопросам, что также ограничивало действия правительства.

Как раз об этом – недавно опубликованная книга профессора Сеульского университета Чо Гука «План прихода к власти прогрессистов». Я считаю, что книга очень хорошая. Она все раскладывает по полочкам для более легкого понимания, в каком направлении должно двигаться наше общество. В ней известный профессор Сеульского университета рассуждает о прогрессе и благосостоянии, в книге в доступной для простых граждан форме

объясняются понятия «прогресс» и «благосостояние». Однако, читая эту книгу, я не мог избавиться от переживаний иного характера.

Когда в будущем к власти снова придет демократическое реформаторское правительство, сколько задач по реформированию, представленных в этой книге, оно действительно сможет осуществить? Даже если предположить, что при наличии желания правительство может сделать абсолютно все, одно правительство за пятилетний срок даже при условии огромных усилий едва ли может осуществить даже небольшую часть от задуманного. Что же в таком случае будет? Разве не будут консерваторы критиковать правительство за реформы и благосостояние, а прогрессисты и реформаторы – за то, что реформы проведены неправильно, разве не повторит такое правительство, атакованное с флангов одновременно и правыми, и левыми, пути, пройденного «Правительством участия»?

Все, в том числе и автор «Плана прихода к власти прогрессистов», кажется, рассуждают только о том, что в будущем должно сделать прогрессивное реформаторское правительство, но мало кто дискутирует о том, каким образом осуществить эти задачи. Сейчас для нас гораздо важнее понимать, не что делать, а как это сделать.

Как в условиях консервативной политической среды преодолеть противодействие и сопротивление укоренившихся интересов, как заручиться поддержкой и согласием народа? Как правительство будет продвигать реформы, как лагерь гражданского общества возьмет на себя ведущую роль, одновременно поддерживая правительство? Как расставить приоритеты среди многих задач по реформированию, как определить временные рамки, в которых они должны быть выполнены?

Я считаю, что мы должны посредством обсуждения этих вопросов достичь консенсуса, который затем должен быть использован как основа солидарности. Только таким образом мы сможем избежать раскола даже после пребывания у власти.

Примерно в период начала работы «Правительства участия» Пак Сеиль, профессор Сеульского национального университета, опубликовал книгу под названием «Условия успеха президента». В этой книге описывалось, как необходимо реорганизовать администрацию президента, чтобы сделать ее эффективной, но при этом демократичной и менее авторитарной. Первоначально эта книга предназначалась для консервативной власти, но в итоге именно мы часто ссылались на нее. Я не считаю, что реорганизация администрации по примеру, описанному в этой

книге, была во всех случаях успешной. Хотя учреждение должности советника по кадровым назначениям являлось хорошей идеей, многое было неудачным.

В частности, ликвидация системы управлений в каждом ведомственном органе имела основной целью упразднение злоупотребления господствующим положением управлений Голубого дома над ведомственными органами. Не знаю, можно ли назвать это время стабильным, но сомнительно, чтобы такие преобразования были желательны в то время, когда требовались активные реформы под руководством Голубого дома. Я хочу подчеркнуть тот факт, что таким образом консерваторы в тот период были готовы к приходу к власти.

В период работы Переходного комитета «Правительства участия» я получил некоторые важные материалы от своего старшего университетского товарища, который затем занимал высокие посты при правительстве Ли Мёнбака. Если представить их в виде книг, то объем был настолько большим, что был эквивалентен нескольким томам. В случае если бы на выборах победил Ли Хвечхан, эти материалы представляли бы собой полную программу по государственному управлению со дня победы на выборах и до дня отставки.

Ежегодные, ежеквартальные и ежемесячные задачи по реформе правительства были организованы и разделены на недельные и ежедневные планы. Сроки важных задач реформирования были определены с учетом графика выборов, и в него даже был включен план продвижения по службе. Был даже конкретный план замены существующей церемонии вступления в должность избранного президента на встречу с местными жителями для совместного празднования и получения напутствий относительно государственного управления или же на еженедельное посещение провинций и организацию собраний со студентами вплоть до дня инаугурации.

Эти материалы были подготовлены на тот случай, если Ли Хвеч-хан победит на выборах, но так как этого не произошло, то они были переданы мне, чтобы хотя бы мы могли на них как-то ссылаться. Направление и масштабы реформы государственного управления сильно отличались от наших замыслов, поэтому материалы нельзя было использовать. Тем не менее они были полезны для понимания того, как управлять программой и расписанием президента. Неизвестно, смогли бы они в то время осуществить все задуманное согласно плану, если бы они пришли к власти, но было удивительно, что все было тщательно спланировано заранее, как будто бы их приход к власти был предопределен.

Честно говоря, «Правительство участия» вступило в свои полномочия, не имея подобных наработок. Президент очень много готовился самостоятельно, посвящая время учебе, но никакое учреждение: ни научный институт, ни какая-либо партия – не осуществляли подобную подготовку. Я думаю, это было нашим упущением, а в дальнейшем стало нашим ограничением.

Сейчас активно обсуждается тема слияния и солидарности в целях прихода к власти прогрессистов и реформаторов. Прошедшие дополнительные выборы 27 апреля продемонстрировали мощь объединения оппозиционных кандидатов, но в то же время показали существующие до нынешнего момента ограничения методов объединения. Я говорю о методах объединения, основанных на конкуренции между политическими партиями, так как в таком случае, даже если объединение произойдет и при этом будет явно болезненным, при малейшей ошибке эффект синергии сразу же пропадет.

Я считаю, что слияние – это хороший метод, конечно, при учете вышеуказанного замечания. Безусловно, в этом случае следует очень четко принимать во внимание значительную разницу в уровне власти между Демократической партией и другими политическими партиями. Другими словами, с точки зрения остальных политических партий, необходимо найти подходящее решение для устранения опасений по поводу того, что слияние будет основано на стремлении Демократической партии к поглощению и разрушению.

Такое слияние гораздо более желательно, даже если подумать о периоде после прихода к власти. Трудно предотвратить раскол после прихода к власти только путем объединения. Само по себе объединение станет возможным при наличии общей цели, состоящей в недопущении постоянного нахождения у власти партии «Ханнара», а также при достижении хотя бы минимального консенсуса относительно основных принципов и программы. Однако очень сложно продолжать оставаться опорой друг для друга после прихода к власти, основываясь только на этих факторах. Требуется более высокий уровень солидарности, чтобы даже после прихода к власти сообща продолжать совместную работу по проведению реформ.

Я считаю, что желательно, по крайней мере, проводить управление коалиционным правительством в рамках объединенной партии, пока тенденция к прогрессивному взгляду не распространится в общественно-политической парадигме нашей страны, а также пока не остановится борьба за гегемонию в лагере прогрессистов и реформистов.

Президент Но Мухён во время работы «Правительства

участия» хотел принять представленного Демократической рабочей партией кандидата на пост министра труда. Он сказал, что если принять кандидата от Демократической рабочей партии, то таким образом он личным примером поддержит представителей партии. Идея состояла в том, чтобы трудовая политика «Правительства участия» смогла получить стабильную поддержку со стороны рабочих, при этом Демократическая рабочая партия приобрела бы опыт государственного управления, а вместе с тем и большую ответственность.

Эта идея стала активно выдвигаться с того момента, когда на волне уверенности после импичмента, на 17-х всеобщих выборах, партия «Ёллин Уридан» получила большинство и Демократическая рабочая партия также сделала большой скачок вперед. Он говорил мне об этом несколько раз. Однако я даже не смог ничего сказать по этому поводу, так как полагал, что в то время в нашей политической культуре у Демократической рабочей партии не было никакой возможности принять это предложение. Прежде всего, это было неприемлемо для самих членов партии. Даже если бы руководство партии восприняло эту идею положительно, то наверняка этот шаг был бы раскритикован рядовыми участниками. В наш адрес также звучали упреки в политических уловках и сговоре.

В дальнейшем будет так же. Я считаю, что требуется с самого начала думать о необходимости образования объединенного коалиционного правительства с целью преодоления таких серьезных ограничений, которые есть сейчас.

Комментарии

* Сыгранная партия. 복기. Термин, который используется при игре в корейские шашки падук: партия, в которой игра начинается заново так, чтобы выиграть в той же раскладке, в которой один раз уже проиграл.

* Регулирование прав прокуратуры и полиции на проведение расследования. 검경수사권조정. План по рассредоточению чрезмерно сконцентрированной в прокуратуре власти путем ликвидации исключительно – го права прокурора возбуждать расследования в отношении полиции, а также отмены полномочий прокурора в отношении проведения полицейских расследований.

* «Трехсторонняя комиссия». 노사정위원회. Общественный совещательный орган, учрежденный работниками, работодателями и правительством в период экономического

кризиса 1998 года в целях обсуждения трудовой политики и связанных с ней вопросов. В настоящее время носит название «Комиссия по труду и управлению экономического и социального развития».

Это судьба

В итоге по воле судьбы я стал председателем фонда Но Мухёна. Причиной, по которой я занял эту должность, было то, что бывший премьер-министр Хан Мёнсук, которая была первым председателем, подала в отставку в связи с выдвижением своей кандидатуры на пост мэра Сеула. Я много раз говорил ей, что не только не следует покидать пост, но и баллотироваться, будучи председателем фонда, будет эффективней. Однако она не поддалась на уговоры и ушла в отставку, так как посчитала, что новый пост может стать обременительным для работы фонда. У меня не оставалось других вариантов, кроме как перенять должность, но все равно любая профессиональная ответственность, связанная с фондом Но Мухёна, представляется мне неизбежным промыслом судьбы.

Деятельность фонда направлена на то, чтобы выйти за рамки работы по увековечиванию памяти президента Но Мухёна и, унаследовав ценности и дух президента, развить их.

Возможно, это станет справедливым выбором потомков, проводивших его в последний путь. Память о нем еще долго будет жива, и не только по причине личной симпатии. Преемственность и развитие его духа и ценностей соответствуют духу времени нашего общества.

В итоге по воле судьбы я стал председателем фонда Но Мухёна. У меня не оставалось других вариантов, кроме как перенять должность, но все равно любая профессиональная ответственность, связанная с фондом Но Мухёна, представляется мне неизбежным промыслом судьбы.

Дух и ценности Но Мухёна заключены в выражении «Мир, в котором живут люди», которое он использовал на протяжении всей своей политической карьеры. «Мир, в котором живут люди» – это лозунг, с которым он выступал во время предвыборной кампании на 13-х всеобщих выборах в 1988 году. Затем он

использовал это выражение всегда и везде. Даже когда он ставил свою подпись, он писал «Мир, в котором живут люди». Это оставалось неизменным и когда он находился в должности президента, и после его отставки. Возможно, он считал, что даже во время его президентского срока наш мир был далек от «мира, в котором живут люди», поэтому он видел необходимость в использовании этого лозунга.

Какое-то время он подписывался словосочетанием «как воды реки». Возможно, так он выражал желание идти своей дорогой подобно водам реки, которые стремятся к морю, каким бы извилистым ни был их путь.

Если перефразировать выражение «Мир, в котором живут люди» на современный лад, то получится «мечта государства всеобщего благосостояния». Конечно, изначальный смысл намного шире. Эта фраза означает не только экономическое благосостояние, но и мир, в котором все одинаково достойны, независимо от богатства и происхождения. В этом разрезе, возможно, также можно использовать термин «государство всеобщего благосостояния». «Прогрессивная демократия», изучению которой президент Но Мухён посвятил последние годы своей жизни после выхода на пенсию, в итоге тоже является демократией, которая стремится к созданию государства всеобщего благосостояния. Это то, что осталось неизменным с момента его вступления в должность президента, когда он только начал знакомство с политикой, и до последних дней жизни уже после его отставки.

В этом смысле можно утверждать, что целью фонда Но Мухёна является создание государства всеобщего благосостояния. Цель фонда Но Мухёна – возделывание почвы, где прогрессивная демократия, стремящаяся к созданию государства всеобщего благосостояния, может быть принята людьми и превращена в универсальную ценность нашего общества.

Всякий раз, когда я думаю о «благосостоянии», мне приходит на ум одно воспоминание из детства. Сцена, которая никогда не забудется.

Лето первого учебного года средней школы. Однажды воскресным утром меня разбудила мама. Она собиралась на Пусанский вокзал и предложила мне поехать с ней. Я последовал за ней, не зная, в чем дело. Было так рано, что автобусы еще не ходили, и мы добирались до вокзала пешком в темноте. Для пешей прогулки с ребенком расстояние было очень большое. Примерно шесть-семь километров, а может, даже восемь. В пути я слушал, что говорила мама. Она сказала, что слышала от знакомых, будто воскресные билеты на скоростной поезд в Сеул

(в то время экспресс был лучшим поездом) очень редкие, и если их купить, а затем перепродать с доплатой пассажирам, которые не успели заполучить билет, то можно заработать немного денег.

Другими словами, речь шла о незаконной перепродаже билетов на поезд. Мы приехали на вокзал еще до того, как началась продажа билетов, поэтому нам пришлось ждать. Но даже когда билеты наконец начали продавать, мама некоторое время наблюдала, а затем предложила не покупать билеты и вернуться домой.

Мы возвращались снова пешком, и, так как время завтрака уже давно прошло, я был очень голоден. И только дойдя до лавки, которую рядом с нашим домом держал один из знакомых, мы перекусили, купив помидоры. Я не знаю, почему в тот день мама просто вернулась. На этом все закончилось. Больше мама никогда даже не пыталась заняться незаконной перепродажей билетов.

В нашей семье о случившемся знаем только мама и я. Я ни разу не вспоминал об этом даже при разговоре с ней. Я решил спросить только сейчас, когда писал книгу. Почему же она в тот вечер решила просто вернуться? «Это отличалось от того, что я слышала», – таков был ответ моей мамы. Больше я не спрашивал. Когда приходят слухи, что можно немного подзаработать, люди всегда бросаются на такое дело или же начинают пристально наблюдать, и тогда зачастую все оказывается не так, как ты первоначально услышал. Или, возможно, она просто не решилась на это с маленьким сыном.

И даже сейчас, когда я вижу нуждающихся людей, я думаю о том, что произошло с нами. Конечно, сейчас мы уже не бедствуем. И у родственников, которые уехали с нами в эвакуацию и пережили трудные времена, сейчас все в порядке благодаря тому, что родители проявляли рвение дать образование своим детям и подталкивали их к хорошей учебе.

Однако до сих пор очень много людей, которые находятся в таком же тяжелом положении, как мы когда-то. В то трудное для нас время мы получали много помощи извне. Были раздачи гуманитарной помощи в церкви и школьное питание. Я и мои братья даже получали стипендию. Были и стипендии от благотворителей, от Ассоциации жителей провинции Южная Хамгён и Ассоциации граждан региона Хыннам. Моя старшая сестра получила стипендию военного правления[22].

Если подумать, то это и было благосостоянием. В то время государство было бедным и не могло должным образом обеспечивать благосостояние, поэтому тем, кто находился в трудном положении, помогали и обычные граждане. В течение жизни каждый может столкнуться с нуждой. Мы попали в

эвакуацию, но кроме этого есть много причин, в том числе безработица, болезнь, несчастные случаи, уход за ребенком или преклонный возраст. И если государство оказывает поддержку в такие периоды, то вы можете противостоять нищете и даже избавиться от нее. И если государство выполняет эту задачу должным образом, это и есть государство всеобщего благосостояния.

Детские воспоминания о бедности за прожитые годы стали уроками жизни. Конечно, я не хотел бы снова стать бедным, но я и не хотел бы хорошо жить в гордом одиночестве. Я хотел бы жить, помогая нуждающимся людям, так как когда-то я сам получал поддержку в трудные времена. И, мне кажется, это никак не связано с тем, что я принимал участие в студенческом движении, а затем стал адвокатом по правам человека.

Моя жизнь была полна изгибов и перекатов. Оглядываясь назад, я думаю, что Божественное провидение или промысел судьбы привели меня к моему настоящему.

И в середине своего пути я повстречался с адвокатом Но Мухёном. Его детство было еще тяжелее моего, он даже не смог поступить в университет. Но он испытывал еще больше сочувствия к нуждающимся, чем я, его желание помочь им было еще сильнее моего.

Возможно, если бы я не повстречался с ним, то жил бы более спокойно, помогая людям в пределах разумного. Но его неуемная энергия всегда придавала мне импульс.

И даже его кончина. Она вернула меня на его путь. В предсмертной записке президента было сказано: «Это судьба». Про себя я подумал: «Для меня, действительно, это судьба».

Вы теперь свободны от оков судьбы – я же так и живу с тем домашним заданием, которое Вы мне оставили.

Об авторе

Мун Чжэин – 12-й президент Республики Корея. Родился в 1953 году в городе Кочже провинции Южная Кёнсан. Окончил юридический факультет университета Кёнхи. В годы обучения в университете был арестован как руководитель студенческой демонстрации против режима Юсин, а в 1980 году – за нарушение указа о введении чрезвычайного положения. В 1982 году окончил Юридический учебный центр при Верховном суде Республики Корея, но из-за участия в гражданском движении стать судьей Мун Чжэину не удалось, и он отправился в Пусан, чтобы стать адвокатом в области защиты прав человека. С 1980 по 1990 год Мун Чжэин защищал права фигурантов громких политических дел тех лет. Также он был председателем комитета по правам человека коллегии адвокатов Пусана, учредил организацию «Юристы Пусана и провинции Южная Кёнсан за демократическое общество», представлял общественную организацию «Солидарность ради помощи рабочим», выступал одним из основателей газеты «Хангёре».

Знакомство Мун Чжэина с бывшим президентом Но Мухёном состоялось, когда они вместе работали адвокатами в области защиты прав человека в Пусане. С тех пор у них сложились судьбоносные товарищеские отношения. Они вместе трудились над созданием «Правительства участия». В администрации президента Но Мухёна Мун Чжэин занимал должность старшего секретаря по гражданским делам, однако был вынужден уволиться из-за проблем со здоровьем. В 2004 году, когда Но Мухёну был объявлен импичмент, Мун Чжэин сразу же сформировал общую группу адвокатов для коллективной защиты президента. В 2005 году вновь вернулся на работу в администрацию президента, занимал должность старшего секретаря по гражданскому обществу, а затем должность главы администрации президента. После кончины Но Мухёна Мун Чжэин отвечал за все вопросы, связанные с похоронным процессом. Став постоянным членом правления фонда Но Мухёна, инспектором фонда «Прекрасный Понха», Мун Чжэин сосредоточил свое внимание на проведении проектов по увековечиванию памяти бывшего президента.

На 19-х всеобщих выборах Мун Чжэин баллотировался от Пусана (район Сасан) и был избран в Национальное собрание. Будучи единым кандидатом от оппозиции, Мун Чжэин баллотировался на 18-х президентских выборах. После этого он возглавлял оппозицию как представитель партии «Новый

политический союз за демократию» и «Демократической партии Тобуро».

На 19-х президентских выборах Мун Чжэин баллотировался на должность президента Республики Корея от «Демократической партии Тобуро» и в итоге 9 мая 2017 года одержал победу на выборах.

notes

Примечания

1

Пер. с кор. А. А. Гурьевой.

2

Скала Пуони (кор. – Совиная скала) является частью горы Понхвасан. – *Здесь и далее даются примеч. пер., если не указано иное.*

3

«Дело Ханним», 학림 （學林） – дословно: «лес ученых».

4

Голубой дом, 청와대 *(Чхонвадэ)* – президентская резиденция в Сеуле.

5

Старший брат, 형님 *(хённим)* – зачастую именно так в Южной Корее принято называть старших по возрасту друзей или коллег, с которыми у говорящего сложились близкие отношения.

6

Старший товарищ, 선배 *(сонбэ)* – соученик старших классов/курсов или коллега, который имеет более богатый профессиональный опыт и раньше начал работать в данной области.

7

NCC, 기독교교회협의회 (кидоккёкёхвэхёбихвэ) – объединение христианских церквей.

8

«Правительство участия», 참여정부 *(Чхамё Чонбу)* – в корейской политической традиции начиная с конца XX в. некоторые правительства получили особые названия, которые были связаны с их политическими установками и лозунгами.

9

Коктейль «бомбочка», 폭탄주 *(«пхоктханчжу»)* – по составу напоминает коктейль «ёрш».

10

Nulla poena sine lege (лат. – Нет наказания без закона) – правовой принцип, согласно которому никто не может быть наказан за проступок, не запрещенный законом.

11

Право на существование, 생존권 (сэнчжонгвон) – одно из основных естественных прав любого человека на достойное существование в обществе, позволяющее гражданину потребовать что-либо необходимое для достойной жизни. – *Примеч. ред.*

12

Своих покойных адепты буддизма поминают в течение 49 дней. Считается, что каждые семь дней душа умершего вновь переживает подобие смерти и ее необходимо поддержать нужными сутрами. В конце каждой семидневки близкие читают соответствующие молитвы, а завершающий обряд проводов души проводится ламой на 49-й день после кончины.

13

Традиционно на южном берегу реки Ханган проживали наиболее состоятельные и уважаемые люди. – *Примеч. ред.*

14

Имя автора по-корейски записывается в 3 слога 문재인 (Мун Чжэ Ин), первые два из которых созвучны корейскому слову «проблема» 문제 (мун чжэ). Соответственно, прозвище, данное автору, звучало как 문제아 (мун чжэа) и состояло из двух слов: 문제 (мунчжэ – проблема) и 아이 (аи – ребенок). – *Примеч. ред.*

15

Президентский переходный комитет, 인수위 – сокращение от 대통령직인수위원회. – *Примеч. ред.*

16

Young Men's Christian Association – Юношеская христианская организация, которая была преимущественно связана с волонтерской деятельностью в области спорта. – *Примеч. ред.*

17

«Палли-палли» (빨리 —빨리 – быстро-быстро, давай-давай, не тормози) – сочетание слов, характеризующих особенность корейского менталитета, в соответствии с которой корейцы склонны делать все как можно быстрее, чтобы успеть сделать как можно больше. – *Примеч. ред.*

18

KTX – Korea Train express, скоростная железнодорожная система государственной компании «Корейские железные дороги». – *Примеч. ред.*

19

Тток – блюдо корейской кухни: пирожок, сделанный из клейкого риса. – *Примеч. ред.*

20

Поколение 386 – поколение жителей Южной Кореи, родившихся в 1960-х годах, которые были крайне активны политически в подростковом возрасте и сыграли важную роль в демократическом движении 1980-х годов. Термин был придуман в начале 1990-х годов в связи с тем, что в то время новейшие компьютеры оснащались процессором Intel 386, и подразумевал людей, которые тогда находились в возрасте около 30 лет, при этом посещавших университет в 1980-е годы и родившихся в 1960-е годы. – *Примеч. ред.*

21

Павильон Чонтховон – пер. на рус.: павильон чистой Земли. – *Примеч. ред.*

22

Военное правление 16 мая – правление военных в Республике Корея, пришедших к власти в результате военного переворота 16 мая 1961 года. – *Примеч. ред.*